

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2016. № 404. Март**

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2016. № 404. March**

Томский государственный университет
2016

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук,
проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-
мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим.
наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р
ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.С. Янушкевич,
д-р филол. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index и индексируется на Web of Science.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 404 Март 2016

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Лиханов М.В. Экскурсионный дискурс: к модели описания 5
Павлович К.К. Диалог И.А. Гончарова
с В.Г. Бенедиктовым (образ моря во «Фрегате «Паллада»») 15

ИСТОРИЯ

- Андреева Т.Л., Керн К.Е. Тибетский фактор
в американо-китайских отношениях 22
Бабина М.С. Высшее образование как инструмент
политической власти в Третьем рейхе 27
Баранцева Н.А. Особенности эволюции семьи в Хакасии
в конце 1980-х – 2010-е гг. 32
Бойко В.П. Русское купечество в творчестве А.П. Чехова
как художественный вымысел и реальность 42
Глебов А.М. Бригантини российского флота 51
Гузельбаева И.А. Диалог творческой интелигенции
и власти в период перестройки (на материалах
Республики Татарстан) 57
Дворцова О.В. Формирование предпринимателя нового типа
в начале XX в. как социокультурный феномен
(на примере г. Томска) 61
Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина
в музейное дело Сибири 67
Елкин М.Е. Предпосылки формирования концепции
«комплексного обеспечения национальной безопасности»
Японии 77
Ермекбай Ж.А. Из истории изучения Казахского края
в Российской империи в XVII–XIX вв. 81
Иванов В.Н. Историки о происхождении якутского
героического эпоса 89
Кан В.С. Радиофициация Тувинской автономной области
во второй половине 1940-х гг. 96
Крупенкин Е.Н. Политические отношения
Российской империи и Хивинского ханства в 1867–1870 гг. 101
Лузянин С.Г., Фроленков В.С. «Возышение» ШОС:
успехи и препятствия 105
Луков Е.В. Нефтегазовый комплекс Сибири в контексте
взаимодействия регионов и федерального центра в 1990-е гг.
(на примере деятельности межрегиональной ассоциации
«Сибирское соглашение») 111
Никитин Д.С. Возникновение отделений ИНК
в Великобритании в 1885–1889 гг. 117
Погорельская А.М. Будапештский процесс:
оценка 20-летней деятельности 121
Сарычева Т.В. Качественная и количественная
характеристика кадрового состава сферы физической
культуры в Западной Сибири в 1930-е гг. 126
Сбродов А.А. О работе профессора В.М. Бейлиса
над Диваном Абу Исхака ал-Газзи (начало XII в.) 133
Сдельников В.А. Отображение современных отношений
«Запад – Россия» посредством медиафрейма
«учитель – ученик» 138

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 404 March 2016

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOLOGY

- LikhanoV M.V. Excursion discourse: on the model of description ... 5
Pavlovich K.K. Dialogue between I.A. Goncharov
and V.G. Benediktov (the image of the sea in *The Frigate Pallada*) ... 15

HISTORY

- Andreeva T.L., Kern K.E. The Tibetan factor
in the US-China relations 22
Babina M.S. Higher education as a tool of political power
in the Third Reich 27
Barantseva N.A. Features of the evolution of the family
in Khakassia in the late 1980s–2010s 32
Boyko V.P. The image of Russian merchants in works
by Anton Chekhov: art fiction and real character 42
Glebov A.M. Brigantines of the Russian fleet 51
Guzelbaeva I.A. The dialogue of the intelligentsia
and the power during the perestroika (on materials
of the Republic of Tatarstan) 57
Dvortsova O.V. The formation of a new type of businessman
at the beginning of the 20th century as a social
and cultural phenomenon (on the example of Tomsk) 61
Dmitrienko N.M., Chernyak E.I. G.N. Potanin's contribution
to Siberian museum science 67
Elkin M.E. Premises of the formation
of the concept of comprehensive national security
of Japan 77
Ermekbay Zh.A. From the history of the study of the Kazakh
territory in the Russian Empire in the 17th–19th centuries 81
Ivanov V.N. Historians on the origin
of the Yakut heroic epic 89
Kan V.S. Radioification in the Tuvan Autonomous Oblast
during the second half of the 1940s 96
Krupenkin E.N. Relations between the Russian Empire
and the Khanate of Khiva in 1867–1870 101
Luzyanin S.G., Frolenkov V.S. The “rise” of the SCO:
achievements and impediments 105
Lukov E.V. Oil and gas industry of Siberia
in terms of the regions and federal center interaction
in the 1990s (on the case of the Siberian Accord
interregional association) 111
Nikitin D.S. Emergence of the branches of the Indian
National Congress in Great Britain (1885–1889) 117
Pogorelskaya A.M. The Budapest Process: assessment
of its 20-year activities 121
Sarycheva T.V. Qualitative and quantitative characteristics
of staff in the physical culture sphere
in Western Siberia in the 1930s 126
Sbrodov A.A. The work of Professor V.M. Beilis on the *Diwan*
by Abu Ishaq Al-Ghazi (the beginning of the 12th century) 133
Sdelnikov V.A. Reflection of modern relations
between the West and Russia by the mediaframe
“teacher–student” 138

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В.	
Особенности детского погребального обряда могильника	
Степушка-2 на Алтае (предварительное сообщение)	143
Федосов Е.А. Начало холодной войны глазами советского	
плаката (на основе анализа материалов 1944–1953 гг.)	147
Хахалкина Е.В. Суэцкий кризис 1956 г. – поворотный	
момент британской внешней политики?	156

ПРАВО

Бондаренко Т.А. Проблемы понимания концепции основ	
кассационного производства в гражданском процессе	165
Писаревский И.И. Особый порядок как институт,	
не имеющий аналогов в истории российского	
уголовного процесса	169

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	174
--	-----

Soenov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V. Features	
of the children's burial rite in the Stepushka-2 cemetery	
in Altai (preliminary information)	143
Fedosov E.A. The beginning of the Cold War as depicted	
in the Soviet posters of 1944–1953	147
Khakhalkina E.V. The Suez Crisis of 1956: a turning point	
of the British foreign policy?	156

LAW

Bondarenko T.A. The problem of understanding the concept	
of bases of appeal proceedings in civil proceedings	165
Pisarevskiy I.I. Special procedure as an institution with	
no background in the history	
of Russian criminal procedure	169

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	174
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

M.B. Лиханов

ЭКСКУРСИОННЫЙ ДИСКУРС: К МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ

Статья посвящена разработке модели описания экскурсионного дискурса. Данное исследование обусловлено отсутствием целостного описания экскурсионной деятельности как особой коммуникативной ситуации. В данной статье экскурсионный дискурс рассматривается в качестве коммуникативного фильтра, вбирающего в себя другие дискурсы и служащего в качестве инструмента передачи информации, формирования и актуализации ценностей.

Ключевые слова: экскурсионный дискурс; речевые жанры; коммуникативные стратегии; модель описания; экскурсия.

Проблема целостного описания экскурсионного дискурса к настоящему времени не решена, несмотря на то что экскурсионная сфера, отражающая установки современного человека и взгляды на туризм и экскурсионную деятельность как познавательную сферу, не раз становилась объектом изучения культурологов [1. С. 28], психологов [2. Р. 1; 3. Р. 103], лингвистов [4. С. 199; 5. С. 90; 6. С. 92; 7. С. 227; 8. С. 41] и других ученых. С лингвистических позиций экскурсионный дискурс рассматривался учеными как «совокупность текстов с учетом экстралингвистических, социокультурных и других факторов» [4. С. 199; 6. С. 92] и как особая ситуация, как «непосредственная устная коммуникация» [7. С. 227]. В своей работе мы продолжаем вектор, намеченный П.Н. Донец, и рассматриваем экскурсионный дискурс с точки зрения формирования особой коммуникативной ситуации.

Целью работы является представление модели описания экскурсионного дискурса.

Сложность описания экскурсионного дискурса, в первую очередь, обусловлена сложностью самого феномена, его тесным взаимодействием с туристическим дискурсом. Экскурсионный дискурс понимается нами в работе как тип речевого поведения субъекта в сфере экскурсионной деятельности, ориентированный на информативную установку, сочетающий в себе информирующие и оценочные векторы естественного языка и комплекс семиотических средств. Экскурсионный дискурс мы рассматриваем исключительно как взаимодействие адресанта и адресата. В фокусе нашего внимания находится речевая деятельность адресанта, выступающего в роли информирующего и ценностно-формирующего агента, посредством которого адресат познает мир.

Выбранная нами многофакторная модель [9. С. 3; 10. С. 53] для описания экскурсионного дискурса включает характеристику коммуникативных, когнитивных, социокультурных и языковых особенностей. В рамках данной статьи мы остановимся подробнее на коммуникативных особенностях экскурсионного дискурса.

В качестве дискурсивно значимых параметров традиционно рассматриваются цель дискурса, коммуникативные стратегии, участники дискурса, ситуация общения и жанровая организация дискурса.

I. *Цель дискурса.* В основе экскурсионного дискурса лежит идея передачи информации. Экскурсион-

ный дискурс упорядочивает уже существующую информацию, передает новую и организует процесс ее передачи. Вследствие этого **целью** экскурсионного дискурса является донесение до экскурсантов максимально понятного и предварительно подготовленного пласта знаний о конкретном отрезке истории, объекте, месте или событии.

Цель экскурсионного дискурса включает определенные положения: рефлексирование знания, фиксацию некоего культурного феномена, ценности, передачу знаний последующим поколениям, а также «навязывание» оценки, интеграцию адресата в общество, социализацию индивидуума в данном национально-культурном коллективе, вписывание его в окружающую культуру, подчинение и контроль картины мира этого индивидуума. Отметим, что в туристическом дискурсе навязывание оценки имеет pragmatische направленность и преследует цель пропаганды услуги.

Цель экскурсионного дискурса включает в себя частные коммуникативные цели, необходимые для ее достижения: транслировать информацию об объекте, привлечь внимание и заинтересовать адресата, привести его представления об объекте в соответствие с социальным контекстом, сформировать у него положительную оценку объекта или события, создать условия для успешной коммуникации, вписать объект в синтагматическую или парадигматическую систему других объектов показа, в рамках общего развертывания текста экскурсии во времени. Основная цель дискурса трансформируется в его жанрах: коммуникативная цель жанра экскурсии – информативно-оценочная, где она направлена на формирование ценностей, просвещение, создание новых и упорядочивание старых знаний у адресата, в то время как также информативно-оценочная цель жанра видеоЭкскурсии модифицируется и смещает акценты в сторону рекламной составляющей, где видеоЭкскурсия, помимо трансляции информации и наделения ее оценкой, выступает в качестве рекламного инструмента, анонсирует экспонаты музея и, таким образом, приглашает адресата посетить реальный музей, т.е. имеет некоторое суггестивное влияние на адресата. Тезис также справедлив и для жанра путеводителя, где конкретное место рассматривается не столько с точки зрения его культурной ценности, сколько с точ-

ки зрения его привлекательности и преимуществ над другими местами для посещения: «Винг Бич – это самый северный пляж Сайпана. Очень чистый, красивый и уединенный пляж, где можно увидеть множество кораллов и разнообразных тропических рыб в отличие от пляжей южной части острова» (путеводитель).

Таким образом, несмотря на то что цели экскурсовода могут разниться от ситуации к ситуации, целью дискурса всегда будут повышение осведомленности адресата и вследствие этого формирование у него ценностей либо их актуализация.

II. *Коммуникативные стратегии*. Под коммуникативными стратегиями мы в след за О.С. Иссерс понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [11. С. 182]. Стратегии экскурсионного дискурса направлены, как правило, на максимальное усвоение адресатом информации и на организацию, поддержание канала коммуникации и являются главным «инструментом» адресанта для достижения ценностно-формирующей и информативной цели дискурса. В рамках экскурсионного дискурса коммуникативные стратегии связаны больше с той pragматической задачей, которую экскурсовод выполняет в каждый отдельный момент времени. Адресант должен информировать адресата, дополнить или изменить его картину мира и при этом не потерять его внимание. Мы выделяем три большие группы стратегий на основании той коммуникативной интенции, которую они выполняют в рамках дискурса: информирующие стратегии, стратегии влияния на адресата и фатические стратегии.

1. *Информирующие стратегии*. Информирующие стратегии направлены на донесение информации до адресата и вследствие этого выполнение цели дискурса. Мы выделяем две основные стратегии, преследующие цель просвещения и обучения в экскурсионном дискурсе: **стратегия информирования и целеположенного информирования**.

Стратегия информирования выражается в сообщении сведений о конкретных объектах и событиях по теме экскурсии и имеет целью трансляцию информации адресату, представляющей собой сведения об объектах, фактах, событиях, местах, имеющей объективный, независимый от интенций адресанта характер, ввиду того что экскурсия, транслируя ценностную и культурную информацию, отсекает личное мнение экскурсовода либо тщательно маскирует общепринятое мнение под его собственное. Данная стратегия направлена на формирование у адресата целостной информационной картины о каком-либо предмете: «Теперь я думаю, Вы понимаете, почему я говорил о росписи потолка Сикстинской капеллы как о примере титанического труда Микеланджело, и почему я говорил о том, что эта роспись является одним из самых величайших творений человеческого гения» (аудиоэкскурсия); здесь представлены 15 000 ценных экспонатов различных эпох – как самых древних, так и современной (путеводитель). Отметим, что эта стратегия используется для передачи коротких сообщений, в которых адресант строит текст, опираясь на объект, существующий в реальном пространстве, на

видео или в виде иллюстрации и его характеристики. Показываемый объект выступает в качестве отправной точки, относительно которой строится сообщение и транслируется связанная прямо или косвенно информация. Спецификой дискурса как коммуникативного феномена является неразрывность показа объекта и текста рассказа. Если отсутствует компонент показа, то жанр экскурсии превращается в лекцию или беседу.

Стратегия информирования может реализоваться в тексте посредством разных тактик: перечисления, описания, характеристики, объяснения, комментирования и др. Примером воплощения стратегии информирования может быть тактика перечисления в путеводителе по Аргентине: «Недалеко всегда есть прилавки, с которых торгуют пивом, прохладительными напитками, мороженым и местным фастфудом» (путеводитель), где адресант информирует адресата об объекте показа посредством перечисления тех товаров, которые он может приобрести в том районе. Рассказывая о городе Кёнджу, адресант перечисляет важные части города: Кёнджу делится на пять отдельных районов: зону гор Намсан (храмилище буддийского искусства), зону Вольсон (дворцовый район Силла), живописную зону Хванненса, зону Сансон и зону парка Тумилли (путеводитель).

Стратегия целеположенного информирования является доминантной, поскольку экскурсионный дискурс имеет цель, для выполнения которой и формируется дискурс – научить. Экскурсовод выступает в качестве лектора, который транслирует новую информацию, встраивает ее в картину мира адресата и тем самым учит его: «Римский форум – площадь в центре Древнего Рима вместе с прилегающими зданиями. Первоначально на ней размещался рынок, позже она включила в себя комиции (место народных съездов), курию (место заседаний Сената) и приобрела также политические функции» (путеводитель). Адресант путеводителя вводит новые понятия и объясняет их, имея целью сформировать целостное представление адресата об объекте показа.

2. *Стратегии влияния на адресата*. Ввиду ценностно-формирующей цели дискурса у адресанта возникает необходимость в донесении этих ценностей до адресата так, чтобы они были приняты. Для этого адресант пользуется стратегиями, оказывающими влияние на адресата. Автор-адресант должен сделать так, чтобы этой информации доверяли, и не должен давать повода адресату усомниться в своем праве на то чтобы быть транслятором информации. Для верификации информации, доказательства того, что она является правдивой и подтверждения своего права на ее трансляцию, адресант пользуется стратегиями самопрезентации и привлечения авторитетных мнений и одновременно пытается создать иллюзию, что адресант и адресат находятся в равноправных отношениях путем использования стратегии кооперации.

«Доминирование» адресанта над адресатом в рамках коммуникации достигается взаимодействием стратегии самопрезентации субъекта речи как эксперта и использованием дополняющих его видение объ-

екта авторитетных мнений. Стратегия **самопрезентации** адресанта, под которой мы понимаем «представление себя в привлекательном, выгодном свете» [12. С. 143], имеет в экскурсионном дискурсе профессиональную привязку – субъект речи «подает себя» как эксперта, более информированного в обозначенной предметной области: «и это я вам могу как кандидат исторических наук сказать абсолютно точно» (экскурсия). Экскурсовод выступает в качестве медиатора, посредством которого экскурсант приобретает знания и получает такую информацию, которой он может доверять.

Помимо своего авторитета как экскурсвода адресант ссылается на мнение известных писателей, ученых и других лиц, выступающих гарантом уникальности объекта и дополнительным фактором, призывающим узнать о нем: «Согласно свидетельствам современников, при Филиппе II Нидерланды являлись жемчужиной в короне Габсбургов» (путеводитель). В стратегии **«привлечение авторитетного мнения»** положительная оценка выражена напрямую посредством включения в повествование комментария обладателя «раскрученного» образа относительно конкретного места или экспоната: «Недаром Пушкин говорил в своем “Медном всаднике” о Петербурге: Прошло сто лет, и юный град // Полнотных стран краса и диво // Из тьмы лесов, из топи блат // Вознесся пышно, горделиво» (видеоэкскурсия). Такого рода «привлечение эксперта» опирается как на личность цитируемой персоны, так и служит для прямого выражения оценки, исходящей не от экскурсвода.

Помимо создания своего образа как эксперта, которому можно доверять, адресант работает над созданием положительного образа мест и объектов показа и, вследствие этого, над формированием ценностей и выполнением главной цели дискурса.

В роли главной стратегии создания положительного образа места или объекта показа выступает **выделение объекта показа на фоне других** существующих объектов, конкурирующих за статус значимых. Стратегия позволяет сформировать положительное отношение к экспонату, достопримечательности или месту на фоне других. В экскурсионном дискурсе объект, значимый для рассказа, всегда красивее и интереснее, чем те, что остаются вне настоящей экскурсии: «В начале первого коридора находится один из великих шедевров античного искусства, представленных в музее: Геракл и Кентавр, ценнейшая копия римского времени с бронзового оригинала» (видеоэкскурсия). Во фрагменте экскурсовод номинирует статую не только как *шедевр*, что само по себе уже является «образцовым произведением – высшим достижением искусства, мастерства», но и как *один из великих*.

Также в текстах экскурсий мы можем встретить **имплицитную рекламу** места, в котором происходит экскурсия: «Уффици, один из немногих музеев в мире, который обладает сгруппированной в одном месте, такой богатой и впечатляющей коллекцией, которая дает возможность организовать разнообразные исторические и тематические маршруты». В данном

высказывании из видеоэкскурсии по музею автор говорит о музее Уффици как о музее, имеющем преимущество по сравнению с другими, не обладающими такой богатой коллекцией. Путем такого выделения экскурсовод как бы приглашает экскурсантов к посещению этого музея. Такого рода стратегия широко используется в жанре видеоэкскурсии: «Библиотека Псковского государственного университета – крупнейшая библиотека Псковской области». Лексические единицы *один из немногих* и *крупнейшая* являются маркерами уникальности объекта по сравнению с другими; и путеводителю: это – единственное в мире здание построенное с данной целью (сохранение буддийских текстов на деревянных досках. – *Прим. автора*), которое сконструировано таким образом, *<...> сегодня эти деревянные доски считаются бесценными* (путеводитель). Адресант косвенно указывает на то, что это место стоит посетить, чтобы увидеть единственное в своем роде здание и то, что в нем хранится, таким образом «заступая на территорию» рекламного дискурса.

Стратегия **формирования положительной оценки** объекта показа. Служит для формирования либо актуализации ценностей у адресата. Вписывая объекты показа в картину мира адресата и приписывая объектам показа черты со знаком «плюс», адресант-экскурсовод формирует представление о ценности этого места или объекта и выстраивает эти ценности в систему в соответствии с той, что закреплена в социуме. Стратегия воплощается в жизнь при помощи оценочных предикатов, сравнительных оборотов, лексем с положительной коннотацией: «музей Прадо, его картинная галерея принадлежит к одной из самых выдающихся галерей мира» (аудиоэкскурсия). Лексема *выдающийся* в данном случае имеет, безусловно, положительную коннотацию. Формируя и актуализируя ценности в рамках дискурса, данная стратегия также может выполнять прагматические цели адресанта, зачастую рекламирующего какое-либо место в жанрах путеводителя и видеоэкскурсии: «Это кафе, открытое еще в XIX в., приобрело особую популярность у туристов из-за вкусного яблочного чая (путеводитель)». В данном случае оценка формируется путем определения чая в кафе как *вкусного*, отсылки на мнение туристов и упоминания времени основания, отсылающей адресата к долгой истории этого кафе.

Стратегия **апелляции к ведущим ценностным установкам** целевой аудитории. В экскурсионном дискурсе отражаются ценностные доминанты социума и определяются его целью: отрефлексировать входную информацию, оценить культурно-нагруженное знание, переработать его в доступную форму и транслировать в обучающих целях: *библиотека – это сердце любого вуза*. В частности, в данном примере автор апеллирует к ценностям целевой аудитории, в роли которой выступает потребность в образовании и знаниях.

3. *Фатические стратегии*. Поддержание канала связи выступает в качестве одной из главных задач адресанта во время коммуникации, ввиду того, что ему необходимо, во-первых, обеспечить передачу

информации, а во-вторых, не допустить рассеивания внимания адресата. Для этого он пользуется следующими стратегиями.

Стратегия **кооперации** используется для создания устойчивого канала связи с адресатом и формирования у него положительного эмоционального настроя. Экскурсовод в рамках дискурса стремится наладить «здоровую» коммуникативную среду, в рамках которой экскурсант будет доверять экскурсоводу и работать с ним в одной «команде» ради выполнения главной цели экскурсии – передачи информации.

Стратегия **установления доверительных отношений между адресантом и адресатом** строится на устранении социальных границ и стремлении к солидаризации [13. С. 144]. В экскурсионном дискурсе для передачи информации адресанту необходимо вызывать доверие у адресата для более полной и адекватной передачи информации. По умолчанию адресант является чужим для адресата и остается таким на протяжении всей экскурсионной коммуникации, но одновременно он создает иллюзию равного и личного общения путем использования манипулятивного приема «такой же, как все, как мы». В экскурсионном дискурсе местоимение *мы* используется как манипулятивная техника для формирования группы и разделения общей реальности между экскурсоводом и экскурсантами. Адресант-экскурсовод «впускает» экскурсантов в группу «своих» для формирования доверительных отношений. Так называемые маркеры своих, в которые входят инклузивное *мы* и лексика с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией «я – свой» (*друзья, товарищи, сограждане, коллеги*), широко представлены в текстах экскурсий. Причем отношения разворачиваются во времени, если в начале экскурсии автор использует местоимение «вас»: «Если у вас всего два часа на знакомство с городом, достаточно пройти», то после знакомства он уже не отделяет себя от группы и говорит: «давайте вместе прочтем этот занимательный конспект». Таким образом, адресант «надевает личину» своего и строит успешную коммуникацию: «Так. Объявляю перекур без дремоты».

Стратегия **обучения и стратегия формирования познавательной активности** аудитории реализуются, как правило, в просветительском дискурсе [14. С. 11]. Экскурсионный дискурс, как имеющий просветительскую и ценностно-формирующую коммуникативную цель, пользуется этой стратегией в ходе коммуникации: «Вот этот стол стоит здесь со времен постройки здания Строгановым и является памятником и свидетелем той эпохи, на нем подписывались документы, в нем хранились важные бумаги, а еще, как правило, за такими столиками работали с книгами и чертили» (экскурсия). Адресант помещает адресата в исторический контекст путем ссылок на известные фамилии: «Строганов», объясняет функции предмета и его значение для истории. Экскурсовод выступает в качестве ментора и той призмы, сквозь которую экскурсанты познают мир.

III. Участники дискурса. Исследование экскурсионного дискурса невозможно без обращения к экстра-

лингвистической ситуации. Составляющими этой ситуации являются участники дискурса, каждый из которых имеет свое место в иерархии коммуникации и цели, определяемые этим местом, ролевые отношения между коммуникантами, а также условия коммуникации, представляющие собой семиотическое пространство объектов показа. Коммуниканты дискурса «скованы» институциональными рамками и имеют на выбор одну из двух противоположных ролей: экскурсовода и экскурсанта, автора текста – получателя текста, автора записи – слушающего, но в этих двух ролях один всегда выступает в качестве транслятора информации, другой всегда ее реципиент.

Таким образом, количество ролей в экскурсионном дискурсе ограничено и новые роли не могут быть произвольно добавлены. За каждой из ролей закреплены определенные функции, объем которых стабилен и не склонен к увеличению или уменьшению. Экскурсовод находится выше в социальной иерархии в рамках экскурсии в связи со своим образовательным и профессиональным уровнем, должностным положением и объемом власти в рамках экскурсии. Туристический же дискурс, в свою очередь, является более широким образованием, ввиду того что под ним мы понимаем не только взаимодействие экскурсовода и экскурсанта, с позиции доминирования экскурсовода, но и отношения «туроператор – клиент».

Адресат и адресант в экскурсионном дискурсе выступают как разрозненная группа людей, которые видят друг друга, как правило, в первый раз, разных социальных характеристик (пол, возраст, профессия и др.), при этом у каждого есть одна, единожды присвоенная дискурсивная роль. Экскурсионный дискурс предполагает распределение по профессиональному типу, где в роли более информированного коммуникативного лидера выступает профессионал-экскурсовод / автор текста, чьей профессией и является передача информации и проведение экскурсий. Он является носителем предметной информации и норм проведения экскурсии и есть как бы центр дискурса. Адресат же противопоставляется адресанту на основании меньшей осведомленности и пассивной роли в дискурсе. Статусное положение экскурсовода выражается в специфичном речевом поведении, где он выступает в качестве учителя и наставника, имеющего право как транслировать информацию, так и следить за соблюдением порядка: «Я задние ряды слышу громче чем себя, пожалуйста, потише», «а теперь пройдемте дальше, не отставайте», потом еще будет время побродить, пофотографировать» (экскурсия).

В рамках экскурсионной коммуникации адресант, как правило, сначала представляется и озвучивает тему и место экскурсии: «Меня зовут Алексей, и сегодня я вам расскажу об истоках русской народной игрушки» (экскурсия). Номинация адресанта происходит только раз, в самом начале экскурсии, когда происходят установка коммуникативных ролей и знакомство с предметом экскурсии. Как лидеру экскурсионной группы экскурсоводу необходимо сконцентрировать внимание на себе перед началом трансляции информации, для чего он пользуется местоиме-

ниями я и меня: «Добрый день, я рад приветствовать вас в Сибирском ботаническом саду» (экскурсия). Такого рода представление адресанта перед коммуникацией присутствует не во всех жанрах дискурса: в путеводителе, аудио- и видеоэкскурсии адресант, как правило, представлен имплицитно, он выступает в качестве анонимного рассказчика, не называет себя и не дает никакой личной информации. Отметим, что адресант иногда все-таки пользуется для номинации себя личным местоимением я, например, когда «анонсирует» следующий пласт информации: «Здесь мы этого коснемся вскользь, но когда дойдем до самого храма, я расскажу про...» (аудиоэкскурсия). В отличие от жанра экскурсии, в этих жанрах не так важны личный контакт и прямая работа с аудиторией (хотя и значима), хронотоп коммуникации разорван и личность адресанта не важна, для жанров характерны имперсональность и отдаленность адресанта от адресата [15. С. 56]. В жанре «путеводитель», например, представления не происходит вообще, и коммуникация начинается вступлением с краткой информацией о месте про которое рассказывается в путеводителе: «Рим (по-итальянски Roma, по-английски Rome) – столица Италии, административный центр провинции Рим и области Лацио. Город занимает площадь...». Таким образом, несмотря на то что дискурс фактически порождается экскурсоводом, его имплицитное представление в тексте необязательно. В дискурсе важна информация, а не та личность, что выступает в качестве ее транслятора.

Мы можем говорить о двух типах адресанта экскурсионного дискурса: технологическом и реализующем [16. С. 37]. Технологический адресант занимается созданием «идеального текста» перед его трансляцией, зачастую это возложено на группу экскурсоводов или методическую комиссию. Реализующий тип воспроизводит идеальный текст после его составления и непосредственно занимается проведением экскурсии, т.е. является экскурсоводом. В плане генезиса текста технологический адресант будет находиться раньше, чем реализующий. Указанные типы адресанта также могут воплощаться в одном человеке, т.е. один человек может быть как составителем экскурсии, так и ее транслятором, что зачастую и происходит.

Технологический адресант определяет тематическую отнесенность информации, выбирает обязательные для раскрытия темы объекты, непосредственно пишет текст. В тексте указываются цель экскурсии, вся необходимая информация по объектам показа и закладывается оценка, реализующая ценностно-формирующую цель экскурсии. Технологический адресант на этапе создания текста моделирует своего будущего адресата. При его подготовке адресант учитывает множество характеристик адресата, например уровень образования, систему ценностей, взглядов и представлений, языковые компетенции адресата. В случае неправильного определения этих характеристик реализующего адресанта ждет коммуникативный провал.

Реализующий же адресант является транслятором информации, необходимой к передаче в рамках этой модели, и непосредственным участником коммуника-

ции. При воспроизведении экскурсионного текста учитывается профессия, уровень образования и возраст адресата. В жанре экскурсии адресант реализует разноплановый подход к общению с экскурсантами, что позволяет трансформировать изначальный текст экскурсии прямо во время общения с учетом социально-демографических, социально-профессиональных и социально-психологических характеристик адресата, в то время как в жанрах путеводителя и аудио- и видеоэкскурсии реализующий адресант лишен этой возможности ввиду разорванности хронотопа коммуникации.

Говорящий при трансляции текста выступает как отдельная личность, обозначая свою статусную принадлежность как транслятора, проецирует личный опыт на «идеальный текст», при этом придерживаясь спланированной техническим адресатом оценки, которая созвучна коллективной. Реализующий адресант демонстрирует приверженность общекультурным ценностям и установкам при проведении экскурсии и украшает речь с помощью выразительных средств естественного языка.

Адресатом в дискурсе являются экскурсанты или читатели путеводителя. Адресат представляет собой целевую аудиторию дискурса, причем достаточно разнородную. Целевая аудитория может быть разделена на основании таких характеристик, «как пол, возраст, материальное положение, социальный статус, ценностные установки, образование, место жительства и др.» [17. С. 46]. Таким образом, экскурсионный дискурс характеризуется вариативностью аудитории, где заинтересованность целевой аудитории зависит от типа и вида предлагаемой экскурсии. В свою очередь, характеристики этой аудитории будут являться определяющим фактором, непосредственно влияющим на языковое и смысловое оформление конечного текста и характер использования ресурсов других семиотических систем. Например, адресат жанра экскурсии не только смотрит и слушает, но и реагирует на информацию: переходит от витрины к витрине, рассматривает детали и задает вопросы. Аудитория всегда находится во взаимодействии с экскурсоводом и объектами показа: задает вопросы, отвечает на слова экскурсовода, воспринимает информацию, пишет отзывы об экскурсиях и т.д. Например, объясняющий комментарий экскурсовода (Б) в ответ на вопрос экскурсанта (А), который увидел незнакомую для себе вещь:

А: *А что это за вещь?* Б: *Это резачок для разрезания страниц.* А: *А он что пластиковый?* Б: *Нет, он костяной, да и для пластмассы, я думаю, тогда было еще рано.* А: *А-а, понятно тогда* (экскурсия).

В рамках общения в жанре путеводитель происходит дистантное общение и адресат взаимодействует уже с текстом, где он может пропустить сложный отрывок или неинтересный экспонат, смотреть только фотографии и лишен возможности напрямую задать вопрос адресанту. В случае печатного путеводителя мы сталкиваемся с неконтактным вариантом экскурсионного дискурса (неконтактный дискурс см. [17]). Даже если адресат отреагирует на коммуникативное действие адресанта, например оставит отзыв на сайте,

то первоначальная коммуникативная ситуация изменится из-за разрыва коммуникации и прошедшего времени. Также ситуация обстоит и с жанрами видео- и аудиоэкскурсии.

Выстроенная таким образом коммуникация ведет к передаче информации и дает возможность экскурсанту, как обладающему меньшим количеством информации по вопросу, заполнить лакуны в знаниях. «Дискурсивная маска» эксперта, которую «надевает» экскурсовод, дает ему право быть коммуникативным лидером и управлять процессом коммуникации, несмотря на то что статусно-ролевые отношения участников экскурсионного дискурса характеризуются намеренно создаваемым впечатлением равенства их позиций. Адресант на правах более информированного участника коммуникации восполняет возможные пробелы в концептуальной картине мира адресата. Для экскурсионной аудитории не всегда характерно прямое взаимодействие с экскурсоводом и объектами показа во время коммуникации, например, в тех случаях, когда взаимодействие экскурсанта с экскурсоводом происходит при разорванном хронотопе в жанрах видео- и аудиоэкскурсии и путеводителя. Возможность незамедлительно реагировать на действия экскурсовода остается только при общении в рамках жанра экскурсии, когда коммуникация осуществляется непосредственно в реальном времени: А: *Добрый день. Вы тоже с филологического факультета?* Б: Да. А: *А в библиотеке у нас были уже?* Б: *В библиотеке была, а в музее нет.* А: ...А ну раз вы филолог, то вы про Жуковского мне можете и сами рассказать... (экскурсия). Адресант-экскурсовод создает иллюзию диалога, но на самом деле экскурсия – это, как правило, монолог, так как роль экскурсанта в коммуникации ограничена уточнениями и вопросами.

IV. Ситуация общения. Экскурсионный дискурс мы рассматриваем как институциональный, в рамках которого условия общения являются довольно устоявшимися и регламентированными. Для дискурса характерна нормативная модель типично-событийной, статусно-ролевой коммуникации, где у каждого из коммуникантов свои роль и набор правил для коммуникации. Например, экскурсант, приходя на экскурсию, «обязуется» слушать экскурсовода и соблюдать нормы поведения на экскурсии. Несмотря на то что дискурсивно обусловленным лидером коммуникации считается экскурсовод, с нашей точки зрения, пресуппозиции адресанта являются более важными, чем пресуппозиция экскурсовода, ввиду того, что адресант имеет дело с группой экскурсантов, где у каждого из этой группы свое мнение об объекте экскурсии и ее наполнении и собственный уровень знаний. В рамках экскурсионного общения экскурсовод как бы выдвигает гипотезу об уровне перцепции адресата, исходя из своего методического опыта, и впоследствии наполняет экскурсию теми данными и фактами, которые, исходя из этого предположения, будут восприняты экскурсантами. Перцептивные характеристики адресата определяют содержание и форму создаваемого говорящим экскурсионного текста: «Так, а вы у нас студенты и поэтому рассказывать совсем уж основы

как предыдущей группе я вам не буду». На этом примере мы можем видеть, что с самого начала адресант номинирует экскурсионную группу как «студенты» и вследствие этого отталкивается от среднего уровня перцепции этой группы, в то время как предыдущая группа, судя по его словам, студентами не была и уровень восприятия информации у них был ниже.

В рамках экскурсионной коммуникации адресант должен учитывать тот факт, что группа хоть и составляет единое целое на время экскурсии, но является собранием разнообразных индивидов, имеющих собственный опыт, установки, мнения и свою оценку, которые могут вступать в противоречие с интенциями экскурсовода. Сознание экскурсантов не может быть свободно от прошлого опыта. Их оценка и знания могут не совпадать с оценкой, необходимой экскурсоводу, и той информацией, которую он дает, и поэтому в рамках коммуникации он должен преодолеть ее. Например, в экскурсии по палеонтологическому музею ТГУ автор-экскурсовод говорит экскурсантам, что вопреки стереотипу динозавры делились не на травоядных и плотоядных, а на растениеядных и плотоядных, так как травы в ее сегодняшнем понимании тогда еще не существовало. В данном случае экскурсовод исходит из априорного представления, что его информация не соответствует той информации, носителями которой являются экскурсанты, и таким образом пытается привести ее к «общему знаменателю», не учитывая представления каждого отдельного экскурсанта, формируя общую картину мира для всех адресатов.

Неправильные представления об уровне перцепции и предыдущих знаниях могут стать причиной вопросов и уточнений. С одной стороны, это является сигналом к тому, что уровень перцепции адресата был неправильно оценен экскурсоводом, с другой – о том, что экскурсанты следят за развитием мысли экскурсвода и заинтересованы в получении информации: «Картофель, как и томаты, относятся к семейству пасленовых...». Речь экскурсвода прерывается вопросом из группы: «А пасленовые – это какие, и вообще какие семейства еще есть?», на что экскурсовод говорит: «А я думал что тут все биологию в школе изучали...». Такого рода ответ мы расцениваем как индикатор того, что экскурсовод исходил из неправильной гипотезы об уровне знаний экскурсантов.

Мы не можем говорить о каком-то общем и справедливом для всех жанров дискурса хронотопе ввиду наличия в его организации как жанров непосредственной коммуникации, таких как экскурсия, происходящих в реальном времени и одном пространстве, так и жанров опосредованных, например аудиогидом в аудиоэкскурсии, сетью Интернет в видеоэкскурсии и бумажным носителем в путеводителе.

Справедливым будет тезис о том, что адресант экскурсионного дискурса в текстовом пространстве выстраивает виртуальную модель места и события, формируя в этом случае ментальный хронотоп, независимый от реального окружения экскурсанта и канала передачи информации, но связанный с ним семантически. Несмотря на то что в случае непосредственной

коммуникации адресат находится среди реальных экспонатов, а при опосредованной экскурсант знакомится только с их фотографиями или видео (как в жанрах «путеводитель» и «видеоэкскурсия»), он одновременно находится в виртуальном пространстве, выстроенным адресантом, связанном с реальным только тематической отнесенностью.

Несмотря на то что в жанре экскурсии коммуникация, как правило, происходит в реальном времени, экскурсионный дискурс характеризуется особым хронотопом, отличающимся наслоением временных и пространственных пластов, ввиду того что речь экскурсовода затрагивает как настоящее, так и прошлое с будущим. Например, рассказывая о культурном объекте, экскурсовод может углубиться в прошлое и дать развернутую характеристику того времени, к которому относится объект: «Софийский собор был построен великим князем Ярославом Мудрым. Точный период его строительства неизвестен. <...> Строительство храма осуществлялось, скорее всего, в 1030-х гг. предположительно в 1037 г. и, согласно летописям, было связано с приездом в Киев из Константинополя митрополита-грека Феопемпа <...>. Собор строился нанятыми греческими рабочими и мастерами <...>. Существует гипотеза о том, что строительство Софии Киевской было связано с восстановлением юрисдикции Константинопольского Патриархата над Русской Церковью в период правления Ярослава Мудрого...» (*видеоэкскурсия*). Таким образом, экскурсовод открывает дополнительный информационный пласт, не только давая подробности строительства храма, но и вписывая храм в окружавший его исторический контекст.

Другой составляющей хронотопа является категория пространства. Для экскурсионного дискурса характерно специфическое место проведения, имеющее, как правило, эстетическую, культурную или историческую ценность и включает в себя музеи, выставки, картинные галереи, университеты, специфичные исторические или культурные объекты, улицы и др. У экскурсионного дискурса нет специфичного места проведения, хотя, как правило, это музеи и культурные объекты. Для того чтобы реализовался экскурсионный тип речевого поведения, необходимо наличие как минимум двух людей, где один берет на себя роль экскурсовода и ведет второго коммуниканта из точки А в точку Б по заранее продуманному маршруту и воспроизводит ему информацию, связанную с объектами между этими двумя точками.

В рамках экскурсионного дискурса эта категория дополнительно усложняется ввиду того, что пространство может быть как реальным, так и ментальным. Коммуникация происходит в реальном пространстве физических объектов, среди экспонатов или культурных объектов, в то время как экскурсовод, опираясь на эти объекты, в своем рассказе может двигаться не только по оси времени, но и в пространстве, рассказывая о других местах, городах и странах. Так, рассказывая о «каменных бабах» у входа в Пензенский краеведческий музей, экскурсовод сначала говорит о том, когда они были установлены возле музея, а затем «переносится во времени и пространстве» и

повествует следующее: «Эти изваяния, высеченные из песчаника или известняка, ставили на погребальных курганах половцы, занимавшие в XI–XIII вв. пространство между Волгой и Дунаем». Необходимо отметить, что сейчас мы говорим о жанре аудиоэкскурсий и экскурсии, где коммуникация происходит среди реальных объектов действительности, тогда как экскурсионная коммуникация в рамках других жанров происходит в виртуальном пространстве видео или текста, как, например, в видеоэкскурсии и путеводителе. Такое разнообразие ситуаций общения в рамках дискурса не разрывает его на более мелкие образования, а наоборот, показывает то, как единство цели, нормативного оформления коммуникации и отношений коммуникантов «сплавляет» их в единое образование, сквозь которое воспринимается реальность.

V. Жанры экскурсионного дискурса. Под речевым жанром мы, вслед за П.И. Костомаровым, понимаем «совокупность высказываний, объединенных общей смысловой направленностью, типичных для речевого поведения говорящего, обладающих ярко выраженной ситуативной спецификой и иллюстрирующих поведение говорящего как активного участника коммуникативного процесса» [18. С. 181]. Данное определение помещает в фокус внимания адресанта и его речевое поведение, мотивированное ситуативной спецификой, что является определяющим для нашей работы. В экскурсионном дискурсе «живут» разные жанры, обслуживающие различные ситуации общения между адресантом и адресатом. Экскурсионный дискурс презентируется в таких жанрах, как аудио-, видеоэкскурсия, путеводитель и экскурсия.

В рамках дискурса мы выделяем ядерный жанр – жанр экскурсии. Мы считаем жанр ядерным для дискурса ввиду того, что жанр экскурсии является центральной и первичной единицей для экскурсионного дискурса, служащей основой для появления новых жанров, таких как аудиоэкскурсия, видеоэкскурсия и др. Основные различия жанров заключаются в различиях в цели и ситуации общения, которые обусловлены различием каналов связи. Мы выделяем три основных устных жанра (экскурсия, аудио- и видеоэкскурсия), два последних – опосредованные, и письменный жанр (путеводитель).

В жанре экскурсии коммуникация осуществляется посредством звуко-слухового и жестово-зрительного канала связи, ввиду того что коммуникация осуществляется напрямую, в едином пространственно-временном континууме, жанр является устным, функционирует в официальной обстановке общения и относится к научно-популярному подстилю научного стиля. Экскурсовод находится в зоне прямой видимости экскурсанта и общается с ним посредством естественного языка, жестов и мимики. Адресантом является экскурсовод (коммуникативный лидер; разбирается в предмете речи, подготовлен к общению); адресатом – группа людей (социально дифференцирована по возрасту, профессии, образованию и пр.) [5. С. 90]. Коммуникация происходит в условиях лидер – группа, вследствие этого адресант всегда выступает перед группой адресатов в качестве транслятора, имеющего

более высокий статус и «обличенного» властью. Вследствие этого жанр не допускает смены ролей и может служить инструментом трансляции ценностей и фактуальной информации. Жанр экскурсии выступает в качестве сложного жанра, в котором функционируют простые жанры, выполняющие общую цель и трансформирующиеся в согласии с ней.

В современном мире дискурс захватывает новые территории и вследствие их ограничений и / или возможностей формирует новые коммуникативные ситуации. Модификация жанра связана с варьированием функции, в том числе и с функционированием речевого жанра экскурсии в экскурсионном дискурсе, с изменениями графико-пространственного параметра, параметров «образ адресанта» и «образ адресата», «орудие-средство», «время восприятия знака», «среда», «носитель знака», с варьированием формально-языкового воплощения. Коммуникативная цель жанра остается такой же, как и в рамках жанра экскурсии – информативно-оценочной, но в ней становится заметно существенное влияние рекламного дискурса, на стыке которого с экскурсионным и существует видео-экскурсия. Жанр преследует не только культурно-просветительскую и ценностно-формирующую цель, но и служит для внедрения некоторого имплицитного желания посетить то место, о котором идет речь. Жанр характеризуется наличием звуко-слухового и письменно-зрительного каналов связи, отсутствием адресанта в поле зрения, адресат же обычно один (вопреки полиадрестному жанру экскурсии), так как общение происходит не лично, а в разорванном хронотопе. Жанр монологичен: адресант никак не может повлиять на экскурсию саму по себе, ни прямо посредством вопросов, ни косвенно из-за своих перцептивных возможностей (в жанре экскурсии адресант подстраивается под уровень восприятия адресата). В данной ситуации адресант не присутствует в месте проведения экскурсии, вследствие этого он продолжает принимать аудиальную информацию (начитанный текст экскурсии) от экскурсовода, но визуальную информацию он принимает опосредованно (в отличие от жанра экскурсии), т.е. через видеоролик.

В жанре аудиоэкскурсии ситуации меняется (по сравнению с таковой в жанре экскурсии) ввиду того, что ход коммуникации разрывается на некоторые отрезки, так как экскурсионное общение в данном случае представляет собой прерывающуюся структуру. Аудиоэкскурсия выглядит как набор аудиофайлов, помеченных номерами, и карта, на которой объекты показа выделены и пронумерованы. Коммуникация происходит, когда экскурсант самостоятельно достигает необходимого места и запускает запись под нужным номером. Таким образом, хронотоп коммуникации между адресатом и адресантом оказывается разорван. Цель жанра – информативно-оценочная и совпадает с целью жанра экскурсии. В случае с аудиоэкскурсией адресат предоставлен сам себе и функционирует вне группы, а речь адресанта записана в аудиоформате. Адресант лично не присутствует в локусе коммуникации и не может непосредственно направлять ход познания мира адресатом, хотя и вы-

страивает вектор этого познания заранее, на этапе создания аудиоэкскурсии, порядок прохождения объектов и направление развитие темы. Это создает непреодолимую преграду для коммуникации, так как текст заранее записан и не может быть изменен согласно специфике адресата и, также адресат лишен возможности уточнения и запроса дополнительной информации. Контакт между экскурсоводом и экскурсантом происходит только посредством звуко-слухового канала связи, в то время как вся визуальная информация отдается на откуп свободной воле экскурсанта. В таком случае даже нет устойчивого экскурсионного маршрута, т.е. может происходить полное изменение структурной композиции экскурсии, ввиду того, что экскурсант волен сам выбирать порядок осмотра экспонатов и не ограничен в своем познании ни временными, ни пространственными рамками.

Жанр путеводителя был описан рядом ученых, поэтому мы не будем подробно на нем останавливаться [5. С. 90; 7. С. 227; 15. С. 134] и отметим только те моменты, которые мы считаем важными для его рассмотрения с позиции функционирования в дискурсе. Жанр представляет собой письменную модификацию жанра экскурсии, где в роли адресанта-экскурсовода выступает автор текста путеводителя, а в роли адресата – его читатель, не имеющий возможность никак повлиять на ход коммуникации и находящийся в пассивной роли, ввиду разорванного хронотопа и опосредованности коммуникации. Коммуникативная цель жанра информативно-оценочная, жанр выполняет как справочно-рекламную функцию, так и рекламно-справочную в зависимости от того, какую цель преследовал адресант путеводителя. Несмотря на разные акценты в конкретных текстах, содержательная часть путеводителей, как правило, строится по единой модели и включает в себя «историческую справку, описание достопримечательностей, карту, информацию о месторасположении памятников, времени и стоимости их посещения, экскурсионных программах, близлежащих кафе и сувенирных лавках, информацию для людей с ограниченными возможностями и необходимые телефоны справочно-информационной службы» [16. С. 56].

В работе мы представили часть модели описания экскурсионного дискурса, сфокусировавшись на коммуникативных особенностях экскурсионного дискурса. Экскурсионная коммуникация формирует особый дискурс ввиду наличия в ней как минимум двух коммуникантов, жестко связанных статусно-ролевыми отношениями, особой информативно-оценочной цели, единства показа и рассказа, специфичного набора стратегий и палитры устойчивых жанров внутри дискурса, свидетельствующих одновременно и о многообразии дискурса, и о его единстве. Подводя итог, мы можем сказать, что экскурсионный дискурс выступает в качестве «заводской формы» с широким раструбом, но узким горлышком, через которую проходят тексты разной тематической отнесенности и разных дискурсов, чтобы потом принять единую форму и выполнять главную цель дискурса – обучение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рындина О.М. Музей и современная этническая культура // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 28–32.
2. Brieber D., Nadal M., Leder H., Rosenberg R. Art in Time and Space: Context Modulates the Relation between Art Experience and Viewing Time // PLoS ONE. 2014. № 9(6). e99019. doi:10.1371/journal.pone.0099019
3. Eghbal-Azar K., Widlok T. Potential and limitations of mobile eye tracking in visitor studies: evidence from field research at two museum exhibitions in Germany // Social science computer review. 2013. № 31. Р. 103–118.
4. Бахвалова Л.Е. Сравнительный анализ экскурсионной речи в режиме «автор – адресат» // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2, т. 1. С. 199.
5. Бахвалова Л.Е. Лингвопрагматические параметры экскурсионной речи // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2010. № 4. С. 90–93.
6. Демидова Т.В. Фактор адресата как компонент дискурсивной деятельности при «порождении» экскурсионного текста // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2006. Вып. 5. С. 92–96.
7. Донец П.Н. Экскурсия по городу как жанр дискурса // Жанры речи : сб. науч. статей. Вып. 6: Жанр и язык. Саратов : Наука, 2009. С. 227–232.
8. Филатова Н.В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2012. № 3. С. 41–46.
9. Карасик В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. Волгоград : Переямена, 1999. С. 3–18.
10. Эмер Ю.А. Праздничный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2011. № 4. С. 53–68.
11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
12. Мадалиева Е.В. Прагматикон языковой личности политика в жанре исповеди // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 143–146.
13. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн. 1: Теория. М. : Высш. шк., 2006. 319 с.
14. Арсеньева Т.Е. Коммуникативная тактика сообщения новостей в просветительском радиодискурсе (на материале программы «Говорим по-русски») // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 11–14.
15. Погодавева С.А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе : дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 234 с.
16. Филатова Н.В. Стратегии самопрезентации субъекта туристического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Филологические науки. Вып. 22 (655): Текст и метатекст. 2012. С. 56–67.
17. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
18. Костомаров П.И. Трактовка речевого жанра в работах отечественных исследователей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 2, т. 1. С. 181–185.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 февраля 2016 г.

EXCURSION DISCOURSE: ON THE MODEL OF DESCRIPTION

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 5–14. DOI: 10.17223/15617793/404/1

Likhonov Maxim V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maximus.minimus@mail.ru

Keywords: excursion discourse; speech genres; communicative strategies; model of description; excursion.

Excursion discourse shall be regarded as a communicative filter, which co-opts other discourses and acts as an instrument of transmitting information, of changing and supplementing the world image and creating and updating the system of values. The paper is devoted to the development of a description model of excursion discourse. The study is conditioned by the absence of a full description of excursion activity as a specific communicative situation. The purpose of this work is to develop the description model of excursion discourse. Discourse is considered by the author as a type of subject's speech behavior in the sphere of excursion activity aimed at an informative purpose (giving information about a specific object or event to one or several participants and forming a participant's opinion about this object in the way the subject needs), combining aspects of informative and evaluative vectors of natural language (in spoken and written language) and a body of semiotic means (graphic, mimic, sign etc.). The focus of the study is on the speech behavior of the guide acting as the one who informs the participant and creates the participant's values, the one who modulates the cognizing of the world by the participant. The multiple-factor model chosen by the author includes the characteristics of cognitive, communicative, sociocultural and lingual peculiarities. This paper is focused on the communicative peculiarities of excursion discourse. Excursion communication creates a specific discourse since it has at least two communicators, bound tight with status-role relations; has its own rules and norms of typical communication; special language; has a system of basic values, aims and strategies of communication and a set of stable genres inside the discourse. The basic genres are the excursion genre, the video- and audio-excursion and the guidebook. The genre variety is constrained on account of the addresser being marked as a key participant of communication and a modulator of the addressee's world perception.

REFERENCES

1. Ryndina, O.M. (2010) Muzey i sovremennaya etnicheskaya kul'tura [Museum and modern ethnic culture]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 2. pp. 28–32.
2. Brieber, D. et al. (2014) Art in Time and Space: Context Modulates the Relation between Art Experience and Viewing Time. *PLoS ONE*. 9(6). e99019. doi:10.1371/journal.pone.0099019
3. Eghbal-Azar, K. & Widlok, T. (2013) Potential and limitations of mobile eye tracking in visitor studies: evidence from field research at two museum exhibitions in Germany. *Social Science Computer Review*. 31. pp. 103–118. DOI: 10.1177/0894439312453565
4. Бахвалова, Л.Е. (2011) The Comparative Analysis of the Excursionist's Speech in Conditions "Author-recipient". *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2:1. pp. 199–204. (In Russian).
5. Бахвалова, Л.Е. (2010) Lingvopragmatische parametry ekskursionnoy rechi [Linguopragmatic parameters of the excursionist's speech]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova*. 4. pp. 90–93.
6. Demidova, T.V. (2006) Faktor adresata kak komponent diskursivnoy deyatel'nosti pri "porozhdenii" ekskursionnogo teksta [Factor of the recipient as a component of discursive activities when creating an excursion text]. In: *Problemy yazykovoy kartiny mira na sovremennom etape* [Problems of a language picture of the world at the present stage]. N. Novgorod: Minin University. 5. pp. 92–96.

7. Donets, P.N. (2009) *Ekskursiya po gorodu kak zhanr diskursa* [Tour of the city as a genre of discourse]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 6. Saratov: Nauka.
8. Filatova, N.V. (2012) *Turisticheskiy diskurs v ryadu smezhykh diskursov: gibrizatsiya ili polifoniya?* [Tourist discourse in a number of related discourses: hybridization or polyphony?]. *Vestnik MGOU. Ser. Lingvistika – Bulletin MGOU, series “Linguistics”*. 3. pp. 41–46.
9. Karasik, V.I. (1999) *Kharakteristiki pedagogicheskogo diskursa* [Characteristics of pedagogical discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki* [Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics]. Volgograd: Peremena.
10. Emer, Yu.A. (2011) Festive discourse: a cognitive-discursive study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4. pp. 53–68. (In Russian).
11. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 5th ed. Moscow: LKI.
12. Madalieva, E.V. (2011) *Pragmatikon yazykovoy lichnosti politika v zhanre ispovedi* [The pragmaticon of the politician's language personality in the genre of confession]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics Journal*. 1. pp. 143–146.
13. Krylova, O.A. (2006) *Lingvisticheskaya stilistika* [Linguistic Stylistics]. Book 1. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Arsen'eva, T.E. (2012) Communicative tactics of reporting news in educational discourse ("Let's speak Russian" radio programme). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 365. pp. 11–14. (In Russian).
15. Pogodaveva, S.A. (2008) *Yazykovye sredstva argumentatsii vo frantsuzskom turisticheskem diskurse* [Language means of argumentation in the French tourist discourse]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.
16. Filatova, N.V. (2012) Subject self-presentation strategies of tourism discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Filologicheskie nauki*. 22 (655). pp. 56–67. (In Russian).
17. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znanii o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznaniii mira* [Language and Knowledge. On the way of learning the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the cognition of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Kostomarov, P.I. (2014) Interpretation of "Speech Genre" in the Works of Domestic Researchers. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2:1. pp. 181–185. (In Russian).

Received: 09 February 2016

ДИАЛОГ И.А. ГОНЧАРОВА С В.Г. БЕНЕДИКТОВЫМ (ОБРАЗ МОРЯ ВО «ФРЕГАТЕ «ПАЛЛАДА»»)

Рассматривается вопрос о роли романтических традиций в книге путевых очерков И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»». Материалом исследования послужил диалог писателя с поэтом В.Г. Бенедиктовым, развернувшийся на страницах «Фрегата «Паллада» и поэтических посланий романика вокруг содержания и поэтики образа моря.

Ключевые слова: Гончаров; Бенедиктов; романтизм; реализм; море.

В художественном мире И.А. Гончарова, отличающемся эпической полнотой реального изображения картин русской жизни и глубоким постижением духовных основ национального характера, важную роль играют мотивы и образы, имеющие большую традицию в романтическом искусстве. Таков образ моря (морской стихии), получивший в романтической поэзии значение символа духовной раскрепощенности и свободы. Исследователи творчества Гончарова указали на глубокую и диалектически сложную связь реалистической эстетики писателя с романтизмом [1. С. 304–316; 2. С. 34–39; 3. С. 197–214; 4. С. 3–24; 5. С. 18–81].

Автор целого ряда стихотворений 1830-х гг., выполненных в романтическом ключе («Отрывок», «Тоска и радость», «Романс» и др.), Гончаров в 1840-е гг. активно включился в полемику с романтизмом, не отрицая при этом значения его нравственно-этических и художественных открытий. Размышая над процессами духовного развития современного общества, Гончаров наделяет главных героев всех трех своих романов – Адуева, Обломова и Райского – романтическими чертами. Объективная позиция в изображении героев романтического типа открывала возможность показать ограниченность романтического понимания жизни, вступавшего в противоречия с требованиями реальной действительности, и в то же время акцентировать важность и потребность идеалов, утверждать гуманистический пафос, в высшей степени свойственный романтическому искусству.

В книге «Фрегат «Паллада»», написанной в 1856 г., Гончаров поставил важнейшие проблемы общественного, нравственно-этического содержания современной жизни и рассмотрел их в широком философском аспекте [5. С. 45–53, 135–138, 144–147; 6. С. 4–56], что в свою очередь предопределило включение в процесс авторского осмыслиения мотивов и образов, имевших глубокую, многообразную и богатую разработку в творчестве романтиков.

При описании моря во «Фрегате «Паллада»» поэвествователь называет имена романтиков – поэтов и прозаиков: Байрона, А.С. Пушкина, В.Г. Бенедиктова¹, А.Н. Майкова, А.А. Бестужева-Марлинского, Ф. Купера, Ф. Марриета. Творчество каждого из этих писателей в контексте изучения «Фрегата «Паллада»» может быть предметом специального исследования. В данной статье материалом для анализа проблемы романтических традиций в художественном живописании Гончарова послужил диалог писателя-реалиста с поэтом-романтиком В.Г. Бенедиктовым.

Выбор поэзии Бенедиктова, в частности стихотворений, посвященных морской теме, объясняются презентативностью эстетики и его творческой манеры как романтического поэта, унаследовавшего опыт европейской и русской романтической поэзии и хронологически завершающего период расцвета романтизма в России [8. С. 92–103; 9. С. 24–32].

Гончарова с Бенедиктовым связывали дружеские отношения с момента их знакомства в 1836 г. Поэт и переводчик Бенедиктов был желанным и постоянным гостем майковского кружка, сотрудником журнала «Подснежник» и альманаха «Лунные ночи». Гончаров относился к творчеству своего товарища с большим вниманием. Он нередко защищал поэта от нападок В.Г. Белинского, который видел в Бенедиктове поэта «второго литературного ряда», подражателя гения Пушкина, эпигона романтизма [10. С. 360–370].

В мемуарных «Заметках о личности Белинского» (1880) Гончаров дает оценку Бенедиктову и его творчеству: «Вычурность некоторых стихотворений, в самом деле, поразительная при таланте и уме Бенедиктова, делала его каким-то будто личным врагом Белинского. Зная лично Бенедиктова как умного, симпатичного и честного человека, я пробовал иногда спорить с Белинским, объяснял обилием фантазии натяжки и преувеличения во многих стихотворениях, – указывал, наконец, на мастерство стиха и проч.» [11. С. 82]. В 1838 г. Бенедиктов пишет стихотворение «Море», показательное с точки зрения следования поэта за своими предшественниками в разработке морской темы и образа моря. Сравнение стихотворения с одноименной элегией В.А. Жуковского показывает, что стихотворение Бенедиктова написано по мотивам «Моря» Жуковского, что проявилось в лирико-философском характере авторской концепции и в поэтике произведения, основанной на антитезе, организующей хронотоп, цвет, звук, размер стиха, ритм. «Обилие фантазии» Бенедиктова проявилось в богатстве, порой излишестве, способов выражения поэтом романтической концепции философии природы.

Таким образом, стихотворение Бенедиктова, контаминировавшее опыты романтиков в разработке мотивов и образов морской стихии, могло быть для Гончарова в определенном смысле эталонным, а сам поэт воспринимался как достойный представитель избранного круга поэтов, писавших о море. Тем значительнее представляется созданный Гончаровым и Бенедиктовым вокруг книги «Фрегат «Паллада»» морской метатекст. Два стихотворения Бенедиктова – посла-

ния поэта «И.А. Гончарову (перед кругосветным его путешествием) «И оснащен и замыслами полный...» (опубликовано после возвращения Гончарова из путешествия в 1856 г.) и «И.А. Гончарову» («Недавно, странник кругосветный...» 1858), обрамляют «морской текст» в книге Гончарова, в частности, ее третью часть («Плавание в Атлантических тропиках»), прямо адресованную поэту: «Письмо к В.Г. Бенедиктову». Она открывается обращением к Бенедиктову: «В поэтическом и дружеском напутствовании вы указали мне, Владимир Григорьевич, обогнуть земной шар. Я не обогнул еще и четверти, а между тем мне захотелось уже побеседовать с вами на необъятной дали, среди воли, на рубеже Атлантического, Южнополярного и Индийского морей, когда вокруг все спит, кроме вахтенного офицера, меня и океана. Мне хочется проверить, так ли далеко “слышен сердечный голос”, как предсказали вы?» [7. С. 101]. Так начинается разговор о море и искусстве его живописания. Гончаров как бы дискуссионно ставит проблему «поэзии» и способов ее воссоздания в современной литературе, имея в виду романтиков и реалистов, с тем, чтобы далее в главе развернуть свое толкование понимание этого «синтеза»: «Где искать поэзии? Одно анализировано, изучено и утратило прелест тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячеством. Куда же делась поэзия и что делать поэту? Он как будто остался за штатом. Надеть ли поэзию, как праздничный кафтан, на современную идею или по-прежнему скитаться с ней в родимых полях и лесах, смотреть на луну, нюхать розы, слушать соловьев или, наконец, идти с нею сюда, под эти жаркие небеса? Научите» [Там же. С. 102].

Ответом Бенедиктова на книгу Гончарова было его послание «И.А. Гончарову «Недавно, странник кругосветный...» 1858), в котором поэт, вернувшись из поездки по горной Швейцарии и восхитившийся ее красотой (горы сравнимы в воображении поэта только с морем – «tronул море лишь слегка» [12. С. 157]), дает удивительно точную и полную характеристику художественной манеры Гончарова-мариниста. Бенедиктов отмечает эпическую полноту картин («Все отразилось под размахом разумно-ловкого пера»), тонкость и точность в передаче вечно меняющейся водной стихии («Все переломы, перегибы»), поэтические антитезы («живое веянье пассата и всемертвящий знайный штиль»), масштабность хронотопа – от моря до неба («всплеснулись к небу эти волны»), богатство цветовой палитры («...снежной пенясь белизной», «море золотом горит»)².

Диалектическое отношение Гончарова к романтической эстетике в полной мере проявилось в характере понимания им содержания и поэтики образа моря, создаваемого в третьей части «Фрегата “Паллада”». Образ моря в книге Гончарова, как и у романтиков, включен, наряду с другими образами (неба, облаков, звезд, ночи и пр.), в единую модель природы. Переписка с Бенедиктовым о содержании «конкретного» художественного образа становится стартовой площадкой для дискуссии по важным эстетическим проблемам. Полемическая позиция Гончарова начинается

уже во второй части книги: «Мне хотелось познакомиться с океаном. Я уже от поэтов знал, что он “безбрежен, мрачен, угрюм, беспределен, неизмерим и неукротим” <...> “Где же он неукротим?” – думал я опять. <...> Могуч, мрачен – гм! посмотрим, посмотрим» [7. С. 123].

В третьей части в диалоге с Бенедиктовым спор перерастает в дискуссию по важнейшему вопросу эстетики – о критерии прекрасного в искусстве. Гончаров возражает против романтического понимания прекрасного как исключительного, «праздничного и поразительного» [Там же]. На предполагаемый вопрос романтика: «Ну, что море, что небо? какие краски? <...> Как входит и заходит заря? как сияют ночи? Все прекрасно – не правда ли?», Гончаров дает развернутое рассуждение, смысл которого заключается в утверждении красоты в обыкновенном и ежедневном: «А позвольте спросить: разве есть что-нибудь не прекрасное в природе? Отыщите в сердце искру любви к ней, подавленную гранитными городами, сном при свете солнечном и беготней в сумраке и при свете ламп, раздуйте ее и тогда попробуйте выкинуть из картины какую-нибудь некрасивую местность. По крайней мере со мной, а с вами, конечно, и подавно, всегда так было: когда фальшивые и ненормальные явления и ощущения освобождали душу хоть на время от своего ига, когда глаза, привыкшие к стройности улиц и зданий, на минуту, случайно, падали на первый болотный луг, на крутой обрыв берега, всматривались в чащу соснового леса с песчаной почвой: как полюбишь каждую кочку, песчаный косогор и поросшую мелким кустарником рощину» [7. С. 139].

Выходом, закрепляющим принципы реалистической эстетики, становится предложение Гончарова Бенедиктову искать красоту, разлитую в близком окружающем мире: «Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы – не ходите за ними под тропики: рисуйте небо везде, где его увидите, рисуйте с торцовой мостовой Невского проспекта, когда солнце, излив огонь и блеск на крыши домов, протечет через Аничков и Полицейский мосты, медленно опустится за Чекуши <...>. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорош и Финский залив, как зеркало в богатой раме: и там блестят, играя, жемчуг, изумруды...» [Там же. С. 104].

Рисуемый на фоне этого размышления пейзаж, в который включено и море, носит подчеркнуто прозаический характер: «Вот морская карта: она вся испещрена чертами, точками, стрелками и надписями. <...> Каждый день во всякое время смотрел я на небо, на солнце, на море – и вот мы уже в 14° широты, а небо все такое же, как у нас <...> Лучи теряют свою жгучую силу на море. Кроме того, палубу смачивали водой и над головой натягивали тент <...>» [Там же]. Гончаров прибегает к игре-шутке, снижая патетику стилистическим симбиозом пушкинского стиха с описанием прозаических обстоятельств: «22 января Л.А. П<опов>, штурманский офицер, за утренним чаем сказал: “Поздравляю: сегодня в восьмом часу мы пересекли северный тропик”. – “А я ночью озяб”, – заметил я. “Как так?” – “Так, взял да и озяб: видно, кто-

нибудь из нас охладел, или я, или тропики". Я лежал легко одетый под самым луком, а "ночной зефир струил эфир" прямо на меня» [7. С. 103].

Подтверждением значимости для Гончарова развития принципов реалистической эстетики служит письмо писателя к другу И.И. Льховскому, отправившемуся в путешествие после Гончарова. В письме (1859) писатель призывает Льховского описывать увиденное правдоподобно, без романтического преувеличения: «Вы смотрите умно и самостоятельно, не увлекаясь, не ставя себе в обязанность подводить свое впечатление под готовые и воспетые красоты. Это мне очень нравится: хорошо, если бы Вы провели этот тон в Ваших записках и осветили всё взглядом простого, не настроенного на лад ума и воображения....» [14. С. 268].

Однако полемика с романтиками – это лишь одна сторона позиции Гончарова. Другая связана с восхищением писателя «чутким поэтическим чувством» [7. С. 124] романтиков, их устремленностью к идеалу. Диалогичность, присущая художественному миросознанию Гончарова, распространяется не только на романтиков, но и на реалистов, теряющих порой в своей приверженности к прозе свойственное романтизму умение удивляться и восхищаться чудесным в мире: «<...> стыдимся этих чудес, торопливо стараемся разоблачить чудо от всякой поэзии, боясь, чтоб нас не заподозрили в вере в чудо или младенческим влечением к нему: мы выросли и оттого предпочитаем скучать и быть скучными» [Там же. С. 101]. В плане глубокого интереса и симпатии Гончарова к романтизму следует указать на доброжелательный тон диалога с Бенедиктовым, источником которого были не только обстоятельства их личной дружбы, но более всего – «воображение и краски» [Там же], отличающие искусство поэта-романтика. Признанием ценности высокого пафоса романтиков и художественного совершенства их искусства завершается «Письмо к В.Г. Бенедиктову» – третья часть «Фрегата "Паллада"»: «Берегите же, любезный друг, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, как эти небеса языки, языки богов, которым только и можно говорить о здешней природе, и спешите сюда, – а я винюсь в своем бессилии и умолкаю!» [Там же. С. 124].

Использование романтической поэтики во «Фрегате "Паллада"» обусловлено близостью нравственно-философской концепции Гончарова романтическим представлениям о природе и человеке. Наиболее ярко эта близость проявилась в изображении моря (мор-

ской стихии) как концепта, включающего в себя многообразные явлений природы и представляющего модель универсальной целостности мира. Не случайно море предстает в стихотворении Бенедиктова и во «Фрегате "Паллада"» центром панорамы, которая сравнивается с живописной картиной: «Лазурное море – зерцало природы / Безрамной картиной лежит предо мной» [12. С. 185]. И Гончаров называет морские пейзажи картинами, подобными полотнам изобразительного искусства: «Когда мы обогнули восточный берег острова и повернули к южному, нас ослепила великолепная и громадная картина (курсив автора. – К.П.), которая как будто поднималась из моря, заслонила собой и небо, и океан, одна из тех картин, которые видишь в панораме, на полотне, и не веришь, приписывая обольщению кисти» [7. С. 186].

Образ моря выступает у Гончарова, как и у поэтов-романтиков, в том числе и Бенедиктова, символом мироздания в его вечном движении. Созданию романтического ореола бесконечности и величия созданного Богом мира служит хронотоп. Море рисуется как беспределная во времени и пространстве стихия. Подобно Бенедиктову («Отрадна, мила мне твоя бесконечность; / В тебе мне открыта красавица – вечность» [8. С. 185]), Гончаров постоянно упоминает о бескрайности просторов моря: «Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сияние красок на необозримом окружающем нас поле вод» [7. С. 105].

Важнейшую роль, как и у романтиков³, играет цветовая гамма, богатством и разнообразием которой передается торжество и мощь сил природы. Именно с «открытия» повествователем цвета морской глади начинается создание образа моря по канве романтического узора: «Море... Здесь я в первый раз понял, что значит "синее" море, а до сих пор я знал об этом только от поэтов, в том числе и от вас. Синий цвет там, у нас, на севере – праздничный наряд моря. Там есть у него другие цвета, в Балтийском, например, желтый, в других морях зеленый, так называемый аквамаринный. Вот, наконец, я вижу и синее море, какого вы не видали никогда. Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнце и в тени. Не устаешь любоваться, глядя на роскошное сияние красок на необозримом окружающем нас поле вод» [Там же]. Затем последуют множественные зарисовки моря и неба над ним, включающие всякий раз яркую цветовую палитру, перекликающуюся с бенедиктовской:

У В.Г. Бенедиктова	У И.А. Гончарова
Солнце в облаке играет, Запад пурпуром облит, Море солнца ожидает, Море золотом горит [12. С. 187].	«Океан в золоте или золото в океане...» [7. С. 121].
Входит в пурпурную спальню, Где раскинулась заря <...> [Там же. С. 188].	«На западе еще золото и пурпур, а на востоке сверкают и блещут уже миллионы глаз» [Там же. С. 123].
Море золата не глотает, Отшибает блеск луча <...> [Там же. С. 187]. Море – тихо, и блестит, Но под ясною улыбкой думу темную таит [8. С. 186].	«...этот блеск неба в его фантастическом неописанном убоге...» [Там же. С. 121]; «Через час солнце блистало по-прежнему...» [Там же. С. 116].

В основе изображения картин моря в книге Гончарова, как и в стихотворениях романтиков, лежит принцип антиномии, выражающий идею вечного движения как закона жизни. Море у Гончарова предстает в разных состояниях – бури и штиля, дня и ночи, утра и вечера⁴,

но в любое время – оно живое. В описаниях пейзажей с морской бурей Гончаров, как и Бенедиктов, передает мощь взыгравшей стихии через сравнение волн со зверем (у Бенедиктова – с гигантом), усиливая динамичность картины богатством глагольных форм:

В.Г. Бенедиктов	И.А. Гончаров
<p>Вихорь! Взрыв! – Гигант проснулся, <i>Встал</i> из бездны мутный вал, <i>Развернулся, расплеснулся,</i> <i>Закипел, заклокотал.</i> Как боец, он озирает Взрытых волн степную ширь, <i>Рыщет, пенится, сверкает –</i> Среброглавый богатырь! [12. С. 187]. (курсив мой. – К.П.)</p>	<p>«Огромные холмы с белым гребнем, с воем <i>толкая</i> друг друга, <i>встают, падают, опять встают</i>, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении, только брызги, как дым, <i>поднимаются</i> да стон носится в воздухе. Фрегат <i>взбирается</i> на голову волны, <i>дрогнет</i> там на гребне, потом <i>упадет</i> на бок и <i>начинает скользить</i> с горы, <i>спустившись</i> на дно между двух бугров, <i>выпрямится</i>, но только затем, чтобы тяжело <i>перевалиться</i> на другой бок и <i>лезть</i> вновь на холм» [7. С. 76].</p>

Образ моря получает глубокое философское наполнение благодаря включению человека в мир природы. На резком контрасте состояний моря основано развитие лирического действия в стихах романтиков. В прозе Гончарова антиномии штиля и бури соотносится с «философией покоя» (самопогружение, созерцание) и философией вечного движения, составляющих вместе основу духовной жизни человека. В книге очерков автор-повествователь описывает сон природы в традициях романтического представления, где природные объекты представлены в образе девы,

влюбленной: «Покой неба и моря – не мертвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдохшая от ее сладостных мучений, любуются взаимно в объятиях друг друга. Солнце уходит, как осчастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице» [7. С. 121]. Тот же художественный прием встречается в стихотворении Бенедиктова: «И небеса и море дремлют, / И ночь, одеянную мглой, / Как деву смуглую объемлют / И обнялись между собой» [12. С. 187].

Развитие мотива покоя в книге Гончарова перекликается со стихами Бенедиктова:

У В.Г. Бенедиктова	У И.А. Гончарова
<p>Люблю твою тишину: в ней царствует нега; На ясное, мирное лено твое Смотрю я спокойно с печального брега, И бьется отраднее сердце мое [12. С. 186].</p>	<p>«Покойно, правда, было плавать в этом безмятежном царстве тепла и безмолвия» [7. С. 117].</p>
<p>И небеса и море дремлют, И ночь, одеянную мглой, Как деву смуглую объемлют И обнялись между собой [Там же. С. 187].</p>	<p>«Покой неба и моря – не мертвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдохшая от ее сладостных мучений, любуются взаимно в объятиях друг друга. Солнце уходит, как осчастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице» [Там же. С. 121].</p>

Однако залогом совершенствования могут быть только внутренняя неуспокоенность, вечное стремление к недостижимому совершенству, в чем жизнь человека уподобляется у Гончарова, как и романтиков, вечному движению морских волн. Гончаров развивает один из сокровеннейших мотивов романтической поэзии – мотив «невыразимого», связывая его с темой тайны божественного предопределения и красоты, недостижимой для человеческого разума: «Всё кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голос. Чего-то ждешь, о чем-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни определить, ни высказать не можешь. Только сердце трепещет от силы необъяснимого, страстного ощущения: даже нервам больно!» [7. С. 255]⁵.

Передача сложного чувства причастности лирического героя поэтов-романтиков и повествователя «Фрегата “Паллада”» к природе, дающее ощущение покоя и одновременно драматического переживания отторженности от нее, невозможности постичь ее тайну, становится способом психологического анализа.

Один из значимых факторов в создании пейзажей Гончарова связан с восприятием окружающего мира. При создании живописных пейзажей психологическое и поэтическое дополняют друг друга. Гончаров и Бенедиктов используют прием антропоморфизации⁶. Морская стихия у повествователя очерков олицетворена: «Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают...» [7. С. 76]. Море (океан) воспринимается во «Фрегате

“Паллада” как живое существо, обладающее свое-нравным характером. Повествователю хочется приблизиться к водной стихии, понять и разгадать ее: «Я целое утро не сходил с юта. Мне хотелось познакомиться с океаном» [7. С. 70]. В стихотворении «Море» стихии приписываются человеческие черты: море думает, мучается сном, хочет взреветь и т.д.

Морская стихия оказывается родственной, близкой лирическому герою и повествователю. В стихотворении «Море» Бенедиктов обозначает стихию личным местоимением «ты», тем самым указывая на тесную связь и близость человеку: «О море! – ты дремлешь, ты сладко уснуло»; «Ты, море жизни, ты – Божье зерцало» [12. С. 188]. У Гончарова находим следующее: «И вот ты (курсив автора. – К.П.) морская даль!» [7. С. 121]. Психологизм морских пейзажей раскрывается в прямом разговоре повествователя с водной стихией. Спокойное состояние природы связано с моментом диалога: «Всё кажется, что среди тишины зреет в природе дума, огненные глаза сверкают сверху так выразительно и умно, внезапный, тихий всплеск воды как будто промолвился ответом на чей-то вопрос» [Там же. С. 103]. Эмоциональное состояние при восприятии моря влияет на внутренний мир и душу повествователя: «...кажется, душа повергается в такую торжественную и безотчетно сладкую думу, так поражается она картиной прекрасного, величественного покоя. Картина оковывает мысль и чувство <...>» [Там же. С. 120].

Внутренний мир лирического героя Бенедиктова также раскрывается во взаимодействии с морем. Созерцание, погружение в стихию рождают в душе героя разнообразные чувства: «Смотрю я спокойно с печального брега, / И бьется отраднее сердце мое» [12. С. 186]; «Угрюмый, от берега прочь отхожу я» [Там же. С. 187]. Таким образом, психологический фактор становится одним из основных в создании живописных картин природы в книге путевых очерков «Фрегат “Паллада”» и в стихотворении «Море» Бенедиктова. Созерцание моря связывается с погружением в собственный внутренний мир, подвижный, отражающий процессуальность, переливы, переходы в настроении человека и морской стихии.

Для повествования Гончарова характерно использование романтической стилистики: повышенная эмоциональность, риторические вопросы, восклицания, прямые обращения к природе («Чудес, поэзии!»

[3. Т. 2. С. 71]; «Боже мой! Даром пропадают здесь эти ночи...» [7. С. 168]; «Море? И оно обыкновенно во всех своих видах» [Там же. С. 46].

Антиномичность образа моря как стихии вечного движения, обновления носит концептуальный характер и распространяется на все образы и мотивы, со-прикасающиеся с темой морского путешествия. Таков повествователь – морской путешественник, «человек судьбы» [18. С. 89–118], в котором трезвое и реальное видение окружающего «взрывается» полетом творческой фантазии, уступая графическую точность рисунка «поэтическому чувству»: «На этом пламенно-золотом, необозримом поле лежат целые миры волшебных городов, зданий, башен, чудовищ, зверей – всё из облаков. Вот, смотрите, громада исполинской крепости рушится медленно, без шума; упал один бастион, за ним валится другой; там опустилась, давляя собственный фундамент, высокая башня, и опять всё тихо отливается в форму горы, островов с лесами, с куполами. Не успело воображение воспринять этот рисунок, а он уже тает и распадается, и на место его тихо вздыхая откуда-то корабль и повис на воздушной почве; из огромной колесницы уже сложился стан исполинской женщины; плеча еще целы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда; на нее напирает и поглощает всё собою ряд солдат, несущихся целым строем. Изумленный глаз смотрит вокруг, не увидит ли руки, которая, играя, строит воздушные видения. Тихо, нежно и лениво ползут эти тонкие и прозрачные узоры в золотой атмосфере, как мечты тянутся в дремлющей душе, слагаясь в пленительные образы и разлагаясь опять, чтобы слиться в фантастической игре...» [7. С. 122].

Таким образом, изучение диалога И.А. Гончарова с В.Г. Бенедиктовым, развернувшегося на страницах «Фрегата “Паллады”», имеет важное значение для понимания глубинных связей русского писателя с романтизмом. Процесс утверждения реалистических принципов Гончаровым включал в себя творческое освоение художественного опыта романтического искусства. Развитие морского сюжета оказалось ключевым в содержании и поэтике Гончарова-мариниста. Образ морской стихии получит развитие в двух последующих после «Фрегата “Паллада”» романах, обогатив их содержание философским смыслом и поэзией, унаследованными Гончаровым от поэтов-романтиков, среди которых был и В.Г. Бенедиктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В этом расположении я выбрался из каюты, в которой просидел полторы суток, неблагосклонно взглянул на океан и, пробираясь в общую каюту, мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым и другими – “угрюмый, мрачный, могучий”, и Фаддеевым – “сердитый”. “Соленый, скучный, безобразный и однообразный!” – прибавил я к этому списку, сходя по трапу вниз, – заладил одно – и конца нет!» [7. С. 82].

² К заключительному аккорду диалога Гончарова с Бенедиктовым на морскую тему можно отнести пометы писателя на подаренной ему книге [13]. На форзаце первого тома чернилами сделана надпись: «Ивану Александровичу Гончарову от душевно ему преданного автора». Пометы в первом и втором томах демонстрируют пристальный интерес Гончарова к пейзажным стихотворениям, имеющим отношение к морской теме. Гончаров отчеркивает линией название стихотворения «Кудри» (1835), в котором живость и обаяние молодой женщины сравниваются с красотой морских волн:

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые –
Юной прелести венец!
Вами юноши пленялись

И мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец,
Но снедаемые взглядом,
И доступны лишь ему,
Вы ручным бесценным кладом
Не далися никому:
Появились, поревились –
И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведенную даль! [13. С. 20].

В оглавлении отмечено стихотворение «Озеро» (1836), привлекшее внимание писателя, скорее всего, обращением к водной стихии. Образ озера в стихотворении Бенедиктова напрямую соотносится с образом моря:

Я видел – синелась, шумела вода, –
Далеко, далеко, не знаю куда,
Катились все волны да волны [Там же. С. 40].

Бенедиктов называет озеро «пенистой влагой», говорит о том, что озеро воспитало в нем волю и отвагу. Поэт воспевает его красоту, отмечает влияние на свой внутренний мир:

Нет, врезалось, озеро, в память ты мне!
В твоей благодатной, святой тишине,
В твоем бушеванье угрюмом –
Душа научилась кипеть и любить,
И ныне летела бы ропот свой слить [Там же. С. 41].

³ См. у Жуковского: «Лазурное море», «Ты льешься его светозарной лазурью», «Ласкаешь его облака золотые!» и т.д. [15. С. 25].

⁴ «Вид пролива и обоих берегов поразителен под лучами *утреннего* солнца. Какие мягкие, нежащие глаз цвета небес и воды! Как ослепительно ярко блещет солнце и разнообразно играет лучами в воде! В ином месте пучина кипит золотом, там как будто горит масса раскаленных угольев: нельзя смотреть; а подальше, кругом до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глаз глубоко проникает в прозрачные воды» [7. С. 297].

«Жар несносный; движения никакого, ни в воздухе, ни на море. Море – как зеркало, как ртуть: ни малейшей ряби. Вид пролива и обоих берегов поразителен под лучами утреннего солнца. Какие мягкие, нежащие глаз цвета небес и воды! Как ослепительно ярко блещет солнце и разнообразно играет лучами в воде! В ином месте пучина кипит золотом, там как будто горит масса раскаленных угольев: нельзя смотреть; а подальше, кругом до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глаз глубоко проникает в прозрачные воды. Земли нет: всё леса и сады, густые, как щетка. Деревья сошли с берега и теснятся в воду. За садами видны высокие горы, но не обожженные и угрюмые, как в Африке, а все заросшие лесом» [Там же. С. 247].

«Вечер был лунный, море гладко как стекло; шкуна шла под малыми парами. У выхода из Фальсбэя мы простились с Корсаковым надолго и пересели на шлюпку. Фосфорный блеск был так силен в воде, что весла черпали как будто растопленное серебро, в воздухе разливался запах морской влажности. Небо сквозь редкие облака слабо теплилось звездами, затмеваемыми лунным блеском. Половина залива ярко освещалась луной, другая таялась в тени» [Там же. С. 221].

«Ночь тиха; кругом, на чистом горизонте, резко отделялись черные силуэты пиков и лесов и ярко блестала зарница – вечное украшение небес в здешних местах. Прямо на голову текли лучи звезд, как серебряные нити. Но вода была лучше всего: весла с каждым ударом черпали чистейшее серебро, которое каскадом сыпалось и разбегалось искрами далеко вокруг шлюпки» [Там же. С. 260].

⁵ См. у В.А. Жуковского: «Что движет твое необъятное лоно? / Чем дышит твоя напряженная грудь? / Иль тянет тебя из земных неволи / Далекое, светлое небо к себе?» [15. С. 36]. Стоит заметить, что Жуковский и его художественное творчество волновали Гончарова с самого детства. А.П. Рыбасов, автор биографической книги о Гончарове, отмечает пристальный интерес молодого писателя к фигуре первого русского романиста: «В возрасте пятнадцати-шестнадцати лет Гончаров познакомился с сочинениями Жуковского. <...> Под обаянием его (Жуковского. – К.П.) романтичной, “мечтательной, таинственной и нежной” поэзии находился некоторое время и Иван Гончаров» [16. С. 21].

⁶ В книге «Вода и грёзы» Г. Башляя указывает на то, что «вода предстает перед нами как тотальное существо: у нее есть тело, душа, голос. Возможно, более, чем какая-либо иная стихия, вода есть цельная поэтическая реальность [17. С. 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров и русский романтизм 20–30-х годов. М. : Изд-во АН СССР, 1975. Т. 34, № 4. Сер. лит. и яз.
2. Тихомиров В.Н. «Небывалый приток фантазии»: О романтической лексике в романе «Обрыв» // Русская речь. М., 1975. № 3.
3. Жилякова Э.М. И.А. Гончаров и В. Скотт (некоторые наблюдения) // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 13.
4. Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994.
5. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
6. Васильева С.А. Философия истории в книге И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
7. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 2.
8. Гинзбург Л.Я. Из литературной истории Бенедиктова. Белинский и Бенедиктов // Поэтика : сб. статей. М. : Academia, 1927.
9. Гинзбург Л.Я. О месте и значении поэзии Бенедиктова в русской литературе // Бенедиктов. Стихотворения. Л. : Библиотека поэта, 1939.
10. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 4 т. М., 1953. Т. 1.
11. Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1952.
12. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., 1939.
13. Бенедиктов В.Г. Стихотворения 1835–1842 : в 3 т. СПб., 1856.
14. Гончаров И.А. Собр. соч. : в 8 т. М. : ГИХЛ, 1952–1955. Т. 8.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 1999–2009. Т. 2.
16. Рыбасов А.П. Гончаров И.А. (ЖЗЛ). М., 1957.
17. Башляя Г. Вода и грёзы. Опыт о воображении материи / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
18. Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. М. : Радикс, 1993.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2016 г.

DIALOGUE BETWEEN I.A. GONCHAROV AND V.G. BENEDIKTOV (THE IMAGE OF THE SEA IN THE FRIGATE PALLADA)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 15–21. DOI: 10.17223/15617793/404/2

Pavlovich Kristina K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

Keywords: Goncharov; Benediktov; romanticism; realism; sea.

The article discusses the role of the romantic tradition in the book of travel essays by I.A. Goncharov *The Frigate Pallada*. A dialogue between the writer and poet V.G. Benediktov which can be found in *The Frigate Pallada* and in poetic letters discussing the content and the poetic image of the sea served as the material for the study. Features of Goncharov's art were formed in the early 1840s, at the times of the crisis of romanticism and the birth of a new realistic method of depicting reality. Many researchers of Goncharov's art point at the connection between the writer's work and the legacy of romanticism. One of romanticists, a poet famous as a master in creating the image of the sea, was V.G. Benediktov. In 1838, Benediktov wrote a poem "The Sea". Considering the fact that the two poets got acquainted two years earlier, Goncharov was undoubtedly familiar with this poem and Benediktov was one of the poets who wrote about the sea. In the poem by Benediktov the image of the sea is represented in all its artistic diversity. His images of the sea resemble the seascapes in *The Frigate Pallada*. Both Goncharov and Benediktov picture widely epic seascapes. The main thing that unites Goncharov's seascapes with those by romanticists is the philosophical understanding of the elements and the psychological factors that influence the perception of the sea. Benediktov's poem became a model for Goncharov, in a sense that in "The Sea" Benediktov draws on the traditions of Russian and European literature, combining basic techniques for the picturing of the seascapes. Benediktov's poems were inspired by the works of Zhukovsky, Byron and Pushkin. In his book of travel essays *The Frigate Pallada*, Goncharov enters into controversy with romanticists, which does not exclude a deep interest in the romantic style of the image of the sea. The main provisions of Goncharov's art discrepancies with the tradition of romanticists can be found in a letter to Benediktov ("Swimming in the Atlantic tropics"). Notes made by Goncharov on the pages of *Works* by Benediktov are of particular importance for the study. It is impossible to determine whether Goncharov read the aforementioned poem before his departure to travel around the world or not, because the three volumes by Benediktov were published in 1856, a year after the end of Goncharov's voyage. One thing is clear: Goncharov had a particular interest in the images of nature in the works by romanticists. In Goncharov's seascapes the traditions of antiquity, romanticism, realistic art and nonfiction are combined. The feature of his seascapes is associated with the synthesis of different traditions. The idea of spiritual development as an immutable axiom of human existence was the basis for Goncharov's deep sympathy to philosophy and poetry of romantic poets.

REFERENCES

1. Krasnoshchekova, E.A. (1975) *I.A. Goncharov i russkiy romantizm 20–30-kh godov* [I.A. Goncharov and the Russian romanticism of the 20s–30s]. Moscow: USSR AS.
2. Tikhomirov, V.N. (1975) "Nebyvalyy pritok fantazii": (O romanticheskoy leksike v romane "Obryv") ["The unprecedented influx of fantasy" (On the romantic lexicon in the novel *Precipice*)]. *Russkaya rech'*. 3.
3. Zhilyakova, E.M. (1986) *I.A. Goncharov i V. Skott (nekotorye nablyudeniya)* [I.A. Goncharov and W. Scott (some observations)]. *Problemy metoda i zhanra*. 13.
4. Otradin, M.V. (1994) *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [The prose of I.A. Goncharov in a literary context]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Krasnoshchekova, E.A. (1997) *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Goncharov: The world of creativity]. St. Petersburg: Pushkin Foundation Pushkinskiy fond.
6. Vasil'eva, S.A. (1998) *Filosofiya istorii v knige I.A. Goncharova "Fregat "Pallada"* [The philosophy of history in I.A. Goncharov's *The Frigate Pallada*]. Philology Cand. Diss. Tver.
7. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
8. Ginzburg, L.Ya. (1927) *Iz literaturnoy istorii Benediktova. Belinskiy i Benediktov* [From the literary history of Benediktov. Belinsky and Benediktov]. In: *Poetika* [Poetics]. Leningrad: Academia.
9. Ginzburg L.Ya. (1939) O meste i znachenii poezii Benediktova v russkoj literature [The place and significance of Benediktov's poetry in Russian literature]. In: Benediktov, V.G. *Stikhovorenija* [Poems]. Leningrad: Biblioteka poeta.
10. Belinsky, V.G. (1953) *Poln. sobr. soch.: v 4 t.* [Complete Works: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
11. Goncharov, I.A. (1952) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Moscow: Pravda.
12. Benediktov, V.G. (1939) *Stikhovorenija* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
13. Benediktov, V.G. (1856) *Stikhovorenija 1835–1842: v 3 t.* [Poems of 1835–1842: in 3 vols]. St. Petersburg: Tipografiya Krylovskoy.
14. Goncharov, I.A. (1955) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: GIKhL.
15. Zhukovsky, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur.
16. Rybasov, A.P. (1957) *Goncharov I.A.* [Ivan Goncharov]. Moscow: Molodaya gvardiya.
17. Bachelard, G. (1998) *Voda i grezy. Opyt o voobrazhenii materii* [Water and Dreams. The experience of the imagination of matter]. Translated from French by B.M. Skuratov. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.
18. Toporov, V.N. (1993) *Eney – chelovek sud'by* [Aeneas as a man of destiny]. Moscow: Radiks.

Received: 18 February 2016

ИСТОРИЯ

УДК 327.8 (73+510+515)

Т.Л. Андреева, К.Е. Керн

ТИБЕТСКИЙ ФАКТОР В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Статья посвящена проблеме сепаратизма в Тибетском автономном районе КНР, его влиянию на развитие американо-китайских отношений. Рассмотрены и проанализированы предпосылки возникновения сепаратизма в ТАР и СУАР, определена значимость формирования национального самосознания, общности религиозных убеждений и длительной истории независимой государственности. Уделяется внимание отношению руководства КНР к этому вопросу, роли и степени влияния личности Далай-ламы и его визитов в США на данную проблему. Сделана попытка оценить актуальность тибетского вопроса с точки зрения восприятия другими государствами опыта по борьбе с проблемой сепаратизма и важности тибетского вопроса для американо-китайских отношений. Анализ источников и литературы по теме позволил определить отношение других государств к Тибетскому вопросу, выявить степень влияния Тибетского фактора на развитие американо-китайских отношений.

Ключевые слова: сепаратизм; Тибетский вопрос; Далай-лама; американо-китайские отношения; национальное самосознание.

Общеизвестно, что в настоящее время все большее внимание мировой общественности привлекают периодические вспышки напряженности в некоторых районах КНР. Понятия «уйгурский вопрос», «тайваньская проблема», «тибетский сепаратизм» перестали быть новыми и прочно вошли в обиход не только «верхушки» политической власти, но и всей мировой общественности. Прежде всего проблема китайского сепаратизма неразрывно связана с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР), где вспышки нестабильности в июле 2009 г., октябре 2013 г. и мае 2014 г. вызвали большой резонанс среди мировой общественности, а также с Тибетским автономным районом (ТАР).

Безусловно, трудности, возникающие в СУАР и ТАР, неслучайны: они связаны прежде всего с тем, что в своем историческом развитии коренные этносы данных районов достигли высокого социально-политического уровня и имели уже сформированное национальное самосознание [1. С. 17]. Именно сформировавшееся и имеющее длительную историю национальное самосознание является одним из факторов, определяющих ситуацию в СУАР и ТАР, поскольку, как подчеркивают исследователи, национальное самосознание как часть психического компонента нации означает осознание этой общности ее членами в качестве особенного, отличного от других образований, ровно как и отнесение их самих к данному национальному коллективу [2], национальное самосознание понимается не только как идентификация индивидом самого себя в качестве члена определенной национальной группы, но и как сформировавшийся образ единого целого под названием «мы» [Там же].

Таким образом, национальное самосознание как двустороннее явление, которое заключается в осознании всеми ее членами своего единства на основе принадлежности к нации и которое содержит систему ментальных структур, проявляющихся в виде оценок, суждений, взглядов представителей данной нации на мир и на свою общность как на часть мира [Там же]; как «наиболее достоверный и надежный признак

национальной общности, критерий национального единства» [2] представляет собой достаточно стабильное образование, которое под влиянием исторических, экономических и политических факторов может подвергаться лишь незначительным изменениям и является собой «опору», «общую платформу», позволяющую населению автономных областей Тибета и Синьцзяна выступать за расширение независимости данных территорий и вступать в конфронтацию с властями КНР.

Кроме того, их отличает традиция длительной независимой государственности (особенно Тибет).

Одним из важнейших мобилизующих факторов также признается религиозный: население исповедует ислам и буддизм [1. С. 17]. Стоит отметить, что наряду с другими составляющими национального самосознания, такими как культура, язык и этнос, религия как совокупность вероисповеданий, распространенных среди членов определенной общности, играет одну из важнейших ролей в формировании национальной общности и ее самосознания. Так, история многих народов хранит примеры, когда церковные институты и религиозная практика господствовали и радикально влияли на все другие проявления общественного сознания, социальные организации и культуры [2]. Все это позволяет говорить о существенной роли религии при становлении и функционировании этносов и развитии их культуры, а впоследствии – национального самосознания и интересов определенных национальных групп, в ходе борьбы за которые появляется проблема сепаратизма и национализма. Важно, что этнос и культура также способны влиять на религию. Существует точка зрения, что религиозное мироощущение, обрядовая практика, религиозная мораль, церковные установления глубоко проникают в повседневную жизнь народа, многое в ней определяют и сами являются частью местного (этно-религиозного) своеобразия. А мировые религии, в силу взаимодействия с повседневным бытом народа, отличаются определенным национальным колоритом, т.е. обусловливаются этнической и культурной составляющими национального самосознания [Там же].

Исходя из всего вышесказанного, исследователи отмечают, что жителям ТАР и СУАР «становится тесно» в рамках унитарного государства [1. С. 18].

Возникшая и приобретающая все большую актуальность проблема не могла не вызвать должной реакции властей КНР – сепаратизм был отнесен к одной из «трех враждебных сил», являющихся «общим врагом многонационального народа Китая»: сепаратизм, терроризм, религиозный экстремизм [3]. Серьезная озабоченность китайского правительства этой «триадой» существует на протяжении нескольких лет. Неслучайным стало заключение в июне 2001 г. совместно с главами Республики Казахстан, Киргизской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [4].

Более того, согласно заявлению председателя Государственного комитета КНР по делам национальностей Ли Дэчжу, где бы ни давали о себе знать «три враждебные силы» (национальный сепаратизм, терроризм и религиозный экстремизм), они всегда выступают против руководства КПК, добиваются раскола страны и представляют собой серьезную угрозу для всего многонационального Китая. Национальный вопрос и религия для этих сил являются лишь предлогом, используя который они проводят свою подрывную деятельность [5. С. 3].

Несмотря на тот факт, что китайские власти отдают должное национальным традициям, районная национальная автономия имеет статус сугубо административной единицы некитайских национальностей в рамках унитарного государства, без каких-либо признаков государственности. Малейшие отклонения пресекаются незамедлительно, решительно и жестко [1. С. 17]. С сепаратизмом Китай борется весьма активно. Прежде всего, посредством проведения политики заселения «уязвимых районов» китайцами. Как следствие в СУАР затруднено преподавание уйгурского языка, культуры и истории, создаются многочисленные препятствия исполнению уйгурских обычаяев, что, в свою очередь, еще больше подогревает и без того раскаленный «котел напряженности» в регионе [Там же]. Примерно по тому же сценарию китайские власти действуют и в отношении сепаратистов Тибета – китайизация Тибета, сопровождаемая преследованием тибетцев, по мнению руководства КНР, предотвращает появление возможности использования сепаратистских тенденций в регионе в большой geopolитической игре [Там же. С. 18].

Однако, как следствие, все чаще приходится говорить скорее о великоханьском национализме, а не о rationalном укреплении стабильности в этих районах. Стоит подчеркнуть, что самое сложное в сложившейся ситуации – удержаться на зыбкой грани борьбы с сепаратистами, с одной стороны, с другой – неоправданным ущемлением (а иногда и подавлением) национального самосознания национальных меньшинств, их традиций, образа жизни [Там же. С. 19]. Китайское руководство полагает, что именно непоколебимость и максимальная неуступчивость

властей по отношению к сепаратистам являются определяющим фактором в сдерживании набирающих обороты тенденций нестабильности и напряженности в таких районах, как Синьцзян-уйгурский, Тибетский автономный район, Внутренняя Монголия, Тайвань. Более того, основная ставка делается на улучшение социально-экономического положения населения в этих частях государства, повышение жизненного уровня радикально настроенных масс, проведение культурных изменений и борьбу с распространением сепаратистских идей [1. С. 19].

Одним из наиболее очевидных проявлений деятельности китайского правительства в области улучшения социально-экономического положения в этих регионах является реализация в СУАР стратегической концепции «Большого освоения западных земель», рассчитанной до 2050 г. Эта концепция предполагает развитие инфраструктуры, содействие урбанизации, развертывание системы социальной поддержки, развитие сельского хозяйства и животноводства [6].

Однако степень эффективности проводимых мер сегодня ставится под сомнение. Эксперты подчеркивают, что подобные действия являются недостаточными в вопросе урегулирования сепаратистских волнений в СУАР, ТАР и других районах [1. С. 17].

Важную роль в стимулировании развития сепаратистских настроений в стране и их распространении, по мнению высшего руководства КНР, играет личность Далай-ламы. «Далай-ламе давно пора отказаться от иллюзий о независимости Тибета и прекратить распространять сепаратистские настроения среди населения», – говорится в «Белой книге», опубликованной Госсоветом КНР [7]. Говоря о мерах по борьбе с развивающимся стремлением к обособлению, руководство КНР подчеркивает не только необходимость социально-экономического и культурного урегулирования ситуации в регионах нарастающей нестабильности, но и обращает внимание на объективную потребность в уменьшении политической значимости личности Далай-ламы как основного «вдохновителя» сепаратистских идей Тибета. Считается, что без определяющего влияния Далай-ламы большинство противетских организаций просто перестанет существовать [8. Р. 87], что способно в значительной мере сократить степень напряженности в стране в целом. Несколько подчеркивалось, что влияние сепаратистов в Тибете опирается на группировки Далай-ламы, а он, в свою очередь, – на крупные западные государства с антикитайскими настроениями. Нередко являются громкие заявления о том, что лидер тибетского духовенства является «поборником Запада» и именно он, как никто другой, ответствен за расшатывание ситуации в стране.

И действительно, вряд ли можно поспорить с тем фактом, что Далай-лама играет не последнюю роль в поддержании сепаратистских настроений в Тибете: бегство Далай-ламы XIV Тэнцзина Гьямцхо на территорию Индии в 1959 г. развило и другую сторону Тибетского вопроса – проблему эмиграции. Вслед за духовным лидером на территорию Индии эмигрировало около 80 тыс. тибетцев [3. С. 18]. Кроме того,

разумеется, главным «раздражающим» фактором являются весьма близкие отношения Далай-ламы с Западом, его регулярные визиты, наносимые, в частности, американскому руководству и тепло воспринимаемые последним [9. Р. 602]. Только за последние 5 лет Далай-лама нанес более десяти визитов в США [10].

Тибет заслуживает особого внимания руководства КНР, убежденного, что уступки тибетским сепаратистам дадут «зеленый свет» настроениям того же толка в Синьцзяне и Внутренней Монголии, которые, в свою очередь, стремятся получить целый ряд важнейших китайских территорий в собственное распоряжение. Что касается Далай-ламы, он собственными действиями создает целый ряд подтверждений подобного рода опасениям: участвует в деятельности Союзного Комитета уйголов, монголов, маньчжуков. Кроме того, весьма радушно был воспринят местными властями визит Далай-ламы на Тайвань в 1997 г. [11. Р. 8].

Фактор активного взаимодействия Далай-ламы с прочими акторами международных отношений обуславливает и позицию КНР в отношении них. Регулярные визиты духовного лидера Тибета в США не могли не оказаться на двусторонних связях двух государств. И действительно, к концу прошлого столетия отношения тибетского лидера с США заметно улучшились: так, если в период 1959–1979 гг. въезд Далай-ламы на территорию Соединенных Штатов был запрещен, то в последующий период встречи стали ежегодными [Там же].

Несмотря на декларируемую официальную позицию США, согласно которой государство склонно к «осторожности в щекотливом вопросе» [12. С. 5], а «приезд духовного лидера не означает намерений расстроить отношения с Пекином, Тибет остается неизменно неотъемлемой частью Пекина» [Там же]. Интерес, проявляемый США к Тибетскому вопросу, является абсолютно очевидным. Суть данного интереса, безусловно, не ограничивается лишь так называемой тибетской лихорадкой, охватившей западное общество и связанной, в первую очередь, с появлением немалого количества поклонников тибетского буддизма с его широкой популяризацией среди звезд Голливуда. Стало вполне очевидным, что Тибет – это «крепкий орешек» в американо-китайских отношениях, который сложно расколоть [11. Р. 18].

Сегодня Китай решительно настроен максимально ограничить возможность иностранного вмешательства в решение Тибетского вопроса. Непростительным станет допущение разворачивания «тайваньского сценария» и в этом регионе: слишком дорогой ценой за либерализацию Тибета и, как это принято называть, «распространение демократии и прав человека», осуществляемых посредством прямого вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела региона, придется заплатить Китаю. Возникнет непосредственная угроза усиления сепаратистских настроений в исламизированном СУАР, Внутренней Монголии, которые уже стали серьезным поводом для опасений со стороны китайского руководства.

Вполне обоснованно КНР заявляет о том, что встречи американского руководства с Далай-ламой –

грубое нарушение международного права и вмешательство во внутренние дела КНР. Несмотря на тот факт, что США постоянно отмечают, что встречи с Далай-ламой не носят политического характера, свои визиты он наносит в качестве прежде всего духовного лидера, а приемы американское руководство подчеркнуто осуществляют не в Овальном зале, предназначенном для встреч с политическими лидерами. Однако многие исследователи подчеркивают: тот факт, что Далай-ламу вообще принимают в Вашингтоне, уже подтверждает оправданность опасений Пекина. Отмечается, что во время визитов тибетского лидера в Россию высшее политическое руководство страны с ним не встречалось, а сейчас въезд Далай-ламы на территорию Российской Федерации и вовсе запрещен [13. С. 7].

Для чего же США вмешиваются в вопрос, и без того вызывающий напряженность и озабоченность китайского руководства?

Китай, будучи мощной экономической и военно-политической державой, является соперником США на международной арене. 7–8%-й экономический рост КНР уже превышает экономический рост США [Там же]. Китай способен составить конкуренцию США не только в экономическом, но и геополитическом плане. Взаимодействие с Далай-ламой становится рычагом непосредственного влияния на соперника. Встречаясь с Ламой, Китай «передает сообщение» США: «Мы готовы к урегулированию Тибетского вопроса, ко всестороннему сотрудничеству с тибетскими сепаратистами. Проблема будет урегулирована» [Там же. С. 8]. В свою очередь, США, налаживая контакты с Далай-ламой, обращают внимание КНР на степень своего влияния на регион.

Сегодня Далай-лама – прежде всего средство коммуникации между двумя крупными державами, и только потом – религиозный и политический лидер. По мнению аналитиков, США используют его как «карту в игре», как повод «сказать нечто» китайскому руководству или поддержать правозащитников [Там же]. Более того, есть основания полагать, что лидеры США и КНР не заинтересованы в скором решении Тибетской проблемы, консервация которой дает возможность для эффективных политических переговоров, стимулирования друг друга.

Проблема сепаратизма в Китае, в частности в Тибетском автономном районе, является актуальной в современных международных отношениях по многим причинам.

В первую очередь, это связано с тем, что ситуация в Тибетском автономном районе и отчасти схожая с ней обстановка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе демонстрируют мировой общественности важность вопроса о национальном самосознании. Происходящее в СУАР и ТАР подчеркивает, что осознание жителями определенных территорий самих себя в качестве членов определенной этнической общности, идентификация индивидами самих себя в качестве членов определенной национальной группы, общая историческая память, схожесть религиозных убеждений – все это позволяет выступать в качестве

самостоятельных и достаточно влиятельных акторов международных отношений, полноправно бороться за расширение собственной независимости. Возникновение тибетского и синьцзян-уйгурского вопросов является, в какой-то степени, результатом развития прочного самосознания у жителей данных территорий, общности исторического пути, длительной истории независимого существования, а также общности религиозных убеждений – большинство населения исповедует буддизм и ислам. Именно осознание членами данных общностей своей принадлежности к ним, т.е. наличие прочно сформированного национального самосознания, «чувствства единства» и «неделимости» является «стойким фундаментом», «движущей силой» сепаратистских настроений в ТАР и СУАР. Таким образом, подобная ситуация, а также меры, к которым прибегает китайское руководство в

целях ее изменения и борьбы с одной из трех «враждебных сил» – сепаратизмом, служат наглядным примером для других государств, в рамках границ которых не исключено возникновение подобных проблем.

Кроме того, нельзя отрицать тот факт, что тибетский фактор является одним из наиболее актуальных в американо-китайских отношениях, обуславливает их развитие в XXI в. Примечательно, что в рамках американо-китайских отношений и важности для них тибетского фактора роль духовного лидера Тибета, его взаимоотношений с западными державами, и в частности с США, является немаловажной. Стоит отметить, что от урегулирования тибетского вопроса в рамках американо-китайского взаимодействия будет зависеть характер отношений двух государств, степень их развитости и открытости.

ЛИТЕРАТУРА

1. КНР. Национальный вопрос: трудные поиски равновесия и стабильности // Азия и Африка сегодня. 2010. № 3.
2. Андреева Т.Л. Выражение религиозной составляющей национального самосознания (сравнительно-сопоставительный анализ лексической семантики на материале английского языка): дис. ... канд. филолог. наук. Томск, 2007.
3. Лазарева Т.В. Зигзаги национальной политики Китая // Азия и Африка сегодня. 2010. № 3.
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Дипломатический вестник. 2002. № 3. С. 51–56.
5. Ли Дэчжу. Дан дэ ди-сань дай линдао цзити дуй макэсычжу миньцзу лилуң дэ синь фачжань синь гунсянь (Новое развитие и новый вклад коллективного руководства партии третьего поколения в марксистскую теорию национального вопроса) // D5. Миньцзу вэнтия яныцзу. 2002. № 9.
6. Социально-экономическая ситуация в Синьцзяне // polit-asia.kz. URL: <http://polit-asia.kz/index.php/latest-news>.
7. Китай призвал Далай-ламу отказаться от иллюзий о независимости Тибета // Деловая газета. Взгляд. URL: <http://vz.ru/news/2015/4/15/740033.html>
8. Barry Sautman. China's strategic vulnerability to minority separatism in Tibet // Asian Affairs. 2005. Vol. 32, № 2.
9. Baogang He, Barry Sautman. The Politics of the Dalai Lama's New Initiative for Autonomy // Pacific Affairs. 2005. Vol. 78, № 4.
10. Далай-лама: монах, странствующий по свету // Далай-лама XIV. URL: http://dalailama.ru/news/216-dalai_lama.html
11. Barry Sautman. The Tibet Issue in Post-Summit Sino-American Relations // Pacific Affairs. 1999. Vol. 72, № 1.
12. Гашков И. Далай-лама проложил «срединный путь» в Вашингтон // Независимая газета – Религии. 2014. № 4.
13. Минин С. Обама, Лама и бесконечная драма // Независимая газета – Религии. 2010. № 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2015 г.

THE TIBETAN FACTOR IN THE US-CHINA RELATIONS

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 22–26. DOI: 10.17223/15617793/404/3

Andreeva Tatyana L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru

Kern Kristina E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: k-k-13@mail.ru

Keywords: separatism; US-China relations; Tibet issue; Dalai Lama; national identity.

The relevance of studying the problem of Chinese separatism and, in particular, the Tibet issue is becoming more and more apparent. Research on Tibetan separatism as an integral part of the US-China relations and the entire system of international relations in the 21st century are also important and popular. This article is devoted to the problem of separatism in China as a determining factor of the behavior of the Chinese authorities in the domestic and foreign policy. In addition, it examines the impact of Tibetan separatism in the foreign policy. The growing importance of the issue of Tibet for China's foreign policy and the US-China relations in particular is obvious. In this regard, it is important to pay attention to the prerequisites that caused the problem of separatism from Xinjiang and Tibet, to study the policy of the Chinese leadership as part of the problem, to define the role of the Dalai Lama and his relations with Western countries, to consider the extent of involvement of the United States in the problem and to determine what impact the Tibetan factor has on the development of the US-China relations. This article is devoted to the fact that the emergence of the problem of separatism in Xinjiang and Tibet has its own causes. It is noted that it has both historical, religious, political and territorial roots. National identity takes an important place among main prerequisites of the Tibet issue emergence. The fact that the population of the Tibet territory realizes its belonging to a specific ethnic group, its uniqueness, common historical path creates a solid foundation for the struggle for the independence of Tibet's population. In addition, the attitude of the PRC leadership to this problem and the undertaken measures are analyzed. The importance of the personality of the Dalai Lama and his contacts with the heads of other states is discussed. An important place is given to the study of the US interest in this area. The importance of the Tibetan factor for the US-China relations and its impact on the balance of powers on the world stage is discussed. It should be noted that during the research it was found that the Tibetan factor is one of the most pressing in the US-China relations. The role of the spiritual leader of Tibet is important. So we found out that there is a belief that the Dalai Lama today, first of all, is a way of communication between China and the US, and only secondly the religious and political leader. According to analysts, the US uses it as a “card game” as an excuse to “say something” to the Chinese leaders or human rights supporters. Moreover, there is a reason to believe that the leaders of the United States and China are not interested in resolving the Tibetan problem soon, since conservation is an opportunity for effective political talks, stimulating each other.

REFERENCES

1. Aziya i Afrika segodnya. (2010) KNR. Natsional'nyy vopros: trudnye poiski ravnovesiya i stabil'nosti [China. The national question: the difficult search for balance and stability]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3.
2. Andreeva, T.L. (2007) *Vyrazhenie religioznoy sostavlyayushchey natsional'noy samosoznaniya (sравнительно-сопоставительный анализ лексической семантики на материале английского языка)* [Expression of the religious component of national identity (comparative analysis of lexical semantics on the material of the English language)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Lazareva, T.V. (2010) Zigzagi natsional'noy politiki Kitaya [The zigzags of the national policy of China]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3.
4. Diplomaticeskiy vestnik. (2002) Shankhayskaya konventsya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom [The Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism]. *Diplomaticeskiy vestnik*. 3. pp. 51–56.
5. Li Dezhi. (2002) New development and new contribution of the third generation of collective leadership of the party in the Marxist theory of the national question. *D5. Min'tsuzu ven'ti yan'tszyu*. 9. (In Chinese).
6. Izimov, R. (2014) *Sotsial'no-ekonomicheskaya situatsiya v Sin'tszyane* [The socio-economic situation in Xinjiang]. [Online]. Available from: <http://polit-asia.kz/index.php/latest-news/408>.
7. Vzglyad. (2015) Kitay prizval Dalay-lamu otkazat'sya ot illyuziy o nezavisimosti Tibeta [China urged the Dalai Lama to abandon illusions about the independence of Tibet]. *Vzglyad*. [Online]. Available from: <http://vz.ru/news/2015/4/15/740033.html>.
8. Sautman, B. (2005) China's strategic vulnerability to minority separatism in Tibet. *Asian Affairs*. 32:2.
9. Baogang He, B. & Sautman, B. (2005) The Politics of the Dalai Lama's New Initiative for Autonomy. *Pacific Affairs*. 78:4.
10. The Dalai Lama XIV. (2010) *Dalay-lama: monakh, stranstvuyushchiy po svetu* [The Dalai Lama: a monk wandering around the world]. [Online]. Available from: http://dalailama.ru/news/216-dalai_lama.html.
11. Sautman, B. (1999) The Tibet Issue in Post-Summit Sino-American Relations. *Pacific Affairs*. 72:1.
12. Gashkov, I. (2014) Dalay-lama prolozhil "sredinnyy put'" v Vashington [The Dalai Lama paved the "middle way" in Washington]. *Nezavisimaya gazeta – Religiya*. 4.
13. Minin, S. (2010) Obama, Lama i beskonechnaya drama [Obama, Lama and endless drama]. *Nezavisimaya gazeta – Religiya*. 4.

Received: 04 September 2015

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Рассмотрены изменения традиционной концепции немецкого образования, во главе угла которого стояло развитие личности. Приведены примеры, как студенты и преподаватели немецких вузов времен нацизма отнеслись к этим изменениям. Проанализированы предпосылки и последствия «нацификации» высшего образования. Нацистская система высшего образования была разработана, чтобы физически и идеологически подготовить все поколение немецкой молодежи для службы Третьему рейху в период войны.

Ключевые слова: Третий рейх; преподаватели и студенты университетов Германии; нацистская политика народной общности; высшее образование.

Период Третьего рейха характеризуется тотальным контролем и давлением нацистов на все стороны жизнедеятельности страны, созданием «нового порядка» – фашистской диктатуры. В соответствии с «Новой программой» на первом этапе нацистским правительством была поставлена цель – сплотить немцев в единую «народную общность», что отражает популярный лозунг того времени «Один рейх, один народ, один фюрер!». В конечном итоге идея «народной общности» превратилась в попытку слияния расы и страны, в концепцию расового превосходства и стала, в сущности, антнародной идеей, антнародным режимом. Чтобы сплотить немцев в единую общность, необходимо было сформировать новое поколение, воспитать истинных арийцев, фанатично преданных Гитлеру и его партии. Для осуществления этой важной идеологической и политической задачи предполагалось произвести реформы в системе образования. В результате этих реформ все учебные заведения лишились своей самостоятельности. Если ранее университетские ректоры и деканы избирались коллегами-профессорами, то теперь только министр науки и образования единолично имел право назначать их. Кроме того, он назначал руководителей Союза студентов и Союза преподавателей университетов, куда должны были входить все преподаватели. Руководители университетских союзов стали строго контролировать отбор преподавателей и сам процесс обучения, его соответствие нацистским теориям. Лекторам «левых» убеждений, неарийского происхождения, а также женщинам было запрещено преподавать в вузах [1]. Право учиться и преподавать в вузе определялось, следовательно, политической благонадежностью и чистотой расы.

Нельзя забывать, что нацисты унаследовали одну из лучших систем университетского образования в Европе с сильными традициями развития личности, идеями гуманизма и философскими основами, заложенными еще Гегелем, Кантом, Шопенгаузом, Гумбольдтом, Гете, Гейне и др. Уровень подготовки студентов в Германии и компетенция преподавательского состава считались непревзойденными. С одной стороны, систему высшего образования всегда отличал вольнолюбивый дух студенчества, с другой стороны, среди преподавателей проявлялся националистический дух. Так, «в 1915 г. 450 университетских профессоров подписали заявление о поддержке воен-

ной политики Германии. Многие академики отказались признать поражение Германии в 1918 г. и равнодушно отнеслись к демократической Веймарской республике, где предполагалась полная свобода преподавания» [2].

Как ни странно, именно эта свобода привела к расшатыванию либерального общества, а консервативные академики жаждали вернуть старую монархическую Германию. Нацисты коренным образом изменили традиционную концепцию немецкого образования, во главе угла которого стояло развитие личности. Нацистская система образования была разработана, чтобы физически и идеологически подготовить все поколение немецкой молодежи для службы государству в военное время. Недаром перед поступлением в вузы абитуриенты должны были пройти годовую трудовую повинность, а с 1935 г. для студентов был возвращен призыв на военную службу. Не удивительно, что при таких условиях университетская система быстро адаптировалась к так называемой нацистской политике «Gleichschaltung», политике народной общности. «Gleich» означает «равный» и «тот же самый», «schalten» – «переключать». Устранение любого, кто «загрязняет» нацию, – «отключение» (Ausschaltung). Лица, признанные по тем или иным причинам (врожденные отклонения, ненемецкое происхождение, приверженность марксизму) нежелательными, «отключались», т.е. устраивались из общественной жизни [3. С. 94].

В области образования термин «Gleichschaltung» означал, что люди из самых разных слоев общества должны были иметь одинаковый доступ к знаниям. Но началось жесткое соблюдение чистоты арийской нации, которое исходило из принципов нацизма, основанного на представлении о том, что расовое смешение неизбежно ведет к деградации общества. Поэтому в действительности далеко не все могли получать необходимые знания, возможность преподавать, посещать образовательные и развлекательные заведения. Так, за время с 1933 по 1935 г. были вынуждены оставить свои посты и эмигрировать 1 145 преподавателей, профессоров и академиков, что составляло почти 14% преподавательского корпуса.

На примере европейски известного филолога-романиста, профессора из Дрезденского университета Виктора Клемперера, который рассказал историю его изгнания из вуза в своем «Дневнике», становится ясно, что процесс «нацификации» в образовании носил не

скоропалительный, но изощренный характер. Сначала доктору Клемпереру объявили, что он не может возглавлять кафедру, так как является евреем. Затем он должен был сдать все книги по специальности из личной библиотеки, потом его выселили из квартиры и, в конце концов, уволили из вуза, устроив, правда, чернорабочим на фабрику. От гибели его спасло то, что он как «неарийский христианин» был женат на немке. Оказавшись в вынужденной изоляции, он не переставал заниматься наукой. Клемперер приложил все силы для собирания фразеологических оборотов из публичных выступлений нацистских лидеров, из фильмов, радиопередач и газет. Позже он написал социолингвистический труд «Язык Третьего рейха», (Lingua Tertii Imperii), где зафиксировал и проанализировал все языковые особенности ненавистного ему нацистского стиля. Этот труд до сих пор востребован многими филологами. «Механизация личности, – писал он, – впервые проявила себя в “Gleichschaltung”. Вы как будто слышите щелчок переключателя, приводящий в движение всё – не только учреждения, но и людей». Нацистские идиомы, такие как «погода Гитлера» для обозначения солнечного дня, незаметно проскальзывали в обыденные разговоры. «Нацисты, – писал Клемперер, – изменили значения и частоту употребления слов, сделали общим достоянием слова, которые доселе использовались лишь в очень ограниченном кругу. Они заставили язык служить своей страшной системе и превратили слова в могучее средство агитации» [3. С. 95].

Политическая ситуация в стране отразилась на судьбах многих профессоров, пользовавшихся заслуженным авторитетом в научном мире. За свои прогрессивные взгляды или неарийское происхождение подвергались изгнанию и репрессиям поченные ученые. Так, в начале 1930-х гг., когда началась первая волна отставок, одновременно лишились своих должностей семья известных профессоров Геттингенского университета, в том числе физик Макс Борн. Боясь потерять профессорское кресло, многим было легче промолчать, чем выступить в их защиту. Стоит заметить, что ни в этот раз, ни позже практически никто не пытался противостоять произволу. И только в редких случаях появлялись смельчаки, кто поддерживал тех, кто был неугоден новой власти, кому угрожала отставка. Великие ученые-физики М. Планк, В. Гейзенберг, М. фон Лауз, Л. Прандтль и А. Зоммерфельд, всемирно признанные математики Р. Курант и Д. Гильберт обращались с петициями протеста против увольнения «неблагонадежных» сотрудников.

Когда сам Зоммерфельд был обвинен в пропаганде еврейских теорий, ему пришлось просить помощи у своего друга Прандтля, находившегося в контакте с Г. Герингом. Еще один известный физик и биохимик Джеймс Франк посчитал себя обязанным уйти из со-лидарности со своими изгнанными коллегами. «Мы, немцы еврейского происхождения, рассматриваемся ныне как чужестранцы и как враги в своей стране», – жаловался он [4].

За 12 лет нацизма из университетов было уволено приблизительно 20% преподавателей. Более 2 тысяч

ученых, среди которых было 24 лауреата Нобелевской премии, покинули страну не по своей воле [1].

Логично предположить, что после всех «чисток» и преобразований в системе высшего образования уровень развития науки и квалификация преподавательского состава резко снизились. Постепенно уменьшалось и количество студентов. На основании «Закона против переполнения немецких школ и высших учебных заведений» от 25 апреля 1933 г. было сокращено число абитуриентов в высших учебных заведениях на 15 тыс. человек, а к началу Второй мировой войны сократилось вдвое. Так, в 1931 г. число студентов составляло 138 тыс. человек, в 1933 г. – уже 128 тыс., а к 1939 г. – около 67 тыс. человек [5]. Особенно резко упало число студенток, так как женщины в то время отводилась прежде всего роль матери, воспитывающей будущих защитников отечества. В университетах была введена «женская квота»: число студенток не должно было превышать 10% от общего числа учащихся. Высшее образование стало недоступным для большинства женщин.

В немецких университетах того времени, как правило, преподавали два типа профессоров, различающихся своей позицией к существующей власти. Большинство ученых посвящали себя исключительно науке и не вникали в государственные дела. Оставаясь пассивными наблюдателями событий внутри страны и за границей, они избегали брать на себя историческую ответственность. Примерно 10% от всех академиков и профессоров составляли те, кто считал своим долгом поддерживать новый режим и принимал активное участие в общественной и политической жизни. Такая профессура была частью государственного аппарата. Но влияние и уважение этой небольшой группы в обществе имело огромное социальное и политическое значение. В начале 1930-х гг. в Германии насчитывалось примерно 3 тыс. штатных профессоров. На предвыборных обращениях 1932 г. публично поддержали партию национал-социализма 87 преподавателей высшей школы, во время выборов от 5.03.1933 г. уже 300 преподавателей одобрили проводимую политику, направив Гитлеру так называемую «Мартовскую» петицию [6]. В ноябре 1933 г. во время демонстрации в Лейпциге около 960 профессоров и академиков принесли присягу «Признание Адольфу Гитлеру и национал-социалистскому государству». Это составило 21,4% от 4 678 человек – общего числа профессоров, преподающих в вузах в 1933–1934 гг. [7]. Хотя большинство ученых и преподавателей не подписали «Мартовскую» петицию и не были убежденными сторонниками национал-социализма, они так или иначе приветствовали переворот 1933 г. В течение последующих лет они выражали готовность к сотрудничеству с нацистским режимом и содействовали увольнению коллег.

Новые законы, изданные в тоталитарном государстве, жестокая война, культивирующая ненависть к врагу, – все это разрушало мораль общества. У людей, оказавшихся в непривычных условиях или под давлением идеологии, менялась психология, ломались судьбы. Каждый испытывал разные страхи: перед

собственной смертью, за жизнь своих близких, друзей, страх показаться трусом, быть отвергнутым и т.д. Психологический аспект очень важен для понимания того или иного противоречивого поведения в экстремальной ситуации и его нельзя воспринимать без исторического контекста. Многие ученые оправдывали свои странные поступки истинным патриотизмом и желанием служить на благо отечества. Известный философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер после назначения на должность «фюрер-ректора» Фрайбургского университета активно начал «чистку» кадров. Именно он первым отдал распоряжение о материальной помощи студентам, которые состояли в СА и СС, студенты-не арийцы лишались финансовой поддержки. Одновременно Хайдеггер отказался руководить диссертациями всех своих еврейских аспирантов.

В книге Клаудии Кунц «Совесть нацистов» на примере биографий некоторых известных профессоров, в том числе философа Мартина Хайдеггера, политолога Карла Шмитта и теолога Герхарда Киттеля, приоткрываются причины, «почему в среде высокообразованных немцев, не поддерживавших нацистов до 1933 г., идеи Гитлера стали столь популярны. Эти ученые, как и многие другие, открыто поддержали не только диктатуру Гитлера, но и его антисемитизм. До 1933 г. все трое работали в тесном контакте с еврейскими коллегами и студентами и, что бы они там ни думали про себя, расизм не оказывал влияния на их научную деятельность. Однако уже спустя несколько месяцев после прихода Гитлера к власти они проявили особую настойчивость в стремлении разрушить карьеры студентов и коллег, которые были евреями или вызывали подозрение в политическом плане. Хотя с их прочным университетским положением эти выдающиеся ученые, в отличие от многих других, не нуждались в преференциях и возможности получения должности в связи с увольнением этнически и политически «нежелательных» персон [3. С. 69].

В итоге в сфере высшей школы нацисты не произвели каких-либо глубоких структурных преобразований. Был проведен процесс вытеснения евреев из учебного сообщества, как и из всего общества в целом. Основной задачей государства провозглашалось сохранение исконных расовых элементов, чтобы избежать вырождения германской расы. Благодаря законам о гражданстве и расе, принятым в 1935 г., расизм получил юридическое обоснование в Третьем рейхе, что дало импульс для широкого распространения расовых исследований – «Rassenforschung». На результаты таких исследований нацистских ученых опирались новые учебные планы.

Немецкое общество не являлось монолитным. Прекрасно понимая, что не все слои населения готовы одинаково поддерживать режим, политическая элита делала ставку на самое слабое и беззащитное звено, поддающееся влиянию извне, на молодежь. Благодаря усиленной пропаганде в стране развивалось активное молодежное движение. Все молодые люди в те годы должны были состоять в каких-либо спортивных или военизированных структурах. Среди молодежи, в том числе студенческой, все многочисленнее становились

народные организации с сильным идеологическим руководством и закрытым членством, такие как НСДАП и СА. «Ультраправые» и «коричневое студенческое движение» были политическим продуктом университетов еще времён Веймарской республики, когда все громче звучали слова о свободе вообще и свободе преподавания в частности. В начале 1930-х гг. многие студенты с воодушевлением отнеслись к пламенным призывам Гитлера объединиться в борьбе против общего врага – евреев и коммунистов, которые мешают процветанию Германии. Партия Гитлера приобретала огромную популярность среди студенческого мейнстрима, который составляли в основном выходцы из средних и высших слоев общества. Молодые люди часто ассоциировали себя с героями исторических мифов германского прошлого. «Национал-социалистическому Союзу студентов» удалось без труда привлечь студенческую молодежь на сторону новой власти, поскольку на фоне нацистских настроений в разогретом патриотической пропагандой обществе они не только не сопротивлялись репрессиям по отношению к их коллегам и недавним кумирам, но и с восторгом вливались в осуществление «великой миссии» немецкого народа.

«Практика моральной и административной травли инакомыслящих преподавателей и студентов была обычной для Германии эпохи становления нацистского господства еще с 1931 г., когда представители Национал-социалистического немецкого студенческого союза получили 44,4% голосов на выборах Всеобщего студенческого комитета, и вполне демократическим путем поставили студенческое движение под свой полный контроль» [8]. «Из германских вузов повсеместно изгонялись «ненадежные элементы», считавшиеся недостаточно националистически настроенными, а инакомыслящих всячески терроризировали. Еще до прихода Гитлера к власти студенты-националисты в Берлине прогнали свистом с трибуны Эйнштейна, выступившего с лекцией о своей теории относительности. Тогда этот инцидент вызвал отвращение у большинства университетской публики. Однако вскоре даже в тихих университетских городках, таких как Геттинген, довольно частыми стали демонстрации против «нежелательных» преподавателей, подобных выдающемуся математику Герману Вейлю – близкому другу Эйнштейна. Особенно неистовые атаки студенты-коричневорубашечники направляли против старшекурсников-евреев, приехавших учиться в Германию из Польши или Венгрии» [4].

«В немецких университетах создавались «комитеты по борьбе с негерманским духом». Их целью было избавиться от неугодных профессоров, подвергать их унижениям, бойкотировать их лекции, «очистить» библиотеки от антипатриотических произведений. Всего в «черные списки» нацистов попали труды более 300 писателей. Именно Немецкий студенческий союз стал инициатором и организатором общественной «Акции против негерманского духа», кульминационным моментом которой явилось публичное сожжение книг опальных авторов. 10 мая 1933 г. в центре Берлина состоялось факельное шествие, в котором

приняли участие студенты и преподаватели столичных вузов. В завершении они бросали факелы в огромную гору книг, выкрикивая при этом огненные речевки:

«Нет фальсификации отечественной истории и очернительству великих имен, будем свято чтить наше прошлое! Я предаю огню сочинения Эмиля Людвига и Вернера Хегемана».

«Нет – антисемитской журналистике демократически-еврейского пошиба в годы национального восстановления! Я предаю огню сочинения Теодора Вольфа и Георга Бернгарда».

Эта масштабная пропагандистская кампания была поддержанна студентами в нескольких крупных городах, где за один день было сожжено около 20 тысяч томов, написанных всемирно известными писателями, такими как Томас и Генрих Манн, Эрих Кестнер, Лион Фейхтвангер, Стефан Цвейг, Курт Тухольский, Эрих Мария Ремарк, Генрих Гейне, Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Герберт Уэллс, Марсель Пруст [5]. Журналист Фолькер Вайдерман писал: «В 1933 году книги были сожжены не кучкой психически больных нацистов, это была акция большинства общества: студентов, которые ее придумали, профессоров, которые в ней участвовали, и населения, которое в массовом порядке приходило на сожжения и приносило с собой книги, чтобы бросить их в огонь» [8].

В 1995 г. в Берлине был установлен памятник сожженным книгам: через квадратное стекло в мостовой видна комната с пустыми книжными полками. Рядом в мостовой бронзовая плита со словами: «В центре этой площади 10 мая 1933 года студенты-национал-социалисты сожгли сотни трудов свободных писателей, публицистов, философов и ученых». На другой бронзовой табличке – цитата из трагедии «Альмансор» Генриха Гейне 1820 года: «Это была лишь прелюдия, там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей».

Идеологическая пропаганда, отказ от интеллектуализма, внешний антураж, иллюзия общего дела на благо отечества – все это преследовало одну цель: сделать из молодых людей послушных и преданных Гитлеру солдат. Среди немецкой молодежи все же находились здравомыслящие и бесстрашные студенты. Ярким примером студенческого протеста против губительной идеологии правящего режима служит подпольная антигитлеровская организация «Белая роза», созданная в Мюнхенском университете. Как большинство их сверстников в Германии середины 1930-х гг., будущие участники группы сопротивления поддались нацистской пропаганде и стали членами молодежных организаций НСДАП.

В начале Второй мировой войны, узнав о преступлениях нацистов, увидев это собственными глазами на восточном фронте, они решили бороться. Молодые студенты были возмущены тем, что образованные немцы соглашались с политикой нацистов. Они писали на стенах университета лозунги «Свобода!» и «До-

лой Гитлера!». С июня 1942 г. по февраль 1943 г. они напечатали и распространили несколько тысяч листовок с призывами свержения нацистов. В листовках объявлено, что «настал день суда – суда молодежи Германии – над самой гнусной тиранией, от которой когда-либо страдал наш народ». За свою короткую деятельность шесть молодых активистов и их наставник, профессор философии Курт Хубер были обвинены в измене и жестоко казнены.

Впечатляют последние слова Курта: «Я добивался пробуждения студенческих кругов не организацией, а простым словом. Я призывал не к насилию, а к нравственному взгляду на то, какой огромный вред нанесен политической жизни страны. Нет более страшного приговора для народа, чем признание таких отношений между людьми, когда нельзя положиться на соседа, когда отец не уверен даже в своих сыновьях... Мы не хотим отывать нашу короткую жизнь в рабских цепях, даже если бы это были золотые цепи материального изобилия» [9]. Последние слова профессора не потеряли актуальности до сих пор. Сегодня именами участников «Белой розы» называют улицы и площади в Мюнхене. В 1980 г. была учреждена литературная премия в честь брата и сестры Шолль, врученная за «моральное, интеллектуальное и эстетическое мужество».

Таким образом, немецкому образованию и немецким университетам был нанесен огромный моральный и материальный урон, который оказался выгоден остальному миру. Тысячи талантливых ученых с успехом продолжили свою научную и преподавательскую деятельность в США, Великобритании и других странах. Многие ученые, некогда симпатизировавшие национал-социализму, вскоре после краха фашистского режима снова стали преподавать в университетах. В 1946 г. теолог Карл Барт писал, что они, хотя и прошли «денацификацию», мало чему научились и мало что поняли и едва ли могут быть полезными академической молодежи, чтобы правильно объяснить отношения между немецким прошлым и настоящим. Он признавал фатальным, что многим немецким студентам преподавали и ставились в пример профессора именно такого типа, с двойной моралью или политические фанатики, которые не смогли бы воспитать свободных людей [10].

Немецкие университеты достигли много в образовании специалистов, но они были несостоительны в своей задаче духовного образования нации. В рамках своей системы нацисты эффективно переписали историю Германии и перенастроили все компоненты общества. Целые общинные и семейные линии были прерваны, исторические артефакты уничтожены, потеряны или украдены. В течение 12 лет тоталитарный режим настолько изменил процесс и содержание немецкого высшего образования, что потребовались годы, чтобы вернуть ему былое качество и привлекательность на мировом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Том 1. Глава VIII. Жизнь в Третьем рейхе: 1933–1937 годы. URL: http://www.razlib.ru/istorija/vzlet_i_padenie_tretego_reiha_tom_1/p39.php, свободный.

2. Воропаев С. Энциклопедия третьего рейха. М. : ЛОКИД-МИФ, 1996. URL: http://bookz.ru/authors/sergei-voropaev/reijh_encicl/page-54-reijh_encicl.html, свободный.
3. Кунц К. Совесть нацистов. Глава 3: Союзники в академии; Глава 4: Овладение политической культурой. М. : Ладомир, 2007. 380 с. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/sta/ynier.htm, свободный.
4. Роберт Юнг. Ярче тысячи солнц. Повествование об ученых-атомниках / сокр. пер. с англ. В.Н. Дурнева. М., 1961. URL: http://hirosima/scepsis.ru/library/lib_35.html, свободный.
5. Розанов Г. Германия под властью фашизма. Глава IV: Идеологическая подготовка германского фашизма к войне. Упадок культуры, науки и образования в фашистской Германии. URL: <http://www.katyn-books.ru/library/germaniya-pod-vlastyu-fashizma29.html>, свободный.
6. Faust, Anselm: Professoren für die NSDAP. Zum politischen Verhalten der Hochschullehrer 1932/33. In: Heinemann, Manfred (Hrsg.): Erziehung und Schulung im Dritten Reich. Teil 2: Hochschule, Erwachsenenbildung. Stuttgart, 1980. S. 41.
7. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, hrsg. vom Statistischen Reichsamt, 1953.
8. Манчук А. URL: <http://liva.com.ua/history-repeats-itself.html>, свободный.
9. Кузнецов И. Лики войны. Курт Хубер – антифашист, профессор благородства и нравственности. URL: http://www.pravda.ru/society/fashion/05-08-2013/1168352-whaite_rose-0/, свободный.
10. Bruno W. Reimann aus: Die "Selbst-Gleichschaltung" der Universitäten 1933. In: Tröger, Jörg (Hg.), Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt/M. ; New York, 1984.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 февраля 2016 г.

HIGHER EDUCATION AS A TOOL OF POLITICAL POWER IN THE THIRD REICH

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 27–31. DOI: 10.17223/15617793/404/4

Babina Margarita S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Maggi13@yandex.ru

Keywords: The Third Reich; teachers and students of universities of Germany; Nazi policy of national community; higher education.

The article considers the changes of the traditional concept of German education that always paid a great attention to the development of personality. The article analyses preconditions and consequences of nazification of higher education and gives examples how students and teachers of German higher schools of that time reacted to these changes. Right after the Nazi had come to power totalitarian principles were put into practice in all aspects of German education, which considerably deteriorated the development of science and the quality of students' training. Many academicians and professors openly supported not only Hitler's dictatorship, but also its anti-Semitism. Teachers and students of other than an Aryan origin began to be dropped out of universities. According to some rectors, university was to be integrated into a national community and merge with the state. The Nazi system of higher education was developed to both physically and ideologically prepare not only elite personnel but also the whole generation of German youth for the service in the Third Reich, which means for the war. At the same time the number of students as well as undesirable teachers decreased, according to statistics. The article shows the role of the National Socialist Union of Students in winning student youth over to the new power's side. Against a background of the Nazi public mood in the society that was heated by the patriotic propaganda, students did not resist the repressions of their colleagues and recent idols; moreover, they enthusiastically started realizing "the great mission" of the German nation. Persecution and dropping of undesirable teachers out of universities became typical of Germany of that time. On account of this, 20 % of the teaching staff was fired. Despite the general tendency and an open terror there were scientists in German higher educational establishments for whom science did not have nationality. Some of them ventured to defend their suspect colleagues whose talent they could not do without. The article gives an example of a students' protest against the ruinous ideology of the ruling regime. Thus, German education and German universities suffered great moral and material damage which appeared to be profitable to the rest of the world. Thousands of talented scientists emigrated from Germany and successfully continued their scientific and teaching activity in other countries. During the 12 years of the totalitarian regime the process and content of German higher education changed so much that it took years to return its former quality and appeal on the world level.

REFERENCES

1. Shirer, W. (1960) *Vzlet i padenie tret'ego reykhā* [The Rise and Fall of the Third Reich]. Vol. 1. [Online]. Available from: http://www.razlib.ru/istorija/vzlet_i_padenie_tretego_reiha_tom_1/p39.php.
2. Voropaev, S. (1996) *Entsiklopediya tret'ego reykhā* [Encyclopedia of the Third Reich]. Moscow: LOKID-MIF. [Online]. Available from: http://bookz.ru/authors/sergei-voropaev/reijh_encicl/page-54-reijh_encicl.html.
3. Kunz, K. (2007) *Sovest' natsistov* [Conscience of the Nazi]. Moscow: Ladorim. [Online]. Available from: http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/sta/ynier.htm.
4. Jung, R. (1961) *Yarче tysyachi solnts. Povestvovanie ob uchenykh-atomnikakh* [Brighter than a thousand suns. The narrative of the atomic scientists]. Translated from English by V.N. Durnev. Moscow. [Online]. Available from: http://hirosima/scepsis.ru/library/lib_35.html.
5. Rozanov, G. (1964) *Germaniya pod vlast'yu fashizma* [Germany under fascist rule]. [Online]. Available from: <http://www.katyn-books.ru/library/germaniya-pod-vlastyu-fashizma29.html>.
6. Faust, A. (1980) Professoren für die NSDAP. Zum politischen Verhalten der Hochschullehrer 1932/33 [Professors of the NSDAP. On the political behavior of university teachers in 1932–33]. In: Heinemann, M. (ed.) *Erziehung und Schulung im Dritten Reich* [Education and training in the Third Reich]. Pt. 2. Stuttgart.
7. Statistical Reich Office. (1953) *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich* [Statistical Yearbook of the German Reich].
8. Manchuk, A. (2015) *History Repeats Itself*. [Online]. Available from: <http://liva.com.ua/history-repeats-itself.html>.
9. Kuznetsov, I. (2013) *Liki voyny. Kurt Khuber – antifashist, professor blagorodstva i nравственности* [Faces of War. Kurt Huber: antifascist, professor of nobility and morality]. [Online]. Available from: http://www.pravda.ru/society/fashion/05-08-2013/1168352-whaite_rose-0/.
10. Bruno, W. (1984) Reimann aus: Die "Selbst-Gleichschaltung" der Universitäten 1933 [Reimann: The "self-Gleichschaltung" of universities in 1933]. In: Tröger, J. (ed.) *Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich* [Higher education and science in the Third Reich]. Frankfurt; New York.

Received: 01 February 2016

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ В ХАКАСИИ В КОНЦЕ 1980-х – 2010-е гг.

Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-0231).

Раскрываются сущность и особенности процессов эволюции семьи и домохозяйств в Хакасии в условиях депопуляционных процессов в России на рубеже ХХ–ХХI вв. Основное внимание уделяется выявлению и характеристике численности, состава, типа семьи, детности, анализу условий воспроизведения населения с учетом региональной специфики. Характеристика семейно-брачных отношений дает возможность оценить демографический потенциал населения республики, перспективы его воспроизведения; выявить особенности семейных отношений в республике за последние 25 лет, что не было предметом специального исследования.

Ключевые слова: семья; состав семьи; домохозяйство; детность; тип воспроизведения; Хакасия.

Семья является непреходящей ценностью в жизни каждого человека, играет важную роль в развитии общества и государства, воспитании новых поколений, обеспечении стабильности общества. Негативные тенденции в развитии современной российской семьи (высокий уровень разводов при низких показателях зарегистрированных браков; рост неполных семей; снижение рождаемости, не способной обеспечить простое воспроизведение населения; рост внебрачной рождаемости; увеличение незарегистрированных браков; малообеспеченность семьи и пр.) несут в себе угрозу социальной и демографической безопасности государства. В связи с этим обращение к данной тематике является актуальной в научном и практическом отношении задачей.

Основная цель исследования заключается в выявлении особенностей развития семьи Хакасии в условиях структурных преобразований в стране в конце 1980-х – 2010-е гг. Исходя из этого, ставится ряд задач: дать структурно-количественную характеристику семьи с учетом специфики региона (численность, состав, условия воспроизведения, детность); оценить характер эволюции брачно-семейных отношений.

Несмотря на множество определений семьи, выделяющих различные признаки и стороны семейной жизнедеятельности, большая часть исследователей подчеркивает наличие трех важных признаков отношений в семье: супружества – родительства – родства или свойства. В контексте исследования автор опирается на определение А.И. Антонова и В.М. Медкова, которые исходили из того, что «семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства, и тем самым осуществляющая воспроизведение населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи [1. С. 65].

Семья является полифункциональным институтом, но ядром выполняемых ею функций является обеспечение воспроизведения населения. К демографическим функциям семьи относятся: рождение, выхаживание, воспитание детей; создание условий, способствующих улучшению здоровья и продолжительности жизни членов семьи; обеспечение собственной стабильности, которая, в свою очередь, обеспечивает устойчивость развития общества [2. С. 247]. К иным

важным функциям семьи можно отнести коммуникативную, которая обеспечивает психологический комфорт и взаимопонимание между ее членами; регулятивную – осуществление первичного социального контроля за поведением потомства, прежде всего со стороны главы семьи; экономическую – обеспечение материального благосостояния семьи.

В исследуемый период единицей наблюдения в переписи 1989 г. была семья, в переписях 2002 и 2010 гг. – домохозяйство. Средний размер семьи определяется как отношение численности людей, проживающих совместно с семьей, к числу семей. В отличие от семьи, домохозяйство шире по своему составу за счет лиц, ведущих общее с семьей домашнее хозяйство, совместно проживающих, но не состоящих с членами семьи в отношениях родства. Всякий человек, проживавший отдельно, образовывает самостоятельное домохозяйство.

В Хакасии средний размер семьи подвергся существенному сокращению уже в 1970-е гг.: в среднем с 3,7 до 3,3 чел., что зафиксировали Всесоюзные переписи 1970 и 1979 гг. Городская семья уменьшилась с 3,5 до 3,2 чел., сельская – с 3,9 до 3,4 чел. Наибольший удельный вес составляли семьи из двух-четырех человек. При этом в 1970 г. удельный вес семей из двух, трех, четырех человек был примерно равным, составляя соответственно 25,9, 26,0 и 25,1% от всех семей Хакасии, в 1979 г. доля семей в составе двух и трех человек выросла до 31,1%, а четырех – сократилась до 23,4%. Если в 1970 г. удельный вес семей из пяти, шести и более человек был довольно значительным – 13,4 и 9,6%, то в 1979 г. он сократился до 8,8 и 4,8% [3. С. 206–207; 4. С. 68–69].

В 1989 г. средний размер семей сохранялся на уровне 3,3 чел. Но по районам Хакасской автономной области в городской и сельской местности показатели варьировались. В 1989 г. в Абакане средний размер семьи составлял 3,2 чел. В Аскизском районе среди городского населения рабочих поселков Аскиз, Балыкса, Бельтирский, Бирюкчуль, Бискамжа, Вершина Тей семья насчитывала 3,3 чел., среди сельского населения, где преобладали хакасы, – 3,7. Доля многодетных семей с шестью и более человек насчитывала 11,6%, что на 7,2% было выше, чем в целом по Хакасии. В Ширинском районе среди горожан (районный центр Шира, курорт Жемчужный, рабочие поселки

Коммунар, Туим) семья в среднем составляла 3,1 чел., среди сельчан – 3,5. В других районах Хакасии – Бейском, Боградском, Орджоникидзевском, Таштыпском и Усть-Абаканском, отличавшихся большим этническим разнообразием, размер семьи колебался в городской и сельской местности от 3,0 до 3,4 чел. (подсчитано по [5]).

Сокращение семей происходило в результате процессов дробления и образования новых семей, роста неполных семей, характерных как для городского, так и сельского населения Хакасии. В послевоенные годы наличие неполных семей было связано с вдовством женщин, самостоятельно воспитывавших детей; рождением внебрачных детей и созданием материнских семей в условиях нарушения возрастно-половой структуры населения; окончательным безбрачием женщин, вынужденных проживать совместно с представителями старших поколений. В последующие годы рост неполных семей стимулировался увеличением разводов населения и ростом внебрачной рождаемости, отношение к которым со стороны общества становилось более либеральным. Рост дробления семей во многом объяснялся стремлением молодых пар к самостоятельности при сохранении, как правило, тесных связей в организации быта и помощи в воспитании детей со стороны старшего поколения.

На протяжении 1940–1980-х гг. происходила смена репродуктивных установок населения республики, как и страны в целом, со среднедетности на малодетность, что также приводило к сокращению численности домохозяйств и количества детей в семье с трехчетырех до одного-двух. Данные процессы, как правило, начинали распространяться в городской среде, представлявшей значительные возможности для удовлетворения культурных и материальных потребностей и вместе с тем предъявлявшей большие требования к качеству трудовых ресурсов. В результате многие городские семьи начинали прибегать к ограничению деторождения. Снижение детности сельских семей происходило под влиянием городского образа жизни и урбанизации сельских населенных пунктов. Данный процесс усугублялся оттоком молодежи в городские местности, неизбежным при этом «демографическим старением» сельского населения и сокращением численности семей.

На рубеже 1970–1980-х гг. основная часть женщин Восточно-Сибирского района, в том числе Хакасии, в возрасте 15 лет и старше родила одного или двух детей соответственно 22,8 и 25,7%. Удельный вес женщин, родивших трех-четырех детей, составил 17,6%, пятерых-шестерых – 6,2%, семерых и более – 4,1%. Существенной была доля женщин, не родивших ни одного ребенка, – 23,2% [4. С. 6–7]. Таким образом, преобладало рождение детей первой очередности.

Сокращение размера семьи в Хакасии сопровождалось заметным упрощением ее структуры. Полная семья была сведена к брачной паре с одним-двумя детьми или без детей. Неполные семьи без супружеского ядра включали только мать или отца с детьми. В числе семей республики заметно увеличилась доля семей в составе пожилых супружеских пар без детей, а также

бездетных семей. Таким образом, в Хакасии, как и РСФСР в целом, завершилось формирование нового типа семьи – преимущественно нуклеарной (двухпоколенной) и малодетной (с одним-двумя детьми). Среди этнических групп хакасов – кызыльцев и сагайцев, где дольше сохранялись традиционные репродуктивные и матримониальные установки, доля хозяйств из трех и более поколений родственников по прямым и боковым линиям была достаточно стабильной, независимо от социально-экономических преобразований, проводимых на селе, и составила в 1980 г. среди кызыльцев 19,0%, сагайцев – 10,0% [6. С. 80–81].

Как правило, наблюдалась обратная зависимость между количеством рожденных детей и уровнем образования. Для супружеских пар с высшим образованием была свойственна семья, состоявшая из родителей и двоих детей. Трое и более детей приходилось на супружеские пары, занятые физическим трудом, имевших среднее и начальное образование [7. С. 536].

В.В. Бойко, характеризуя массовое распространение малодетности в российских семьях, выделил комплекс причин, в том числе объективных: медико-биологические, связанные с состоянием здоровья и возрастом; материально-бытовые (стесненность в жилье, недостаточность зарплаты, недостатки в развитии системы общественного дошкольного воспитания и медицинского обслуживания; внутрисемейные – неравномерное распределение семейных обязанностей между супружескими, «двойная занятость» женщин в общественном производстве и домашнем хозяйстве; деятельности – необходимость окончания учебы, получения специальности) [8. С. 156].

При этом большинство исследователей, включая В.А. Борисова, В.А. Белову, Л.Е. Дарского, М.М. Рыбаковского и др., указали на возросшее значение субъективных причин, объясняющих распространение семей с одним-двумя детьми. В их числе – изменение «потребностей в детях» («чадолюбие») и эволюция репродуктивных установок как комплекса поведенческих актов, суждений, оценок и позиций личности, выражающих отношение к рождению детей [Там же. С. 125–127]. Несмотря на то что такие установки формируются в отдельных семьях с учетом собственных потребностей, на их принятие влияют установившиеся в обществе представления и стереотипы об «идеальном» числе детей, традиции и пронаталистская политика государства.

Рождение большого числа детей в качестве помощников по хозяйству постепенно теряло свое экономическое значение. Удлинение периода социализации детей, изменение социальной роли ребенка ослабляли репродуктивную мотивацию семей, стремление к многодетности. Спонтанному уменьшению норм многодетности содействовало постепенное уменьшение детской смертности, сближающее число рожденных детей с числом доживавших до совершеннолетия [9. С. 19].

С 1989 по 2010 г. численность домохозяйств Хакасии выросла с 152,5 до 202,6 тыс. В 2002 г. их доля к 1989 г. достигла 123,5%, в 2010 г. к 2002 г. составила 120,1%. При этом средний размер домохозяйств со-

кратился с 3,3 чел. в 1989 г., до 2,7 чел. в 2002 г., 2,6 чел. в 2010 г. В сельских населенных пунктах размер домохозяйств был выше, достигая в 2010 г. 2,8 чел. (см. таблицу) [10. С. 10; 11. С. 7].

Частные домохозяйства и их группировка по размеру

Показатель	Число домохозяйств, тыс.		В 2010 г. в % к 2002 г. 2010 г.	в % к итогу	
	2010 г.	2002 г.		2010 г.	2002 г.
Всего домохозяйств, в т.ч. состоящие:	202,6	188,6		100,0	100,0
из 1 чел.	47,3	39,4	120,1	23,3	19,8
из 2 чел.	61,3	57,8	106,1	30,3	29,1
из 3 чел.	47,3	49,9	94,8	23,3	25,1
из 4 чел.	30,3	34,5	87,8	15,0	17,4
из 5 чел. и более	16,4	17,0	96,5	8,1	8,6
Средний размер домохозяйства, чел.	2,6	2,7	x	x	x

Наибольший удельный вес пришелся на домохозяйства, состоящие из двух человек, хотя их доля в общем количестве домохозяйств несколько снизилась. Если в 1989 г. их насчитывалось 33,4%, то в 2002 и 2010 г. соответственно 29,1 и 30,3%. Абсолютный прирост показали домохозяйства, состоявшие из трех человек, но их доля сократилась: в 1989 г. их было 25,8%, в 2002 г. – 25,1%, в 2010 г. – 23,3%. В 2010 г. доля домохозяйств из трех и одного человека сравнялась. Удельный вес семей из четырех человек неуклонно сокращался: соответственно с 27,0% в 1989 г. до 17,4% от всех домохозяйств Хакасии в 2002 г. и 15,0% в 2010 г. Эта тенденция к уменьшению существенно затронула семьи, состоящие из пяти и более человек. В 1989 г. их доля составляла 13,8%, в 2002 г. – 8,6%, в 2010 г. – только 8,1% [10. С. 10; 11. С. 7].

По данным комитета государственной статистики Республики Хакасия на 1 января 2004 и 2010 гг., средний размер домохозяйств сельского населения республики не изменился, составив 2,8 чел. В северных, более урбанизированных районах, где рождаемость была ниже, а смертность выше, чем в целом по республике, средний размер домохозяйств был менее 2,8 чел. Так, в Боградском районе средняя численность домохозяйств насчитывала 2,7 чел., в Орджоникидзевском – 2,6 чел., в Ширинском – 2,3 чел. В центральных и южных районах, где показатели естественного движения населения имели более позитивную динамику, средний размер домохозяйств вырос с 2004 по 2010 г. в Аскизском районе с 2,8 до 3,1 чел., Таштыпском – с 2,9 до 3,1 чел., Усть-Абаканском – с 2,9 до 3,0 чел. В двух районах Хакасии – Алтайском и Бейском – показатели не изменились, соответствуя республиканскому значению – 2,8 чел. в среднем на домохозяйство [12. С. 2–16; 13. С. 2–19].

Приведем примеры об изменении состава домохозяйств по северным экономически депрессивным, экологически неблагополучным, отдаленным районам Хакасии и южным районам, где социально-

экономическая и демографическая ситуация складывалась более благополучно.

Положительная динамика роста состава домохозяйств наблюдалась в ряде достаточно крупных сел Алтайского района Республики Хакасия, где показатели соответствовали республиканским – 2,8 чел. Рост произошел в с. Аршаново – с 3,3 до 3,4 чел., д. Койбала – с 3,2 до 3,3 чел., с. Белый Яр – с 2,8 до 2,9 чел., пос. Изыхские копи – с 2,8 до 3,0 чел., с. Краснополье – с 2,8 до 3,1 чел., с. Новомихайловка – с 2,4 до 2,9 чел. В то же время в небольших сельских поселениях размер домохозяйств сократился: д. Смирновка – с 3,1 до 3,0 чел., с. Новороссийское – с 3,1 до 2,9 чел., д. Березовка – с 3,1 до 2,6 чел., д. Герасимово – с 3,2 до 2,6 чел. и др. В селах Кирово и Алтай численность домохозяйств не изменилась, составив соответственно 2,8 и 3,2 чел. [12. С. 2–16; 13. С. 2–19]. Сокращение размера домохозяйств в отдельных селах, состоявших из одного-двух человек, объяснялось увеличением одиноких людей и пожилых пар, живущих отдельно от родственников.

В Бейском районе, где средний размер хозяйств также составлял 2,8 чел., увеличение их размера показали аал Верх-Киндирила – с 3,8 до 4,0 чел., с. Кирба – с 2,9 до 3,1 чел., с. Новоенисейка – с 2,8 до 3,6 чел., д. Новониколаевка – с 2,8 до 3,3 чел., д. Дмитриевка – с 2,5 до 4,0 чел., с. Новотроицкое – с 3,0 до 3,3 чел., д. Новокурск – с 3,0 до 3,4 чел. В д. Малый Монок размер домохозяйств не изменился – 3,5 чел., а в ряде сел сократился: с. Бея – с 2,8 до 2,5 чел., с. Большой Монок – с 2,9 до 2,6 чел. [Там же].

Особенно значительный прирост размеров домохозяйств показали районы Республики Хакасия, населенные достаточно компактно проживающим коренным хакасским населением. В Аскизском районе, где численность населения выросла на 2 177 чел., а число хозяйств сократилось на 257, была показана следующая динамика: в с. Аскиз произошел рост домохозяйств с 2,8 до 3,2 чел., аале Усть-Таштып – с 3,4 до 5,0 чел., аале Апчинаев – с 3,5 до 3,6 чел., д. Луговая – с 3,6 до 4,3 чел., с. Нижняя База – с 3,1 до 3,4 чел., с. Верхняя База – с 3,3 до 3,6 чел., д. Казановка – с 2,8 до 3,4 чел., с. Полтаков – с 2,7 до 3,3 чел., с. Усть-Есь – с 3,3 до 3,4 чел., с. Усть-Камышта – с 3,0 до 3,6 чел., аале Катанов – с 3,2 до 3,8 чел. [Там же].

В Таштыпском районе, где коренное и иноэтническое население проживало переселенческим, население увеличилось с 2004 по 2010 г. на 39 чел., число хозяйств сократилось на 291, произошло увеличение размера домохозяйств с 2,9 до 3,1 чел. Это коснулось таких населенных пунктов, как пос. Верх-Таштып – рост с 2,9 до 3,2 чел., с. Арбаты – с 3,1 до 3,2 чел., пос. Малые Арбаты – с 3,0 до 3,1 чел., с. Большая Сея – с 3,4 до 4,0 чел. В с. Имек размер хозяйств не изменился, составив 3,4 чел. [Там же].

В одном из наиболее густонаселенных южных районов Хакасии – Усть-Абаканском – в 2004–2010 гг. произошел прирост сельского населения на 3 526 чел. и числа хозяйств на 885. В результате размер домохозяйств вырос с 2,9 до 3,1 чел. Например, в с. Весеннее и аале Сапогов увеличение домохозяйств

было значительным – с 2,9 до 3,5 чел., с. Московское – с 3,1 до 3,3 чел., с. Солнечное – с 2,7 до 3,7 чел., аал Чарков – с 3,2 до 3,5 чел. Отдельные сельские населенные пункты показали тенденцию к снижению размеров хозяйств, в том числе крупные села: с. Калинино – с 3,3 до 3,1 чел., д. Чапаево – с 4,0 до 2,8. В ряде сел не были достигнуты средние показатели по району: аал Доможаков – прирост с 2,6 до 2,8 чел., с. Усть-Бюрь – с 2,8 до 2,9 чел. Но во всех этих селах размер домохозяйств достигал общих показателей по республике. Исключением являлся пос. Расцвет, где состав домохозяйств снизился с 2,8 до 2,5 чел. [12. С. 2–16; 13. С. 2–19].

В северном Боградском районе, где средний размер домохозяйств не достиг республиканского значения, в отдельных селах был отмечен их рост: с. Троицкое – с 2,5 до 2,7 чел., с. Боград – с 2,3 до 2,6 чел., с. Большая Ирба – с 2,7 до 2,8 чел., с. Бородино – с 2,4 до 2,7 чел., с. Пушное – с 2,3 до 2,7 чел. Вместе с тем в ряде сел состав домохозяйств уменьшился: с. Советская Хакасия – с 2,7 до 2,6 чел., с. Сонское – с 2,8 до 2,4 чел., в ряде мест остался прежним: села Первомайское и Сарагаш – 2,9 чел. [Там же].

В отдаленном, малонаселенном Орджоникидзевском районе, где в 2004–2010 гг. размер хозяйств не изменился (2,6 чел.), динамика их численности была нестабильной. В некоторых селах произошел их рост: с. Кобяково – с 2,9 до 3,0 чел., с. Сарала – с 1,9 до 2,1 чел.; в других селах размер домохозяйств либо уменьшился: с. Копьево – с 3,1 до 2,9 чел., с. Новомарьево – с 3,0 до 2,9 чел., либо не изменился – с. Устинкино – 3,0 чел., но превышал общие показатели по району. В с. Июс произошло резкое сокращение хозяйств – с 2,6 до 2,2 чел. [Там же].

Наиболее ощутимо тенденция к снижению среднего размера домохозяйств проявилась в Ширинском районе, где в указанный период были проведены преобразования городских населенных пунктов в сельские, в том числе административного центра района пос. Шира. Выросла как численность сельчан – с 13 835 до 27 937 чел., так и число домохозяйств – с 4 935 до 9 166. При этом их размер уменьшился с 2,8 до 2,3 чел. В ряде крупных сел он оказался выше средних показателей в районе: в с. Борец размер хозяйств вырос с 2,5 до 2,9 чел., с. Целинное – с 2,6 до 3,2 чел. Выросла численность домохозяйств хакасов – аал Трошкын – с 2,9 до 4,0 чел., аал Малый Спирин – с 2,9 до 3,0 чел. В ряде сел, таких как с. Ворота, размер хозяйств сократился, но был выше средних районных показателей: прирост с 3,1 до 2,9 чел., в других населенных пунктах, таких как с. Джирим прирост был небольшим – с 2,8 до 2,6 чел., пос. Колодезный – с 2,9 до 2,6 чел. В с. Черное озеро состав домохозяйств не изменился – 2,7 чел., в с. Фыркал снизился с 2,9 до 2,3 чел. [Там же].

Общая тенденция к сокращению размера домохозяйств в Республике Хакасия в конце 1980-х – 2010-е гг. была вызвана комплексом причин демографического и социально-экономического характера, заложенным в предшествующий период – «демографическим становлением» населения, снижением рождаемости, ослаблением репродуктивного здоровья населения и ростом

смертности, изменением матримониального и репродуктивного поведения населения, снижением брачности, дальнейшим дроблением семей, ухудшением уровня и качества жизни населения в ходе структурных преобразований общества.

В течение 1989–2010-х гг. осуществлялся композиционный сдвиг в составе населения региона: дальнейшее сокращение детских и подростковых групп населения, увеличение доли лиц средних (трудоспособных) и пожилых возрастов старше 60 лет. В целом по подгруппе 0–14 лет доля детей уменьшилась с 26,8 до 17,6%. В 2002 г. наблюдался ощутимый «провал» рождения детей в возрастах 0–4, 5–9 лет, вследствие немногочисленности поколения их родителей 1970-х гг. рождения, а также углубления депопуляционных процессов населения России. Численность детей и подростков сократилась с 151 846 чел. в 1989 г. до 93 131 чел. в 2010 г. (подсчитано по [14–16]). Изменение динамики этих возрастных групп было обусловлено перекосами половозрастной структуры населения Хакасии предыдущих десятилетий, активизацией демографической политики в 1981–1982 гг. и другими факторами.

Изменилась численность поколений репродуктивного возраста, которая варьировалась в абсолютных и относительных показателях, формируя в последующем диспропорции в составе населения. Поколение 20–24 лет выросло с 1989 по 2010 г. с 6,1 до 8,4% (с 34 492 до 44 936 чел.), в то время как возрастная группа 25–29 лет сократилась с 9,1 до 9,0% (с 51 553 до 47 812 чел.). Относительно многочисленной являлась группа 30–34 лет, в которой процесс деторождений оставался довольно высоким. В 1989 г. в ней насчитывалось 55 447 чел. (9,8%), в 2010 г. – 43 396 чел. (8,2%) [14–16].

Хотя доля лиц 60 лет и старше с 1989 по 2010 г. в целом уменьшилась с 12,3 до 10,2%, тем не менее, население Хакасии, как и России в целом, превысило порог «демографической старости». К началу 2008 г. число лиц старше трудоспособного возраста впервые стало больше численности детей и подростков до 16 лет [17. С. 4]. В то же время сохранялись перспективы роста и последующей стабилизации населения по мере вступления в возраст трудовой активности многочисленной молодежи 1980-х гг. рождения [18. С. 7–8].

В исследуемый период происходило обвальное снижение рождаемости. С 1989 по 2001 г. общий коэффициент рождаемости в Хакасии сократился с 16,1 до 10,1%. Впоследствии этот процесс несколько затормозился, в 2002–2013 гг. этот показатель увеличился с 11,2 до 15,7% [19. С. 2, 5; 20. С. 6, 15]. Однако, по классификации Б.Ц. Урланиса, коэффициенты рождаемости 16,0–24,9% считаются средними, ниже 16,0% – низкими, не обеспечивающими замещения поколения родителей поколением детей [21. С. 9, 11].

Снижение потенциала рождаемости в 1990-е – начале 2000-х гг., помимо демографических факторов, было вызвано ухудшением социально-экономической ситуации в стране в связи с последствиями рыночных реформ. К числу негативных факторов, влиявших на условия рождаемости в республике, относилось сни-

жение уровня жизни населения. В число семей, чьи доходы оказались ниже черты бедности, попали семьи, имевшие двух и более детей, по большей части в сельской местности. На репродуктивное поведение семей влияла крайняя неустойчивость на рынке труда. Основной контингент безработных составляли женщины и молодежь. А именно эти категории населения наиболее активно участвуют в воспроизводстве населения. По данным архивного отдела Ширинского района, из 1 783 малообеспеченных семей 236 (13,2%) являлись многодетными [22. Л. 13].

Суммарный коэффициент рождаемости в Республике (среднее число детей, рожденных женщиной на протяжении всего репродуктивного периода, от 15 до 49 лет) показал тенденцию к снижению. В 1990 г. в Хакасии он составил – 2,3 (2,0 – среди горожан, 3,0 – сельчан), в Российской Федерации целом он был значительно ниже – 1,89 [23]. В 2000 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился в Хакасии до 1,303, в 2005 г. составил 1,35. В 2009 г. суммарный коэффициент рождаемости в Республике достиг 1,752, что в 1,2 раза ниже уровня обеспечения воспроизводства населения (критическим считается значение показателя 2,14–2,15). В сельской местности Республики он достиг 2,199 (на 39,9 процентных пункта выше показателя, сложившегося в городских местностях – 1,572). Для сравнения, в Российской Федерации суммарный коэффициент рождаемости составлял 1,537, Сибирском федеральном округе – 1,638 [17. С. 8; 18. С. 8].

Семейная и демографическая политика в Республике Хакасия в 2001–2006 гг. была направлена на защиту прав и интересов семьи и детей. Ряд законов, изданных в Республике («О социальном обслуживании населения Республики Хакасия», «О государственном ежемесячном пособии на ребенка в Республике Хакасия», «О наделении органов местного самоуправления в Республике Хакасия государственными полномочиями по обеспечению детей в возрасте до 3 лет жизни специальными продуктами детского питания» и др.), постановления Правительства Республики Хакасия («О родительской плате», «О мерах по организации отдыха, оздоровления и занятости детей в Республике Хакасия», «Об утверждении Положения о порядке обращения граждан, а также выплаты компенсации части родительской платы за содержание ребенка в республиканских государственных и муниципальных образовательных учреждениях и организациях, реализующих основную образовательную программу дошкольного образования» и т.д.) были призваны улучшить уровень жизни семей, имеющих детей. С 1 января 2006 г. в Республике был увеличен базовый размер ежемесячных выплат на ребенка с 70 до 100 руб. В указанный период в регионе были созданы сеть учреждений социальной помощи семье и детям, а также реабилитационные центры для несовершеннолетних. В Республике стали традиционными массовые мероприятия, направленные на формирование уважительного отношения к семейным традициям, ответственного отношения молодежи к своему репродуктивному здоровью, повышение авторитета отцовства и материнства [24. С. 78–79]. В 2007–

2010 гг. основное внимание в Хакасии было направлено на поддержку семей, не относящихся к категории семей группы риска, профилактике семейных проблем, формирование ответственного отношения к семье, старшему поколению, что предполагало создание механизмов защиты и долгосрочной поддержки семьи [24. С. 80–81].

Оказание с 1 января 2007 г. государственной поддержки российским семьям в форме материнского (семейного) капитала при рождении или усыновлении второго, третьего или последующего ребенка; стабилизация социально-экономического и финансового положения в стране повлияли на динамику очередности рождений в семьях Хакасии. Если в 2001 г. на вторые, третьи и рождение более поздней очередности в Республике приходилось 41,7% от общего числа рождений, то в 2013 г. – 59,7%. На протяжении 2007–2013 гг. происходил процесс сокращения численности и удельного веса рождения первых детей: с 52,8 до 49,3% среди всего населения Хакасии, в том числе горожан – с 56,2 до 42,8%, сельчан – с 46,7 до 35,8%. Среди городских жителей преимущественно активизировался процесс рождения вторых детей, среди сельских жителей, где частота деторождения была выше, – третьих, четвертых и более детей. Среди горожан удельный вес вторых детей, в условиях получения «материнского капитала», вырос с 34,4 до 40,8%, третьих – с 7,4 до 12,7%, четвертых и более детей – с 2,0 до 3,6%. Разница в доле рождения первых и вторых детей у городских жителей оказалась незначительна – соответственно 42,8 и 40,8%. У сельских жителей удельный вес рождения вторых детей вырос с 31,3 до 35,2%, третьих – с 14,0 до 17,7%, четвертых и более детей – с 8,0 до 11,2%. В результате каждый десятый-одиннадцатый ребенок на селе рождался в многодетной семье [19. С. 20; 20. С. 18–19]. Показатели рождаемости варьировалась в территориальном и этническом разрезе: прослеживались более высокие общие и возрастные коэффициенты рождаемости в сельских районах с компактным проживанием коренного населения. Рост рождаемости в сельской местности Хакасии стимулировался предоставлением бесплатного жилья семьям молодых специалистов при условии работы на селе в течение пяти лет, а также расширением системы ипотечного кредитования жилищного строительства.

На протяжении исследуемого периода происходила передвижка рождений от возрастных групп 20–24 года в более старшие поколения 25–29, 30–34 года и пр. Ряд мер государственной политики, направленных на совершение системы пособий и льгот семьям в связи с рождением детей, содействие матерям в сохранении репродуктивного здоровья способствовали повышению рождаемости в Хакасии.

На процессы рождаемости косвенное влияние оказывают изменение образа жизни и репродуктивных установок молодого поколения. Ориентация на вне-семейные ценности и интересный досуг приводят к формированию репродуктивных планов молодых семей, ориентированных преимущественно на рождение одного-двух детей. На укрепление традиций средне- и

малодетности влияли процессы урбанизации общества. Даже молодые люди – выходцы из села из-за жилищных проблем, необходимости завершения образования и иных причин с запозданием вступали в брак, а создав семью, следовали в своем репродуктивном поведении сложившимся установкам на рождение одного-двух детей.

Как показали результаты анкетирования студентов-историков и юристов Хакасского государственного университета (140 чел.), проведенного автором статьи в 2014 г., на вопрос о том, сколько братьев или сестер вы хотели бы иметь и почему, ответили: одного – 23,5%, двух – 42,4%, трех – 22,1%, четырех и более – 15,5%. На поставленный вопрос, какое количество детей в семье оптимально, ответили: один ребенок – 13,4%, два – 45,1%, три – 38,4%, четыре и более – 9,6%. Ряд студентов проявили психологическую потребность иметь братьев или сестер, «так как у человека появляется дополнительная опора в жизни, кроме родителей», «дети будут дружны, в сложных ситуациях будут защищать друг друга». Большинство студентов отметили, что оптимальным в семье является двое детей: «Этого достаточно, иметь много детей – значит иметь много хлопот»; «Родителям проще с двумя детьми, чем с тремя, и детям не одиноко, и воспитывается чувство ответственности друг за друга. Двух детей проще воспитывать и содержать, им уделяют одинаковое внимание»; «Два ребенка – это возможность дать хорошее образование, пусть даже платное, обеспечить достойную жизнь», «Данное количество детей более реалистично обеспечить (еда, одежда, развлечения, обучение)». Довольно большая часть студентов указала, что оптимальным в семье является трое детей: «Это количество детей может обеспечить семья со средним достатком, дети не вырастают эгоистами, они более социализированы»; «Чем больше семья, тем веселее, но в меру»; «Конечно, можно и больше трех, но на сегодняшний день проблематично обеспечить детям достойный уровень жизни». Студенты из многодетных семей, особенно тувинцы, хакасы, немцы, указали на желательность в семье четырех и более детей: «Чем больше, тем лучше, потому что дети, когда вырастут большими, будут сплоченными и будут помогать друг другу. У меня пять сестер, это тяжело, но весело»; «Чем больше детей в семье, тем лучше, но, разумеется, если финансовое положение позволит. Нас четверо и это меня устраивает»; «Хотелось бы больше родных людей». Наконец, ряд студентов указал, что детей в семье может быть столько, «сколько семья способна воспитать», «главное обеспечить»; «главное – больше одного, тогда дети быстрее социализируются в обществе, воспитывают в себе чувство ответственности друг за друга». Часть студентов мотивировала необходимость увеличения детей в семье, «чтобы исправить демографическое положение страны».

Таким образом, результаты опроса респондентов показали, что дети рассматривались как очень значимый фактор в жизни семьи, особенно с точки зрения психологического комфорта, моральной и материальной поддержки старшего и младшего поколения чле-

нов семьи. Вместе с тем снижение уровня доходов в семье, жилищные условия и другие причины рассматривались студентами в качестве важных ограничительных факторов роста числа детей.

На снижение рождаемости в Хакасии, а вместе с тем и размера семей, влияло сокращение брачности. Более двух десятилетий – с конца 1970-х вплоть до 2001 г. – интенсивность заключения браков в республике снижалась. Особенно значительное падение брачного состояния населения ощущалось в 1992–2000 гг. Наименьшие показатели брачности были отмечены в 1998 г., когда общий коэффициент брачности (число браков на 1 000 чел. населения, измеряемый в промилле) составил 5,6‰. В 2002–2011 гг. показатели регистрируемой брачности стали расти, в 2007 г. коэффициент брачности превысил 9,9‰, в 2011 г. достиг 10,1‰, в 2014 г. вновь снизился до 9,0‰ [20. С. 6–8].

Впервые в переписях 2002 и 2010 гг. были вычленены лица, состоящие в браке зарегистрированном и незарегистрированном. Так, в 2002 г. в числе тех, кто состоял в браке, только 83,5% мужчин и 83,8% женщин зарегистрировали его официально в органах ЗАГС, остальные проживали в фактическом браке. В 2010 г. эти показатели изменились, составив соответственно 79,6 и 79,8%. Преимущественно это были браки молодых людей в возрасте 16–17, 18–19 лет, где доля сожительств достигала в 2002 г. 58,5% среди мужчин, 54,3% – женщин, в 2010 г. – 57,1% среди мужчин, 61,7% – женщин. Вместе с тем доля незарегистрированных браков была достаточно существенной в последующих возрастных группах. Так, в 2002 г. в группе 20–24 года доля незарегистрированных браков достигала 33,4% у мужчин, 28,6% у женщин, в 2010 г. – соответственно 42,7 и 36,0%. В 2010 г. доля незарегистрированных браков колебалась от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ от общего их числа вплоть до 40–44 лет как у мужчин, так и у женщин, затем постепенно сокращаясь (подсчитано по [25]).

Все чаще молодые люди откладывают время вступления в официально зарегистрированный брак, предпочитая сначала получить образование и достойную работу. По результатам упомянутого анкетирования студентов Хакасского государственного университета, важным условием вступления в брак является получение образования (до 90,0% респондентов), наличие высокооплачиваемой работы (до 70,0%) и жилья (до 35,0–40,0%). Только около 5,0% опрошенных указали, что для заключения брака «ничего не нужно, кроме любви и согласия молодоженов». В качестве предпочтительного возраста вступления в брак были названы 21–23 года (более $\frac{1}{2}$ респондентов), 24–25 лет (около $\frac{1}{5}$), 20–21 лет (более $\frac{1}{6}$).

В отношении регистрации браков мнения опрошенных студентов разделились. Около $\frac{1}{4}$ респондентов отнеслись к незарегистрированным бракам положительно, более $\frac{1}{3}$ не определились в оценке. Аргументы в пользу незарегистрированных браков и нейтрального к ним отношения были следующие: «Считаю незарегистрированный брак на раннем этапе отношений положительным, но в дальнейшем брак

должен быть зарегистрирован»; «Я не считаю, что регистрация брака способствует стабильности и благополучию семьи»; «Нейтральное отношение. Как кому комфортно, тот так и живет»; «Возможность лучше узнать друг друга, чтобы в случае чего без всяких обязательств разойтись»; «Если нет детей, то можно прожить и в зарегистрированном браке, и в незарегистрированном»; «Штамп в паспорте не является гарантом продолжительности брака, но я больше склонна к зарегистрированным бракам»; «Сама хочу прожить жизнь в официально зарегистрированном браке, а как живут другие – это уже их личное дело»; «Причины могут быть разные. Прежде чем вступать в брак, нужно просто пожить вместе, но официальный брак – составляющая семейной жизни».

Вместе с тем изначально присутствовала четкая линия противников «сожительств» (около $\frac{1}{3}$ респондентов): «На мой взгляд, только зарегистрированный брак можно назвать семьей»; «Брак должен быть зарегистрирован в ЗАГСе. Незарегистрированный брак не несет пользы обществу, подрывая семейные ценности и институт семьи»; «Это расслабляет, и дает людям право (моральное) “перебирать” партнеров»; «Брак должен быть зарегистрирован, так как должна быть обюодная ответственность за свои поступки»; «В такой семье ребенок и мать могут быть не защищены в случае размолвки “супругов”».

Но если в отношении незарегистрированного брака были высказаны разные мнения, то в отношении внебрачного рождения детей в таких браках респонденты на $\frac{9}{10}$ были практически единодушны в своем отрицательном к ним отношении: «Ребенок должен родиться и расти в семье, это играет очень важную роль в его воспитании»; «Это изначально плохой пример для ребенка, плюс социальная неопределенность»; «Ребеноквольно-невольно будет чувствовать себя ненужным»; «Зачастую внебрачные дети остаются непризнанными со стороны отца, что отразится на самом ребенке».

Хотя определенная часть молодежи негативно относится к рождению детей вне брака, тем не менее статистика показывает увеличение и стабилизацию доли внебрачных рождений. К этому приводит наличие сохраняющихся возрастно-половых диспропорций в составе населения; разделение всех видов демографического поведения (репродуктивного, сексуального, брачного, самосохранительного), когда рождение детей и брак могут рассматриваться как самостоятельные демографические события; достаточно толерантное отношение к внебрачной рождаемости. В сельской местности динамика роста внебрачных рождений была выше, чем в городских местностях. В последние годы более трети детей рождается у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке. В 2010 г. было зарегистрировано 2 547 внебрачных рождений, или 31,8% от общего числа родившихся. Основной контингент женщин, родивших детей вне брака, пришелся на средние и старшие возрастные группы 30–34, 35–39, 40–44 лет, для которых вероятность официального вступления в брак была достаточно низкой. Отношение общественного мнения к рождению детей

женщинами этой возрастной группы было достаточно лояльным. Из числа детей, рожденных вне брака, почти половина (43,5%) затем регистрируются по совместному заявлению родителей. Значительная часть молодых женщин вступает в брак уже после рождения детей («брак вдогонку»). Количество внебрачных рождений молодыми женщинами до 16 лет, как в городской и сельской местности, сократилось, но увеличилось число детей, рожденных материами-одиночками (в 1991 г. – 11,1% от общего числа родившихся, в 2010 г. – 18,0%) [18. С. 11]. К 2014 г. доля внебрачных рождений сократилась до 2 340 чел. (28,8%) [25].

Дестабилизация семейно-брачных отношений населения Хакасии объяснялась также возросшим количеством разводов. Динамика регистрируемой разводимости отразила скачкообразный характер ее проявления. В первой половине 1990-х гг. число разводов выросло: с 1 950 разводов в 1990 г. до 2 601 – в 1995 г. В расчете на 1 000 жителей Хакасии произошел рост разводов с 3,4 до 4,6%. В 1996–1999 гг. общий коэффициент разводимости снизился до 3,4%, а 1998 г. составил 3,1%, что соответствовало уровню первой половины 1970-х гг. С 2000 г. показатели рассторжения браков стали увеличиваться, достигнув в 2002 г. максимальной отметки в 3 505 разводов (6,4%). В 2010 и 2013 гг. было зарегистрировано самое низкое за последнее десятилетие число разводов – 2 494 и 2 407 (4,7 и 4,5%). [19. С. 2–7; 20. С. 6–8; 26]. Разводимость горожан, чья семейная жизнь подвергалась меньшему социальному контролю, нежели жителей села, значительно превышала показатели сельчан. Причины распада семей, независимо от возраста, пола и этнического состава, объяснялись социально-демографическими и экономическими факторами – различиями в уровне образования, социально-профессионального положения, значительной разницей в возрасте супругов, бытовой неустроенностью, ухудшением социально-экономической ситуации в постперестроечный период, ростом безработицы, алкоголизма и пр.

На состояния брачно-семейных отношений в республике существенно сказывалось повышение смертности населения. По данным 2007 и 2013 гг., основная доля умерших населения Хакасия приходилась на средние и старшие возрастные группы. Но среди мужчин доля умерших в трудоспособном возрасте была критической – 47,9% в 2007 г., 42,8% в 2013 г. Среди женщин их доля была меньше – соответственно 17,4 и 13,9%. В сельской местности данные показатели были хуже, чем в целом по республике. Значителен был удельный вес мужчин, умерших в основных бракоспособных возрастах: 25–29 лет (3,4% от количества мужчин в данной возрастной группе в 2007 г., 3,0% в 2013 г.), 30–34 (3,8 и 3,6%), 35–39 (3,8 и 4,2%), 40–44 (4,9 и 4,5%), 45–49 (7,8 и 5,5%), 50–54 (9,6 и 9,2%), что превышало женскую смертность в среднем в 1,5–2,5 раза в разных возрастах. Это крайне негативно сказывалось на половозрастной структуре населения, способствовало росту вдовства и снижению рождаемости [19. С. 22–24; 20. С. 28–30].

Подводя итоги исследования эволюции семьи в Хакасии в конце 1980-х – 2010-е гг., сделаем следую-

щие выводы. В течение указанного периода основная тенденция в развитии семьи в Хакасии сводилась к дальнейшему сокращению семей из трех-четырех и более человек и увеличению малолюдных семей в составе двух-трех человек. Упрощалась структура семьи, становившаяся по типу преимущественно нуклеарной (двухпоколенной) и малодетной (с одним-двумя детьми). Сокращение размера семей определялось их дроблением в результате отделения молодых семейных пар, увеличением разводов, вдовства, образования неполных материнских семей в результате внебрачной рождаемости и т.д. Упрощение и уменьшение размера семьи были обусловлены также снижением рождаемости, увеличением доли бездетных семейных пар, ростом смертности, постарением населения, сопровождающимся ростом одиноко проживающих людей. Ориентация семей на малодетность во многом объяснялась возросшими требованиями и затратами на содержание и образование подрастающего поколения, стремлением дать детям необходимый уровень благосостояния, ориентацией молодых семей на внесемейный досуг и профессиональную карьеру.

Малодетность семей четко выявила противоречие между интересами государства, заинтересованного в расширенном воспроизведстве населения, увеличении трудовых ресурсов, приросте населения в малолюдных, слабозаселенных территориях страны, с одной

стороны, и потребностями семьи в детях – с другой. В условиях, когда дети рассматривались не столько как участники и наследники семейного хозяйства, а прежде всего как отражение личности и опыта родителей, для удовлетворения социально-психологической потребности в детях супругам было достаточно иметь одного-двух детей.

Ряд мер государственной политики, направленных на совершение системы пособий и льгот семьям в связи с рождением детей, содействие матерям в сохранении репродуктивного здоровья, улучшение качества медицинской помощи населению с целью преодоления сверхсмертности населения в трудоспособных возрастах, улучшение уровня и качества жизни населения, безусловно, способствовали повышению рождаемости и укреплению семьи в Хакасии. Однако решению данных проблем может содействовать только комплексная социально-демографическая политика, в том числе обеспечение доступности дошкольных учреждений, содействие молодым семьям в приобретении жилья, создание благоприятных условий для сочетания профессиональной деятельности и исполнения родительских функций, укрепление семейных ценностей. Вместе с тем в оценке эффективности семейной политики в России следует отметить недостаточное соответствие декларируемых государственных программ и мер практической поддержки семьи с точки зрения ее финансового и правового сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М. : Изд. МГУ: Изд. Междунар. ун-та бизн. и упр. («Братья Карич»), 1996. 304 с.
2. Бутов В.И. Демография : учеб. пособие / под ред. В.Г. Игнатова. 2-е изд., перераб. и доп. М. ; Ростов н/Д : ИКЦ «МарТ», 2005. 576 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. М. : Статистика, 1974. 455 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. I. Численность членов семей и одиночек. Число и размер семей. М. : Госкомстат СССР, 1990. 166 с.
5. Материалы Всесоюзной переписи 1989 г. // Территориальный орган ФСГС по Респ. Хакасия за 1959–1989 гг.
6. Казаченко Б.М. Генетико-демографический подход в антропологических исследованиях. Половозрастная и семейная структуры хакасов // Вопросы антропологии. 1986. № 76. С. 78–90.
7. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В.Я. Бутанаев; науч. ред. В.И. Молодин. Абакан : Изд. ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с.
8. Бойко В.В. Малодетная семья: Социально-психологическое исследование. М. : Статистика, 1980. 231 с.
9. Антонов А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / редкол. Л.Л. Рыбаковский (предс.) и др. М. : Мысль, 1986. С. 10–25.
10. Краткие окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Хакасия. Абакан : Тер. орган ФСГС по Республике Хакасия, 2012. 18 с.
11. Семья в СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М. : Финансы и статистика, 1990. 16 с.
12. Списки сельских населенных пунктов, постоянных хозяйств и численности населения по состоянию на 1 января 2004 года по Республике Хакасия. Абакан : Госкомстат. Комстат Респ. Хакасия, 2004. 16 с.
13. Списки сельских населенных пунктов, постоянных хозяйств и численности населения по состоянию на 1 января 2010 года по Республике Хакасия. Абакан : Росстат. Тер. орган ФСГС по Республике Хакасия, 2010. 19 с.
14. Всесоюзная перепись населения 1989 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_89.php?reg=7 (дата обращения: 15.06.2014).
15. Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30> (дата обращения: 20.03.2014).
16. Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.03.2014).
17. О демографической ситуации в Республике Хакасия (аналитическая записка). Абакан : Росстат. Тер. орган ФСГС по Респ. Хакасия, 2009. 36 с.
18. О демографической ситуации в Республике Хакасия (аналитическая записка). Абакан : Тер. орган федер. службы гос. статистики по Респ. Хакасия, 2011. 39 с.
19. Динамика естественного движения населения Республики Хакасия : стат. сб. Абакан : Росстат. Тер. орган ФСГС по Респ. Хакасия, 2008. 38 с.
20. Динамика естественного движения населения Республики Хакасия : стат. сб. Абакан : Росстат. Тер. орган ФСГС по Респ. Хакасия, 2014. 45 с.
21. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. 136 с.
22. Архивный отдел администрации муниципального образования Ширинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 903.
23. Естественное движение населения. URL: http://www.hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/hakasstat/resources (дата обращения: 08.10.2015).

24. Морозова Н.А. Семейная политика в аспекте социально-экономического развития Хакасии в 1980–2000-х гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая : сб. науч. трудов. Абакан: ХакНИИЛИ, 2010. Вып. 11. С. 75–81.
25. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi> (дата обращения: 17.12.2011, 14.10.2015).
26. Итоги Всесоюзной 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 гг. URL: <http://www.demoscope@demoscope.ru> (дата обращения: 03.10.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 14 февраля 2016 г.

FEATURES OF THE EVOLUTION OF THE FAMILY IN KHAKASSIA IN THE LATE 1980S–2010S

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 32–41. DOI: 10.17223/15617793/404/5

Barantseva Natalia A. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: barantzeva@inbox.ru

Keywords: family; family structure; household; number of children; type of reproduction; Khakassia.

The article reveals the essence and features of the evolution of the family and household in Khakassia during the depopulation processes in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries. The focus is on the identification and characterization of the size, composition, type of family, number of children, the analysis of the reproduction conditions of the population, taking into account regional specifics. During the late 1980s–2010s the main trend in the development of the family in Khakassia was to further reduce families of three or four or more people and increase sparsely populated families of two or three people. The structure of the family was simplified; it becomes predominantly nuclear with few children (one or two). Reduction of the family size was determined by its splitting a result of separation of young married couples, increase in divorces, widowhood, formation of single-parent families as a result of illegitimate births, etc. Simplification and reduction of the size of the family was also due to the decreasing birth rate, the increasing number of childless couples, increased mortality, population aging accompanied by the growth of people living alone. The small family trend is largely explained by the increased demands and the cost of support and education of the younger generation, the desire to give children the necessary level of welfare, the orientation of young families on the out-of-family leisure and professional career. Small families clearly revealed the contradiction between the interests of the state, interested in expanding the population reproduction, in the labor force increase, population growth in the sparsely populated areas of the country, on the one hand, and the family needs in children on the other. When children were considered not so much as actors and heirs of the family farm, but primarily as a reflection of the personality and experience of the parents, to meet the psycho-social need in children it was enough for spouses to have one or two children. A number of public policies directed towards the support and benefits to families on the birth of children, assistance to mothers in maintaining reproductive health certainly contributed to an increase in the birth rate and family strengthening in Khakassia. However, these problems can only be solved by a complex socio-demographic policy, including ensuring the availability of pre-school institutions, assistance to young families to acquire housing, creation of favorable conditions for the combination of professional work and parenting, strengthening of family values. However, in assessing the effectiveness of family policy in Russia, the lack of compliance with the declared state programs and measures of practical support for the family in terms of its financial and legal support should be noted.

REFERENCES

1. Antonov, A.I. & Medkov, V.M. (1996) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family]. Moscow: Moscow State University.
2. Butov, V.I. (2005) *Demografija* [Demography]. 2nd ed. Moscow; Rostov-on-Don: IKTs “MarT”.
3. Statistika. (1974) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda* [The results of the All-Union census of 1970]. Vol. VII. Moscow: Statistika.
4. Goskomstat SSSR. (1990) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1979 goda* [The results of the All-Union census of 1979]. Vol. VI. Pt. I. Moscow: Goskomstat SSSR.
5. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (1989) *Materialy Vsesoyuznoy perepisi 1989 g.* [Materials of the All-Union census of 1989].
6. Kazachenko, B.M. (1986) Genetiko-demograficheskiy podkhod v antropologicheskikh issledovaniyakh. Polovozrastnaya i semeynaya struktury khakasov [A genetic-demographic approach to anthropological research. Gender, age and family structure of the Khakass]. *Voprosy antropologii*. 76. pp. 78–90.
7. Butanayev, V.Ya. (ed.) (2008) *Ocherki istorii Khakassii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti)* [Essays on the history of Khakassia (from ancient times to the present)]. Abakan: Katanov Khakass State University.
8. Boyko, V.V. (1980) *Malodetnaya sem'ya: Sotsial'no-psichologicheskoe issledovanie* [A small family: a socio-psychological research]. Moscow: Statistika.
9. Antonov, A.I. (1986) Evolyutsiya norm detnosti i tipov demograficheskogo povedeniya [Evolution of the number of children rule and of types of demographic behavior]. In: Rybakovskiy, L.L. et al. (eds) *Detnost' sem'i: vchera, segodnya, zavtra* [The number of children in families: yesterday, today and tomorrow]. Moscow: Mysl'.
10. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (2012) *Kratkie okonchatel'nye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda po Respublike Khakasiya* [Brief final results of the national census of 2010 in the Republic of Khakassia]. Abakan: Ter. organ FSGS po Respublike Khakasiya.
11. Finansy i statistika. (1990) *Sem'ya v SSSR: Po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g.* [Family in the Soviet Union: According to the All-Union population census of 1989]. Moscow: Finansy i statistika.
12. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (2004) *Spiski sel'skikh naseleennykh punktov, postoyannyykh khozyaystv i chislennosti naseleniya po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2004 goda po Respublike Khakasiya* [Lists of villages, permanent farms and population as of January 1, 2004 in the Republic of Khakassia]. Abakan: Goskomstat. Komstat Resp. Khakasiya.
13. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (2010) *Spiski sel'skikh naseleennykh punktov, postoyannyykh khozyaystv i chislennosti naseleniya po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2010 goda po Respublike Khakasiya* [Lists of villages, permanent farms and population as of January 1, 2010 in the Republic of Khakassia]. Abakan: Rosstat. Ter. organ FSGS po Respublike Khakasiya.
14. *The census of 1989*. [Online]. Available from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_89.php?reg=7. (Accessed: 15 June 2014). (In Russian).
15. *The National Population Census of 2002*. [Online]. Available from: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30>. (Accessed: 20 March 2014). (In Russian).
16. The National Population Census of 2010 [Online]. Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 20 March 2014).

17. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (2009) *O demograficheskoy situatsii v Respublike Khakasiya (analiticheskaya zapiska)* [The demographic situation in the Republic of Khakassia (an analytical note)]. Abakan: Rosstat. Ter. organ FSGS po Resp. Khakasiya.
18. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (2011) *O demograficheskoy situatsii v Respublike Khakasiya (analiticheskaya zapiska)* [The demographic situation in the Republic of Khakassia (an analytical note)]. Abakan: Ter. organ feder. sluzhby gos. statistiki po Resp. Khakasiya.
19. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (2008) *Dinamika estestvennogo dvizheniya naseleniya Respubliki Khakasiya* [The dynamics of the natural movement of the population of the Republic of Khakassia]. Abakan: Rosstat. Ter. organ FSGS po Resp. Khakasiya.
20. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (2014) *Dinamika estestvennogo dvizheniya naseleniya Respubliki Khakasiya* [The dynamics of the natural movement of the population of the Republic of Khakassia]. Abakan: Rosstat. Ter. organ FSGS po Resp. Khakasiya.
21. Urlanis, B.Ts. (1963) *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [The birth rate and life expectancy in the USSR]. Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR.
22. Archive Department of Shirinsky District Municipality Administration. Fund 1. List 1. File 903. (In Russian).
23. Federal State Statistics Service Department in Khakassia. (c. 2015) *Estestvennoe dvizhenie naseleniya* [The natural movement of the population]. [Online]. Available from: http://www.hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/hakasstat/resources. (Accessed: 08 October 2015).
24. Morozova, N.A. (2010) Semeynaya politika v aspekte sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Khakasii v 1980–2000-kh gg. [Family policy in the aspect of social and economic development of Khakassia in the 1980s–2000s]. In: Tuguzhekova, V.N. (ed.) *Akтуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая* [Topical problems of the history and culture of Sayan-Altai]. Vol. 11. Abakan: KhakNIIYaLI, Khakass State University.
25. The central statistical database of the Federal State Statistics Service. [Online]. Available from: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>. (Accessed: 17 December 2011, 14 October 2015). (In Russian).
26. The results of the 1989 All-Union, 2002, 2010 All-Russian population censuses. [Online]. Available from: <http://www.demoscope.ru>. (Accessed: 03 October 2015). (In Russian).

Received: 14 February 2016

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-11-70001).

Анализируется характеристика русского купечества, сделанная А.П. Чеховым в его художественных произведениях, и со-поставляется с некоторыми реальными характеристиками купечества в документах и научной литературе. Отмечается, что великий русский писатель глубоко проник в суть исторического материала и верно показал процесс эволюции российского общества в сторону буржуазного типа развития.

Ключевые слова: творчество А.П. Чехова; Россия; купечество; предпринимательство.

Уже больше ста лет творчество А.П. Чехова является составной частью мировой культуры. Написано множество книг и статей, сделаны тысячи постановок его пьес, но каждое поколение читателей и зрителей вновь и вновь открывает для себя новые грани таланта этого гениального писателя. Одним из интересных моментов его творчества, на наш взгляд, стало глубокое проникновение в жизнь русского обывателя, в том числе и в купеческие слои населения Российской империи. После очередного перечитывания собрания сочинений А.П. Чехова возникла мысль о его отношении к сословию, к которому он по факту рождения принадлежал, т.е. к купечеству. Сквозь тексты его рассказов, повестей и драм проступает эволюция взглядов автора на купцов, которые окружали его по жизни, что перекликается с некоторыми положениями выдающихся отечественных литературоведов. Например, М.М. Бахтин писал, что «от любого текста, иногда проходя через длинный ряд посредствующих звеньев, мы в конечном счете всегда придем к человеческому голосу, так сказать, упремся в человека...» [1. С. 401]. Созвучно с М.М. Бахтиным рассуждает в своих лекциях по русской литературе В.В. Набоков, который находит подобные сближения в творчестве некоторых русских писателей, а в отношении Чехова говорит, что «главной общественной добродетелью для него была справедливость, и всю жизнь он стремился возвысить свой голос против всякой несправедливости... Прежде всего он был индивидуалистом и художником» [2. С. 319–320].

За основу периодизации, в которой и протекала эта эволюция, нами взята периодизация А.П. Чудакова, где исследователь выделяет следующие этапы: до 1887; 1888–1894; 1895–1904 гг. Каждому из этих периодов соответствуют свои особенности творчества великого писателя, как в формах изложения художественного материала, так и в его содержании, которые касаются и заявленной в нашей статье темы. Например, для второго периода характерны усложнение сюжетной линии повествования рассказов Чехова, появление героев «во всей конкретности их социального положения и сиюминутного душевного состояния», единство эмоционального восприятия авторского текста и другие качества настоящего писателя. В третьем периоде эти характеристики сохранились, но повествование уплотнилось, явились голоса и сферы

сознания многих героев, в том числе второстепенных и эпизодических [3. С. 136, 138].

По наблюдениям, содержащимся в монографии Г.П. Бердникова, дается характеристика эпохи, в которой творил Чехов, и условия, в которых формировалось его мировоззрение. Например, то, что Чехов вошел в литературу в эпоху кризиса и разложения народнической идеологии, поэтому он был свободен от уже устаревающих взглядов народников разных направлений. Деятелей этого лагеря во главе с Н.К. Михайловским все раздражало в творчестве Чехова, в том числе и его жизнерадостность и юмор. В то же время Чехов был, несомненно, близок Глебу Успенскому как яркому представителю демократической литературы того времени, их скрепляла крепкая демократическая закваска [4. С. 9]. В монографии В.Я. Линкова отмечена еще одна особенность творчества Чехова, которая будет полезна в нашем исследовании: показать изображаемое действие глазами постороннего человека, который рассказывает об этом действии подробно и по возможности достоверно, отмечая, как в рассматриваемом здесь рассказе «Случай из практики», абсурдность и социальную несправедливость ситуации. К большой дочери владельца подмосковной фабрики приезжает из столицы врач, который «деревни не знал и фабриками не интересовался и не бывал на них», но сразу почувствовал тяжелую атмосферу, царившую не только на фабрике, но и в доме ее владельцев [5. С. 75].

Уже в первых, еще во многом наивных и простеньких юмористических рассказах А.П. Чехова, печатавшихся в 1880–1884 гг. под авторским псевдонимом Антоша Чехонте, встречаются сведения о купцах, начинает разрабатываться купеческая тема. Упоминания о купцах пока еще очень редки и фрагментарны, хотя, как известно, писатель родился в купеческой семье и жизнь купцов знал не понаслышке. Например, в известном рассказе «Радость», больше напоминающем фельетон, упоминается «второй гильдии московский купец Степан Луков», извозчики сани с которым переехали через пьяненького, как оказалось, коллежского регистратора Митю Кулдарова, который был вне себя от счастья, что о нем в газете появилась заметка [6. Т. 1. С. 9]. Основное внимание в этот период Чехов уделяет «маленькому человеку», простым и незаметным на первый взгляд людям: мел-

ким чиновникам, ремесленникам, торговцам, кучерам, дворникам, рабочим и другим демократическим слоям населения. Делает это кратко, талантливо и смешно, так что впору позавидовать читателям тех газет и журналов, где он печатался («Зритель», «Осколки», «Наблюдатель», «Развлечение», альманахи «Северные цветы», «Стрекоза» и др.). Жанр короткого рассказа и фельетона был очень популярен в частной прессе конца XIX в., в том числе и в сибирских газетах, которые авторам данной статьи хорошо знакомы, но здесь, в Сибири, они длинны, скучны, тяжелы по стилю и нравоучительны по тону повествования.

В рассказе «Справка» главные действующие лица, мелкие чиновники-взяточники, которые без определенной мзды (не рубль или два, а непременно три) не замечают просителей «в упор», стоящих перед ними и просящего дать им ничтожную справку. Более того, для придания серьезности своим занятиям, они упоминают о своих важных делах: «Иван Алексеевич! – крикнул чиновник в воздух, как бы не замечая Волдырева. – Скажешь купцу Яликову, когда придет, чтобы копию с заявления в полицию засвидетельствовал! Тысячу раз ему говорил!» [6. Т. 1. С. 49]. Тем самым криком позывается вскользь недогадливому просителю, помещику, между прочим, что вот купец догадался дать взятку, и его дело решено. Впрочем, после получения оговоренной мзды, поза и лицо чиновника мгновенно изменились на угодливые, и справка была выдана.

В известном рассказе «Шведская спичка», который сам Чехов назвал пародией на детектив, в юмористических тонах повествуется о мнимом убийстве и его расследовании. Старый следователь при осмотре места преступления вспоминает «убийство купца Портретова», которого какие-то «мерзавцы убили и вытащили труп через окно» [Там же. С. 75]. Впрочем, история закончилась счастливо, и пропавший без вести отставной корнет Марк Иванович Кляузов был найден живым и здоровым, в отличие от многих купцов, которые довольно часто в рассказах А.П. Чехова выводились в качестве жертв ограбления и последующего убийства, как это и было на самом деле на необъятных просторах России.

В другом рассказе, «Орден», написанном в том же неподражаемом юмористическом духе, учитель военной прогимназии Лев Пустяков выпрашивает у своего товарища поручика Леденцова орден, чтобы идти в гости к купцу Спичкину: «Сегодня, видишь ли, я обедаю у купца Спичкина. А ты знаешь этого подлеца Спичкина: он страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается на шее или в петлице. И к тому же у него две дочери...» [Там же. С. 93]. Весь юмор этого рассказа заключался в том, что учитель встретил на праздничном ужине своего коллегу, учителя французского языка, у которого тоже был на груди выпрошенный у кого-то чужой орден. Сначала они друг друга конфузились, но потом уже жалели, что не выпросили себе ордена уже более высокого ранга. Но для купечества было характерно, в самом деле, глубокое почтение к чинам и орденам. Даже на свадьбы часто приглашались генералы воен-

ные и штатские, с орденскими звездами и без них, и за все эти знаки отличия была особая цена.

Не упустил А.П. Чехов возможности показать типичные для учебников арифметики задачи, связанные с купеческим бизнесом: «Купец купил 138 арш. черного и синего сукна за 540 руб. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 руб. за аршин, а черное 3 руб.?» [6. Т. 1. С. 97]. Ни ученик, Петя Удодов, ни репетитор, гимназист VII класса Егор Зиберов, не смогли решить эту, простую на первый взгляд, задачу, в то время как отец мальчика делает это шутя по старинке на счетах. В самом деле, в учебниках и в русской литературе это отражено: довольно часто купцы фигурировали как персонажи, которые что-то продавали или покупали, куда-то ездили, что-то делали. Ученики представляли эти процессы более реалистично, чем резервуары с водой, которые наполнялись и опорожнялись, поезда, которые ехали навстречу друг другу, и другие довольно абстрактные задачи. А вот купеческие лавки были у каждого ученика под боком, и они часто туда бегали за разными покупками, знали какой товар чего стоил и когда можно поторговаться, а когда нет.

Пожалуй, в одном из самых известных рассказов Чехова «Хамелеон» действие разворачивается с эпизода, когда из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах, бежит собака, а за ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстегнутой жилетке. Это оказывается золотых дел мастер Хрюкин, которого эта собачка, вернее борзой щенок, укусила. Попутно читатель узнает, что Хрюкин пришел на дровяной склад по делу, договориться «насчет дров с Митрий Митричем», т.е. с хозяином склада, а базарная площадь, где находится этот склад, в этот дневной час пустынна: «Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих» [Там же. С. 133]. Типичная картина провинциальной России, когда скука разливается над небольшим уездным городком и любое событие становится здесь интересным и значимым, особенно если его описывает такой талантливый писатель, как А.П. Чехов. В другом рассказе, «Надлежащие меры», купеческие торговые заведения и их владельцы оказываются уже в центре повествования, так как описываются «рейд» санитарной комиссии по этим заведениям и меры купцов, их владельцев, чтобы не допустить их к себе. В конце концов члены комиссии, уже полупьяные, оказываются в ревизуемом винном погребке, где веселье продолжается, а в качестве закуски употреблены реквизированные подгнившие яблоки. И снова в их разговоре звучат имена плутовых купцов: Ошейников Демьян Гаврилыч, Голорыбенко, Шибукин и др.

Постепенно купеческая тема в рассказах Чехова становится все более важной и значительной. Вот уже появляются в них новые хозяева жизни, крупные воротилы и дельцы, к которым нужно простым обывателям проявлять почтение и уважение, какими бы делами те не занимались. В рассказе «Маска» обрисовывается ситуация, когда во время бала-маскарада в читальном зале общественного клуба появляется

«широкий приземистый мужчина, одетый в кучерский костюм и в шляпу с павлиньими перьями, в маске». Читающая с виду интеллигентная публика с возмущением встречают эту маску и его спутниц в сопровождении лакея с шампанским и закусками, тем более, что маска начинает читателей задирать и хамить. Но вскоре почтенные читатели в корне меняют свое отношение к мужчине, посмевшему нарушить их покой, когда «в буяне все узнали местного миллиона, фабриканта, потомственного почетного гражданина Пятигорова, известного своими капиталами, благотворительностью и как не раз говорилось в местном вестнике – любовью к просвещению» [6. Т. 1. С. 158]. Таким образом, уже в 1880-е гг. начинающий русский писатель А.П. Чехов, хорошо зная купеческую среду, пока не делился этими своими знаниями и наблюдениями с читателями, так как слишком свежи были негативные впечатления о своем жизненном опыте в Таганроге, где он помогал отцу торговать в лавке и получал от него выговоры и наказания.

Дед Чехова по отцу, Егор Михайлович, был крестьянским из Воронежской губернии и смог выкупиться с семьей на волю и служил в конце жизни управляющим имением. Детские впечатления от поездки к деду через приазовскую степь отражены в повести «Степь», в которой также отражены купеческие типы. Отец Чехова, Павел Егорович, владел в Таганроге небольшой бакалейной лавкой, где продавали чай, сахар, крупы и другие продовольственные товары. Описание таких лавок встречается во многих рассказах и повестях Чехова, и он передает их внутреннюю обстановку до самых тонких подробностей. Как и у всякого купца, у отца Чехова было желание расширить свое дело, но не хватало практичности, деловой сметки и хитрости, которые возмечались его художественными талантами. Он был регентом церковного хора и, как вспоминал позже Чехов, «когда бывало, я и два моих брата среди церкви пели трио “Да исправится” или же “Архангельский глас”, на нас смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками» [7. С. 9]. Властный и деспотичный отец прибегал к традиционным тогда методам воспитания, и наказание розгами, семейный деспотизм рано выработали у Чехова отвращение к несправедливости и насилию, обостренное чувство собственного достоинства. Эти чувства поддерживала его мать, Евгения Яковлевна, которая также была внучкой выкупившегося из неволи крепостного крестьянина, но она вносила в семью мягкость и человечность. «Талант у нас со стороны отца, а душа со стороны матери», – говорил впоследствии Чехов [Там же. С. 10].

В последующие периоды своего творчества А.П. Чехов показывает купцов более реалистично и выпукло, они составляют часто фон повествования, являются связующим звеном между героями его рассказов и местом действия. Купеческие имена и фамилии присутствуют у Чехова как названия домов и улиц, промышленных и торговых заведений, складов и т.д. Купцы становятся в его произведениях непрерывными элементами городской жизни, без которых

город немыслим. Например, портной Меркулов из рассказа «Капитанский мундир» горько жалуется на судьбу, загнавшую его в городишко, наполненный одними купцами и мещанами. Он гордится, что выполнил заказ гарнизонного капитана и сшил ему мундир, хотя плату за работу и материалы так и не получил.

Купцы в первых рассказах Чехова часто имеют анекдотическую или водевильную окраску, т.е. смешны в своих умонастроениях или действиях. Например, Макар Тарасыч Пешкин, судя по всему, мелкий лавочник, не может выдать замуж собственную дочь из-за своей нерешительности, так как не может заставить женихов решиться на то, чтобы пойти под венец. Каждый раз в последний момент женихи чего-то пугаются или просят увеличить размер приданого. В пример он берет купца Клякина: «У него жених тоже упорствовал стал, в приданом заметил что-то не то, так он, Клякин-то, завел его в кладовую, заперся, вынул, знает ли, из кармана большой револьвер с пулями, как следует заряженный, и говорит: “Побожись, говорит, перед образом, что женишься, а то, говорит, убью сию минуту, подлец этакой. Сию минуту!” Побожился и женился молодчик. Вот видите. А я бы так не способен» [6. Т. 2. С. 24]. Чехов-драматург уже в первом своем серьезном произведении «Иванов» смело сочетал остродраматическое или даже трагическое с мелодраматическим, т.е. смешным. Это образы незадачливого дельца, управляющего имением Боркина, предлагающий всем свои безумные коммерческие проекты; это дочь богатого купца, молодая вдова Марфа Егоровна Бабакина, которая поддалась влиянию Боркина и решила стать графиней, выйдя замуж за пожилого графа Шабельского; это скучая хозяйка имения Зинаида Саввишна с ее «кружковенным вареньем» и др. Вдова Бабакина хотя и смешна в своих претензиях на благородство, но в коммерции разбирается очень даже неплохо и всегда в курсе биржевых дел, правда, жизнь понимает, как и большинство купцов, слишком материально, т.е. во всем видит свою выгоду и коммерческий интерес.

В 1880-е гг. психологически точные и реалистичные портреты купцов в произведениях Чехова еще не встречаются, хотя отдельные подходы к этой большой и актуальной теме у него уже намечены. Одним из первых рассказов, посвященных характеристике русского купечества, стал рассказ «Писатель», где говорится о молодом купце-чайторговце, который заказал для своего магазина рекламу китайских чаев, поступивших на склад три года назад, но подаются покупателю как свежепоступившие и самого высшего качества. Вот облик этого купца по фамилии Ершаков: «...человек молодой, по моде одетый, но помятый и, видимо, поживший на своем веку бурно. Судя по его размашистому почерку с завитушками, капулю и тонкому сигарному запаху, он был не чужд европейской цивилизации» [Там же. С. 138]. В результате совместного творчества купца и пожилого писателя получилась завидная для конкурентов реклама, но после окончания этих трудов «оба почувствовали себя неловко, как будто совершили какую-то пакость». Расплачиваться за труд рекламщика купец предложил

товарами своего магазина, чаем и сахаром, как, впрочем, поступал он со всеми, кого нанимал на временную работу.

По мере того как креп и развивался писательский талант А.П. Чехова, как укрупнялись формы повествования и усложнялись сюжеты его рассказов, а потом и повестей и драматических произведений, купеческая тема становится все более серьезной, обстоятельной и психологически очерченной. Уже отдельные персонажи из купцов становятся главными героями его рассказов и повестей, что свидетельствовало не только об укреплении роли купечества и буржуазии в жизни пореформенной России, но и большей заинтересованности Чехова и других русских писателей в освещении этой темы. Вот, например, рассказ «Беда», который в первой редакции имел название «Баран», где безмятежная, сытая и пьяная жизнь купца Авдеева была вдруг прервана арестом директора городского банка, бухгалтера и членов правления. Он был членом ревизионной комиссии этого банка и, не читая, подписывал отчеты, которые ему приносили прямо в его лавку. В результате постепенно обвинения на купца Авдеева принимают все более реальные очертания, хотя он в разговорах и на допросах пытался доказать свою невиновность, но делал это настолько глупо и наивно, что только усугублял свою вину: «Авдеев горячился больше всех и уверял, что он давно уже предчувствовал этот крах и еще два года назад знал, что в банке не совсем чисто» [6. Т. 4. С. 6]. Но кольцо обвинений сжималось, хотя совесть купца была чиста. Свое положение он считал ошибкой и недоразумением, приговор суда его обескуражил – ссылка на поселение в Тобольскую губернию. Для человека, у которого во время следствия и суда пошатнулось здоровье и не осталось средств для поддержания остававшейся дома жены и сына-гимназиста, это было тяжелым ударом, но кто знает, может быть в Сибири ему удастся поправить свои дела и встать на ноги, как это было не раз на самом деле в реальной жизни.

Более детально и пристально рассматривает Чехов купцов юга России в повести «Степь: история одной поездки», где талантливо и достоверно передает свои детские и отроческие впечатления о степи. Как известно, в этой повести мальчика Егорушку отправляют на учебу в гимназию в губернский город, а сопровождает его в этой поездке родной дядя – Иван Иванович Кузьмичов, который торговал шерстью, скотом, хлебом и другими сельхозтоварами, т.е. был прасолом в традиционном понимании этого слова. Однако внешность у него была уже не купеческая, а, скорее, чиновничья, «бритый, в очках и соломенной шляпе», курил дешевые сигары и любил рассуждать на «ученые» темы. Он был фанатиком своего дела и всегда, даже во сне и за молитвой в церкви, «думал о своих делаах, ни на минуту не мог забыть о них...» [Там же. С. 84]. Такая целеустремленность иногда придавала лицу Кузьмичова «неумолимое, инквизиторское выражение». Почти на всем протяжении повести Егорушка и читатели заинтригованы таинственной и могущественной фигурой крупного дельца Варламова. И когда на короткое время он появляется

в повести, его характер и повадки ясны, так как подготовлены характеристикой дяди, дельца рангом пониже, но несущего в себе черты энергичного и целеустремленного предпринимателя, фанатично преданному своему делу, без чего невозможен, в конечном счете, коммерческий успех.

Варламов и Кузьмичев как персонажи повести явно противостоят лирической атмосфере, в которой происходит ее действие, потому что лишены главных человеческих качеств – душевности и доброты. В руках Варламова несомненная власть – власть над людьми, власть над степью, которая вытекает из власти денежного капитала. Но эта власть обезличивает и порабощает, порабощает тем самым делом, хозяином которого он является. Этика капитализма подвергается сомнению у Чехова, в лице «ошибанной» фигурой рыжего еврея Соломона, в его крамольных речах, приводящих в ужас его брата Мойсея Мойсеича. Доставшиеся по наследству деньги, шесть тысяч рублей, он сжег, в то время как его брат на такую же сумму денег обзавелся корчмой, женился и имеет уже шестерых детей. Соломон проповедывает тщетность усилий по добыче денег, показывает презрение к людям, которые это делают, что, вероятно, было предвестником социальных бурь в будущем, когда власть денег менялась на власть силы и оружия. Только у Чехова это является предвидением будущего, одним из вариантов его развития, когда к власти придут такие люди, как Соломон, а у советских литераторов – торжеством справедливости.

Купец Кузьмичев и его спутник, священник отец Христофор, везли с собой довольно много денег и на постоялом дворе их долго и тщательно пересчитывали, а затем небрежно побросали в мешок и для сохранности в пути использовали этот мешок вместо подушки. Эти деньги предназначались крупному местному дельцу Семену Александровичу Варламову, который в глазах мальчика сначала не выделялся среди других купцов: «В малорослом сером человечке, обутом в большие сапоги, сидящем на некрасивой лошаденке и разговаривающем с мужиками в такое время, когда все порядочные люди спят, трудно было узнать таинственного неуловимого Варламова, которого все ищут, который всегда «кружится» и имеет денег гораздо больше, чем графиня Драницкая» [6. Т. 4. С. 140]. Однако, присмотревшись, Егорушка увидел, что «лицо его с небольшой седой бородкой, простое, русское, загорелое лицо, было красно, мокро от росы и покрыто синими жилочками; оно выражало такую же деловую сухость, как лицо Иван Иваныча, тот же деловой фанатизм. Но все-таки, какая разница чувствовалась между ним и Иван Иванычем! У дяди Кузьмичова рядом с деловой сухостью всегда были на лице забота страх, что он не найдет Варламова, опоздает, пропустит хорошую цену; ничего подобного, свойственного людям маленьким и зависимым, не было ни на лице, ни в фигуре Варламова. Этот человек сам создавал цены, никого не искал и ни от кого не зависел; как ни заурядна была его наружность, но во всем, даже в манере держать нагайку, чувствовалось сознание силы и привычной власти над степью» [6. Т. 4. С. 141–142].

По дороге путникам попались два больших деревянных креста, стоявших по обеим сторонам тракта в память об ограбленных и убитых купцах. На привале один из возчиков рассказал реальную историю их ограбления и убийства: «Купцы, отец с сыном, ехали образа продавать. Остановились тут недалече на постоялом дворе... Стариk выпил лишнее и стал хвастаться, что у него денег с собой много. Купцы, известно, народ хвастливый, не дай бог... Не утерпит, чтоб не показать себя перед нашим братом в лучшем виде. А в ту пору на постоялом дворе косари ночевали. Ну, услыхали это они, как купец хвастает, и взяли себе во внимание... На другой день, чуть свет, купцы собрались в дорогу, а косари с ними ввязались... Купцы, чтоб образов не побить, шагом ехали, а косарям это на руку... Все ничего было, а как только купцы доехали до этого места, косари и давай чистить их косами. Сын, молодец был, выхватил у одного косу и тоже давай чистить... Ну, конечно, те одолели, потому их человек восемь было» [Там же. С. 129]. История, конечно, трагическая и страшная, потому как денег у купцов нашли немного, рублей сто, а сами грабители поплатились жизнью трех своих товарищ, но, в то же время, таких историй было немало и в народе складывались легенды о несостоявшихся убийствах и чудесных спасениях купцов, которые были большей частью вымыслами и мифами. Мифы, как известно, героизируют прошлое, поэтому купцы в этом случае становятся героями, которые поступают согласно своему кодексу чести, т.е. отважно и всегда готовы к подвигам. Едва ли не каждая поездка купцов по своим делам была сопряжена с определенным риском и нужно было на эти поездки отважиться.

Повесть «Три года» впервые появилась в журнале «Русская мысль» в начале 1895 г. с подзаголовком «рассказ», хотя сам Чехов называл ее, т.е. повесть, «романом из московской жизни». В центре повествования поставлен Алексей Федорович Лаптев, представитель старого купеческого рода Лаптевых, которые занимались оптовой торговлей галантерейным товаром: «...бахромой, тесьмой, аграмантом, вязальною бумагой, пуговицами и проч. Валовая выручка достигала двух миллионов в год; каков был чистый доход, никто не знал, кроме старика» [6. Т. 5. С. 409]. Стариk, отец главного героя, был купцом старой закваски: «Федор Степанович был высокого роста и чрезвычайно крепкого сложения, так что, несмотря на свои восемьдесят лет и морщины, все еще имел вид здорового, сильного человека. Говорил он тяжелым, густым, гудящим басом, который выходил из его широкой груди, как из бочки. Он брил бороду, носил солдатские подстриженные усы и курил сигары. Так как ему всегда казалось жарко, то в амбаре и дома во всякое время года он ходил в просторном парусинковом пиджаке» [Там же. С. 411].

Сам главный герой получил хорошее университетское образование, хорошо говорил по-французски, посещал московские театры, выставки, музыкальные вечера, но внешность имел незавидную: «Он был не-высок ростом, худ, с румянцем на щеках, и волосы у него уже сильно поредели, так что зябла голова.

В выражении его вовсе не было той изящной простоты, которая даже грубые, некрасивые лица делает симпатичными; в обществе женщин был неловок, излишне разговорчив, манерен» [6. Т. 5. С. 388]. Лаптев убежден, что его робость и застенчивость, физическая немощь и слабость характера являются следствием его воспитания. Он рассказывает своей жене, что его отец женился в 45 лет на 17-летней девушке, которая к моменту рождения детей была истощена постоянным страхом. Его самого начали бить с пяти лет – секли розгами, драли за уши, били по голове, т.е. поступали как с обычновенными мальчиками, которых брали на обучение делу в «амбар», т.е. в контору и на склад товаров одновременно. Потом, когда его отдали в гимназию, он должен был до обеда учиться, а после обеда до вечера сидеть в амбаре. И так было до 22 лет, до университета, когда новые товарищи не надоумили его уйти из отцовского дома. Вполне ясно угадываются биографические штрихи жизни самого А.П. Чехова в Таганроге, перенесенные им в московскую жизнь в его повести, хотя сам Чехов, в отличие от Лаптева, был высок ростом, хорош собой, жизнерадостен, пользовался успехом у женщин, обладал выдающимся чувством юмора и умом.

Главная интрига повести заключается в том, что Алексей Лаптев женился на интеллигентной девушке, дочери известного врача, и все время сомневался в ее любви к себе, хотя сам был влюблён искренно и нежно. Он чувствовал, что его любовь становится все сильнее, но взаимности не было, а сущность была та, что он покупал, а она продавалась. Тем не менее, пройдя через холдность и отчуждение, потеряв ребенка, Алексей Лаптев и его жена Юлия Сергеевна стали, в конце концов, через три года, благополучными и любящими друг друга супругами, вместе стали входить в коммерческие дела семьи и заниматься благотворительностью.

Болезнь отца, а потом и брата Федора, который внезапно сошел с ума, заставили Алексея Лаптева переехать на Пятницкую, где жил отец, и браться за ведение дел. В этом ему помогал собственный опыт, полученный в детстве и юности, а также преданные семье приказчики, которыми управляли согласно купеческой традиции – держали в строгости и почитания главе рода, жалованье выдавали скромное, но его размеры держали в тайне, что вызывало у них зависть и подозрения, жениться вроде бы не запрещали, но на семейных служащих смотрели косо. Возвращение приказчиков вечером домой и утром на службу строго контролировалось – никаких опозданий, никакого запаха вина и табака, все это следовало и из староверческой традиции многих московских купеческих семей. Такая обстановка напоминала неволю, тюремную жизнь, которая строго регламентировалась и не давала людям заниматься делами по своей душе и способностям. Это соответствовала общим условиям общественной жизни России при Александре III, периоде контрреформ и реакции, отраженных А.П. Чеховым в других его произведениях – «Палата № 6», «Человек в футляре», «Унтер Пришибеев» и др.

Интерес А.П. Чехова к новым хозяевам жизни, к российским предпринимателям и их деятельности в

1890-е гг. отразился и в других произведениях писателя – «Бабье царство», «Случай из практики», «В овраге», в пьесе «Вишневый сад» и некоторых других. Постепенно в его творчестве происходит переход от характеристики купцов как людей грубых, жадных и малокультурных, которые готовы совершать странные поступки. Например, в рассказе «Крыжовник», где главный герой поражен скопидомством, чтобы накопить денег и купить себе имение, неожиданно в разговоре появляется образ купца, который якобы перед смертью «приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты, чтобы никому не досталось». Вряд ли это возможно физически, но характеристика жадного и глупого купца дана, хотя это и не совсем так. Представители крупного капитала, а это преимущественно купцы, заводят фабрики, где трудятся сотни и тысячи рабочих, производящих необходимые для людей товары, строят железные дороги, вагоны, паровозы и пароходы, с помощью которых перевозят многие грузы и пассажиров, концентрируют в своих руках миллионы капиталов. Все это не от природной или приобретенной склонности к корыстолюбию, а характерные знаки и символы капиталистической эпохи, где большие деньги становятся реальной силой, и многие люди стремятся ими завладеть. Можно их осуждать или иронизировать по поводу их низкой культуры и грубости, но для того чтобы составить себе капитал, нужны определенные таланты, целеустремленность, энергия и сила, и эти качества в разной степени присущи героям поздних произведений А.П. Чехова.

В длинном, разделенном на несколько отдельных частей рассказе «Бабье царство», речь идет о получившей в наследство крупный механический завод Анне Акимовне Глаголевой. Огромное предприятие, где трудилось не менее двух тысяч человек, досталось ей от дяди, основавшего семейный бизнес, и отца, который долгое время был там квалифицированным рабочим и получал от своего брата жалованье в 16 руб. в месяц, что было не больше зарплаты обычновенного рабочего. Свое предприятие Анна Акимовна не любила и боялась: «В главном корпусе после смерти отца она была только один раз. Высокие потолки с железными балками, множество громадных, быстро вращающихся колес, приводных ремней и рычагов, пронзительное шипение, визг стали, дребезжание вагонеток, жесткое дыхание пара, бледные, багровые или черные от угольной пыли лица, мокрые от пота рабахи, блеск стали, меди и огня, запах масла и угля, и ветер, то очень горячий, то холодный, произвели на нее впечатление ада. Ей казалось, будто колеса, колеса и горячие шипящие цилиндры, стараются сорваться со своих связей, чтобы уничтожить людей, а люди с озабоченными лицами, не слыша друг друга, бегают и суетятся около машин, стараясь остановить их страшное движение» [6. Т. 5. С. 295].

Основателем крупного семейного дела был дядя героини рассказа, Иван Иванович, происходивший из старообрядцев, что вполне соответствовало действительности, так как многие выгодные для быстрого обогащения отрасли народного хозяйства были им

недоступны, и они устремились в правильный с их точки зрения бизнес – переработку сельскохозяйственного сырья (обработка и выделка кож, мукомольное и салотопенное дело и др.), а также в текстильное производство, металлургию и машиностроение. Для этого нужно было обладать типичными для предпринимателя чертами характера – целеустремленностью и энергией, умом и деловой сметкой, преданностью делу и религии. Этими чертами в полной мере владел Иван Иванович Глаголев, это был крестьян: «Во всем, что относилось к религии, политике и нравственности, он был кротк и неумолим, и наблюдал не только за собой, но и за всеми служащими и знакомыми. Не дай бог, бывало, войти к нему в комнату и не перекреститься! Роскошные хоромы, в которых живет теперь Анна Акимовна, он держал запертыми и отпирал их только в большие праздники для важных гостей, а сам жил в кантоне, в одной маленькой комнатке, уставленной образами. Он тяготел к старой вере и постоянно принимал у себя старообрядческих архиереев и попов, хотя был крещен и венчан и жену свою похоронил по обряду православной церкви» [6. Т. 5. С. 298]. Под его влиянием оказалась юная племянница Аня, которой дядя дал хорошее образование и воспитание, сделал наследницей своего состояния, постарался привить навыки предпринимательства, т.е. получать прибыль, систематически эксплуатируя своих рабочих. «Купцы, а особенно купчихи, больше любят нищих, чем своих рабочих», – подумала Анна Акимовна. «Хорошо бы раздать завтра эти ненужные, противные деньги рабочим, но нельзя ничего давать рабочему даром, а то запросят в другой раз», – таковы ее принципы [Там же. С. 294].

Огромный ее дом по старинке делился на две части: «Верхний этаж в доме назывался чистой, или благородной половиной и хоромами, нижнему же, где хозяйничала тетушка Татьяна Ивановна, было присвоено название торговой, старицкой, или просто бабьей половины» [Там же. С. 306]. Как женщина умная и наблюдательная Анна Акимовна видит, что, выплачивая огромное жалованье своему директору, юристу и другим доверенным лицам, она не застрахована от обмана с их стороны, и ей почему-то стыдно и обидно за них. Она видит нищету и ужасные условия труда своих рабочих, но ничего не может сделать против порядков, установленных ее дядей и отцом; она видит тщетность своей грошовой благотворительности, видит, что ее желание выйти замуж за старшего рабочего Пименова неосуществимо, а другие кандидаты в женихи ничтожны и корыстолюбивы. Одним словом, богатство, по мнению А.П. Чехова, не приносит его владельцам простого человеческого счастья, но является постоянным источником беспокойства и разного рода забот и волнений, постоянных угрызений совести и понимания греховной сущности накопления за счет нищеты и страданий других. Сделать что-то существенное, чтобы изменить мир, пойти против устоявшихся традиций, освященных властью и религией, невозможно, так как люди были включены в естественный ход событий, нарушить которые было невозможно, даже если сильно захотеть.

Сходная ситуация рассматривается А.П. Чеховым в другом рассказе – «Случай из практики». Вдова купца Ляликова, владелица большой фабрики, вызвала к своей дочери московского профессора, который сам не поехал, но послал вместо себя своего ординатора. В рассказе противопоставляется роскошь летнего вечера и убожество фабричных корпусов, складов и бараков, покрытых какой-то серой пылью. Глядя на рабочих, которые кланялись господским лошадям, проезжавшим мимо, ординатор Королев «всякий раз думал о том, что вот снаружи все тихо и смирино, а внутри, должно быть, непроходимое невежество и тупой эгоизм хозяев, нездоровый труд рабочих. Дрязги, водка, насекомые. И теперь, когда рабочие почтительно и пугливо сторонились коляски, он в их лицах, картузах, в походке угадывал физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность» [6. Т. 6. С. 311–312]. Ожидания доктора оправдались – его встретила госпожа Ляликова, «полная, пожилая дама, в черном шелковом платье с модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная, смотрела на доктора с тревогой и не решалась подать ему руку, не смела». В зале большого дома были размещены картины, которые давали представление о вкусах его хозяев: «На картинах, написанных масляными красками, в золотых рамках, были виды Крыма, бурное море с корабликом, католический монах с рюмкой, и все это сухо, зализано, бездарно...». Кроме этого, здесь же находились портреты фабрикантов, где не было «ни одного красивого, интересного лица, все широкие скулы, удивленные глаза; у Ляликова, отца Лизы, маленький лоб и самодовольное лицо, мундир мешком сидит на его большом непородистом теле, на груди медаль и знак Красного креста. Культура бедная, роскошь случайная, неосмысленная, неудобная, как этот мундир; полы раздражают своим блеском, раздражают листры, и вспоминается почему-то рассказ про купца, ходившего в баню с медалью на шее...» [Там же. С. 315].

Неутешителен вывод Чехова о фабричном производстве и капитализме в целом, который так или иначе встречается в его художественных произведениях и публицистике: «Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец» [Там же. С. 317]. Чехов сравнивает с дьяволом, с неведомой силой, которая создала отношения между сильными и слабыми, и эту грубую ошибку теперь уже не исправишь.

В реалистических тонах описывает Чехов разные уровни развития капитализма в повести «В овраге», впервые опубликованной в журнале «Жизнь» в 1900 г. Брат писателя М.П. Чехов считал, что в ней воспроизведен один из рассказов, услышанных Чеховым на Сахалине, а обстановка и место действия списаны с окрестностей Мелихова. По воспоминаниям

С.М. Щукина, Чехов признавал, что в повести отразились реальные факты, лица, события, и в то же время подчеркивал художественно обобщающий смысл повести: «Я описываю тут жизнь, какая встречается в средних губерниях, я ее больше знаю. И купцы Хрымины есть в действительности. Только на самом деле они еще хуже. Их дети с восьми лет начинают пить водку и с детских лет развратничают: они заразили сифилисом всю округу. Я не говорю об этом в повести <...> потому что говорить об это считаю нехудожественным» [7. С. 63]. Низший уровень российского предпринимательства представлен в повести семьей епифанского мещанина Григория Цибукина, который «держал бакалейную лавочку, но это только для вида, на самом же деле торговал водкой, скотом, кожами, хлебом в зерне, свиньями, торговал чем придется. И когда, например, за границу требовались для дамских шляп сороки, то он наживал на каждой паре по тридцати копеек; он скупал лес на сруб, давал деньги в рост, вообще был старик оборотливый» [6. Т. 6. С. 307]. Высший уровень предпринимательства был представлен купцами-фабрикантами Хрымиными Старшими, Хрымиными Младшими и Костюковым. Их фабрики были ситцевыми, а одни из них кожевенная, поэтому вокруг «всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выделке ситцев».

Цибукины хотя и жили как купцы, но, по словам одной из героинь повести, «уж очень народ обижаем <...> Лошадь ли меняем, покупаем ли что, работника ли нанимаем – на всем обман. Обман и обман. Постное масло в лавке горькое, тухлое, у людей деготь лучше...» [Там же. С. 399]. Этот эпизод с постным маслом перекликается с реальным фактом торговли П.Е. Чехова, отца писателя, который был отражен сначала в мемуарной литературе, а затем в биографическом романе «Антон Чехов» французского писателя Анри Труайя: «Однажды в баке с деревянным маслом утонула крыса. И что же? Павел Егорович не нашел в себе мужества выбросить “оскверненный” товар. Но как примирить обязательную для всякого христианина честность с нежеланием терпеть крупный убыток? Вдохновленный свыше, Павел Егорович пригласил священника и попросил его прочесть над этим маслом очистительную молитву. После этого он мог со спокойной совестью снова пустить в продажу освященный и очищенный товар. Обряд совершился в самом тесном кругу, но соседи, быстро обо всем прознавшие, возмутились. Очищенное от скверны масло не находило покупателя. Более того, подозрение в нечистоте тяготело отныне над всеми припасами в лавке» [8. С. 13–14]. Тем не менее, несмотря на посредственные результаты своей коммерции, П.Е. Чехов состоял во второй гильдии таганрогского купечества и с достоинством и самодовольством носил на шее медаль, а по воскресеньям разгуливал не иначе как в шелковом шапокляке (цилиндре), белой сорочке и галстуке.

Такая характеристика русского купечества прослеживается и в последней драме Чехова «Вишневый сад», где Ермолай Алексеевич Лопахин занимает одно из центральных мест. Большинство исследователей

приходят к выводу, что Чехов наделил его целым рядом положительных черт, существует и симпатизирует Лопахину, хотя в советском литературоведении с этим тезисом были не согласны, видя в нем только хищника и эксплуататора. По сути дела, с монолога Лопахина и начинается пьеса, которую сам Чехов называл комедией, где должно быть много веселого и смешного. Однако слова Лопахина сразу же настраивают зрителя на серьезный лад, когда он рассказывает о своем знакомстве с хохлякой поместья Любовью Андреевной Раневской и об отношении в крестьянской семье отцов к своим детям: «Помню, когда я был мальчиком лет пятнадцати, отец мой покойный – он тогда здесь в деревне в лавке торговал – ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу <...> Мы тогда вместе пришли зачемто во двор, а он выпимши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомойнику, вот в этой самой комнате, в детской. «Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...». Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только вот что богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком...» [6. Т. 7. С. 318]. За такую ласку в далеком прошлом Лопахин предлагает по-своему оригинальный и эффективный бизнес-план, который даст в будущем потрясающий доход, но хозяева поместья с ним не соглашаются. Проект просчитан и учитывает многие попутные обстоятельства: «Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железнная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч дохода» [Там же. С. 325]. Проект убедительный и выгодный, и Лопахин рассчитывает на то, что он вызовет восторг у слушателей, так как делится своей коммерческой

тайной, которая, как известно, стоит денег, но хозяева имения с негодованием его отвергают.

По мнению Чехова, Лопахин и многие ему подобные представляют новую прогрессивную силу, пришедшую на смену дряхлеющему дворянству. За ними сила, за ними жизненная правда, так как именно они провели железные дороги и телеграф, перестроили города, построили фабрики и заводы, сменили телегу на паровоз. Поэтому Чехов симпатизирует и даже восхищается Лопахиным и его деятельностью, наделяет его рядом положительных качеств. Тут и энергия, целеустремленность, ум и деловая хватка, смелость в расчетах и своих коммерческих действиях. Однако эти качества имеют и негативный оттенок, когда Лопахину не хватает выдержки и такта, например он начинает вырубать вишневый сад еще до отъезда прежних хозяев, не беспокоясь, что Раневской он наносит душевную травму, хотя к ней испытывает нежные чувства. Красоту он чувствует и понимает, но лучше, если она, красота, будет приносить, как маковое поле, немалый доход. Он хорошо относится к горничной Дуняше, говорит с ней на одном языке и они прекрасно ладят, он два года ходит в женихах у приемной дочери Раневской Варе, но это уже пройденный этап его жизни и натуры, он переходит в более солидную и тяжелую «весовую категорию», категорию истинных хозяев жизни, деловых воротил и, может быть, вскоре политиков. «Вишневый сад» написан в конце 1903 г., поставлен в театре в следующем году, накануне революции 1905 г., в результате которой буржуазия сформирует свои партии и начнет выстраивать политическую линию поведения. К сожалению, эта линия прогрессивного общественно-исторического процесса не получила развития и безвременно зачахла на стадии ростков, хотя могла дать зрелые и обильные плоды. О России будущего, о будущем ее людей мечтали другие персонажи поздних пьес Чехова, и жизнь, по их мнению, должна быть прекрасна, но что получилось на самом деле – судить спустя век уже нам и спустя два века – нашим потомкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975. 502 с.
2. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М. : Независимая газета, 1998. 440 с.
3. Чудаков А.П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М. : Сов. писатель, 1971. 384 с.
4. Бердинков Г.П. А.П. Чехов. Идейные и творческие искания. М. ; Л. : ГИХЛ, 1961. 508 с.
5. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 128 с.
6. Чехов А.П. Собрание соч. : в 8 т. М. : Правда, 1970.
7. Чехов А.П. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. М. : Просвещение, 2011. 696 с.
8. Труайя А. Антон Чехов / пер. с фр. М. : Эксмо, 2004. 608 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 октября 2015 г.

THE IMAGE OF RUSSIAN MERCHANTS IN WORKS BY ANTON CHEKHOV: ART FICTION AND REAL CHARACTER

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 42–50. DOI: 10.17223/15617793/404/6

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru
Keywords: creativity of Anton Chekhov; Russia; merchant; entrepreneurship.

The greatest Russian writer Anton Chekhov knew the merchant environment well since his childhood, but in his first works he did not share this experience with his readers. Obviously, the negative impressions of the life style in Taganrog, where he helped his father in the shop and got reprimands and punishment from him, were too fresh. Chekhov's grandfather, Yegor Mikhailovich, was a serf in Voronezh Province, and was able to redeem with his family and later, at the end of his life, served as an estate manager. Chekhov's childhood impressions of travelling through the Azov steppe to his grandfather's place are reflected in the story *The Steppe*,

where types of merchants are also described. It will be considered later in this article. Chekhov's father, Pavel Yegorovich, owned a small grocery store in Taganrog where tea, sugar, cereals and other food products were sold. Description of the shops can be found in many Chekhov's novels and short stories, where he gives their internal environment in the most subtle details. As every merchant, his father intended to expand business, but he lacked such features of character as practicality, business shrewdness and cunning; however, they were replaced by his artistic talents. Pavel Yegorovich was a regent of the church choir. In the following periods of his creativity, A.P. Chekhov showed merchants more realistically and vividly. They are part of the background of the narrative and link the heroes of his stories and the site of action. Merchant names and surnames in Chekhov works function as names of houses and streets, industrial and commercial establishments, warehouses, etc. Merchants became indispensable elements of city life, without them the city is unthinkable. As Chekhov's writing talent strengthened and developed, as his narrative form grew larger and subjects of his stories became more complicated, the merchant topic became more serious, thorough and delineated psychologically. Individual characters of merchants became protagonists of his stories and novels, which indicated not only the more important role of the merchant class and the bourgeoisie in the life of the post-reform Russia, but also the greater Chekhov's and other Russian writers' interest in covering this topic.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Studies over the years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Nabokov, V.V. (1998) *Lektsii po russkoy literature. Chekhov, Dostoevskiy, Gogol', Gor'kiy, Tolstoy, Turgenev* [Lectures on Russian literature. Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
3. Chudakov, A.P. (1971) *Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzhdenie* [The world of Chekhov. The emergence and adoption]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Berdnikov, G.P. (1961) *A.P. Chekhov. Ideynye i tvorcheskie iskaniya* [A.P. Chekhov. Ideological and creative search]. Moscow; Leningrad: GIKhL.
5. Linkov, V.Ya. (1982) *Khudozhestvennyy mir prozy A.P. Chekhova* [The art world of A.P. Chekhov's prose]. Moscow: Moscow State University.
6. Chekhov, A.P. (1970) *Sobranie soch.: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Moscow: Pravda.
7. Kataev, V.B. (ed.) (2011) *Chekhov A.P. Entsiklopediya* [Anton Chekhov. Encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Troyat, A. (2004) *Anton Chekhov*. Translated from French by A. N. Vasil'kova. Moscow: Eksmo.

Received: 13 October 2015

БРИГАНТИНЫ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Рассмотрены появление и развитие класса бригантин в составе российского флота, уточнена классификация его корабельного состава. Выделены пять типов бригантин. Итальянские бригантини – малые галеры, бригантини русского типа, трофейные шведские двухмачтовые бригантини с прямыми парусами и гафельным гротом, бригантини с вооружением галиота и бригантини с вооружением брига. В состав рангоута бригантин входили гафель и гик. Суда с парусной оснасткой шхуна-бриг стали называть бригантинами в конце XIX в.

Ключевые слова: бот; бриг; бригантини; шнява; парусное вооружение.

С созданием в конце XVII в. регулярного российского военно-морского флота появилась необходимость в классификации его корабельного состава. Деление кораблей на классы, типы и ранги позволяло управлять флотом, строить нужное число кораблей, эффективно их использовать. В зависимости от оперативно-тактического назначения, архитектурно-конструктивного типа, парусного вооружения корабли делились на классы; в зависимости от боевой мощи, числа и калибра орудий – на ранги. Вместе с развитием флота изменялась и классификация кораблей.

В течение XVIII – первой трети XIX в. в составе Российского военного флота имелись бригантини. Термин «бригантини» происходит от итальянского *brigantino*, в свою очередь, производное от итальянского *brigand* – пират, разбойник. Первоначально, в XV–XVI вв., бригантинами назывались малые галеры, имеющие 10–12 весел и две мачты с треугольными латинскими парусами. Позднее этот термин также применялся к судам других типов. Официально бригантини были предусмотрены в штатах Российского флота 1764–1798 гг. Рассмотрение вопроса о появлении и развитии класса бригантин в составе отечественного флота позволит уточнить классификацию его корабельного состава.

В начале XVIII в. для русского гребного флота на Балтике строили итальянские бригантини – малые суда галерного типа, имеющие весла и одну-две мачты с треугольными латинскими парусами. В отличие от галер и скампавей, бригантини не имели куршайного помоста между скамьями для гребцов. В 1706 г. Петр I разработал для гребного флота проект бригантини русского типа с экипажем 50 человек, вооруженной четырьмя 3-фн. пушками на лафетах, длиной по палубе 51 фут 10 дюйм (15,8 м), с гафельным гротом на однодеревой мачте, стакселем и кливером на бушприте. Русские бригантини были лучше приспособлены к морским переходам, чем итальянские бригантини галерного типа. В 1717 г. П. Пикарт по распоряжению Петра I изобразил боевой порядок Балтийского флота в мае 1710 г. во время похода к Выборгу [1. С. 58–61]. Боевые корабли и транспортные суда изображены на ходу под парусами. В отряде транспортных судов показаны русские бригантини с гафельным гротом без гика, стакселем и кливером и итальянские бригантини с двумя латинскими парусами (рис. 1).

В 1711 г. Петр I усовершенствовал тип русских бригантин, увеличив длину по палубе до 60 футов

(18,3 м) и сделав обводы более плоскодонными. В указе Сената от 9 ноября 1711 г. было велено к имеющимся при Адмиралтействе в готовности 15 бригантинам построить еще 150 русских бригантин [2. С. 754]. В Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) сохранился чертеж бригантини, сделанный с половинчатой модели корабельного мастера Г.А. Меньшикова [3]. Эти суда имели круглую корму. Строительство бригантин русского типа возобновилось в 1738 г. при создании Днепровской флотилии. Одна такая бригантини в 2004 г. поднята со дна реки Днепр на Украине и экспонируется в национальном заповеднике «Хортица» в г. Запорожье [4].

Английский моряк на русской службе Дж. Ден в 1724 г. писал, что русские бригантини были похожи на английские шлюпы [5. С. 31]. Для Камчатской экспедиции в 1736 г. в Охотске был спущен на воду бот по английской пропорции с транцевой кормой, известный, как бригантини «Архангел Михаил». В рапорте В.И. Берингу от 2 августа 1735 г. М.П. Шпанберг доложил, что «июля 4 дня заложен и строится бот аглинской, а не галанской пропорции длиною и шириной как показано от Коллегии. Для того оной пропорции бот в морском плавании будет весьма способен, понеже море везде имеет места глубокие, а плоскодонные галанские боты строятся для прохода через мелкие места» [6. С. 313]. Бригантини «Архангел Михаил» имела длину между штевнями 60 футов (18,29 м), по килу 53 фута (16,15 м). Бригантини «Архангел Михаил» была флагманским судном отряда М.П. Шпанберга, исследовавшего Курильские и Японские острова. В судовом журнале упомянуты следующие паруса: кливер, стаксель, фок, грот, топсель, брамсель, бизань – парусное вооружение галиота с грот и бизань-мачтами [7].

В начале XVIII в. в российском флоте также служили трофейные шведские бригантини. В шведском военном флоте в конце XVII – начале XVIII в. бригантинами назывались малые двухмачтовые суда с прямыми парусами и гафельным гротом. В устье р. Невы 6 мая 1703 г. русские солдаты под командованием Петра I и А.Д. Меньшикова атаковали и взяли на абордаж 8-пуш. шняву «Астрильд» длиной «по штевням» 69 футов (21 м) и 10-пуш. галиот (бот) «Гедан». В списках шведского флота «Астрильд» числится бригантиной [8. Р. 38]. Судно в 1701 г. было куплено для военных нужд. Благодаря гравюре П. Пикарта 1703 г. сохранился облик

шнявы «Астрильд» и ее парусного вооружения [9]. Однодеревая фок-мачта несет два прямых паруса, имеет марсовую площадку. На однодеревой грот-

мачте поднят гафельный грот с гиком, выше него – прямой грот-топсель, у которого изображен только верхний рей (рис. 2).

Рис. 1. Русская (29) и итальянская (34) бригантины. П. Пикарт, 1717 г.

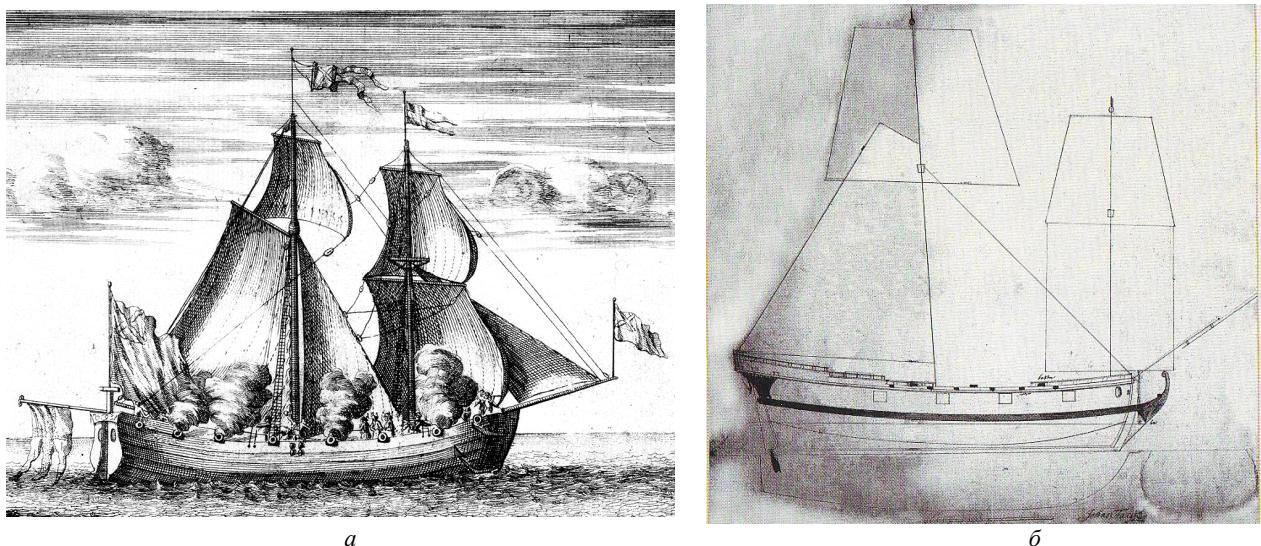

Рис. 2. а – шнява «Астрильд» (П. Пикарт, 1703 г.); б – бригантина «Ульрика» (Ю. Фальк, 1702 г.)

Между мачтами поднят на штаге треугольный грот-стаксель. Однодеревый бушприт несет кливер. Возможно, разница в русской (шняве) и шведской классификации вызвана наличием гика у гафельного паруса «Астрильда».

В засаду, устроенную 3 мая 1704 г. на р. Амовже отрядом генерал-майора Н.Г. фон Вердена, попала шведская дерптская флотилия в числе 13 судов, в том числе пять бригантин. В военно-походном журнале генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева приведено описание имущества 12 захваченных судов [10]. Фотокопия чертежа трофеейной бригантины «Ульрика» (Ulrica) в 2007 г. опубликована в Таллине и в 2014 г. Д.А. Сидоровым в Санкт-Петербурге [11. С. 210, 217]. Чертеж бригантины «Ульрика» длиной между штевнями 55 шв. футов (16,34 м) выполнен в 1702 г. корабельным мастером Ю. Фальком на момент установки рангоута, хранится в Военном архиве в Стокгольме. Бригантина имеет буш-

прит с углегарем, фок-мачту с прямыми фоком и марселям, грот-мачту с марселям и гафельным гротом с гиком. Парусное вооружение аналогично шняве «Астрильд» с гравюры П. Пикарта (рис. 2).

В мае 1709 г. шведы задержали русскую шняву «Фалк», посланную к шведскому флоту с письмами. В переписке между командующими о возврате приза шведский адмирал Анкерштерн называл «Фалк» бригантиной, вице-адмирал К. Крюйс – шнявой [12. С. 187–192]. Наличие гиков у русских шняв подтверждается донесением Фангета из Ревеля от 29 января 1715 г. с резолюциями Петра I. На вопрос об увеличении у шняв длины гиков царь указал, что мачт-мактерики может переделать [13. С. 591].

В европейских флотах второй половины XVIII в. термины «бриг» и «бригантина» были синонимами. Традиционно считается, что бриги появились в середине XVIII в. на основе эволюции шняв. Парусное

вооружение шняв соответствовало бушприту, фок- и грот-мачтам трехмачтовых судов. Один из отличительных признаков шнявы – кормовой парус на гафеле, который не мешает постановке прямого грота. В русском издании конца XVIII в. отмечено, что шнявы несут фок- и грот-мачты, имеют позади грот-мачты тонкую мачту, параллельную ей, которая вершиной упирается в марс, и «носит парус, подобный бизани,

выключая что оный привязывается к гафелю а не рю. Прочие паруса походят на корабельные» [14. С. 194]. Шняв-мачта, вероятно, появилась в середине XVIII в. Такая мачта изображена у шнявы из альбома Ф.Х. Чапмана 1768 г. «Architectura navalis mercatoria» [15]. Различие оснастки шнявы и брига (бригантины) показано в 1768 г. в альбоме Ф.Х. Чапмана: у брига нет прямого грота, а гафельный парус имеет гик (рис. 3).

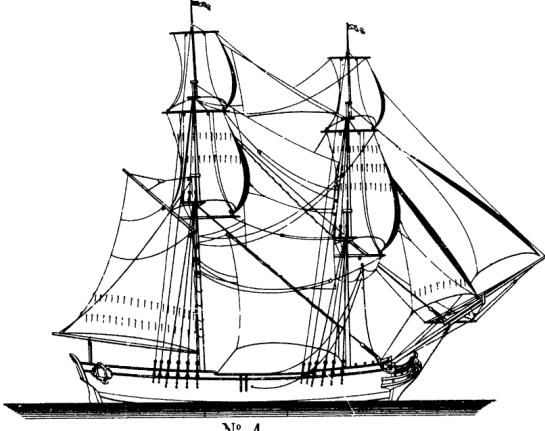
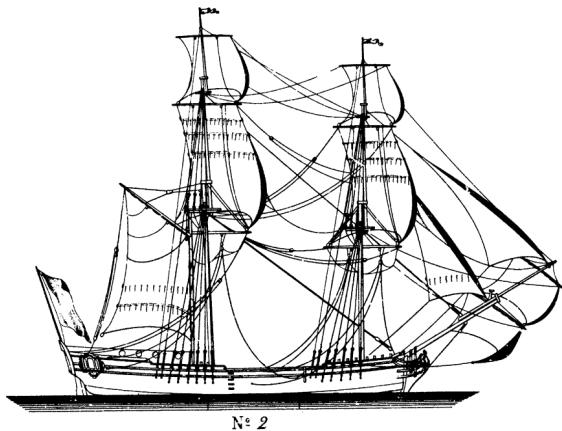

Рис. 3. Шнява (№ 2), бриг (бригантина) (№ 4). Ф.Х. Чапман, 1768 г.

В 1769 г. У. Фалконер привел другое описание парусности брига: «Грот и грот-топсель брига, как у шхуны, а фок-мачта оснащена парусами также как у корабля и шнявы» [16]. Здесь отражен взгляд на происхождение брига в результате синтеза прямого корабельного и косого шхунного вооружения. Нижняя часть мачты у шхуны значительно длиннее, а несущая прямой топсель стеньга короче, чем у судна с прямым вооружением.

В русских изданиях конца XVIII – начала XIX в. отмечено, что «вооружение бригантина или бриг тем только от шняв отличается, что у них стрелы с бизанью не бывает, а вместо того грот-мачта кроме прямого грота носит еще большой гафельный с гиком парус» [17. С. 234–235], «...бригантины разнятся с шнявами токмо в том, что у них нет сей малой мачты, и что задний парус их, привязывается также к гафелю, внизу – гик» [14. С. 194].

Бригантины были предусмотрены штатами флота второй половины XVIII в.: одна – штатом 1764 г., по две – штатами 1777 и 1782 гг., восемь и четыре – штатами черноморского флота 1794 и 1798 гг. соответственно. Штатом 1796 г. две бригантины были предусмотрены в Каспийской флотилии.

Во время войны с Турцией 1768–1874 гг. русские войска захватили на Дунае несколько судов, ставших основой Дунайской флотилии. Эти суда в переписке именовались двух- и трехмачтовыми галиотами. Осенью 1771 г. капитан 2-го ранга А.Ф. Чеменцов поставил корабельному мастеру Г. Корчебникову задачу – «входя в здешнее построение судов не можно ль мачты переменить против нашей пропорции как на бригантинах делается с марсами». В рапорте Г. Корчебникова от 18 декабря 1771 г. приведены пропорции существующего рангоута трехмачтовых

галиотов, и «как на бригантинах быть надлежит» [18. Л. 19–20 об.]. В рапорте указано, что «хотя по положенной пропорции надлежит быть гик да гафель, только оно у судов по высоте мачт быть неспособно». Следовательно, в российском флоте существовали особенные бригантины пропорции рангоута, и в его состав входили гафель и гик.

Хранящиеся в РГАВМФ чертежи позволяют выделить два типа бригантины, отличающихся по расположению мачт и вооружению. Бригантины имели фок- и грот-мачту и вооружение брига либо грот- и бизань-мачту и вооружение галиота (прямые паруса на грот-мачте и гафельная бизань). Следовательно, термин «бригантина» во второй половине XVIII в. обозначал класс, а не тип судна. На чертеже бригантины А.С. Катасанова длиной между штевнями 73 фута 10 дюйм (22,52 м) от 16 апреля 1779 г. отмечено положение фок- и грот-мачты [19]. На чертежах 12-пуш. бригантины И.И. Афанасьева длиной 77 фут (23,47 м) [20] от 1760 г. и 14-пуш. бригантины для Каспийского моря С.И. Афанасьева длиной 75 футов (22,86 м) от 1791 г. [21] показаны грот- и бизань-мачты.

В фондах Центрального военно-морского музея хранится судовой журнал бригантины «Св. Екатерина», доставившей в 1792 г. посольство в Японию. Упомянутые в журнале паруса – кливер, топсель, брифок, грот, бизань соответствуют вооружению галиота с грот- и бизань-мачтами. Изображение бригантины «Св. Екатерина», сделанное японцами в период нахождения судна в гаванях о-ва Хоккайдо, демонстрирует этот тип вооружения [22]. Кормовой парус бизань поднимался гафелем и растягивался по гику (рис. 4).

В английском флоте на рубеже 1770–1780-х гг. бригантины с острыми обводами пришли на смену двух-

мачтовым шлюпам с полными обводами и вооружением шнявы. В 1778–1784 гг. были построены шесть бригантины типа «Childers», имевшие длину по палубе 79 футов (24,08 м), артиллерию из 10 4-фн. пушек, впоследствии – 14 12-фн. карронад. Две бригантины типа «Speedy», построенные в 1781 г. Т. Кингом из Дувра,

длиной по палубе 78 футов 3 дюйма (23,85 м), с артиллерией из 14 4-фн. пушек. Эти суда впоследствии классифицировались как бриг-шлюпы. Часть судов была приобретена у частных владельцев, имели размерения и конструкцию одномачтовых катеров, но двухмачтовое вооружение брига.

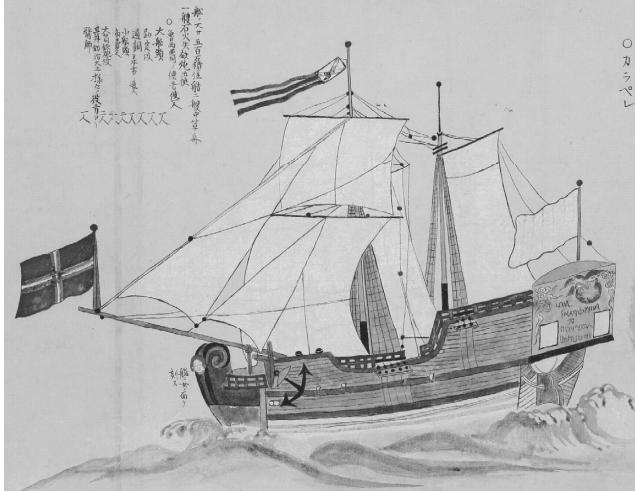

Рис. 4. Изображения бригантины «Св. Екатерина», сделанные японцами. 1792 г.

Первым бригом в «Списке...» Ф.Ф. Веселаго назван купленный в 1789 г. «Нептун». В выписке из журнала Адмиралтейств-коллегии от 12 февраля 1789 г. указано, что в Ревеле куплена 18-пуш. бригантина «Нептунус» длиной между штевнями 79 футов (24,08 м), построенная в Англии, вооружена 18-фн. карронадами, подводная часть обшита медью [23. С. 648].

В российском флоте в конце XVIII в. бригантины называли малые бриги. В ордерах князя Г.А. Потемкина от 15 марта 1790 г. контр-адмиралу Ф.Ф. Ушакову и обер-интенданту С.И. Афанасьеву указывалось оснастить «по бригантильному» кирлангичи «Климент Папа Римский» и «Благовещение», дубель-шлюпки «Петр», «Алексей», «Иона», «Филипп», впредь для флотилии строить бригантины длиной 80 футов (24,38 м) [24. С. 559]. В расписании черноморского флота от 9 июня 1791 г. упомянуты бриги «Климент Папа Римский», пять легких бригов, бомбардирский и турецкий пленный бриги [25. С. 579–580]. В начале XIX в. одни и те же суда черноморского флота назывались бригами, если они были приписаны к корабельному флоту, или бригантиными, если к гребному флоту [26. Л. 27–30, 48–51, 110–114].

В Положении балтийскому и черноморскому корабельному и гребному флотам и каспийской флотилии от 14 ноября 1803 г. класса бригантина не было. Все суда с прямым двухмачтовым вооружением именовались бригами. Малые бриги, имевшие длину менее 75 футов (22,86 м), как правило, несли три яруса прямых парусов. В РГАВМФ хранится чертеж мачтовым мерам бригантины, на котором изображен малый бриг длиной 60 футов (18,29 м) в масштабе чертежа [27].

Двухмачтовое судно имеет четыре яруса прямых парусов на обеих мачтах и гафельный грот с гиком, прямой грот не показан. Подпись на чертеже – драфтман Попов. Ф.Ф. Веселаго в 1872 г. привел сведения, что в 1801–1810 гг. на верфи Охотска были построены четыре бригантины. Строителями первой бригантины «Св. Феодосий», спущенной на воду в 1804 г., указаны мастера Ващуткин и Попов [28. С. 716–717].

В 1824 и 1829 гг. в Севастополе были построены 10-пуш. бригантины «Елизавета» и «Нарцисс» длиной по палубе 77,7 фута (23,99 м) и 81,8 фута (24,9 м) соответственно [29]. Бригантина «Елизавета» во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. выполняла функции посыльного судна, участвовала в крейсерских операциях флота. Для черноморских 10-пуш. бригантины Ф.Ф. Веселаго указывает артиллерию из 18-фн. карронад и 8-фн. пушек.

В конце XIX в. бригантины стали называть суда, имеющие фок-мачту с прямым парусом, и грот-мачту с гафельным парусом. Суда с такой оснасткой ранее именовали шхуна-бриг. М.П. Лазарев ввел вооружение шхуна-бриг и барк на черноморских транспортах. Позднее этот тип вооружения был принят на Балтике. Единственное военное судно с такой оснасткой, 14-пуш. шхуна-бриг «Вестник», была построена в 1841 г. в Николаеве.

Заканчивая краткий обзор развития судов российского парусного флота, именовавшихся бригантина-ми, следует отметить, что начиная с петровского периода развития флота отечественные кораблестроители создавали новые образцы судов, не уступающие иностранным стандартам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раздолгин А.А., Фатеев М.А. На руках морской славы. Л., 1988. С. 58–61.
2. О сборе мастеровых людей и заготовлении припасов для Санктпетербургского Адмиралтейства. Сенатский указ от 9 ноября 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XLIV. Ч. 1: Книга штатов. Отд. 2. С. 754.

3. Чертеж бригантины с полумодели корабельного мастера Гаврилы Меньшикова. М1:30 // Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 3999.
4. Кобалия Д.Р. Первичная консервация бригантины русского манира 1738 года // Academia.edu. URL: http://www.academia.edu/3465794/_1738_VI_1_27-30_2008_222-227
5. Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1997.
6. Рапорт Шпанберга Берингу о заготовке леса для строительства судов и о закладке бота английской пропорции (2 августа 1735 г.) // Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. Морские отряды. СПб., 2009.
7. 1739 г. мая 22 – августа 13. Из вахтенного журнала бригантины «Архангел Михаил» о плавании к берегам Японии (докум. № 116) // Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984.
8. List of Swedish Warships 1521–1721 // Glete J. Swedish Naval Administration, 1521–1721. Resource Flows and Organisational Capabilities. BRILL, 2010.
9. Шведская шнява «Астрильд», захваченная в устье Невы 6 мая 1703 года. ГМИИ им. А.С. Пушкина. URL: http://www.russianprints.ru/printmakers/p/picart_pieter/schnyava_astrild.shtml
10. Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/VPZh_Seremetev/text2.htm
11. Сидоров Д.А. Шведская дерптская флотилия 1701–1704 г. // Меншиковские чтения. СПб., 2014. Вып. 12.
12. Переписка адмирала Анкерштерна и вице-адмирала К. Крюйса. Июль–август 1709 г. // Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. I.
13. Донесение Фангета Государю из Ревеля от 29.01.1715 г. // Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. I.
14. Ромм Ш. Морское искусство или главные начала и правила, научивающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей. СПб., 1793.
15. Chapman F.H. Architectura navalis mercatoria. 1768. Rostock, 1972. Pl. LXII.
16. Falconer W. An universal dictionary of the marine. London, 1769. Pl. XII.
17. Гамалея П.Я. Опыт морской практики. СПб., 1804. Ч. I.
18. Рапорт мастера ластовых судов Корчебникова от 18 декабря 1771 г. // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 119.
19. Чертеж 36 брегантинов // РГАВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 3986.
20. Чертеж брегантини // РГАВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 3975.
21. Бригантина для Каспийского моря // РГАВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 3985.
22. Бригантина «Святая Екатерина». Реплика. Картина. Сахалинский областной краеведческий музей. КП-8471. Г-733. URL: <http://sakhalinmuseum.ru/eimg/80fdb2c0e08b5e50c3c2cce458ade82b.jpg>
23. Выписка из журнала Адмиралтейств-коллегии от 12 февраля 1789 г. // Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII.
24. Ордер князя Г.А. Потемкина обер-интенданту С.И. Афанасьеву от 15 марта 1790 г. // Материалы для истории русского флота. СПб., 1894. Ч. XV.
25. Расписание императорского черноморского флота от 9 июня 1791 г. // Материалы для истории русского флота. СПб., 1894. Ч. XV.
26. Ведомости судов Черноморского флота за 1804–1807 гг. // РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 584.
27. Чертеж мачтовым мерам бригантины // РГАВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4003.
28. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872.
29. О судах черноморского флота, построенных со времени вступления на престол государя императора Николая Павловича. СПб., 1844. 185 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 декабря 2015 г.

BRIGANTINES OF THE RUSSIAN FLEET

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 51–56. DOI: 10.17223/15617793/404/7

Glebov Alexander M. Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: gimsra@mail.ru
Keywords: boat; brig; brigantine; snow; sail rigging.

Consideration of the emergence and development of the brigantine class as part of the Russian fleet will clarify the classification of its ship structure. At the beginning of the 18th century, Italian brigantines were built for the Russian rowing fleet. It was small galleys with oars and one or two masts with triangular Latin sails. In 1706, Peter I made a project of a Russian type brigantine with a gaff mainsail on the mast and a jib on the bowsprit. The brigantines were 51 feet 10 inches (15.8 m) long. These vessels were better adapted to voyages in the sea. In 1736, a boat by the British proportion known as the brigantine Archangel Michael was built for the expedition of V. Bering. The brigantine had a length of 60 ft (18.29 m). The Russian Navy also had Swedish trophy two-masted brigantines. These vessels had two masts with square sails and a gaff mainsail. Ulrika was captured in 1704, it had a length of 55 Swedish feet (16.34 m). The drawing of 1702 shows a bowsprit and a jib-boom, a course and a topsail on the foremast, a topsail and a gaff mainsail with a boom on the mainmast. In the European fleet of the second half of the 18th century, the terms “brig” and “brigantine” were synonymous. Brigantines were part of the Russian Navy of the second half of the 18th century. The Russian Navy had special brigantine proportions of the mast which included a gaff and a boom. Brigantines had a foremast, a mainmast and the rigging of the brig, or a mainmast, a mizzen mast and the rigging of the galiot. The Central Naval Museum of Russia stores the logbook of the brigantine Saint Catherine, which brought the Embassy to Japan in 1792. The logbook names the sails: the jib, the topsail, the breefok, the mainsail, the mizzen – the rigging of the galiot with grot- and mizzen masts. These sails are depicted in Japanese paintings while the ship was on the island of Hokkaido. The mizzen sail was put up by the gaff and stretched along the boom. In the Russian fleet of the late 18th and early 19th centuries, small brigs were called brigantines. The Russian State Naval Archives has a drawing of the rigging of a brigantine, which shows a small brig of 60 feet (18.29 m) long. The two-masted ship has four tiers of square sails on both masts and a gaff mainsail with a boom, the straight mainsail is not shown. Consequently, the term brigantine in the second half of the 18th century refers to a class, not to a type of vessels. Vessels with a foremast with square sails and a mainmast with a gaff sail in the first half of the 19th century were called the schooner-brig. At the end of the 19th century they were referred to as brigantines.

REFERENCES

1. Razdolgin, A.A. & Fateev, M.A. (1988) *Na rumbakh morskoy slavy* [On the compass points of naval glory]. Leningrad: Sudostroenie.
2. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *O sbore masterovykh lyudei i zagotovlenii pripasov dlya Sanktpeterburgskago Admiralteystva. Senatskiy ukaz ot 9 noyabrya 1711 g.* [On assembling artisans and collection of supplies for Saint Petersburg Admiralty. Senate Decree of November 9, 1711]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. XLIV:1:2. p. 754.

3. *Chertezh brigantiny c polumodeli korabel'nogo mastera Gavrily Men'shikova. M1:30* [A drawing of a brigantine from the half-model of shipwright Gavrila Menshikov. Scale 1:30]. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 327. List 1. File 3999.
4. Kobaliya, D.R. (2008) *Pervichnaya konservatsiya brigantiny "russkogo manira 1738 goda* [Primary conservation of the brigantine of Russian Maniram of 1738]. [Online]. Available from: http://www.academia.edu/3465794/_1738_VI_1_27-30_2008_222-227.
5. Dan, D. (1997) *Istoriya Rossiyskogo flota v tsarstvovanie Petra Velikogo* [History of the Russian Navy in the reign of Peter the Great]. Translated from English by K.E. Putyatin. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya.
6. Okhotina-Lind, N. & Möller, P.U. (2009) Raport Shpanberga Beringu o zagotovke lesa dlya stroitel'stva sudov i o zakladke bota angliyskoy proporsii (2 avgusta 1735 g.) [The report of Shpanberg to Bering on logging for the construction of ships and on laying down a boat of English proportion (August 2, 1735)]. In: Hintzsche, W. (ed.) *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: Dokumenty 1734–1736. Morskie otryady* [The second Kamchatka expedition: Documents of 1734–1736. Marine squads]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
7. Fedorova, T.S. (1984) 1739 g. maya 22 – avgusta 13. Iz vakhtennogo zhurnala brigantiny "Arkhangel Mikhail" o plavaniii k beregam Yaponii (dokum. № 116) [May 22 – August 13, 1739. From the log of the brigantine Archangel Michael on the voyage to the shores of Japan (Document 116.)]. In: *Russkie ekspeditsii po izucheniyu Severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian expeditions on the study of the North Pacific in the first half of the 18th century]. Moscow: Nauka.
8. Glete, J. (2010) List of Swedish Warships 1521–1721. In: Glete, J. *Swedish Naval Administration, 1521–1721. Resource Flows and Organisational Capabilities*. BRILL.
9. Picart, P. (c. 1704) *Shvedskaya shnyava "Astril'd", zakhvachennaya v ust'e Nevy 6 maya 1703 goda* [The Swedish snow Astrild captured at the mouth of the Neva on May 6, 1703]. Pushkin Museum. [Online]. Available from: http://www.russianprints.ru/printmakers/p/picart_pieter/schnyava_astrild.shtml.
10. Sheremetev, B.P. (1705) *Voenno-pokhodnyy zhurnal (s 3 iyunya 1701 goda po 12 sentyabrya 1705 goda) general-fel'dmarschala Borisa Petrovicha Sheremeteva* [Military Journal (3 June 1701 – 12 September 1705) of Field Marshal Boris Sheremetev]. [Online]. Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/VPZh_Seremetev/text2.htm.
11. Sidorov, D.A. (2014) *Shvedskaya derptskaya flotiliya 1701–1704 g.* [Dorpat Swedish flotilla of 1701–1704]. Menshikovskie chteniya. 12.
12. Elagin, S.I. & Veselago, F. (1865) *Perepiska admirala Ankershterna i vitse-admirala K. Kryuya. Iyul'–avgust 1709 g.* [Correspondence of Admiral Ankershtern and Vice-Admiral K. Cruys. July–August 1709]. In: Elagin, S.I. & Veselago, F. *Materialy dlya istorii russkogo flota* [Materials for the history of the Russian fleet]. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Morskogo Ministerstva.
13. Elagin, S.I. & Veselago, F. (1865) *Donesenie Fangeta Gosudaryu iz Revelya ot 29.01.1715 g.* [Report of Fanget to the Emperor from Revel on 29.01.1715]. In: Elagin, S.I. & Veselago, F. *Materialy dlya istorii russkogo flota* [Materials for the history of the Russian fleet]. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Morskogo Ministerstva.
14. Romm, Ch. (1793) *Morskoe iskusstvo ili glavnyya nachala i pravila, nauchayushchiya iskustvu stroeniya, vooruzheniya, pravleniya i vozhdeniya korabley* [Marine art or key points and rules that teach the art of building, arming and handling ships]. Translated from French by A.S. Shishkov. St. Petersburg: Tip. Mor. shlyakhet. kadet. korpusa.
15. Chapman, F.H. (1972) *Architectura navalis mercatoria*. 1768. Rostock.
16. Falconer, W. (1769) *A universal dictionary of the marine*. London.
17. Gamaleya, P.Ya. (1804) *Opyt morskoy praktiki* [The experience of seamanship]. Pt. 1. St. Petersburg: Morskaya tipografiya.
18. *Raport mastera lastovykh sudov Korchebnikova ot 18 dekabrya 1771 g.* [Report of cargo ship artisan Korchebnikov of December 18, 1771]. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 212. List 4. File 119.
19. *Chertezh 36 bregantinov* [A drawing of 36 brigantines]. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 327. List 1. File 3986.
20. *Chertezh bregantiny* [A drawing of a brigantine]. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 327. List 1. File 3975.
21. *Brigantina dlya Kaspiyskogo morya* [A brigantine for the Caspian Sea]. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 327. List 1. File 3985.
22. Sakhalin Regional Museum. (n.d.) *Brigantina "Svyataya Ekaterina". Replika. Kartina* [Brigantine Saint Catherine. Replica. Painting]. KP-8471. G-733. [Online]. Available from: <http://sakhalinmuseum.ru/eimg/80fdb2c0e08b5e50c3c2cce458ade82b.jpg>.
23. Elagin, S.I. & Veselago, F. (1890) *Vypiska iz zhurnala Admiralteystv-kollegii ot 12 fevralya 1789 g.* [Extract from the journal of the Admiralty Board of February 12, 1789]. In: Elagin, S.I. & Veselago, F. *Materialy dlya istorii russkogo flota* [Materials for the history of the Russian fleet]. Pt. 13. St. Petersburg: Tip. Morskogo Ministerstva.
24. Elagin, S.I. & Veselago, F. (1894) *Order knyazya G.A. Potemkina ober-intendantu S.I. Afanas'evu ot 15 marta 1790 g.* [Order of Prince G.A. Potemkin to Chief Quartermaster S.I. Afanasyev on March 15, 1790]. In: Elagin, S.I. & Veselago, F. *Materialy dlya istorii russkogo flota* [Materials for the history of the Russian fleet]. Pt. 15. St. Petersburg: Tip. Morskogo Ministerstva.
25. Elagin, S.I. & Veselago, F. (1894) *Raspisanie imperatorskogo chernomorskogo flota ot 9 iyunya 1791 g.* [Schedule of the Imperial Black Sea Fleet on June 9, 1791]. In: Elagin, S.I. & Veselago, F. *Materialy dlya istorii russkogo flota* [Materials for the history of the Russian fleet]. Pt. 15. St. Petersburg: Tip. Morskogo Ministerstva.
26. *Vedomosti sudov Chernomorskogo flota za 1804–1807 gg.* [Bulletins of the Black Sea fleet of 1804–1807]. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 243. List 1. File 584.
27. *Chertezh machtovykh meram brigantiny* [A drawing of masted brigantine measures]. Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). Fund 327. List 1. File 4003.
28. Veselago, F.F. (1872) *Spisok russkikh voennyykh sudov s 1668 po 1860 god* [List of Russian military craft from 1668 to 1860]. St. Petersburg: Tip. morskogo ministrestva.
29. Golenishchev-Kutuzov, L. (1844) *O sudakh chernomorskogo flota, postroennykh so vremenem vstupleniya na prestol gosudarya imperatora Nikolya Pavlovicha* [On the Black Sea Fleet ships built since the accession to the throne of Emperor Nicholas]. St. Petersburg: Mor. shtab.

Received: 19 December 2015

ДИАЛОГ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Исследуется процесс формирования диалога творческой интеллигенции и власти в период перестройки. На региональном уровне сохраняется идеологический партийный контроль над представителями творческой интеллигенции и их художественными произведениями. Противоречивость процесса реализации объявленного принципа гласности послужила катализатором создания общественных и политических движений. Представители творческой интеллигенции участвуют в этих движениях, выражая как личные, так и общественные интересы.

Ключевые слова: перестройка; творческая интеллигенция и власть; Республика Татарстан.

Период перестройки характеризуется постепенными политическими преобразованиями во всех сферах общественной жизни, инициированными генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Ряд изменений предполагался и в сфере культуры, и в области расширения творческой свободы. Видимые изменения в культурной области можно было обнаружить в большей степени в Москве, Ленинграде и столицах некоторых союзных республик.

Однако на региональном уровне общесоюзные тенденции в области культуры имели слабую выраженность, а также проявлялись позже, чем в центре. Рассмотрим это на примере отношения власти к творческой интеллигенции в Республике Татарстан.

Политика гласности предполагала большую открытость, возможность критичного показа реальности в СМИ и художественных произведениях, формирование обновленного взгляда на историю страны.

Во второй половине 1980-х гг. постепенно расширяются международные культурные связи, издаются книги, раскрывающие новые темы, которые были запрещены ранее по политическим и идеологическим мотивам: темы сталинских репрессий, насилиственно-го раскулачивания и т.п. Впервые публикуются художественные произведения, созданные еще в 1950–1960-е гг.: «Новое назначение» А. Бека, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана, «Дети Арбата» А. Рыбакова и др. В 1987 г. в Москве появляется центр современного русского искусства, где свои работы выставляют художники-авангардисты, концептуалисты и т.п.

На региональном уровне эти тенденции были заметны менее отчетливо. Партийные органы сохраняют контроль над региональными учреждениями культуры, творческими союзами, характерный для прошлых десятилетий. Проводятся единые дни политической учебы, на которой творческой интеллигенции диктуются идеологические установки и желательная тематика произведений, следование марксистско-ленинской критике в литературе и искусстве. Однако занятия зачастую проводятся формально.

Что касается Республики Татарстан, то партийный контроль и пропагандистская направленность в культурной деятельности отражаются в деятельности Дома политпросвещения. Он осуществляет контроль идеологического содержания произведений изобразительного искусства, музыки, литературы, особенно

направляемых в села и отдаленные районы республики, посвященных трудающимся, связанных с периодом весенне-полевых работ [1. Л. 14–19].

Даже в рамках разрешенной тематики возникали сложности при отходе от провозглашенных канонов в искусстве, например в театральных постановках. Так, большие трудности сопровождали постановку спектакля «1887» по пьесе известного татарского драматурга, русскоязычного писателя и общественного деятеля Диаса Валеева. Спектакль раскрывал события студенческой сходки 1887 г. в Казанском императорском университете, в которой принимал участие Владимир Ульянов-Ленин, выражая недовольства студентов. Пьеса обладала глубоким психологизмом, автор стремился придать каждому образу реальные человеческие характеристики. Но пьеса была подвергнута критике сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Волковой: «Сцены, в которых изображается непосредственно сама сходка, на наш взгляд, нуждаются в доработке. В пьесе имеются ненужные сцены: стр. 24–25 – интимный разговор Гангартда и Овсянниковой, присутствие пьяного студента на сходке (стр. 54–55). Неправдоподобной выглядит сцена разговора В. Ульянова с Л. Бааль, закончившегося, по представлению автора, тем, что Владимир Ильич заплакал (стр. 38)» [2].

Также власти снимают с показа еще один спектакль по пьесе Д. Валеева – «День Икс», повествующий о подвиге Мусы Джалиля, татарского поэта-героя, который, находясь в немецком плену, с соратниками вел подрывную деятельность против фашистов и был казнен в 1944 г. В новом прочтении подвига «джалильцев» немец представлен в образе умного и коварного врага. Такое отражение событий не было понято местными властями. Министерство культуры ТАССР прекращает постановки спектакля «День Икс», обосновывая решение тем, что «в спектакле происходила реабилитация образов врагов» [3]. Так, несоответствие заявленных преобразований реально проводимой политике ярко выражается на примере отношения партии, властных структур к творчеству Д. Валеева.

Прежний идеологический контроль сохраняется и по отношению к кино. Отдел пропаганды и агитации разрабатывает тематический план работы Казанской студии кинохроники на 1988 г., в котором указана необходимость выпуска киножурналом рубрик, осве-

щающих деятельность рабочих, колхозников; ленинские места республики; фильма об организации работы за трезвый образ жизни [4. Л. 18]. Таким образом, в кинохронике воспроизводятся тематики, характерные для предыдущих десятилетий.

Важным объектом внимания цензуры остается литература. Казанский поэт Владимир Лавришко указывает: «С изданием дело обстояло не легче. После того, как первая книжка разошлась довольно большим для провинции тиражом, вторую стали рубить на корню. Редактура выкидывала из рукописи стихи охапками – и то нельзя, и это нельзя, хотя там уже была сплошная лирика» [5. С. 4].

Определенный контроль сохраняется как в отношении содержания произведений искусства, так и их формы. Новые стили в изобразительном искусстве оцениваются критически. Так, советские искусствоведы характеризуют в рамках прежних подходов творчество известного казанского художника Константина Васильева: «Видимость внешнего правдоподобия в картинах К.А. Васильева не имеет ничего общего с реализмом вообще, с методом социалистического реализма тем более. В этих картинах нет ничего от правды современной жизни советского народа и ничего – от исторической правды, от классового подхода к историческим событиям, от партийной позиции советского художника-интернационалиста» [4. Д. 2218. Л. 57–58]. При этом его выставки проходили в 1960–1980-х гг. в Москве, Казани, Зеленодольске, Подольске и других городах страны, а с 1990-х гг. в России организуются музеи с постоянной экспозицией, проводятся зарубежные выставки.

Во второй половине 1980-х гг. расширяются границы межкультурного взаимодействия. Однако сохраняется особый контроль к советским деятелям искусства и творческим коллективам, направляющимся на гастроли за рубеж. Эта тенденция ярко отражается на региональном уровне. Так, «в Татгосфилармонии в связи с подготовкой к предстоящим гастролям во Францию и Японию для коллектива ансамбля песни и танца был организован цикл лекций о государственной системе и культуре этих стран, их отношениях с СССР, о таможенных требованиях, об экономике и культуре Татарии и др.» [Там же. Д. 370. Л. 24].

В условиях объявленной гласности с просьбами в обком КПСС ТАССР обращаются многие представители творческой интеллигенции, в том числе с надеждами решить собственные проблемы. Так, с просьбами о признании вклада в «общее дело партии» и культуру, которое может быть выражено в присуждении звания, обращается известная оперная певица, артистка Галия Кайбицкая, указывающая на ее увольнение из театра, чему «способствовали пережитки культа личности» [6. Л. 46]. С подобным вопросом обращается к секретарю татарского обкома КПСС Р.К. Беляеву журналист М. Назаров: «Более 60 лет жизни я отдал советской прессе – мало или много? Мне кажется, обход моих заслуг перед советской печатью наносит моральную обиду. Надеюсь на исправление перекоса. Думаю, я заслужил звание “заслуженного работника культуры РСФСР”» [6. Д. 255.

Л. 12]. Такие примеры иллюстрируют одну из сторон гласности: восприятие ее представителями творческой интеллигенции в качестве механизма достижения личных целей.

В то же время, артикулируя общественные интересы, творческая интеллигенция выступает в СМИ, передает обращения на пленумах и съездах творческих союзов. Среди деятелей литературы можно выделить Туфана Миннуллина, который ратует за расширение возможностей воспроизведения и трансляции татарской культуры: издание газет, журналов, художественной литературы, увеличения объемов теле- и радиовещания на татарском языке [7. С. 49–50]. Особенность региональных интересов творческой интеллигенции заключалась в стремлении к возрождению национальной культуры. Это нашло отражение в появлении телепередач с уроками татарского языка во второй половине 1980-х гг. на местном телевидении и радио; в постановке вопроса о статусе татарского языка; в обсуждении проблемы этнонима и единой концепции этногенеза татар общественными организациями, клубами, официальными периодическими изданиями и др. Желание усилить национальную культуру можно объяснить поиском творческой интеллигенции национальной идентичности, что характерно для периодов социальных трансформаций.

Общественно-политическая активность творческой интеллигенции подтверждает предположение исследователей об особой роли интеллигенции в период социальных изменений. По мнению современного политолога В.А. Беляева, интеллигенция в период трансформаций общества «способна в полном объеме реализовать свою социальную миссию – играть специализированную авангардную роль, быть инициатором, теоретиком и полемистом (пропагандистом и агитатором) в разворачивающейся идейно-политической борьбе, агрегировать и артикулировать потребности и интересы каждого социополитического субъекта, формировать общественное мнение, поднимать его с уровня обыденного сознания и массовой психологии на теоретический и идеологический уровень, т.е. стать идеологом, индокринатором и оппонентом власти» [8. С. 294–295].

Власть и интеллигенция в период перестройки находятся в состоянии частичной конвергенции. При этом зачастую исследователи указывают на оппозиционность власти как на ключевую характеристику интеллигенции, что не соответствует советской интеллигенции. Интеллигенция находится в непременном взаимодействии с властью, может быть в составе управлеченческих органов или может выражать свою позицию в виде участия в общественных движениях и их мероприятиях. На эту двойственность указывают некоторые современные историки [9. С. 40]. Это обосновано, так как в советское время представители творческой и научной интеллигенции состоят в КПСС, связанны с партией посредством профессиональных союзов.

Эти формы взаимодействия меняются в период перестройки. Для конца 1980-х – начала 1990-х гг. характерно «хождение интеллигенции во власть».

В ТАССР активное участие в политической жизни принимают деятели науки и культуры. В списках кандидатов в народные депутаты СССР XII созыва 1989 г. из Татарской АССР значатся: В.Е. Алемасов (заслуженный деятель науки и техники ТАССР, РСФСР), Д.Н. Валеев (писатель), Ф.А. Байрамова (редактор художественной литературы Таткнигоиздата), А.П. Гаврилов (главный редактор газеты «Вечерняя Казань») [6. Д. 1586. Л. 47, 50–51, 53].

Также диалог власти и творческой интеллигенции в исследуемый период осуществляется посредством специальных встреч и собраний. Примером такого взаимодействия в ТАССР является встреча первого секретаря республиканского комитета КПСС Р.Р. Идиатуллина с журналистами. В ходе своего выступления Идиатуллин освещает планы дальнейшей деятельности в экономической, социальной, политической, а также культурной сфере: «Что касается культуры – овладение многонациональной культурой, создание студий документальных и художественных фильмов на двух языках, ряда издательств. Об этом я говорил в ЦК КПСС – создании новых газет и журналов, увеличении возможности лучшего вещания на радио и телевидении, разработке новых программ, культурного развития республики» [Там же. Д. 1996. Л. 11]. Указанные вопросы были выражением интересов интеллигенции и всего общества республики.

В документации Татарского рескома КПСС имеются справки, отчеты, сведения о работе газет, журналов, радио и реализации гласности. Отмечается, что во многих республиканских газетах, в частности «Советская Татария», «Социалистик Татарстан», часто перепечатывается материал из центральных изданий, мало публикаций на тему перестройки, а также интервью и выступлений руководителей республиканской партийной организации [Там же. Д. 2320. Л. 78–82]. Гласность по резолюции XXVII съезда ЦК КПСС предполагала информированность населения о деятельности государственных и других органов, прини-

маемых ими решениях и ходе их выполнения [10. С. 542].

Итак, на региональном уровне сохраняется контроль идеологической стороны содержания литературных, публицистических, театральных произведений, фильмов и киножурналов, произведений изобразительного искусства. Политика по отношению к творческой интеллигенции во многом имеет черты, характерные для прежних десятилетий: учет партийности членов профессиональных творческих союзов, обязательная политучеба и работа в отдаленных районах, селах по указаниям Дома политпросвещения. При этом интеллигенция пытается использовать объявленную гласность как для достижения собственных целей, критикуя решения правительства по отношению к ним ранее, так и для решения задач общественных. Для удовлетворения духовных потребностей общества интеллигенция выступает посредником между социумом и властью, способствуя постановке и решению вопросов в сфере культуры партией и общественными организациями. Происходит взаимодействие интеллигенции и власти, необходимое обеим сторонам: интеллигенции – для артикуляции личных и общественных интересов в области культуры, власти – для трансляции посредством интеллигенции собственного политического, идеологического курса.

Анализируя некоторые аспекты политики периода перестройки в сфере культуры и по отношению к творческой интеллигенции в ТАССР, можно сделать вывод о противоречивости реформ в этой сфере, а также о несоответствии реализуемой политики на первом этапе перестройки объявленным принципам XXVII съезда ЦК КПСС и январского Пленума 1987 г. в отношении культуры в целом и гласности в частности на региональном уровне. Представители творческой интеллигенции вносят существенный вклад в развитие гласности, взаимодействуя с властью и участвуя в политических процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 14. Д. 382.
2. Воронин А. Драма Диасизма // Татарстанское отделение Союза российских писателей. URL: <http://srpkzn.ru/Diasizma.htm>, свободный (дата обращения: 24.11.2015).
3. История спектакля «День Икс» в театре им. В.И. Качалова // Казанские истории. Культурно-просветительная газета. 2001–2015. URL: <http://history-kazan.ru/13584-1548>, свободный (дата обращения: 22.11.2015).
4. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 906.
5. Лавришко Владимир. Убывает свет вечерний... Казань : Идел-Пресс, 2008.
6. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. Д. 254.
7. Совершенствование национальных отношений, перестройка и задачи советской литературы. Материалы пленума правления Союза писателей СССР 1–2 марта 1988 г. М., 1988.
8. Беляев В.А. Отечественная интеллигенция и ее роль в политике. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005.
9. Будник Г.А. Высшая школа и интеллигенция : советский воспитательный и образовательный эксперимент, 1945–1985 годы. Иваново, 2003.
10. XXVII съезд коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет : в 3 т. М. : Политиздат, 1986. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 декабря 2015 г.

THE DIALOGUE OF THE INTELLIGENTSIA AND THE POWER DURING THE PERESTROIKA (ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 57–60. DOI: 10.17223/15617793/404/8

Guzelbaeva Irina A. Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russian Federation). E-mail: cherri-91@mail.ru

Keywords: perestroika; creative intelligentsia and power; Republic of Tatarstan.

The policy of the perestroika period (1985–1991) was determined in the USSR by Mikhail Gorbachev's reforms. The policy of the perestroika, glasnost and acceleration was proclaimed at the January Plenum of the Central Committee of the CPSU in 1987. Glasnost implied openness in the media and in artistic works. Glasnost also permitted criticism of power. It became possible to express a critical attitude towards the history of the homeland and the modernity. For the first time, books banned earlier for political and ideological reasons were published. The authors revealed the issues of Stalinist repressions, violent dekulakization, etc. These trends were more clearly manifested in the central cities, as opposed to the regional level. Political departments controlled artistic unions, cultural figures and the content of their works. For example, the mythologizing of the image of V.I. Lenin was created during the entire Soviet period and reproduced through art, theater, cinema, literature. Therefore, in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (Tatar ASSR), there were difficulties with the performance *1887* on the play by D. Valeev, where Vladimir Ilyich Ulyanov-Lenin had real human qualities and feelings. He cried in one scene. Observers from the Institute of Marxism-Leninism did not approve that. Cultural workers expressed their position not only in their works but also through participation in public life. Appeal of creative intelligentsia representatives to power structures often reflected poor living conditions and personal ambitions. At that time the issue of national culture became of great importance in society. The well-known Tatar writer, playwright, chairman of the Union of Writers of Tatarstan Tufan Minnillin told in his speeches about the necessity to publish newspapers and books, to increase the volume of television and radio broadcasting in the Tatar language. Other representatives of the creative intelligentsia spoke in this vein. In their opinion, the basis for the revival of the national identity is language, culture and traditions. The problems of the Tatar culture were discussed by public informal organizations and community. Intellectuals were active participants of social and political organizations. For instance, writer Fauzia Bayramova became one of the leaders of the national independence party Ittifaq and participated in the Tatar Public Center (TPC) activities. She was included in the lists of candidates for deputies of the USSR XII convocation of 1989. She was a member of the Supreme Council. Thus, the intelligentsia raised important public issues, translating them for authorities. At the same time authorities used intellectuals to implement their own policies in the field of ideology and culture. Representatives of creative intelligentsia made a significant contribution to the development of publicity, collaborating with the authorities and participating in the political processes.

REFERENCES

1. Central State Archive of Historical and Political Documents of the Republic of Tatarstan (TsGA IPD RT). Fund 15. List 14. File 382. (In Russian).
2. Voronin, A. (2008) *Drama Diasizma* [The Drama of Diasism]. [Online]. Available from: <http://srpkzn.ru/Diasizma.htm>. (Accessed: 24 November 2015).
3. Kazanskie istorii. (n.d.) *Istoriya spektaklya "Den' Iks" v teatre im. V.I. Kachalova* [History of the play Day X in the Theater n.a. V.I. Kachalov]. [Online]. Available from: <http://history-kazan.ru/13584-1548>. (Accessed: 22 November 2015).
4. Central State Archive of Historical and Political Documents of the Republic of Tatarstan (TsGA IPD RT). Fund 15. List 15. File 906. (In Russian).
5. Lavrishko, V. (2008) *Ubyvaet svet vecherniy...* [The evening light is fading . . .]. Kazan: Idel-Press.
6. Central State Archive of Historical and Political Documents of the Republic of Tatarstan (TsGA IPD RT). Fund 15. List 14. File 254. (In Russian).
7. Plenum of the Union of Writers of the USSR. (1988) *Sovershenstvovanie natsional'nykh otnosheniy, perestroyka i zadachi sovetskoy literatury. Materialy plenuma pravleniya Soyusa pisateley SSSR 1–2 marta 1988 g.* [Improvement of ethnic relations, restructuring and tasks of Soviet literature. Materials of the Plenum of the Union of Writers of the USSR of 1–2 March 1988]. Moscow.
8. Belyaev, V.A. (2005) *Otechestvennaya intelligentsiya i ee rol' v politike* [The domestic intelligentsia and its role in politics]. Kazan: Kazan State University.
9. Budnik, G.A. (2003) *Vysshaya shkola i intelligentsiya: sovetskiy vospitatel'nyy i obrazovatel'nyy eksperiment, 1945–1985 gody* [Higher school and intellectuals: Soviet upbringing and educational experiment, 1945–1985]. Ivanovo: Ivanovo State University.
10. Politizdat. (1986) *XXVII s'ezd kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 25 fevr. – 6 marta 1986 g. Stenograficheskiy otchet: v 3 t.* [XXVII Congress of the Communist Party of the Soviet Union, 25 February – 6 March 1986. Transcript: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.

Received: 08 December 2015

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ НОВОГО ТИПА В НАЧАЛЕ ХХ в. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ г. ТОМСКА)

Рассматривается проблема формирования предпринимателей нового типа начала ХХ в., их основные черты, численность и социальный состав. Отдельное внимание уделено взаимоотношениям между предпринимателями из разных сословий и местной администрацией. Впервые в нашей статье представлены данные о месте проживания предпринимателей по районам г. Томска.

Ключевые слова: предприниматель; торговля; купечество; промышленность; торговый дом.

События, происходящие в современном мире, оказывают большое влияние на все стороны жизнедеятельности общества, в том числе и на экономику. Необходим постоянный поиск новых решений, чтобы найти выход из кризиса и поддержать стабильную ситуацию роста отечественных показателей на мировом рынке. Движущей силой экономики, как известно, является предпринимательство, трансформация которого происходит постоянно.

Цель данной статьи – показать на примере сибирского губернского г. Томска образ предпринимателя начала ХХ в., выявить численность, социальный состав и менталитет этого нового социального слоя общества.

Термин «предприниматель» стали активно использовать в нашей стране только после реформ 1985 г., провозгласивших курс на перестройку системы государственного управления и демократизацию общественной жизни. В исследуемый период в обиходе использовали слова-синонимы: купец, торговец и коммерсант. Купечество считалось обособленным торговым сословием, и каждая торговая операция, совершенная предпринимателем с целью получения прибыли для выгоды, называлась торговой сделкой. Торговые сделки делились на две категории: первая подразделялась на шесть видов, основанных на торговле по принципу «продавец – покупатель»; вторая состояла из двух видов – сделки между членами торгового дома или товарищества, а также сделки предпринимателем с приказчиками и с представителями торговца [1. С. 32].

До начала ХХ в. предпринимателями считали купцов, потому как именно купцы вели торговую деятельность и заключали сделки от своего имени. Законодательная база конца XIX – начала ХХ в. значительно расширилась и коренным образом изменила ситуацию в отечественном бизнесе. Торговый устав 1887 г. и его дополнение в 1903, 1906, 1908 гг. [2. Т. 11] способствовали зарождению торгового права, урегулированию торговых отношений, а в случае споров в дело вступал Устав торгового судопроизводства [3]. Был разработан и введен в действие Устав о прямых налогах [4. Т. 5–9] и Устав кредитный [5. Т. XI]; промышленную деятельность регулировал Устав 1892 г. с дополнениями 1908 г. [6. Т. 11].

Закон о промысловом налоге 1898 г. способствовал развитию предпринимательства среди разных слоев населения, предоставив экономическую свободу как купцам, так и крестьянам, тем самым позволил

каждому человеку, независимо от сословия и социального положения, стать предпринимателем, открыть свое собственное дело. Согласно закону предприниматель обязан был приобрести промысловое свидетельство для каждого торгового и промышленного заведения. Приобретение гильдейских свидетельств стало делом добровольным, купеческие привилегии были отменены. Чтобы вступить в купеческое сословие первой гильдии, необходимо было оплатить основной промысловый налог в размере 500 руб., второй гильдии – от 50 до 500 руб. в год [7. С. 489]. Гильдейские свидетельства предприниматели стали выкупать намного реже, только те, кому они были необходимы. Например, крестьяне приобретали свидетельства для улучшения своего материального и социального положения в обществе.

В центральной части России, несмотря на реформирование и изменения в составе предпринимателей, по-прежнему ведущим сословием было дворянство, которое держало в своих руках основные рычаги власти и с подозрением относилось к представителям нового сословия предпринимателей. Взаимоотношения между предпринимателями из разных сословий носили преимущественно экономический характер. В Сибири дворянство уступало по численности купечеству, а купцы довольно спокойно приняли вхождение в состав предпринимателей из крестьян и представителей интеллигенции. Взаимоотношения между представителями торгового и промышленного мира стали строиться не на сословных регалиях, а на деловых качествах, умении зарекомендовать себя и проявить все свои навыки в ведении деловых переговоров, в управлении компанией или ведении торговли. Ярким примером является горный инженер В.С. Реутовский, который смог уговорить крупных томских купцов (Кухтериных, Ф.Х. Пушникова, И.Г. Гадалова) вложить свои капиталы в совершенно новое дело и открыть товарищество «Технико-промышленное бюро для устройства электрического освещения в г. Томске». Одновременно с этим он вел переговоры с городской Управой на право строительства электростанции в Томске и установке электроосветительных приборов в городе, склонив на свою сторону и одержав верх над конкурентами. Товарищество достаточно быстро развивалось и осуществляло намеченные планы, став в начале ХХ в. ведущей компанией по распространению электричества в Томске [8. С. 32].

Происходило объединение капиталов предпринимателей из разных сословий и социального положения, создавались совместные предприятия, товарищества и фирмы. Справочные издания начала XX в. позволяют узнать число торговых и промышленных предприятий в Томске, выявить основные виды производств, определить количество и сословный состав предпринимателей. В 1912 г. вышел в свет справочник под редакцией В.Е. Варзара, в котором представлены все фабрики и заводы страны по официальным сведениям Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности. Предприятия в справочнике разделены на 14 групп производств, в каждой группе в алфавитном порядке представлены промышленные заведения с основными обязательными сведениями: 1) наименование заведения, фирмы или владельца; 2) местонахождение (адрес, телефон и др.); 3) число рабочих; 4) род механических двигателей и мощность; 5) годовая производительность фабрики [9. С. 3]. Сведения в справочнике представлены по данным на начало 1909 г.

По данным справочника В.Е. Варзара, в Томске действовали 53 предприятия, владельцами которых были 92 человека, из них 29% составляли мещанство и 27% – купечество. Дворянство в среде предпринимателей встречается в составе торговых домов и товариществ. Например, наследники потомственного дворянина И.И. Андроновского после его смерти создали в 1905 г. торговый дом «И.И. Андроновский и сыновья». Андроновскому принадлежал винокуренный завод в Томске, пиво-медоваренный завод в Барнауле и ряд торговых заведений. В 1913 г. обороты пивоваренного завода составили 110 тыс. руб., а 21 торгового заведения – 51,1 тыс. руб. [10. С. 43]. Всего на томском рынке было представлено в 1910–1911 гг. 50 товариществ и торговых домов [11. Л. 55–56].

Среди владельцев предприятий появляются представители других сословий и разных профессий: крестьяне, сельские обыватели, инженеры, профессора. Представители разных национальностей также владели промышленными заведениями в городе: евреи С.Б. Кацнельсон и П.С. Пейсахов открыли завод искусственных и фруктовых вод с годовым производством 5 500 руб. и 8 рабочими, другим заводом подобной направленности с годовой выручкой 2 000 руб. и 5 рабочими руководил Х.А. Пейсахов. Прусский подданный Р.И. Крюгер является основателем пивоваренного завода с годовым производством в 160 580 руб. при 48 рабочих. Другой томский купец еврейского происхождения М.М. Рейхзелигман владел пивоваренным заводом «Вена», на котором был занят 31 рабочий и годовое производство составляло 84 660 руб. [9. С. 114, 249–250].

В 1902 г. в Томске насчитывалось 35 фабрик и заводов, которыми владели 24 единоличных хозяина, 3 торговых дома и 2 товарищества, и по одному заведению (типографии) принадлежало государству и церкви. Разница между числом предприятий и суммарным числом владельцев объясняется одной из характерных черт томских предпринимателей – занятие разными видами деятельности одновременно:

И.М. Иваницкий владел лесопильным заводом и мельницей, А.В. Пермитина – мыловаренным и кожевенным заводами [9. С. 2870–2873].

В 1910 г. в городе действовали 1 114 торгово-промышленных предприятий: из них 65 фабрик и заводов, более 600 торговых организаций (магазинов), более 350 – организации, предоставляющие различные услуги населению. Следует отметить, что эти цифры нельзя считать точными, потому как в справочнике все организации разделены по производствам и продаваемым товарам. При этом в магазинах был широкий ассортимент товаров. В Пассаже товарищества «А.Ф. Второв с сыновьями» по ул. Почтамтской можно было приобрести дамские шляпы, чай, галантерею, ювелирные украшения; рядом, на Базарной площади, можно было приобрести швейные машины, предлагаемые компанией А.Ф. Второва.

По данным торгово-промышленного справочника 1910 г., жители Томска приобретали бакалейные товары в 59 магазинах. Мануфактуры и шляпы продавались в 25, торговля обувью осуществлялась в 21, а железные изделия – в 19 магазинах. Интересным фактом остается то, что торговля рыбой велась в 33 магазинах и лавках, а хлебные изделия продавались только в 18. Что касается чая, то этот продукт был доступен в 12 лавках города.

В сфере услуг преобладали портняжные мастерские по пошиву мужского и женского платья. Томичи предпочитали шить наряды на заказ, обращаясь в одну из 66 модных мастерских, также можно было приобрести готовое платье в одном из 16 магазинов. В промышленности лидирующие позиции по числу производств занимали мыловаренные заводы, численность которых доходила до 12. В городе действовало много мастерских разной направленности: пряничные, часовые, скорняжные, чулочные, ювелирные и др. Также в Томске работали 5 пивоваренных и 5 свечных заводов, 4 винокуренных, одна спичечная фабрика, а также маслоторговые и стекольные заводы. Получило широкое распространение страховое дело, увеличилось и число агентурно-комиссионных контор. По мнению составителей справочника, в Томске слабо развита заводская и фабричная промышленность, плохое качество производимого товара, при этом город остается крупным торговым центром Сибири [12. С. 119–134].

В 1912 г. при проведении переписи населения в Томске была предпринята попытка посчитать предпринимателей. Для удобства проведения переписи город поделили на 20 районов, в основу были положены топографические условия местности и имущественное состояние домовладельцев. Деление на районы позволяет сделать вывод о концентрации местопроживания владельцев торговых и промышленных заведений Томска. Большинство владельцев торговых и промышленных предприятий проживало в районе Заисточье (525 чел.), примерно равное количество предпринимателей проживало в районах Воскресенская гора и Болото (196 и 192 чел.), Пески 2 уч. и Заозерье (188 и 187 чел.); немногим более 100 чел. – Уржатка, Юрточная гора, Верхняя Елань, Монастырь-

ское место, Мухин Бугор, Слободка. По данным переписи населения на 2 декабря 1915 г., в Томске проживали 95 873 чел., предприниматели составляли 2,3% от общего числа жителей [13. С. 6].

Известный исследователь купечества Б.В. Перхавко отмечает увеличение числа купцов-промышленников в Центральной части России, которые отодвинули на второе место купцов-коммерсантов, а также процесс выхода представителей купечества из сословия и выбор профессии, далекой от торговли. Например, выходцы из купеческого сословия В.В. Кандинский, И.И. Шишкин, К.А. Коровин выбрали другой путь в жизни и стали известными художниками, С.П. Боткин – сын основателя крупнейшей в России фирмы по продаже чая, прославился как врач, ученый и общественный деятель [14. С. 463].

В Томске, напротив, сохранилось преобладание торговых предприятий над промышленными, что подтверждают вышеуказанные сведения из справочника 1910 г. Сохранилась и преемственность в купеческих семьях, дело отцов продолжили многие предприниматели. Например, братья Кухтерины поочереди руководили созданной отцом компанией «Е. Кухтерин и сыновья»: при Алексее капиталы торгового дома увеличились в 10 раз и в 1911 г. составляли 3 млн руб., при Александре капитал увеличился в 5 раз и достиг 5 млн руб., им же была создана паровая мельница на берегу р. Томи; сын Иннокентий вел торговлю крупчаткой и вином. Старший сын купца И.Г. Гадалова, Иннокентий, владел 14 магазинами в разных городах Сибири, в том числе в Томске двумя бакалейными магазинами, магазином готового платья и обуви. Сын купца В.А. Горохова, Сергей, после смерти отца стал главным распорядителем торгового дома «В.А. Горохов», занимался торговлей мукой в Томске, а также заведовал мукомольным производством в с. Бердском. Другой купец, Иван Некрасов, сын М.И. Некрасова, владел двумя лавками, магазином, специализировался на торговле железными изделиями, скобяными и москатальными товарами [15. С. 58, 71, 147, 186].

Все вышеперечисленные купцы представляли купный бизнес в Томске, они принимали активное участие в общественной жизни города, были удостоены почетных званий и наград, а также входили в состав Томской городской думы, нередко занимая высокие посты. Сосредоточение власти в руках предпринимателей способствовало активному развитию торговли и промышленности.

Немаловажное значение в формировании нового типа предпринимателя сыграли строительство железной дороги и экономические реформы, способствовавшие проникновению на томский рынок большого числа предпринимателей как из центральной части России, так и из-за границы, что привело к изменению сознания и поведения местных торговцев. Рост числа предпринимателей всегда ведет к росту конкуренции, чтобы идти в ногу со временем и быть конкурентоспособным, необходимо пользоваться нововведениями в сфере торговли и промышленности, а значит, необходимо учиться и обучать рабочих новым прави-

лам торговли, ведению документооборота, работе с новыми двигателями и пр.

Одним из ярких примеров заботы коммерсантов о работниках являлось финансирование первыми Общества приказчиков и поощрение проведения курсов по бухгалтерии, а также открытие и содействие в развитии коммерческого училища в Томске, где любой желающий мог овладеть основами коммерческого знания и в дальнейшем применять в работе. Образованный работник будет лучше работать и может принести больше прибыли, нежели неграмотный. А образованный владелец предприятия более приспособлен к новым условиям жизни, способен лучше выявить потребности населения, использовать новые методы в работе, направленные на повышение производительности труда и увеличения прибыли в несколько раз.

Взаимодействие с «новыми» предпринимателями на томском рынке вынудили местных предпринимателей больше внимания уделять документообороту и бухгалтерии, обучать торговых работников этикету общения с покупателями и пр. Становится обязательным ведение документооборота, потому как доброе и честное слово предпринимателя уже не действовало. Чтобы приобрести товар у компании, например, из Москвы, Варшавы или Риги, необходимо было сделку совершить юридически верно, имея на руках все необходимые бумаги.

Предприниматели активно участвовали в жизни города, жертвуя денежные средства на различные нужды: на строительство общественных зданий, религиозных сооружений (церквей), учебные заведения. Современный исторический центр Томска был сформирован именно предпринимателями, когда на рубеже XIX–XX вв. начинается активное строительство торговых и доходных домов из камня (кирпича).

В отличие от Запада, в России по-прежнему вся власть над торговлей и промышленностью была в руках правительства. Предприниматели стремились наладить отношения с администрацией города и активно отзывались на просьбы властей. Например, сохранившееся в Томске здание суда на пл. Соляной было построено в 1904 г. ТД «Е. Кухтерин и С-я». Идея строительства относится к 1896 г., но у казны не оказалось достаточно средств, строительство было отложено на неопределенный срок. Закладка фундамента здания Окружного суда состоялась в мае 1902 г. в присутствии губернатора Томской губернии князя Сергея Александровича Вяземского. Предварительная смета расходов на строительство составляла около 150 тыс. руб. В новое здание суд окончательно переехал только в конце августа 1904 г. Украшением здания стала расположенная на крыше, прямо над входом в здание, статуя богини возмездия Немезиды. Построенное здание Кухтерины по заключенному с Томской городской Думой контракту с 1904 по 1916 г. сдавали в аренду Томскому окружному суду. Содержание здания, ремонт, отопление и освещение осуществлялись на средства купцов Кухтериных. В 1915 г. Кухтерины продали здание министерству юстиции за 235 тыс. руб. [16. С. 59]. В данном случае прослеживается желание не только расположить к

себе власти Томска, но и получить прибыль со сдачи в аренду, а впоследствии и продажи здания. Под нужды города на денежные средства Кухтериных было построено здание Коммерческого училища на пл. Соляной. Купцы Кухтерины активно помогали малоимущим, построили школу им. Кухтериных, содержали Татьянинский приют для детей-сирот крестьян-переселенцев, а также родильный дом [17. С. 26].

Предприниматели помогали при проведении и организации городских праздников, мероприятий, устраиваемых томскими обществами и школами. В ежедневных газетах встречаются слова благодарности в адрес благотворителей и меценатов. В январе 1909 г. Общество содействия физическому развитию выразило благодарность лицам, сделавшим пожертвования на устройство 29 и 30 декабря елки в школе-манеже общества для учащихся в низших школах, посещавших зимнюю и летние площадки общества. Пожертвования деньгами поступили от следующих лиц: И.М. и Д.Д. Акуловых – 25 руб., В.З. Красовского – 10 руб., Е.А. Шафровой – 5 руб., А.Ф. Фуксман, Р.И. Крюгер – 5 руб., С.Б. Рыжаковой – 2 руб., М.Д. Колпакова – 2 руб., В.С. Пирузского, А.А. Фильберт, И.И. Свинцова, В.В. Щекина, М.И. Хотимского и А.И. Осипова – по 1 руб. Помогали не только деньгами, но и продуктами: И.Г. Тихонов предоставил пряников и орехов на 6 руб. 25 коп., А.А. Фильберт – 7 ф. колбасы на 1 руб. 50 коп., М.К. Сибирцева – 1 ф. чаю на 1 руб. 60 коп. и Е.М. Колпаков – 2 коробки елочных украшений. Кроме того, скидку от 10 до 20% сделали в кондитерской Бронислава, в кондитерской Кузьмина и колбасной Фильберт [18. С. 3].

В начале ХХ в. за благотворительностью предпринимателей все чаще скрывалось желание создать положительную репутацию и удовлетворить свое тщеславие. Благотворительность поощрялась властями, которая наиболее отличившихся предпринимателей удостаивала звания почетного гражданина города или награждала орденом. Личные интересы и выгода вытесняют реальное желание помогать неимущим и родному городу, благотворительность купцов в данном случае была мнимой, потому как доходы предпринимателей не сравняются с расходами на городские праздники.

Деятельность предпринимателей регулировало государство, как и прежде губернские власти решали давать добро или нет на открытие предприятия, ведение торговли, определяли размер налога, который должен заплатить предприниматель, и может ли он установить на фабрике паровую машину. Это касалось как крупных, так и мелких предпринимателей. В 1910 г. томский купец Ф.Ф. Пичугин обратился в Томское губернское управление с просьбой разрешить построить здание для кольцевой печи с отделением для парового котла на принадлежащем ему заводе по производству кирпичей. Завод располагался на окраине города, около ипподрома (ныне территория Дворца зрелиц и спорта). Купец предоставил четыре свидетельства на право производства в Томское губернскоеправление: кирпичелательное, терракотовое, изразцовое и гончарное. Разрешение было получено [19. Л. 2].

Для выдачи разрешения на ведение торговой или промышленной деятельности личность предпринимателя проверяли на благонадежность, в том числе политическую. Крестьянин Симбирской губернии М.Е. Тимешкин в 1911 г. обратился к властям с прошением на ведение торговли книгами в Томске и Томском уезде и открытие книжной лавки. Проведенная проверка выявила благонадежность Тимешкина, он получил разрешение на ведение торговой деятельности [20. Л. 1, 7]. В неблагонадежности был замечен крестьянин Владимирской губернии И.Я. Якимов, который в том же 1911 г. подал прошение на открытие киосков для торговли книгами. За общение с «неблагонадежными личностями» получил отказ [21. Л. 1]. Проверку на благонадежность проходили все предприниматели независимо от сословия и положения в обществе.

С проведением железной дороги мимо губернского центра томские предприниматели потеряли часть своего дохода, но с открытием университета город встал на новые рельсы и стал развиваться в качестве образовательного центра. Тем не менее число предпринимателей не уменьшилось, а наоборот, увеличилось за счет появившихся новых промышленников и торговцев, представителей иностранных фирм. Для начала ХХ в. характерна совместная работа предпринимателей из разных сословий и социальных групп, создаются тандемы в виде товариществ и обществ по интересам. Преемственность томских предпринимателей позволила укрепить позиции компаний на рынке, развивать торговую-промышленную деятельность, открывая новые предприятия, увеличить прибыль.

По мнению известного исследователя А.Н. Боянова, «...предпринимателя предпринимателем делает лишь целенаправленное и последовательное хозяйственное созидание... Деловой мир – жестокая гонка и борьба, но обязательно нацеленная на успех» [22. С. 18; 23]. Идет постоянный поиск новых видов деятельности, востребованных услуг для населения и способов привлечь покупателя в свой магазин, пользоваться товарами своей мастерской или фабрики. Увеличение числа экономических связей привело предпринимателей к осознанию необходимости совместной деятельности, улучшению условий производства товара, повышение качества продаваемого товара и улучшение организации торговли, что повлияло и на благоустройство города. Предприниматели активно участвовали в жизни города, жертвуя денежные средства на развитие образования, благоустройство города и проведение праздничных мероприятий. Приведенные в статье примеры благотворительной деятельности купцов показывают стремление удовлетворить личные интересы, создать благоприятную репутацию, «выслужиться» перед властями Томска и только отчасти связаны с их набожностью и возможностью заслужить прощение за грехи свои «благими делами».

Несмотря на двойственность ситуации, в начале ХХ в. складывается новый тип предпринимателя, который обладал деловой хваткой, был открыт для всего нового, повышал свой образовательный уровень и

заботился о повышении качества работы своих работников. Стирается негативный образ предпринимателя

и появляется новый – демонстрирующий деловые качества, интерес и желание развиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915: с приложением шести планов городов, портретов общественных деятелей и многих рисунков. Пг. : Издание Д.Р. Юнг, 1914.
2. Гессен Я.М. Устав торговый. Т. 11, ч. 2, изд. 1903 г., по сводному продолжению 1912 года, с разъяснениями и приложениями. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1914.
3. Устав торговый. С разъяснениями. 4-е изд., испр. и доп. / сост. А.А. Добропольский, П.С. Цыпкин. СПб., 1914.
4. Свод законов Российской империи. Кн. 2, Т. 5–9: Все 16 томов, исправленные по Продолжениям 1906 и 1908 годов и дополненные позднейшими узаконениями, в четырех книгах / сост. и издал А.М. Нюренберг. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910.
5. Устав кредитный (Св. Зак. т. XI, ч. 2, изд. 1903 г. и по прод. 1912 г.), комментированный законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената, правилами, инструкциями и другими распоряжениями, последовавшими в порядке управления. Вып. 2, разд. 5–6 / Ю.В. Александровский. СПб. : Закон и право, 1914.
6. Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный) (Т. 11, ч. 2, изд. 1893 г.): с узаконениями, обнародованными по 15 ноября 1908 г., законодательными мотивами, решениями Правительствующего Сената, циркулярами Министерства внутренних дел, финансовых, торговли и промышленности и решениями главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия / сост. М.П. Шрамченко, В.Е. Афанасьевым. СПб. : Издание Н.К. Мартынова, 1909.
7. Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге (№ 15601) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1901. Т. XVIII. Отд. 1-е.
8. Дворцова О.В. Деятельность технико-промышленного бюро в г. Томске (конец XIX – начало XX века) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Томск : Изд-во Том. гос. архит. строит. ун-та, 2015. Вып. 6 : сб. науч. тр. / под ред. К.В. Фадеева.
9. Список фабрик и заводов Российской Империи / под ред. В.Е. Варзара. СПб., 1912.
10. Скубневский В.А. Деятельность томских предпринимателей на Алтае // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) : Труды Томского государственного университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. Т. 267. Сер. Историческая.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 733.
12. Вся Россия. Адрес-календарь Российской империи. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1903.
13. Сибирь : спутник и адресно-справочная торгово-промышленная книга : указатель торгово-промышленных фирм, фабрик, заводов, мастерских, золотопромышленников и селений Сибири и Манчжурии / под. ред. И.Е. Чураева. М., 1910.
14. Мультановский П.М. Население Томска по данным переписи 2-го декабря 1912 г. Томск : Типо-литография Сиб. Т-ва Печатного Дела, 1915.
15. Перхавко Б.В. История русского купечества. М. : Вече, 2008.
16. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: библиографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014.
17. Интернет-портал «Земля томская». Историческая справка. Здание окружного суда / сост. : Т.И. Ширко, К.Н. Ширко. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/59>
18. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века) : Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Маринск, Новониколаевск / В.П. Бойко, Е.В. Ситникова, Н.В. Шагов, О.В. Богданова, В.Г. Залесов, Т.Н. Манонина ; под ред. В.П. Бойко. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2011.
19. Сибирские отголоски. Политическая, общественная и литературная газета (Томск). 1909. 11 янв. (№ 8).
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 2665.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2832.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2820.
23. Боханов А.Н. Деловая элита России. М., 1994.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 января 2016 г.

THE FORMATION OF A NEW TYPE OF BUSINESSMAN AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON (ON THE EXAMPLE OF TOMSK)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 61–66. DOI: 10.17223/15617793/404/9

Dvortsova Olga V. Tomsk History Museum (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dvortsovaolia@gmail.com

Keywords: business; trade; merchants; economy; Tomsk.

The main object of research is Tomsk business at the beginning of the 20th century (1900–1917). The choice of the given period is explained by a number of laws adopted by the state; they promoted active development of the economy in the country. The Provision on a Trade Tax act, which canceled all merchant privileges and promoted increasing the number of businessmen from different estates, was of great importance. The author analyzed statistical data of reference media for the years 1902, 1909 and 1910, and revealed a number of commerce and industry institutions in Tomsk, their owners and the class structure of businessmen. The analysis of the 1912 population census data is also presented in the article. So, in 1912 the population of Tomsk was 95873 persons, 2.3 % of them were businessmen. Most of the owners of commerce and industry enterprises lived in the areas of Zaistochye, Voskresenskaya hill and Boloto. Separate attention is paid to the relationship of businessmen from different estates and the administration of Tomsk. As before, control over trade and industry belonged to the state; therefore, businessmen sought to cooperate with the authorities, actively helping with improvement, city building and carrying out festive events. When opening a new trade institution, expanding production or engaging in any new type of trade, businessmen were obliged to apply for permission to local administration and after a number of checks, including on reliability, the verdict was proclaimed, and the social status did not play any role. Growth of the competition among businessmen promoted search of new ways of development and involvement of buyers. For a long time the businessman was associated with merchants. However, during the studied period, not only merchants were engaged in trade activities, but also representatives of other social groups. The businessman of the beginning of the 20th century possessed the following sociocultural qualities: grasp of business, practicality, sharpness, commitment, understanding of the requirements of society, responsibility and independence. Since old times, most of the representatives of the old generation still had devotion, strict following religious tra-

ditions and customs. At the same time, the middle-aged and younger generations of businessmen refused these precepts of ancestors and tried to get general and secondary education. The practical side of research is explained by the growing interest in separate aspects of the development of the city of Tomsk, trade activity and economy in general. The author managed to touch upon a number of relevant topics, perspective for a further study.

REFERENCES

1. Yung, D.R. (1914) *Sibirskiy torgovo-promyshlennyj ezhegodnik 1914–1915: s prilozheniem shesti planov gorodov, portretov obshchestvennykh deyateley i mnogikh risunkov* [Siberian Trade and Industry Yearbook for 1914–1915: six cities with attached plans, portraits of public figures and many drawings]. Petersburg: Izdanie D.R. Yung.
2. Gessen, Ya.M. (1914) *Ustav torgovyy. T. 11, ch. 2, izd. 1903 g., po svodnomu prodolzheniyu 1912 goda, s raz"yasneniyami i prilozheniyami* [Trade Charter. Vol. 11, pt. 2, ed. of 1903 by the combined continuation of 1912, with explanations and supplements]. 2nd ed. St. Petersburg: Pravo.
3. Dobrovolskiy, A.A. & Tsyplkin, P.S. (1914) *Ustav torgovyy. S raz"yasneniyami* [Trade Charter. With explanations]. 4th ed. St. Petersburg: Zakanovedenie.
4. Nurenberg, A.M. (ed.) (1910) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Book 2. Vol. 5–9. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.
5. Aleksandrovskiy, Yu.V. (1914) *Ustav kreditnyy (Sv. Zak. t. XI, ch. 2, izd. 1903 g. i po prod. 1912 g.), kommentirovannyy zakonodatel'nyimi motivami, raz"yasneniyami Pravitel'stvyushchego Senata, pravilami, instruktsiyami i drugimi rasporyazheniyami, posledovavshimi v poryadke upravleniya* [Credit Charter (Code of Laws of the Russian Empire, Vol. 11, pt. 2, ed. of 1903 by the combined continuation of 1912, with explanations and supplements), annotated with legislative motives, explanations of the Governing Senate, rules, regulations and other directives that followed in the control order]. Is. 2. Pts 5–6. St. Petersburg: Zakon i pravo.
6. Shramchenko, M.P. & Afanas'ev, V.E. (1909) *Ustav o promyshlennosti (fabrichnoy, zavodskoy i remeslennoy i ustav probirnyy) (T. 11, ch. 2, izd. 1893 g.): s uzakoneniyami, obnarodovannymi po 15 noyabrya 1908 g., zakonodatel'nyimi motivami, resheniyami Pravitel'stvyushchego Senata, tsirkulyarami Ministerstva vnutrennikh del, finansov, torgovli i promyshlennosti i resheniyami glavnogo po fabrichnym i gornozavodskim delam prisutstviya* [Charter of the Industry (factory, plant and craft, and assaying charter) (Vol 11, Part 2, published in 1893) with laws, promulgated on November 15, 1908, legislative motives, decisions of the Governing Senate, circulars of the Ministry of Internal Affairs, Finance, Trade and Industry, and decisions of the head of the factory, mining and metallurgical business]. St. Petersburg: Izdanie N.K. Martynova.
7. Russian Empire. (1901) *Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge (№ 15601)* [With the Highest Approval, the Regulations on the State Trade Tax (No. 15601)]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. XVIII:1.
8. Dvortsova, O.V. (2015) *Deyatel'nost' tekhniko-promyshlennogo byuro v g. Tomskie (konets XIX – nachalo XX veka)* [Activities of technical and commercial offices in the city of Tomsk (the end of the 19th – early 20th centuries)]. In: Fadeev, K.V. (ed.) *Khozyaystvennoe i kul'turnoe razvitiye Urala i Sibiri v XIX–XXI vv.* [The economic and cultural development of the Urals and Siberia in the 19th–21st centuries]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
9. Varzar, V.E. (ed.) (1912) *Spisok fabrik i zavodov Rossiyskoy Imperii* [The list of plants and factories of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tipografia Kirshauma.
10. Skubnevskiy, V.A. (2005) *Deyatel'nost' tomskikh predprinimateley na Altai* [Activities of Tomsk entrepreneurs in the Altai]. In: Dunaevskiy, G.E. (ed.) *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomskogo): Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The fate of a regional center in Russia (to the 400th anniversary of Tomsk): Proceedings of Tomsk State University]. Vol. 267. Tomsk: Tomsk State University.
11. Russian State Historical Archive. Fund 1290. List 2. File 733. (In Russian).
12. Tip. A.S. Suvorina. (1903) *Vsya Rossiya. Adres-kalendar' Rossiyskoy imperii* [All Russia. Address-calendar of the Russian Empire]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
13. Churakov, I.E. (ed.) (1910) *Sibir': sputnik i adresno-spravochnaya torgovo-promyshlennaya kniga: ukazatel' torgovo-promyshlennyykh firm, fabrik, zavodov, masterskikh, zolotopromyshlennikov i seleniy Sibiri i Manchzhurii* [Siberia: guidebook and address-reference book of Commerce and Industry: Index of commercial and industrial companies, factories, workshops, gold miners and villages in Siberia and Manchuria]. Moscow.
14. Mul'tanovskiy, P.M. (1915) *Naselenie Tomskogo po dannym perepisi 2-go dekabrya 1912 g.* [The population of Tomsk according to the census of December 2, 1912]. Tomsk: Tipy-litografiya Sib. T-va Pechatnogo Dela.
15. Perkhavko, B.V. (2008) *Istoriya russkogo kupechestva* [The history of Russian merchants]. Moscow: Veche.
16. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy: bibliograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk merchants: a bibliographical dictionary (second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Shirko, T.I. & Shirko, K.N. (n.d.) *Istoricheskaya spravka. Zdanie okruzhnogo suda* [Historical reference. County Courthouse]. [Online]. Available from: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/59>
18. Boyko, V.P. (ed.) (2011) *Arkhitektura gorodov Tomskoy gubernii i sibirskoe kupechestvo (XVII – nachalo XX veka): Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan', Kamen'-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk* [The architecture of the cities of Tomsk province and Siberian merchants (17th – early 20th centuries): Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan, Kamen-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolayevsk]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
19. *Sibirskie otgoloski*. (1909) 11 January. 8.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 2665. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 2832. (In Russian).
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 2820. (In Russian).
23. Bokhanov, A.N. (1994) *Delovaya elita Rossii* [The business elite of Russia]. Moscow: RAS Institute of Russian History.

Received: 12 January 2016

ВКЛАД Г.Н. ПОТАНИНА В МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО СИБИРИ

Впервые в исследовательской литературе освещается многообразная музееведческая деятельность Г.Н. Потанина. Определяются факторы, способствующие приобщению исследователя к музеиному делу, выясняется его понимание музея как комплекса культурных ценностей. Характеризуются конкретные результаты его участия в комплектовании, фондовом и экспозиционной работе музеев Иркутска, Омска, Кяхты, Томска, Минусинска. Начато выявление музеиного наследия Г.Н. Потанина, требующее дальнейших действий.

Ключевые слова: музейное дело; музей; исследование Сибири; Г.Н. Потанин.

Научное наследие Г.Н. Потанина привлекает немалое внимание исследователей в области географии, этнографии, фольклористики [1–3]. Освещаются его исторические и музееведческие труды [4–7]. Учитывая, что Г.Н. Потанин был в числе первых крупных ученых, кто работал в сибирских музеях, активно пополнял их коллекциями естественнонаучного и исторического характера, считаем необходимым проследить истоки его интереса к музейной работе, выявить его роль в организации и функционировании музейного дела Сибири.

В своих воспоминаниях и письмах Г.Н. Потанин подробно рассказывал о том, как зарождался и вызревал его интерес к изучению природы и исторического прошлого. Во время обучения в Омском кадетском корпусе, а затем в Петербургском университете Григорий Потанин приобрел хорошие знания по целому комплексу дисциплин начиная от ботаники и географии и завершая историей. Будучи в Петербурге Г.Н. Потанин приобщился к музейным ценностям, бывал в Эрмитаже, посещал картинную галерею Ф.И. Прянишникова. Тогда же он стал собирать первые гербарии. Каждое лето, по совету виднейшего русского естествоиспытателя и путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского, Григорий Потанин проводил в поездках по губерниям Европейской России, составлял гербарии, руководствуясь книгой немецкого исследователя Карла Ледебура «Flora Rossica» [8. С. 135–139].

В 1863–1864 гг., в течение двух сезонов, Г.Н. Потанин участвовал в экспедиции К.В. Струве, занимавшейся определением астрономических пунктов на пограничных территориях Южного Алтая и Тарбагатая. По собственным воспоминаниям и по свидетельству Н.М. Ядринцева, он собирал коллекции, составил большой гербарий, который доставил в Петербург. Подготовленный им отчет об этой экспедиции получил похвальный отзыв Императорского Русского географического общества и был опубликован в его «Записках» [8. С. 162; 9. С. 263]. Одновременно зимой 1864–1865 г. Г.Н. Потанин занимался преподаванием и с целью приобщить гимназистов к изучению природы передал в Томскую губернскую мужскую гимназию дублетную коллекцию растений, привезенную из экспедиции Струве. Он поделился своим педагогическим опытом в одном из писем: «Я два месяца читал лекции в обеих гимназиях по естественным наукам. Заводим аквариумы, составляем

коллекцию черепов, набиваем чучела. И в семинарии, и в гимназии началась гербаризация. Даже гимназистки собирают собачьи черепа» [10. С. 77].

Известно, что на волне общественного подъема 1860-х гг. Г.Н. Потанин и его друзья разрабатывали программу политического и культурного переустройства Сибири, получившую впоследствии название сибирского областничества. Но несмотря на политизацию областнического движения, Г.Н. Потанин считал себя мало приспособленным к политической деятельности, тяготел к «культурной работе». После тюремного заключения, каторги и ссылки, по обвинению в намерении отделить Сибирь от России, он писал Н.М. Ядринцеву: «Моя почва – наука, и чем более всецело я ей отдаюсь, тем больше, мне кажется, сделаю для той же Сибири» [11. С. 231]. Много позже об этом же писал И.И. Попов: «По своему характеру и склонностям Григорий Николаевич был ученый, общественным и политическим деятелем сделался по убеждениям. Конечно, занимаясь одной наукой и географическими исследованиями, он в этой области сделал бы несравненно больше» [12. С. 294].

Г.Н. Потанин мечтал написать книгу о Сибири, считал необходимым «дать популярное описание», опирающееся на строго научную основу [10. С. 129]. Выполнить этот замысел ему не удалось, но впоследствии он нашел более действенный способ популяризации научных знаний среди населения. Его обеспечивали музеи. Выскажем предположение, что мысль о музее зародилась у него еще в те времена, когда подростком он увлекался трудами Н.М. Карамзина и, по его собственному признанию, не раз перечитывал «Историю государства Российского», делал длинные выписки из документальных примечаний к книге [8. С. 40–41]. Григорий Потанин учился у Карамзина вниманию к архивным документам, впитывал, как выяснилось позже, и особый прием исследования. Обозначенный впоследствии как метод визуализации исторического процесса, он обеспечивал видимое представление исторической действительности [13. С. 56–57]. Г.Н. Потанин использовал этот прием в своих исторических работах, а позже стал задумываться и о музейном показе. Осознанию значимости музейной работы, думается, способствовало его участие в научных и просветительских обществах, которые, наряду с другими направлениями деятельности, формировали и поддерживали музейное дело. Известно, что Потанин состоял членом Императорского Рус-

ского географического общества и его Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов. Кроме того, он был членом Императорского Московского археологического общества, а также многих сибирских культурно-просветительных организаций [14. С. 187; 15. С. 290].

И, наконец, важнейшим фактором музейности Г.Н. Потанина была его научная «вседневность», или, как справедливо отмечал А.М. Сагалаев, «синтетический подход ко всему существу» [1. С. 64]. По нашему глубокому убеждению, только музей и есть тот институт, который синтезирует и вмещает все универсалии мира. Полагаем, что Г.Н. Потанин питал интерес к музеям и музейной деятельности не без влияния С.М. Соловьева, Д.А. Клеменца, Н.М. Могилянского. Ведь их трудами сложилось в России представление о музее как хранилище памятников природы и культуры, собранных с целью «наглядного и опытного изучения» [16. С. 35]. Впервые о роли музея в изучении окружавшей действительности Потанин высказался тогда, когда, находясь в ссылке в Вологодской губернии, работал над учебным пособием по родиноведению. Он предполагал возможным использовать в начальных школах наглядные пособия и коллекции, составленные учителями и хранившимися в некоторых музеях [17. С. 87]. Вероятно, он имел в виду педагогические музеи, которые активно создавались по всей стране как раз с целью обеспечения школ наглядными пособиями. То же представление о музее и его функциях прослеживается в письме к секретарю Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гацисскому, в котором Г.Н. Потанин говорил о необходимости создания местных музеев, чтобы собирать в них «древности, может быть, рукописи и другие памятники исторического и геологического прошлого» [Там же. С. 136].

Порой Г.Н. Потанин прямо высказывался о главном назначении музея – собирать и хранить. Так, в публикации в журнале «Образование» он называл музей «святая святых геологии», в котором собирались и хранились «трилобиты и спирифера», а затем стали поступать «топоры, стрелы и другие каменные орудия», найденные археологами. И тогда музеи, по мнению автора, превратились в учреждения «для сохранения от утраты реальных памятников древности... предметов древней культуры» [18. С. 241–243]. В то же время Г.Н. Потанин указывал на культурно-просветительную и образовательную функции музея. Так, характеризуя научную деятельность Н.М. Ядринцева, он отмечал его знакомство со «всеми сибирскими музеями, разбросанными по городам» [19. С. 42]. Говоря о жизни А.П. Щапова в Иркутске, отмечал, что после Петербурга тот оказался «в самой плохой для научных занятий обстановке», поскольку в городе «не было ни архивных сокровищ, ни библиотек и богатых музеев» [20. С. 254]. Позже, в 1914 г., в некрологе, посвященном памяти Д.А. Клеменца, писал, что научное содружество Клеменца и Мартынова, «их бескорыстная преданность учреждению создали из Минусинского музея чудо. Музей сделался известным всей Сибири, о нем стало известно во всех умственных центрах Европейской России и даже в

Западной Европе». Подчеркивал, что Минусинский музей «оказал большие услуги развитию знаний в стране. Он служил маленькой Академией наук для края» [21. С. 135].

Представления Г.Н. Потанина о музее и его роли в общественном развитии, несомненно, были заложены в программу создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске в 1911 г. В документе особо подчеркивалось значение музея как просветительного учреждения: «Никакая книга, никакая лекция или рассказ не в состоянии дать человеку совсем необразованному и неграмотному в такой короткий срок и таким легким и доступным способом так много знаний, как путем осмотра подлинных убедительных документов... Музей есть самый надежный рассадник просвещения, верный источник приобретения разнообразных знаний». Одновременно отмечалось и научное значение будущего музея, поскольку в нем «сосредоточивается огромный материал, способный дать ученому новую тему для исследования и дать ему то, чего он не имеет или даже не знает» [22. С. 7, 9].

Осознавая научную и социокультурную значимость музейного дела, Г.Н. Потанин все теснее сближался с сибирскими музеями. Опыт музейного сотрудничества формировался в ходе четырех экспедиций по Монголии и Китаю, которые Г.Н. Потанин совершил в 1876–1893 гг. В экспедициях были собраны богатейшие коллекции млекопитающих, птиц, насекомых, образцы горных пород, сведения о русской торговле в Монголии, многочисленные этнографические материалы, образцы фольклора. И, как писал В.А. Обручев, Г.Н. Потанин, единственный из русских путешественников по внутренней Азии, «доставил наиболее полные и наиболее тщательно собранные гербарии». К сбору растений он относился с такой же любовью, как к собиранию «образцов народной словесности» [23. С. 10–11, 21–22].

Г.Н. Потанин все глубже проникался задачами научного комплектования музеев. Так, собираясь в 1883 г. в очередную экспедицию по Китаю, он писал организатору и руководителю Минусинского музея Н.М. Мартынову: «Интересы Вашего маленького музея буду иметь в виду и во время своего путешествия и два, три подарка музею, надеюсь, доставить» [11. С. 227]. И выполняя данное обещание, не только сам поставлял в музей новые материалы, но и организовывал присылку в музей книг и небольших коллекций от руководителей Императорского Русского географического общества П.П. Семенова и барона Ф.Р. Остен-Сакена. Содействовал научному сотрудничеству музея с виднейшим российским почвоведом, профессором В.В. Докучаевым, а также с другими исследователями и специалистами, например бывшим политическим ссыльным, издателем Л.Ф. Пантелеевым, смотрителем Феодосийского археологического музея Ретовским, коллекционерами из Гибралтара Ф. Балестрино и Г. Доте [11. С. 216–217, 219, 223, 226, 236–237]. В 1887 г. Потанин поспособствовал доставке в Минусинский музей четырех художественных альбомов И.И. Шишкина, а затем и работ В.И. Сурикова [37. С. 68, 71–72].

По возвращении из экспедиций Г.Н. Потанин обычно планировал, что из собранного передать в сибирские музеи. Разумеется, экспедиционные материалы в первую очередь доставлялись в Императорское Русское географическое общество и в Академию наук в Петербурге, оказывавшие финансовую поддержку потанинским исследованиям. По этому поводу Г.Н. Потанин не без гордости сообщал в одном из писем Ядринцеву: «Ученые гоняются за моими коллекциями...» [11. С. 129]. В то же время он обязательно снабжал своими сборами и музеи, прежде всего, работавших при сибирских отделах и подотделах Императорского Русского географического общества – в Иркутске, Омске, Кяхте и др. Так, в декабре 1877 г., возвращаясь из первой экспедиции по Монголии, писал Н.М. Ядринцеву из Бийска: «Для Отдела я отделю 40 шт[ук] птиц в шкурках, которые сдам по приезде в Омск; из растений же отберу по экземпляру в Петербурге» [Там же. С. 112]. Характерно, что коллекции Омского музея первоначально и формировались в основном за счет сборов, доставленных из экспедиций. Так, в музее появилось промысловое ружье сибирской работы (дар Н.Г. Казнакова), китайские жертвенные чашки (дар Г.Н. Потанина), каменная баба (дар И.Я. Словцова) [24].

Направляясь в очередную экспедицию в 1883 г., в письме к иркутскому купцу-меценату В.П. Сукачеву он сообщал, что всю свою коллекцию растений уступит Ботаническому саду в Петербурге с условием, чтобы по одному экземпляру было выделено для будущего Сибирского университета в Томске и для музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске [11. С. 229]. Нужно отметить, что до сих пор в Иркутском областном музее хранятся предметы, доставленные Г.Н. Потаниным. Это и естественнонаучные сборы – каракатица сущая, фитиль из камыша, и образцы культуры и повседневности – деревянные скульптуры, палочка гадательная, веер, чашка, гребень и др. [25–31].

Своими дарами и непосредственным участием Г.Н. Потанин способствовал созданию музея в Кяхте [32. С. 5–7]. По свидетельству И.И. Попова, политического ссыльного, жившего в середине 1880-х гг. в Кяхте, именно Потанин подал идею об открытии музея. В 1892 г., направляясь в свою четвертую экспедицию по Китаю, он провел некоторое время в пограничном городке, беседовал с тамошними бурятами и монголами, записывал народные предания, вместе с детьми своих кяхтинских друзей отыскивал на речном берегу наконечники стрел, бивни, ножи и другие артефакты, чтобы передать их в музей [12. С. 298]. А путешествуя по Китаю, присыпал в Кяхтинский музей свои экспедиционные материалы [33. С. 215].

Поселившись в 1902 г. в Томске, Г.Н. Потанин обдумывал возможности пополнения фондов Музея прикладных знаний в связи с открытием Средне-Сибирского отдела Русского географического общества. Писал Д.А. Клеменцу о своих хлопотах о таком открытии и предполагал, что «путешественники будут привозить коллекции, и из них все ценное будут отдавать в кабинеты университета: детальное в уни-

верситет, а имеющее значение образовательное» – в Музей прикладных знаний [34. С. 60]. Организовать намечаемый отдел Географического общества не удалось, зато стараниями Потанина от университетского профессора Н.Ф. Кащенко в Музей прикладных знаний поступила коллекция низших животных (спиртовые препараты), от начальника отдела Управления Сибирской железной дороги А.А. Мейнгарда – коллекция бабочек, от С.И. Акерблома – небольшое собрание горных пород [7. С. 132].

Первый опыт общения с музеями Императорского Томского университета состоялся независимо от воли Г.Н. Потанина. Подаренная в Томскую мужскую гимназию коллекция в количестве 800 видов цветковых растений и птеридофит, собранная во время путешествия по Тарбагатаю, была передана в 1885 г. в университет и легла в основу Ботанического музея. Хранитель, а позже руководитель этого музея П.Н. Крылов определил значительную часть коллекции и составил подробный каталог, поскольку полагал, что потанинские сборы обеспечивают новые сведения о флоре Западной Сибири [35. С. 1–2]. Впоследствии Г.Н. Потанин сотрудничал с Крыловым, и в Гербарии ТГУ до сих пор сохранились образцы растений, собранных им в Тарбагатае.

Г.Н. Потанин деятельно участвовал в пополнении фондов Археологического музея Императорского Томского университета. Как и во всех предыдущих случаях, он передавал собственные сборы и привлекал коллекционеров и жертвователей. Его стараниями на университетские средства и за счет дарений в музей поступило более десяти этнографических и археологических коллекций, в их числе коллекция «минусинских инородцев» из 112 предметов [36. С. 28]. Кроме того, Потанин передал на хранение в университетский музей медную ложку и резное изображение ангела, а возможно, еще и обломки глиняной посуды, полученные им от священника с. Вознесенское Каинского уезда Павла Сорокина. Сам он подарил в музей топшур – музыкальный щипковый инструмент алтайцев [5. С. 182–183].

Пополняя музейные фонды, Г.Н. Потанин не мог не задумываться об их размещении и описании, о должностных условиях хранения и использования. В этом отношении он много содействовал работе Минусинского музея, делился с его руководителем Н.М. Мартыновым своими предложениями и планами. Считал, например, необходимым открыть в музее художественный отдел и кабинет художественных произведений и выставить в них головы античных статуй. С просветительными целями предлагал устроить выставку земледельческих орудий, и не местных, а усовершенствованных, европейских, – косы, грабли, модели плугов, жатвенных машин, мельниц. С помощью макетов из папье-маше – рассказывать о животноводстве, показывать образцы хлебных растений и семян из Европы и европейской части России. Г.Н. Потанин советовал организовать в музее золотопромышленный отдел с моделями золотопромышленных машин, ручных орудий, а также с образцами шлихов и золотых самородков. Предполагал возмож-

ным изготовить рельефную карту Минусинского округа, познакомить посетителей с географией и природными богатствами местного края [11. С. 224]. В 1883 г., во время морского путешествия по пути в Китай, Г.Н. Потанин писал Н.М. Мартынову о необходимости создания в музее Палестинского отдела [Там же. С. 237]. Обосновывал свое предложение тем, что палестинский отдел в Минусинском музее позволил бы познакомить сибиряков со страной, где «проходила жизнь Учителя». Возможно, Г.Н. Потанин был первым, кто задумался о музеефикации библейской истории. Предлагал, например, подготовить рельефную карту Иерусалима, собрать гербарий растений, упоминаемых в Библии, представить утварь и орудия труда местного населения, фотографические виды Палестины. Он пытался связаться со специалистами в Петербурге и Иерусалиме, чтобы начать формирование палестинской коллекции для Минусинского музея [37. С. 70–71].

В 1887–1890 гг. избранный правителем дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Г.Н. Потанин возглавлял Иркутский музей, входивший в состав Восточно-Сибирского отдела. Как штатный сотрудник он рассматривал в качестве важнейших задачи «расширение музея, отыскивание источников его содержания, благоустройство его с общеобразовательной целью, приведение в систематический порядок» [Там же. С. 122]. Планировал работы по сбору фондовых материалов, разработал «Программу для собирания сведений о сибирском шаманстве» [5. С. 92]. В 1888 г. обращался к Д.А. Клеменцу, совершившему научную поездку по Сибири, с просьбой «осмотреть залежи каменного угля, где-то недавно открытые в Мариинском округе около Тисуля». Ждал от него сообщений о карагасах, «главным образом об остатках шаманства», просил приобрести шаманский бубен [37. С. 93]. Одновременно он занимался описанием и систематизацией иркутских коллекций и совместно с преподавателем Иркутской духовной семинарии И.А. Подгорбунским подготовил и выпустил первые в истории Иркутского музея каталоги. Один из них включал описание всех музеиных коллекций, второй касался буддийской выставки [34. С. 226].

Сотрудничая в Иркутском музее, Г.Н. Потанин реализовал такие важные музейные направления, как экспозиционная деятельность, работа с посетителями, организовал первую в Иркутском музее большую выставку, на которой экспонировались образцы буддийской культуры. Тема выставки была предложена им самим в 1888 г. после того, как он привез из летней поездки по Забайкалью множество буддийских предметов. К организации выставки были привлечены купец-коллекционер А.Д. Старцев, который доставил коллекцию докшитов (гневных буддийских божеств), и лама Гусиноозерского дацана Д.Г. Гомбоев, представивший богослужебные предметы буддистов. В одном из своих писем Г.Н. Потанин сообщал, что на выставке было показано 560 предметов, публики было до 400 человек. Как руководитель музея он не обошел и материальную сторону события, весь сбор,

по его сведениям, составил 230 руб., из них 100 руб. ушло на подготовительные работы – создание экспозиции, издание каталога. Писал, что при подготовке выставки «перезнакомился с предметами и бурханом», составлял этикетки и тексты [37. С. 101].

Более подробное описание выставки, помещенное в газете «Восточное обозрение», позволяет охарактеризовать и экспозиционные приемы, предложенные организаторами. Судя по публикации, использовался самый распространенный в то время систематический метод, согласно которому все предметы размещались в соответствии с классификацией, принятой в той или иной области знания. При этом допускалось и декорирование, сохранившееся еще с XVIII в. Так, в газете описывалась центральная часть выставки: вдоль середины всего зала раскинут громадный стол (шириной почти в сажень и длиной 18 аршин), декорированный по бокам желтой материей (священный цвет буддистов), расписанной тибетскими узорами. Посередине стола на особых шестах в последовательном порядке развешаны изображения богов буддийского пантеона на фоне из шелковых материй, которые и разделяют стол на две половины. Против развешанных рисованных изображений размещены их статуи.

Использовался и набиравший силу ансамблевый метод экспонирования, который позволял раскрыть и, говоря современным языком, актуализировать буддийское наследие. В выставочном зале была воссоздана буддийская кумирня: под балдахином перед божницей был устроен жертвенник с расположенными в должном порядке священными предметами. Наряду с подлинными принадлежностями богослужений использовались также макеты буддийских храмов и монастырей, фотографии представителей различных этносов, исповедавших буддизм, сделанных специально для выставки кяхтинским фотографом Н.А. Чарушиным. Особое внимание привлекал манекен, одетый в костюм бога Чайчжала и с лицом, прикрытым маской свирепого быка [38].

Первая в Иркутском музее большая выставка пользовалась успехом у публики и говорила о профессиональных достижениях Потанина-музееведа. Следуя своему собственному намерению «сделать музей привлекательным для публики», ввести «объяснения при посещении публикой», привлекать для этого «особых сведущих лиц», он сам «объяснял предметы» на буддийской выставке [37. С. 119, 122]. А его коллега И.А. Подгорбунский прочитал в музейном зале лекцию о буддизме, которая затем была опубликована в «Иркутских епархиальных ведомостях» и выпущена отдельным оттиском (Иркутск, 1889).

Еще работая в Восточно-Сибирском отделе Географического общества, Потанин решил перебраться в Петербург, чтобы закончить обработку экспедиционных материалов и подготовиться к новой экспедиции по Китаю. Заботясь об Иркутском музее, он писал Д.А. Клеменцу: «И, если я оставлю место правителя дел, а Вы будете состоять при Отделе, тогда я охотно буду продолжать свои заботы и хлопоты об Отделе, о снабжении его деньгами, о сборе денег на экспедиции, об обогащении его музея коллекциями [Там же.

С. 120]. Позже наставлял И.И. Попова, который по его рекомендации работал в Иркутском музее: «Консерваторство не бросайте ни под каким видом; оно много не займет времени; от Вас потребуется только сохранение коллекции в целости и зарегистрирование вновь поступающего... Вышлите список предметов, выдающихся по своему интересу, любопытных, о которых было бы полезно поместить сведения в путеводителе...». Советовал включить в список плоды и чучела птиц, подаренные Ботаническим садом и Академией наук, палеонтологические и геологические коллекции, предлагал обязательно сообщить имена жертвователей для публикации их в каталоге. И тут же наставлял: «Присматривайтесь к осматривающей музей публике, на что она обращает внимание, перед чем останавливается» [37. С. 256].

Наработанный в Иркутске музейный опыт Г.Н. Потанин успешно использовал в томском Музее прикладных знаний. Первый в Томске общественный музей был задуман Обществом попечения о начальном образовании еще в 1889 г. [39. Л. 1-2]. Учрежденный в следующем 1890 г., он испытывал серьезные затруднения в плане финансирования его деятельности, в организации комплектования и экспонирования. В 1902 г., едва поселившись в Томске, Г.Н. Потанин обратился к музейным проблемам, участвовал в работе музейной комиссии, созданной в Обществе попечения, а вскоре стал председателем этой комиссии. (Одновременно он вошел в совет Общества попечения о начальном образовании и вслед за этим был избран его председателем.) Возглавляемая Г.Н. Потаниным музейная комиссия поставила задачу возродить музей. В решении этой задачи предполагалось необходимым сформировать образовательный, технический, сельскохозяйственный отделы, показывать коллекции по археологии и этнографии, собрать «поучительные» коллекции по зоологии, ботанике и геологии. Г.Н. Потанин особо подчеркивал необходимость «культового» отдела, в котором можно было бы собирать разнообразные коллекции религиозного характера и таким образом «высказываться за веротерпимость» [34. С. 61; 40. С. 62].

Сначала Г.Н. Потанин числился консерватором Музея прикладных знаний, а в январе 1903 г. стал штатным сотрудником – хранителем музея. Он находился на этой должности вплоть до временного закрытия музея в 1906 г., когда с введением военного положения в Томске в годы Первой русской революции Общество попечения о начальном образовании было запрещено, а все его имущество, в том числе и музей, законсервировано [41. Л. 16]. За три с небольшим года работы в Томском музее Г.Н. Потанин сумел оживить его. Как и в Иркутском музее, он занимался административно-управленческой работой, добился более или менее регулярного финансирования музейной деятельности за счет средств Томского городского самоуправления. Это позволило обновить музейное оборудование, сделать новые витрины, заказать 59 чучел птиц и четыре чучела млекопитающих [34. С. 64–65; 39. С. 62–63; 42. С. 3].

Сведений о том, как было организовано хранение и экспонирование предметов в Музее прикладных

знаний в Томске, немного. Известно, что были заведены инвентарные книги, составлены каталоги минералогической, зоологической, полеводческой и пчеловодческой коллекций в количестве 732 предметов, отпечатаны ярлыки. Судя по имеющимся данным, в Музее прикладных знаний использовался характерный для своего времени прием, который позже получил название открытого хранения фондов. Это означало, что все поступления в музей были доступны для осмотра. При этом экспонирование музейных предметов было подчинено систематическому методу, характерному для тогдашних музеев. Так, Г.Н. Потанин сообщал о коллекции по шелководству, размещенной в особой стенной витрине, о витрине с предметами по пчеловодству. В музейном зале были установлены пять вертикальных витрин для зоологической коллекции, а также стеклянные цилиндры для демонстрации спиртовых препаратов. Коллекция минералов располагалась в застекленных шкафах [40. С. 64–65].

С осени 1902 г. Музей прикладных знаний был открыт для посетителей по воскресным дням и пользовался большим вниманием горожан. Важно отметить, что наряду с осмотром коллекций, в музее предлагались программы по обучению столярному, слесарному, токарному ремеслам. Желающие могли поучиться чертежным работам и моделированию [43]. Можно вполне согласиться с Т.В. Родионовой, которая писала, что работа Г.Н. Потанина в Музее прикладных знаний была высоко оценена томской общественностью, являлась примером самоотверженного служения музейному делу, благодаря которому музеи оживали, «завоевывали симпатии» населения, просвещали его [7. С. 132–133].

Г.Н. Потанин принимал непосредственное участие в работе Археологического музея Императорского Томского университета. Созданный в 1882 г. В.М. Флоринским, этот музей после отъезда из Томска его организатора и руководителя оказался буквально заброшенным, в университете не находилось специалистов-музееведов [44. С. 181]. Думается, что Г.Н. Потанин с его обостренным вниманием к музейному делу не мог пройти мимо факта запустения Археологического музея, который наряду с другими университетскими музеями способствовал превращению Томска в центр изучения и популяризации научных знаний о Сибири [45. С. 88]. Он обратился к ректору университета профессору В.В. Сапожникову с предложением обустроить Археологический музей и, получив его согласие, занялся вместе с А.В. Адриановым музейными делами. Приступил к определению коллекции из 99 предметов буддийской культуры, приобретенной на средства бийского купца А.Д. Васенева [5. С. 182]. А.В. Адрианов с помощью участников Сибирского студенческого кружка, созданного в университете, проводил описание поступивших коллекций, работал над продолжением каталога музея, начатого, как известно, самим В.М. Флоринским. Однако в 1910 г., со сменой университетского руководства, Г.Н. Потанину и А.В. Адрианову было отказано в доступе к музейным коллекциям как «лицам к университету непричастным» [46. С. 263].

Вполне вероятно, поводом к увольнению послужило письмо томского губернатора Н.Л. Гондатти, направленное еще в 1909 г. попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву в связи с избранием Г.Н. Потанина почетным членом Томского технологического института. В письме, в частности, сообщалось: «В виду данных о противоправительственной деятельности Потанина, не прекращающейся и по настоящее время, утверждение его в звании почетного члена Томского технологического института, по мнению Департамента полиции, представляется нежелательным...» [47. Л. 6].

Несколько иными были причины отстранения Г.Н. Потанина от работ по созданию Сибирского научно-художественного музея, учрежденного, как отмечалось, в 1911 г. Томской городской думой в память 50-летия отмены крепостного права в России. Выработкой плана музеиного строительства, организацией сбора и хранения музеиных предметов занимался особый Музейный комитет, в состав которого в числе первых был приглашен Г.Н. Потанин. Кроме него, в Музейный комитет вошли А.В. Адрианов, П.И. Макушин, Е.Л. Зубашев и другие деятели томской культуры [48. Л. 38, 42]. Силами Комитета была опубликована брошюра с обращением «ко всем любящим свою страну и желающим помочь ее просвещению». Это обращение представляется нам ничем иным, как первым в Сибири музейным проектом, в котором были предложены структура будущего музея, разработана программа по собиранию коллекций [49. С. 98–99]. Судя по содержанию, особенному упору на представление в будущем музее комплекса памятников природы и культуры Сибири, ведущую роль в подготовке проекта сыграл Г.Н. Потанин.

Однако в 1914 г. Музейный комитет был приравнен к исполнительным комиссиям городской думы и, ссылаясь на Городовое положение 1892 г., губернские власти потребовали вывести из его состава тех, кто не обладал избирательными правами, в их числе и Г.Н. Потанина. Конечно, это заметно понизило уровень подготовительных работ к открытию музея. Но в Городском комитете продолжал работать ближайший соратник и друг Г.Н. Потанина – А.В. Адрианов, чьими усилиями были организованы сбор, обработка и даже временное экспонирование материалов. И все же в силу неблагоприятных обстоятельств Революции 1917 г. и Гражданской войны музей так и не был открыт, а собранные коллекции были вывезены в 1920 г. в Новониколаевск [50. С. 119–120].

Все годы работы в Сибири Г.Н. Потанин занимался популяризацией научных (в том числе музейных) знаний, что вполне справедливо отметил в своей книге М.В. Шиловский [2. С. 143]. В целях популяризации, которая была задумана еще в 1860-х гг., он выступал с публичными лекциями и рассказами об экспедициях в музейных залах Иркутска и Томска. Наряду с этим публиковал статьи в газетах и журналах о музеях и музейных выставках в Красноярске, Минусинске, Чите и даже в Батавии (совр. Джакарта). Г.Н. Потанин охотно сотрудничал с исследователями и коллекционерами, интересовавшимися музейным

делом. Так, он передал академику-востоковеду С.Ф. Ольденбургу фигурки китайских божеств и вызвался организовать фотографирование икон, хранившихся в Иркутском музее [34. С. 46–47]. Находясь проездом в Гибралтаре, Потанин завязал знакомство с тамошними собирателями редкостей и обращался в письме к Н.М. Мартынову с просьбой переслать им модель шаманского бубна, гербарий минусинских растений [11. С. 236–238].

Вплоть до последних месяцев своей жизни Г.Н. Потанин не утратил интереса к музейному делу, думал о передаче своих личных коллекций на общественное хранение. Он согласился передать свое книжное собрание в Институт исследования Сибири и собственноручно подписал машинописный текст: «Сим уведомляю совет Институту исследования Сибири, что я согласен продать свою библиотеку Институту и разрешаю перевести ее сейчас же в помещение библиотеки Института исследования Сибири для составления списка их и определения ее стоимости» [51. Л. 124]. Письмо было доставлено 17 декабря 1919 г., а три дня спустя, 20 декабря, библиотекарь Института исследования Сибири П. Дмитриев направил в совет Института письменное сообщение о том, что поступили не только книги Г.Н. Потанина, но и его рукописи, рисунки, сделанные, по-видимому, во время путешествий, и портреты самого ученого и близких ему людей. П. Дмитриев писал: «Конечно, все это передано пока только на хранение, но, быть может, впоследствии возможно будет просить об оставлении в Институте исследования Сибири хотя бы части этих предметов навсегда». Предлагал разместить полученное в особом помещении и просил разрешение «продолжать составление потанинской коллекции» [Там же. Л. 143]. По сведениям Г.И. Колосовой, 17 февраля 1920 г. было принято решение приобрести книги и другие вещи Г.Н. Потанина для Института исследования Сибири. В последующие месяцы были сделаны «отдельные инвентарии и списки», сформирован Потанинский отдел [52. С. 30].

Сразу после смерти Г.Н. Потанина, в июле 1920 г., ректор Томского технологического института Я.И. Михайленко обратился в Институт исследования Сибири с просьбой о передаче потанинского собрания в технологический институт и получил положительный ответ [53. Л. 118–119]. Но в том же июле Сибнаборд разрешил решение о ликвидации Института исследования Сибири и о передаче его книжного имущества в университет [54. Л. 12]. В ноябре 1920 г. Комиссия по ликвидации дел Института исследования Сибири обратилась вправление Томского университета с предложением о принятии книжного имущества Института, в том числе и собрания Г.Н. Потанина, в университетскую библиотеку. Акт от 21 декабря 1920 г., сохранившийся в архиве Научной библиотеки ТГУ, подтверждает окончание перевозки библиотеки Института исследования Сибири из здания технологического института, где она размещалась со временем организации, в библиотеку Томского университета. По акту, опубликованному Г.И. Колосовой, видно, что вместе с книгами, брошю-

рами, картами, газетами были перемещены также рукописи, письма, портреты, рисунки, а затем и восемь книжных шкафов и сундук, принадлежавшие Г.Н. Потанину [52. С. 30].

С переводом потанинского наследия в университетскую библиотеку не раз обсуждался вопрос о создании комнаты имени Потанина. В 1924 г. Томский губернский комитет по делам музеев (губмузей) обратился к руководству ТГУ с предложением организовать Кабинет имени Потанина, чтобы собрать и сохранить в нем «литературное имущество Г.Н. Потанина» [55. Л. 10]. В ответ на это обращение правление ТГУ сообщало, что открытие Кабинета откладывалось, поскольку намеченная комната была занята под Уголок Ленина. Его планировали в скором времени перевести в создаваемый Кабинет имени Ленина, но и к концу 1925 г., когда Кабинет Ленина был открыт, вопрос о потанинском кабинете так и оставался не решенным [Там же. Л. 10–11]. После настойчивых напоминаний директора Томского краевого музея М.Б. Шатилова в ТГУ была сформирована комиссия по организации Кабинета имени Потанина в составе ректора ТГУ В.В. Саввина, профессора В.В. Ревердатто и директора главной библиотеки ТГУ В.Н. Наумовой-Широких. Комиссия наметила разместить Кабинет Потанина в комнате рядом с актовым залом университетской библиотеки и поручила директору библиотеки «составить список книжного имущества Г.Н. Потанина, поступившего в библиотеку» [Там же. Л. 7].

Получив сообщение о формировании комиссии, М.Б. Шатилов, видимо, был вполне удовлетворен, что позволило ему написать, что 2 января 1926 г. принято официальное решение об открытии Кабинета Г.Н. Потанина в Томском университете [56. С. 13]. Но точных данных о том, был ли создан кабинет, пока не обнаружено. Сохранились лишь сведения, что пота-

нинское наследие, собранное в отдельном помещении, находилось в большом беспорядке, а вскоре было поделено между томскими музеями. Но и в музеях должного хранения не было обеспечено. Так, во время очередной проверки в 1934 г. хранившиеся в Этнографо-археологическом музее письма, фотографии и личные вещи Г.Н. Потанина «возбудили сомнение» в их научном значении. Было предложено перенести их в складское помещение [5. С. 186; 36. С. 33].

Тем не менее часть потанинского собрания все же удалось сохранить. Свидетельство тому – каталог выставки «Томск художественный», приуроченной к 90-летию Томского общества любителей художеств. На выставке, организованной в 2002 г. в Томском областном художественном музее, были представлены, наряду с другими, живописные полотна и графические листы, принадлежавшие Г.Н. Потанину или изображавшие его. Эти работы были переданы на выставку из Музея археологии и этнографии Сибири, из Научной библиотеки ТГУ, а также из самого художественного музея, полученные им, в свою очередь, из Томского областного краеведческого музея. А на акварели М.М. Щеглова «Сказки» (1913 г.), хранящейся в Музее археологии и этнографии, имеется дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и дорогому Григорию Николаевичу Потанину на память от Щегловых» [57. С. 35]. Интересные сведения о составе потанинского наследия в Научной библиотеке ТГУ содержатся в статье Г.И. Колосовой [52. С. 31–32].

Итак, обращение к музеведческим трудам Г.Н. Потанина обеспечивает возможность избавиться от умаления и искажения его роли в изучении Сибири, дает новые знания о сибирских музеях и музейном деле России в целом. Считаем, что работа по выявлению потанинского наследия в сибирских музеях требует дальнейшего расширения и углубления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмыслиения личности. Новосибирск : Наука, 1991. 231 с.
2. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск : Сова, 2004. 244 с.
3. Шерстова Л.И. Этнографическая проблематика в труде Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». Непреходящая актуальность и современное восприятие // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 15–18.
4. Дмитриенко Н.М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 98–109.
5. Родионова Т.В. Вклад Г.Н. Потанина в формирование и развитие Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Томские музеи : сб. док. и ст. / под ред. С.Ф. Фоминых и Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 181–187.
6. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин и Музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 91–93.
7. Родионова Т.В. Участие Г.Н. Потанина в деятельности Музея прикладных знаний // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4 (16). С. 131–133.
8. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1983. Т. 6. С. 22–332.
9. Ядринцев Н.М. Из статьи «Современная мания к путешествиям» // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1986. С. 261–265.
10. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.
11. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1989. Т. 3. 296 с.
12. Попов И.И. Из воспоминаний // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1986. С. 294–304.
13. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Николай Михайлович Карамзин: от истоков изучения музеиного дела в России // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 55–63.
14. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / [А.И. Чудовский, Т.М. Фарафонова, М.М. Сиязов и др.]. Омск, 1902. 190 с.

15. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2: Биографический словарь членов Общества. Список трудов членов Общества, помещенных в изданиях Общества / под ред. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. XII, 445, 256 с.
16. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 34–41.
17. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1988. Т. 2. 344 с.
18. Потанин Г.Н. О необходимости собирания сказок. (По поводу нового издания «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева) // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1986. С. 241–245.
19. Потанин Г.Н. Воспоминания (окончание) // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1986. С. 35–150.
20. Потанин Г.Н. Об А.П. Щапове // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1986. С. 254–256.
21. Потанин Г.Н. Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Т. 7: Воспоминания Г.Н. Потанина, очерки, статьи, рецензии, воспоминания о Г.Н. Потанине / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1986. С. 134–139.
22. Сибирский областной музей в г. Томске: обращение Комитета музея ко всем любящим свою страну и желающим помочь ее просвещению. Томск, 1911. 14 с.
23. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин: краткий очерк его жизни и научной деятельности: [отд. оттиск из журнала «Природа】]. М., 1916. 23 с.
24. Государственное учреждение культуры Омской области. «Омский государственный историко-краеведческий музей». URL: <http://shedevrs.ru/muzeum/579-kraevedcheskii.html> (дата обращения: 01.01.2016).
25. Каракатица сущеная (Китай) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 726.
26. Скульптура Гуань-ин-пуса, дерево (Китай) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1568/2.
27. Чашка, дерево (Монголия) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1579/1.
28. Фитиль, камыш (Китай) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1607/1.
29. Навершие посоха докшита, дерево, металл (Монголия) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 1631/10.
30. Палочка гадательная, дерево (Китай, поступление 1886 г.) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 11058/1.
31. Веер (Монголия, китайская работа, поступление 1886 г.) // Иркутский областной краеведческий музей. Фонды ИОКМ. № 675/2.
32. Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (42). С. 5–8.
33. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Новосибирск, 1931. 231 с.
34. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. Т. 5. 272 с.
35. Крылов П. Ботанический материал, собранный Г.Н. Потаниным в восточной части Семипалатинской области в 1863 и 1864 годах и свод предыдущих исследований. Томск, 1891. 106 с.
36. Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2. С. 21–38.
37. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1990. Т. 4. 428 с.
38. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 455.
39. [Швецов С., Потанин Г.] Музей прикладных знаний // Отчет Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1902 год. Томск, 1904. С.62–66.
40. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6099.
41. Местная хроника // Сибирский вестник. Томск, 1905. 15 янв. № 11.
42. Дмитриенко Н.М. У истоков музейного дела в Томске // Труды Томского областного краеведческого музея / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 11. С. 178–187.
43. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музей Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90.
44. Галахов И. Археологический и этнографический музей // Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. С. 261–264.
45. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2293.
46. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3367.
47. Дмитриенко Н.М. Первый опыт музейного проектирования в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 98–100.
48. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 119–122.
49. П-н Д. Выставка предметов буддийского культа в Иркутске // Восточное обозрение. Иркутск, 1889. 1 янв. № 1.
50. Швецов С., Потанин Г., Акерблом С. Записка о состоянии Музея прикладных знаний при Обществе попечения о начальном образовании // Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1905. № 1. С. 1–2.
51. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 48.
52. Колосова Г.И. Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 29–33.
53. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 13.
54. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 506.
55. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 267.
56. Шатилов М. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского Краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
57. Томск художественный: начало XX века: к 90-летию Томского общества любителей художеств: каталог выставки / отв. ред. И.П. Тюрина. Томск : Раско, 2002. 88 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 февраля 2016 г.

G.N. POTANIN'S CONTRIBUTION TO SIBERIAN MUSEUM SCIENCE

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 67–76. DOI: 10.17223/15617793/404/10

Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Chernyak Eduard I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Keywords: museum science; museum; study of Siberia; G.N. Potanin.

Scientific heritage of G.N. Potanin includes museology works, and, we believe, they require a special study. Potanin's interest in museums grew on the basis of his interest in the investigation of nature and the historical past. Preparation of herbaria, reading N.M. Karamzin's works, dealing with P.P. Semenov-Tyan-Shansky, and then the big expeditions through China and Mongolia led him to the museum science. G.N. Potanin understood that museums preserve commemorative subjects of nature and history, give an opportunity to study and popularize them. Potanin sent his expedition materials to many museums in Siberia: in Irkutsk, Omsk, Tomsk, Kyakhta and Minusinsk. Some results of his collections are still preserved in these museums. As a staff member of the Irkutsk museum, he developed programs of museum material collecting, participated in the preparation and publication of catalogs. He organized an exhibition of Buddhist culture subjects, first in the history of the Irkutsk museum. The exhibition had a great success among visitors. As a fellow-curator in the Museum of Applied Knowledge at the Charity Society for Elementary Education in Tomsk, Potanin managed to obtain funding from the Tomsk City Council and renewed the museum's equipment and collections. Thanks to G.N. Potanin, the Tomsk museum opened its doors to visitors and worked for about three years. The Museum of Applied Knowledge stopped its work in 1906 because the authorities banned the activities of the Charity Society for Elementary Education. Nevertheless, G.N. Potanin worked on describing a collection of Buddhist culture in the Archaeological Museum of the Imperial Tomsk University. However, in 1910, his work was forbidden for political reasons. G.N. Potanin was involved in the establishment of the Siberian Science and Art Museum in Tomsk in 1911. He participated in the planning of museum construction, arranging for the collection and storage of museum objects. Still, the provincial authorities dismissed him from the Museum. G.N. Potanin did not lose interest in the museum science until the last months of his life. He thought about giving his private collections to public custody. As a matter of fact, his scientific heritage was scattered over Siberian museums and libraries. Now it is time to clarify the structure and placing of Potanin's collections. Inventory of his museum heritage can provide new knowledge about Siberian museums and museums of Russia in whole. It will show Potanin's contribution to Siberian culture on a large scale.

REFERENCES

1. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (1991) *G.N. Potanin: opyt osmysleniya lichnosti* [G.N. Potanin: the experience of reflection on the individual]. Novosibirsk: Nauka.
2. Shilovskiy, M.V. (2004) "Polneyshaya samootverzhennaya predannost' nauke". *G.N. Potanin: Biograficheskiy ocherk* ["Total self-sacrificing devotion to science." G.N. Potanin: A biographical sketch]. Novosibirsk: Sova.
3. Sherstova, L.I. (2011) Etnograficheskaya problematika v trude G.N. Potanina "Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii". *Neprekhodyashchaya aktual'nost'* i sovremennoe vospriyatiye [Ethnographic issues in G.N. Potanin's Essays on Northwestern Mongolia. The continuing relevance and modern perception]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 15–18.
4. Dmitrienko, N.M. (1985) Dorevolyutsionnye avtory o gorodakh Zapadnoy Sibiri epokhi kapitalizma [Pre-revolutionary authors of the cities of Western Siberia in the epoch of capitalism]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Voprosy istoriografii i istoricheskogo Sibiri perioda kapitalizma* [Issues of historiography and source studies of Siberia in the period of capitalism]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Rodionova, T.V. (2010) Vklad G.N. Potanina v formirovaniye i razvitiye Muzeya arkeologii i etnografii Sibiri TGU [G.N. Potanin's contribution to the formation and development of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Tomskie muzei* [Tomsk museums]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Rodionova, T.V. (2011) G.N. Potanin i Muzei Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [G.N. Potanin and the Museum of the East-Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 91–93.
7. Rodionova, T.V. (2011) Uchastie G.N. Potanina v deyatel'nosti Muzeya prikladnykh znanii [G.N. Potanin's participation in the activities of the Museum of Applied Knowledge]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (16). pp. 131–133.
8. Potanin, G.N. (1983) Vospominaniya [Memories]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
9. Yadrintsev, N.M. (1986) Iz stat'i "Sovremennaya maniya k puteshestviyam" [From the article "The modern mania for travel"]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
10. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. 2nd ed. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
11. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1989) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 3. Irkutsk: Irkutsk State University.
12. Popov, I.I. (1986) Iz vospominaniy [From the memoirs]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
13. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Nikolay Mikhailovich Karamzin: at the origin of museum studies in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 398. pp. 55–63. (In Russian).
14. Chudovskiy, A.I. et al. (1902) *Yubileynyy sbornik Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Anniversary Collection of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Omsk.
15. Uvarova, P.S. & Borodzin, I.N. (eds) (1915) *Imperatorskoe Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.)* [Imperial Moscow Archaeological Society in the first fifty years of its existence (1864–1914)]. Vol. 2. Moscow.
16. Dmitrienko, N.M. et al. (2015) Museology as complex of knowledge about museum science: historiography of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 34–41. (In Russian).
17. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University.
18. Potanin, G.N. (1986) O neobkhodimosti sobiraniya skazok. (Po povodu novogo izdaniya "Narodnykh russkikh skazok" A.N. Afanas'eva) [On the necessity of collecting fairy tales. (On the new edition of the Russian Folk Fairy Tales by A.N. Afanasyev)]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
19. Potanin, G.N. (1986) Vospominaniya (okonchanie) [Memories (end)]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
20. Potanin, G.N. (1986) Ob A.P. Shechapovye [About A.P. Shechapov]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
21. Potanin, G.N. (1986) D.A. Klements [D.A. Klements]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary legacy of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
22. Siberian Regional Museum. (1911) *Sibirskiy oblastnoy muzei v g. Tomske: obrashchenie Komiteta muzeya ko vsem lyubyashchim svoyu stranu i zhelajushchim pomoch' ee prosvescheniyu* [Siberian Regional Museum in Tomsk: address of the Committee of the Museum to those who love their country and want to help its education]. Tomsk.
23. Obruchev, V.A. (1916) *Grigorij Nikolaevich Potanin: kratkiy ocherk ego zhizni i nauchnoy deyatel'nosti* [Grigory Potanin: a brief sketch of his life and scientific activity]. Moscow: Typo-litografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°.

24. Omsk State Museum of Local History. [Online]. Available from: <http://shedevrs.ru/muzeum/579-kraevedcheskii.html>. (Accessed: 01 January 2016).
25. *Karakatitsa sushenaya* (Kitay) [Dried Cuttlefish (China)]. Irkutsk Regional Museum. Funds IOKM. No. 726.
26. *Skul'ptura Guan'-in-pusa, derevo (Kitay)* [Sculpture of Guan-in-Busan, timber (China)]. Irkutsk Regional Museum. Funds IOKM. No. 1568/2.
27. *Chashka, derevo (Mongoliya)* [Cup, wood (Mongolia)]. Irkutsk Regional Museum. Funds IOKM. No. 1579/1.
28. *Fitil', kamysh (Kitay)* [Wick, bulrush (China)]. Irkutsk Regional Museum. Funds IOKM. No. 1607/1.
29. *Navershie posokha dokshita, derevo, metall (Mongoliya)* [Top of drags gsed staff, wood, metal (Mongolia)]. Irkutsk Regional Museum. Funds IOKM. No. 1631/10.
30. *Palochka gadatel'naya, derevo (Kitay, postuplenie 1886 g.)* [Fortune-telling stick, wood (China, 1886)]. Irkutsk Regional Museum. Funds IOKM. No. 11058/1.
31. *Veer (Mongoliya, kitayskaya rabota, postuplenie 1886 g.)* [Fan (Mongolia, Chinese work, 1886)]. Irkutsk Regional Museum. Funds IOKM. No. 675/2.
32. Chernyak, E.I. (2015) D.A. Clementce and his role in making of Kyakhta museum. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (36). pp. 5–8. (In Russian).
33. Charushin, N.A. (1931) *O dalekom proshlom* [On the distant past]. Moscow: Izd-vo vsesoyuz. politkatorzhan i ssyl'no-posealentsev.
34. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1991) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.
35. Krylov, P. (1891) *Botanicheskiy material, sobrannyi G.N. Potaninym v vostochnoy chasti Semipalatinskoy oblasti v 1863 i 1864 godakh i svod predyushchikh issledovanii* [The botanical material collected by G.N. Potanin in the eastern part of Semipalatinsk Oblast in 1863 and 1864 and a set of previous studies]. Tomsk: Tipolitogr. Mikhaylova i Makushina.
36. Ozheredov, Yu.I. (2008) *Muzey arkheologii i etnografiyi Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 125 let sluzheniya* [Museum of Archaeology and Ethnography of the Siberia n.a. V.M. Florinsky at Tomsk State University: 125 Years of Service]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdisciplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North Asia and neighboring territories in the context of interdisciplinary studies]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
37. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1990) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 4. Irkutsk: Irkutsk State University.
38. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 1. File 455. (In Russian).
39. [Shvetsov, S. & Potanin, G.] (1904) *Muzey prikladnykh znanii* [Museum of Applied Knowledge]. In: *Otchet Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Tomске za 1902 god* [Report of the Charity Society for Elementary Education in Tomsk for 1902]. Tomsk: Parovaya tipografiya N. I. Orlovoy.
40. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 6099. (In Russian).
41. Sibirskiy vestnik. (1905) *Mestnaya khronika* [Local Chronicle]. *Sibirskiy vestnik*. 15 January. 11.
42. Dmitrienko, N.M. (2002) *U istokov muzeynogo dela v Tomske* [At the origins of museology in Tomsk]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. Vol. 11. Tomsk: Tomsk State University.
43. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Imperial Tomsk University Museums: the first years of establishment and activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 81–90. (In Russian).
44. Galakhov, I. (1917) *Arkeologicheskiy i etnograficheskiy muzei* [Archaeological and Ethnographic Museum]. In: *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical essay of Tomsk University of the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirsogo Tovarishchestva Pechatnogo Dela.
45. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 2293. (In Russian).
46. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 2. File 3367. (In Russian).
47. Dmitrienko, N.M. (2013) The pioneering attempt of museum project in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 372. pp. 98–100. (In Russian).
48. Dmitrienko, N.M. & Grigor'eva, S.E. (2014) On the history of foundation of the Siberian Scientific and Art Museum in Tomsk (1911–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 119–122. (In Russian).
49. P-n, D. (1889) *Vystavka predmetov buddiyskogo kul'ta* in Irkutsk [Exhibition of Buddhist worship objects in Irkutsk]. *Vostochnoe obozrenie*. 1 January. 1.
50. Shvetsov, S., Potanin, G. & Akerblom, S. (1905) *Zapiska o sostoyanii Muzeya prikladnykh znanii pri Obshchestve popecheniya o nachal'nom obrazovanii* [The status of the Museum of Applied Knowledge of the Charity Society for Elementary Education]. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1. pp. 1–2.
51. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 48. (In Russian).
52. Kolosova, G.I. (2011) *Fond G.N. Potanina v Nauchnoy bibliotekе Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [G.N. Potanin's collections in the Research Library of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 29–33.
53. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 13. (In Russian).
54. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 506. (In Russian).
55. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 267. (In Russian).
56. Shatilov, M. (1927) *Istoricheskiy ocherk i obzor Tomskogo kraevogo muzeya* [Historical essay and overview of Tomsk Regional Museum]. In: Slobodskiy, M.A. & Shatilov, M.B. (eds) *Trudy Tomskogo Kraevogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. Vol. 1. Tomsk: Krasnoe znamya.
57. Tyurina, I.P. (ed.) (2002) *Tomsk khudozhestvennyy: nachalo XX veka: k 90-letiyu Tomskogo obshchestva lyubiteley khudozhestv: katalog vystavki* [Artistic Tomsk: the beginning of the twentieth century: the 90th anniversary of the Tomsk Society of Art Lovers: exhibition catalog]. Tomsk: Rasko.

Received: 01 February 2016

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «КОМПЛЕКСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» ЯПОНИИ

Рассматриваются основные предпосылки формирования концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности» Японии. Главной целью данного исследования является углубление понимания сущности вышеназванной концепции при помощи анализа явлений, как внутри государства, так и в остальном мире, следствием которых стала резкая смена существующих идей японского правительства о национальной безопасности в целом.

Ключевые слова: Япония; национальная безопасность; концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности»; доктрина «национальных интересов».

Важнейшим звеном в цепи процесса формирования внешней политики государства является в первую очередь разработка теоретических основ и установочных принципов деятельности на международной арене. Данными концептуальными основами, определяющими универсальные и руководящие принципы внешней политики стран, обычно служат доктрины «национальной безопасности». В зависимости от оценки международной и внутриполитической ситуации эти концепции могут иметь различное содержание.

В Японии термин «национальная безопасность» активно стал использоваться учеными-политологами в начале 80-х гг. XX в. [1. С. 55]. Данное явление обусловливалось в первую очередь необходимостью обоснования и определения официального курса Токио, который к концу 1980 г. был сформулирован в виде доктрины «комплексного обеспечения национальной безопасности» («сого андзен хосё сейкаку»).

Очевидно, что разработка и принятие данной концепции не могли произойти без существенных причин. Именно поэтому выявление и рассмотрение основных предпосылок формирования вышеназванной доктрины являются необходимыми условиями ее понимания.

Так, одной из существенных предпосылок выработки внешнеполитических концепций и доктрин 70-х гг. XX в. стало стремление правящих кругов Японии исходить не столько из интересов мирового капитала, сколько из интересов «своих» национальных монополий. Проблемы взаимоотношений между двумя полюсами силы – социалистической и капиталистической системами, а также различные международные конфликты волновали их, как правило, в той степени, в какой они могли отразиться на прибылях японских компаний-монополистов. Происходившая в 1970-х гг. разрядка международной напряженности была расценена официальным Токио как создающая благоприятные условия для ослабления «блоковых» обязательств перед Вашингтоном и развития торгово-экономического сотрудничества со многими социалистическими странами, в том числе и с Советским Союзом. Такой подход в советском востоковедении получил название «прагматического» подхода [2. С. 22].

Однако к началу 1980-х гг. ситуация начала активно меняться. В японских правящих кругах начали преобладать настроения, в соответствии с которыми взаимоотношения между двумя мировыми системами стали рассматриваться через призму необходимости

активного участия самой Японии в борьбе против социализма и его влияния на мировую политику. Данный «идеологизированный» подход коренным образом повлиял на оценку международной обстановки членами японского правительства, ответственными за выработку и реализацию внешней политики, что привело к отказу от теории «многополярности» и переходу к теории «баланса сил между Востоком и Западом» [3. С. 149]. Теории, которая предполагала собой сплочение всего «западного мира» в целях борьбы с мировым социализмом. Естественным следствием стало и переосмысление роли Японии в рамках борьбы двух систем, ее действий, форм и средств внешней политики.

В это же время Управлением Национальной обороны были сформулированы следующие положения, которые можно рассматривать как факторы, оказавшие прямое влияние на политическое мышление японских руководителей: усиление протекционизма в зоне «свободного мира»; потеря стратегического приоритета США и ослабление позиций Запада в целом в «третьем мире»; усиление нестабильности в Индокитае, рост военного потенциала Советского Союза на Дальнем Востоке. Кроме того, СССР и его союзникам по социалистическому блоку приписывалось активное использование военных средств в целях «политического проникновения» в развивающиеся страны. По словам министра иностранных дел М. Ито, все это привело к тому, что «разрядка между Востоком и Западом пошла вспять» [4. Р. 56]. Суммируя данные положения, можно дать следующую оценку ситуации в мире: соотношение сил на международной арене менялось в ущерб капиталистической системе, и такой процесс не устраивал Запад, в том числе и Японию.

Официальные представители внешней политики Токио возлагали ответственность за ослабление положения мирового капитализма на международной арене США. Последние, по их мнению, упустили из виду такой аспект внешней политики СССР и других социалистических государств, как нацеленность на поддержку национально-освободительных движений в странах третьего мира. США, как считал официальный Токио, «усыпив себя разрядкой», допустили выход из сферы западного влияния таких стран, как Ангола, Эфиопия, Южный Йемен, Афганистан и Иран [5. С. 5].

Однако Япония не исключала и собственной вины в этом, считая, что лидеры стран Запада и Японии, в

том числе, зря полностью положились на США, которые были уже не в состоянии самостоятельно поддерживать и отстаивать интересы и ценности мирового капитализма в целом [5. С. 38].

Говоря о просчетах страны в сфере внешней политики в 1970-е гг., один из премьер-министров Японии К. Миядзава отмечал, что ошибки предыдущих доктрин заключались в том, что Япония не проявила готовности взять на себя глобальную ответственность, соответствующую статусу второй экономической державы капиталистического мира. Однако за этой «самокритикой» скрывались более существенные «интересы», чем «интересы свободы и демократии». Речь шла об экономических интересах японских компаний, которые, по словам экономиста Т. Хамано, являлись более важным основанием для «проведения оригинальной, творческой и эффективной внешней политики, чем пассивное следование политике США» [3. С. 150].

Как известно, японская экономика сильно зависела от внешней среды и внешних источников, как в 1960-е, так и в 1970-е гг. Но первоначально правящие круги относились к данной зависимости довольно спокойно, поскольку считали, что контроль над сырьевыми и энергетическими ресурсами был полностью в руках США. Однако в 1980-е гг. такая уверенность пропала, вместе с ней ослабли и рычаги влияния Вашингтона на энергосырьевые регионы. Выступая в мае 1980 г., премьер-министр Японии М. Охира отметил: «США больше не занимают позиции сверхдержавы: они не более чем одна из держав» [6. Р. 58].

Побудительным толчком к пересмотру внешней политики Японии послужила еще одна специфическая особенность экономического развития в эти годы. Продолжающийся рост экономики Японии на фоне неблагоприятных хозяйственных условий для всего западного мира способствовал укреплению позиций правящей Либерально-демократической партии, но в то же время вызвал мощный подъем националистических настроений в некоторых слоях населения страны. Наиболее ярким представителем националистического движения Японии того времени можно назвать профессора университета «Гакусюин» (Токио) И. Симидзу. Он считал, что основная цель внешней политики – это борьба за власть. А поскольку предыдущие японские концепции национальной безопасности включали в себя избегание данной борьбы, то, по словам Симидзу и его сторонников, Япония не может из простого «общества» превратиться в полноценное «государство» [7. С. 90]. Данные идеи об активном участии японского государства на международной арене также были положены в основу новой внешнеполитической доктрины «восточного центра империализма».

Еще одним фактором перестройки внешнеполитической деятельности Японии были отношения и обязательства перед США. Дело в том, что предыдущая японская доктрина «национальных интересов» концентрировала свое внимание на развитии экономики государства, а не на военных «обязательствах» перед Вашингтоном. Именно из-за такой расстановки прио-

ритетов увеличивались вес и роль Японии в капиталистическом лагере, и в американо-японских отношениях. Тем самым данная политика нередко приводила к соперничеству в экономической сфере между капиталистическими партнерами.

Более того, политика «национальных интересов» включала в себя увеличение значения социалистических стран для Японии, давала возможность наращивать экономическое сотрудничество с ними и закладывать основы для политического диалога. Данный компонент, естественно, не устраивал Вашингтон хотя бы уже потому, что развитие Японии любых связей со странами социалистического блока прямо пропорционально отражалось на увеличении самостоятельных элементов в ее отношениях с США, что в корне противоречило представлениям американского руководства о месте и роли своего дальневосточного партнера. Поэтому, стремясь обострить отношения Японии с Советским Союзом, Белый дом воспользовался несколькими оставшимися после периода разрядки рычагами давления, в основном экономическими, тем самым заставив Японию предпринять серию враждебных акций против Советского Союза и его союзников в Азии, что постепенно привело к резкому ухудшению отношений между этими двумя государствами. В эти акции можно включить, например, подписание Китайско-японского мирного договора в середине 1978 г., означавшего вступление КНР в антисоветскую японо-американскую коалицию. Не лишним будет также привести в пример и участие Японии в санкциях против ввода войск СССР в Афганистан в 1979 г. [8. С. 66]. Другими словами, неудовлетворенность США предыдущей концепцией «национальных интересов» явилась еще одним толчком для Японии к смене своей внешнеполитической доктрины.

Помимо внешних факторов, повлиявших на смену парадигмы внешней политики Японии, необходимо упомянуть ряд явлений во внутренней политике государства, которые тоже можно отнести к списку причин появления концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности».

Стоит отметить, что на рубеже 1970–1980-х гг. в правящей Либерально-демократической партии Японии происходила острая борьба между представителями различных направлений [9. С. 96]. В целом стремления данных политических группировок совпадали – каждая из них подвергала критике неэффективность предыдущей доктрины «национальных интересов» и заявляла о необходимости изменений методов и принципов обеспечения национальной безопасности страны. Несмотря на то что каждое из направлений имело собственные представления и модели «идеальной» концепции, которые нередко коренным образом отличались, это дало правящим кругам Японии достаточно идей и предложений для обобщения и концептуального оформления нового курса страны. В связи с этим уместно рассмотреть взгляды представителей буржуазно-консервативного направления, которые наиболее полно обосновывали свое видение внешнеполитической практики Токио на 1980-е гг., что вполне устраивало и руководство страны.

Как заявляли представители данного направления, предыдущие концепции «национальной безопасности» Японии были лишены классового содержания, т.е. цели и задачи страны сводились к обычным функциям любого государства: сохранению суверенитета страны и экономическому процветанию народа, кроме того, выдвигались надклассовые демократические требования – мир и стабильность в мире. Таким образом, как бы изымалась политico-идеологическая подоплека внешней политики. Новая концепция содержала четкие и классовые выражения: был назван «враг» – мировой социализм – и сформулированы способы противостояния ему [9. С. 99]. Давалось также объяснение этому положению. Изменение соотношения сил в мире в пользу социализма (в период разрядки) означало углубление кризиса капитализма во всех сферах: в экономике, политике и идеологии, что, естественно, рассматривалось японскими правящими кругами как угроза своим нынешним и будущим интересам [Там же].

Таким образом, было определено, что новая доктрина, в отличие от предыдущих, должна связывать собственные интересы государства с глобальной безопасностью всей системы капитализма. Данная безопасность включала в себя «защиту» от национально-освободительного движения, антиимпериалистической политики развивающихся государств и в первую очередь от мирового социализма.

Поэтому на первый план выходил такой аспект безопасности, как «политическая безопасность». В понимании авторов доктрины, ее конечная цель должна включать в себя изменение нынешнего соотношения сил в сторону Запада. Поскольку США являлись центральным звеном в альянсе капиталистических стран, то координация действий Японии должна осуществляться в соответствии со стратегическими задачами Вашингтона. Кроме полной поддержки стремления США и стран НАТО изменить военно-стратегическое соотношение сил в мире, Японии отводилась роль так называемого подчиненного союзника [10]. Это означало, что США становились не просто основным союзником, но получали право определения поведения страны на международной арене.

Другой частью предложенной концепции являлась «экономическая безопасность». Японию не устраивал текущий механизм регулирования экономических взаимоотношений между тремя центрами капитализма: США, Западной Европой и Японией. Данная не-

удовлетворенность была вызвана тем, что из-за активности японских корпораций остальные капиталистические государства видели в Японии главного виновника дестабилизации капиталистического хозяйства и, естественно, активно пытались сдержать экспансию японского капитала, задействуя национально-государственные органы власти и международные экономические организации. Со своей стороны Япония должна была уладить экономические войны и разрешить экономические противоречия путем свободного предпринимательства, т.е. без вмешательства государства, в то время как руководству страны следует концентрировать свое внимание на военно-политическом сотрудничестве [Там же].

Очевидно, что не следовало упускать из виду и «военную безопасность». По заявлению авторов доктрины, данная область обеспечения «национальной безопасности» должна была рассматриваться в двух аспектах: в чисто военном и геополитическом. Суть первого, по мнению авторов, заключалась в том, что внешнеполитическая деятельность Советского Союза представляла собой угрозу таким ценностям государства, как защита нации и государственной системы, а также территориальной неприкосновенности. Глобальный аспект данной составляющей «национальной безопасности» представлял собой усовершенствование системы американо-японского «договора безопасности» путем оказания активной помощи США в поддержании военного контроля в Дальневосточном регионе. В эту сферу также входила и так называемая «военная кооперация с Южной Кореей», безопасность которой предполагалось рассматривать через призму безопасности самой Японии [9].

Таким образом, сокращение разрыва в макроэкономических показателях между США и Японией, сопровождающееся подъемом национализма в стране, усилившееся воздействие внешнеэкономических факторов на состояние японской экономики, сомнения в возможностях США гарантировать приемлемое для Запада соотношение сил в мире – вот перечень факторов, вызвавших поворот во внешней политике Японии в начале 80-х гг. ХХ в. Поворот, заставившего Японию в конце концов отказаться от предшествующей позиции «выжиания и созерцания» и перейти к активной поддержке США на базе сплочения трех центров капитализма с подключением к глобальному противодействию мировой социалистической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Д.В. Внешняя политика Японии на рубеже 70–80-х годов // Япония 1980. Ежегодник. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. С. 49–76.
2. Шипов Ю.П. 1976 год – японская экономика на перепутье // Япония 1977. Ежегодник. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. С. 22–41.
3. Алиев Р.Ш.-А. Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (теория и практика). М. : Главная редакция восточной литературы, 1986.
4. Sebata T. Japan's Defense Policy and Bureaucratic Politics, 1976–2007. University Press of America, 2010.
5. Усиба Н. Современная международная обстановка и обеспечение безопасности Японии. Токио, 1981.
6. Kingston J. Japan in transformation, 1945–2010. Routledge, 2010.
7. Алиев Р.Ш.-А. Япония: традиции и внешняя политика // Проблемы Дальнего Востока. М. : Институт Дальнего Востока РАН, 1990. № 1. С. 82–91.
8. Лешке В.Г. Новые явления в японо-американском военно-политическом союзе // Япония 1976. Ежегодник. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. С. 66–81.

9. Панов А.Н., Пинаев Л.П. Военно-политические концепции правящих кругов Японии // Япония 1978. Ежегодник. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. С. 94–109.
10. National Defense Program Outline // Defense of Japan 1989. Japan's Foreign Relations-Basic Documents. Database of Japanese Politics and International Relations. Institute of Oriental Culture, University of Tokyo, 1979 Vol. 3. P. 262–266. URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19761029.O1E.html> (дата обращения: 08.12.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 18 января 2016 г.

PREMISES OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF COMPREHENSIVE NATIONAL SECURITY OF JAPAN

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 77–80. DOI: 10.17223/15617793/404/11

Elkin Maxim E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: scat-rat@yandex.ru

Keywords: Japan; national security; concept of “comprehensive national security”; doctrine of “national interests”.

The article aims to identify and review the basic premises of formation of the concept “comprehensive national security” of Japan. The main objective of this study is deepening the understanding of the concept above by analyzing the reasons which have influenced its creation. The author examines the foreign policy issues in the context of the overall international environment and the political situation in Japan. The article analyzes the series of phenomena, both within the State and in the rest of the world, results of which led to abrupt changes of existing ideas about the meaning of national security. When describing the external causes, the author noted that a significant impact on the elaboration of foreign policy concepts was made by the change in the correlation of forces on the international scene, which caused detriment in the capitalistic system, and that process did not suit Japan. The article also shows the influence of the US on formation of the new doctrine, through review and analysis of certain spheres of the Japan-US bilateral relations and their specificity. In addition to the external factors that influenced the paradigm shift in the Japanese foreign policy, the article referred to a number of phenomena in the internal policy of the state, which the author also attributes to the list of reasons for the appearance of the concept “comprehensive national security”. In the article, these phenomena are characterized by the emergence of representatives of various politological streams in the ruling Liberal Democratic Party of Japan at the boundary of the 1970s and 1980s. The desire of the given groups to change methods and principles of ensuring national security of the country is shown and considered. In other words, the author revealed that the concept “national interests” was replaced with ideas of linking the interests of Japan to the global security of the entire world capitalist system. In addition, the article identifies a number of factors that caused the change in the foreign policy of Japan in the early 1980s. This change forced Japan to eventually refuse from the previous position of “waiting and meditation” and move on to the active support of the United States on the basis of uniting the three centers of capitalism and participation in the global counteraction to the world socialist system. According to the author, these factors are: reducing the gap in the macroeconomic indicators between the US and Japan, going along with the rise of nationalism in the country, greater impact of external economic factors on the condition of the Japanese economy, as well as doubts about abilities of the US to guarantee a balance of power in the world that is acceptable to the West.

REFERENCES

1. Petrov, D.V. (1981) *Vneshnyaya politika Yaponii na rubezhe 70–80-kh godov* [Japan's foreign policy at the turn of the 70–80-ies]. In: Oriental Literature Editorial of Nauka Publishing House. *Yaponiya 1980. Ezhegodnik* [Japan 1980. A Yearbook]. Moscow: Nauka.
2. Shipov, Yu.P. (1978) *1976 god – yaponskaya ekonomika na pereput'e* [Japan's economy at a crossroads]. In: Oriental Literature Editorial of Nauka Publishing House. *Yaponiya 1977. Ezhegodnik* [Japan 1977. A Yearbook]. Moscow: Nauka.
3. Aliev, R.Sh.-A. (1986) *Vneshnyaya politika Yaponii v 70-kh – nachale 80-kh godov (teoriya i praktika)* [Japan's foreign policy in the 70s – early 80s (theory and practice)]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
4. Sebata, T. (2010) *Japan's Defense Policy and Bureaucratic Politics, 1976–2007*. Lanham: University Press of America.
5. Usiba, N. (1981) *Sovremennaya mezhdunarodnaya obstanovka i obespechenie bezopasnosti Yaponii* [The present international situation and security of Japan]. Tokyo.
6. Kingston, J. (2010) *Japan in transformation, 1945–2010*. Routledge.
7. Aliev, R.Sh.-A. (1990) *Yaponiya: traditsii i vneshnyaya politika* [Japan: traditions and foreign policy]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1. pp. 82–91.
8. Leshke, V.G. (1977) *Novye yayleniya v yapono-amerikanskem voenno-politicheskem soyuze* [New developments in the Sino-American military-political union]. In: Oriental Literature Editorial of Nauka Publishing House. *Yaponiya 1976. Ezhegodnik* [Japan 1976. A Yearbook]. Moscow: Nauka.
9. Panov, A.N. & Pinaev, L.P. (1979) *Voenno-politicheskie kontseptsii pravyashchikh krugov Yaponii* [Military-political concepts of the ruling circles of Japan]. In: Oriental Literature Editorial of Nauka Publishing House. *Yaponiya 1978. Ezhegodnik* [Japan 1978. A Yearbook]. Moscow: Nauka.
10. Institute of Oriental Culture, University of Tokyo. (1979) *National Defense Program Outline. Defense of Japan 1989. Japan's Foreign Relations-Basic Documents. Database of Japanese Politics and International Relations*. Vol. 3. pp. 262–266. [Online]. Available from: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19761029.O1E.html>. (Accessed: 08 December 2015).

Received: 18 January 2016

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКОГО КРАЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVII–XIX вв.

Краткий исторический экскурс позволяет увидеть деятельность русских путешественников и ученых в XVII–XIX вв. в исследовании Казахского края. Автор рассматривает планы экспедиций, работу Оренбургского и Западно-Сибирского отделов Русского географического общества, статистических комитетов, цель которых состояла в изучении Каспийского и Аральского морей, составлении различных карт, исследовании фауны, флоры, традиций и нравов населения степи.

Ключевые слова: Казахский край; Россия; Императорское Русское географическое общество.

В конце XVII – начале XVIII в. учёные России начали исследовать территорию Казахстана, изучать историю, культуру, быт и обычаи его населения. Одним из первых был русский картограф С.У. Ремезов. После присоединения Казахстана к России научные исследования проводились более широко и интенсивно. Российская академия наук организовала в 1733 г. экспедицию для изучения географии, геологии и этнографии Казахстана. С 1733 по 1771 г. в Казахстане побывали многие учёные академии: С.П. Крашенинников, И.Г. Гмелин, И.И. Лепехин, П.С. Паллас, И.П. Фальк, П.И. Рычков и др. Первый фундаментальный труд по истории казахов «Описание кыргыз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (1832) создал А.И. Левшин, которого Ч.Ч. Валиханов назвал Геродотом казахского народа, а его монографию оценил как бесценное научное достояние.

Из отечественной истории мы знаем, что присоединение Казахстана, начавшееся в 30-е гг. XVIII в., завершилось в конце середины XIX в. и было очень непростым, так как все происходило в различных и длительных во времени условиях. После завершения присоединения Казахстана к России началось освоение этой огромной территории. В казахскую степь пошли военные, чиновники, исследователи, миссионеры, казаки и крестьяне и просто безымянные люди, ищущие романтики в экзотическом крае. Каждая категория пришлых людей преследовала свои определенные цели. Военные выполняли особые задания по картографированию и определению площади вновь вошедшей территории, административные чиновники по установлению и укреплению власти на местах, казаки – по несению караульной службы на внутренних и внешних границах, ученые – по исследованию материальной и духовной культуры казахов, миссионеры – по обращению местного населения в свою веру.

Попытки научного изучения Казахстана предпринимались еще в XVIII в. Российскими учеными были составлены климатические и географические карты различной фауны и ландшафтов Казахстана. Были изучены Каспийское и Аральское моря. Так, в 1731–1732 гг. из Москвы было отправлено посольство к хану Младшего казахского жуза Абулхаиру, куда вошли геодезисты А. Писарев и М. Зиновьев, сделавшие первые съемки северных берегов Аральского моря. В 1736–1737 гг. путешествие по р. Яику (Уралу) и дипломатические поездки к хану Абулхаиру совершил участник Оренбургской экспедиции, художник, ан-

гличанин Д. Кэстл. В 1769 г. экспедиция под руководством П.С. Палласа изучила территорию нынешнего Западного Казахстана [1]. В 1769–1772 гг. капитан Н.П. Рычков, находясь в должности служащего Оренбургской губернской канцелярии, много сделал по изучению казахского населения Оренбургского края [2].

Экспедиции П.С. Палласа, И.Г. Георги, И.П. Фалька, Н.П. Рычкова собрали богатый материал о жизни, быте, истории казахского народа, природе и хозяйстве края. Выполняя волю своего правительства, заинтересованного в освоении обширных пространств, присоединенных к империи земель, они провели значительную работу по его изучению.

В целом в XVIII в. изучением Казахстана занимались также Д. Гладышев, М. Муравин, К. Миллер, И. Ураков и др. Русские экспедиции снаряжались и в последней трети XVIII в., и в начале XIX в., возглавляли которые капитан И.Г. Андреев, Г.Н. Волошанов, А. Незнаев, майоры Зеленов и Богданов, И. Мотов, инженеры М.Д. Чулков, Литвинов, Бейдам, Телятников, Стрижков, Снегирев, унтер-офицер Ф.С. Ефремов, С. Матвеев, Я. Гавердовский, Т. Бунашев и др. [3. С. 204].

В XIX в. неоценимый вклад в изучении Казахстана оставил А.И. Левшин в своем трехтомном исследовании по истории, географии и этнографии и в других работах [4]. Благодаря Алексею Ираклиевичу европейская общественность знакомилась с «историей и культурой, бытом и жизнью» казахского народа [5. С. 23]. Труды А.И. Левшина по истории казахов вызвали большой интерес среди русской общественности, получили широкое признание, были переведены на иностранные языки. Заметный след в изучении истории Казахстана оставил известный русский учёный В.В. Вельяминов-Зернов [6–8].

В изучении Казахстана особая роль принадлежит Императорскому Русскому географическому обществу, образованному в 1845 г. Экспедиции, организованные под эгидой Русского географического общества (РГО), провели большую исследовательскую работу. Ученые, офицеры, чиновники, входившие в состав экспедиций, занимались географическими съемками и картографией местностей, собирали материалы по истории, экономике, культуры и быта казахского народа.

Говоря о вкладе Русского географического общества, нельзя не сказать о деятельности её отделений, которые занимались изучением Казахстана. Особую

роль сыграло Оренбургское отделение Русского географического общества, открытое в 1867 г. В 1877 г. начало работу Западно-Сибирское отделение с подотделом в Семипалатинске, с которым сотрудничал А. Кунаанбаев. Кстати, в создании этих научных учреждений решающую роль сыграл и П.П. Семенов-Тян-Шанский. Один из них, отмеченный нами, Западно-Сибирский отдел ИРГО занимался изучением северо-восточной части казахской степи, куда входили Акмолинская и Семипалатинская области, образовавшие в 1882 г. Степной край.

В 1896 г. начал свою деятельность Туркестанский отдел РГО. Надо отметить, что во второй половине XIX в. в Ташкенте исследованием Туркестанского края занимались Общество сельского хозяйства, Кружок любителей археологии и истории Востока, Общество любителей естествознания, антропологии и востоковедения. Эти научные общества внесли значительный вклад в изучение Казахстана.

Удивительна судьба Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского (1827–1914), русского путешественника, географа и общественного деятеля, в двадцати двухлетнем возрасте ставшего действительным членом Императорского Русского географического общества. В 1856 г., побывав в Омске на встрече с генерал-губернатором Г.Х. Гасфордом, П.П. Семенов высказал мысль об изучении Центральной Азии и получил разрешение на поездку по Казахстану. Пребывая в Казахском крае, он познакомился с Ч.Ч. Валихановым и Г.Н. Потаниным. В круг его научных интересов входил, конечно, не только Казахстан. В 1856–1857 гг. он совершил поездку в Кыргызстан, где маршрут его экспедиции пролегал через просторы Казахстана от Семипалатинска до Верного, а оттуда через Чуйскую долину до Иссык-Куля [9. С. 9–12].

В составе экспедиции П.П. Семенова-Тян-Шанского по изучению Тянь-Шаня в 1857 г. входил художник П.М. Кошаров. Павел Михайлович во время поездки сделал уникальные рисунки, имеющие этнографическое значение. Его «Киргизский альбом Большой Орды и Дикокаменных киргизов» в 1880 г. был передан в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого [Там же. С. 12].

Казахский ученый Ч.Ч. Валиханов и русский путешественник Г.Н. Потанин многим обязаны П.П. Семенову-Тян-Шанскому, первым оценившему их незаурядные способности и оказавшему им всестороннюю помощь. Именно он ходатайствовал на приеме у Г.Х. Гасфорда о посылке в Кашгар для научных исследований Ч.Ч. Валиханова и об освобождении сотника Г.Н. Потанина от воинской службы для учебы в Санкт-Петербургском университете.

П.П. Семенов был инициатором и вдохновителем многих научных начинаний в области географического, исторического и этнографического изучения казахской степи, способствовал распространению достоверных сведений о казахском народе и изданию о ней новых научных трудов. Он внимательно относился к людям, стремившимся посвятить свою жизнь науке, помогал им во всем. Участвовал в снаряжении научных экспедиций и в разработке программ и

маршрутов работ Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова, В.А. Обручева, Н.М. Миклухо-Маклая, Г.Н. Потанина. В 1906 г. в ознаменование 50-летия своего путешествия на Тянь-Шань В.П. Семенов получил почетное добавление к своей фамилии. В последние годы жизни ученый состоял членом 73 научных и общественных организаций, почетным членом Академии художеств, всех университетов России, отделений РГО, ряда статистических комитетов и многих географических обществ. С академиком В.П. Ламанским он руководил изданием многотомного труда «Россия – полное географическое описание нашего отечества», 18-й том которого посвящен Казахстану («Киргизский край»). Книга вышла в 1903 г. Этот фолиант не потерял своей актуальности и по сей день.

Говоря о накоплении географических и этнографических коллекций о казахах, нельзя не остановиться на деятельности Чокана Чингизовича Валиханова (1835–1865). Ощущая себя сыном казахского народа, Ч.Ч. Валиханов интересовался историей других народов Центральной Азии. Свою научную работу он начал еще будучи воспитанником Омского кадетского корпуса. Его увлекли работы русского востоковеда И.Н. Березина, с которым он состоял в переписке и выполнял ряд поручений в области казахского языка. Ч.Ч. Валиханов знал несколько восточных и европейских языков, что дало ему возможность изучить древние источники в подлиннике. Ему были доступны почти все европейские и восточные источники по географии и истории народов Центральной Азии. Он также был знаком с нарративными источниками, написанными на персидском, арабском и тюркском языках.

Учеба в кадетском корпусе заложила в нем здоровый интерес к наукам, путешествиям, изучению истории народов Евразии. Во время экспедиционной поездки по Семипалатинской области в качестве офицера по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта, совершенной летом 1855 г., Ч. Валиханов знакомится с историческими и географическими сведениями по истории этого края.

Большой значение для накопления научной информации о казахской культуре и казахском народе стало участие Ч. Валиханова в экспедиции М.М. Хоментовского 1855 г. Маршрут экспедиции проходил через Омск, Семипалатинск, Аягуз и Капал до Семиречья. Во время этой поездки Ч. Валиханов собрал большое количество фольклорных, этнографических и исторических материалов из жизни казахского и киргизского народов.

На основе рекомендации В.П. Семенова-Тян-Шанского Чокан Валиханов 27 февраля 1857 г. избирается действительным членом Императорского Русского географического общества. Исследованию истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана, Киргизии и Западного Китая Ч.Ч. Валихановым посвящены такие работы, как «Очерки Джунгарии» (1861), «Киргизы» (1858), «Записки о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства» (1904), «Западный край Китайской империи и г. Кульджа» (1858), «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Буха-

рии) (1858–1859)», «Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова» и т.д. Для краеведческих исследований особую ценность представляли карты и схемы Средней и Центральной Азии, Тянь-Шанских хребтов и перевалов, караванного пути Кашгар–Ташкент, планы Джаркента и других городов.

Говоря о экспедициях, организованных в XIX в., хочется отметить, что в 1856–1857 гг. были организованы поездки по исследованию Каспийского моря и Арапо-Каспийской низменности в составе Н.А. Иваннинцева, Н.Л. Пущина, А. Ульского, Н.А. Северцева, И.К. Борщова, И. Гурьянова, Е. Аристова, Е.А. Алексеева и др. [9. С. 20–23]. Просторы неизвестного до селе Заилийского края, озера Иссык-Куль и Алаколь были изучены экспедицией капитана генерального штаба русской армии А.Ф. Голубевым в 1859 г. [9. С. 36]. Полковник А.С. Гейнс (1834–1892) в 1865 г. совершил поездку по «Киргизским степям и Туркестанскому краю». Следует отметить, что Александр Константинович Гейнс в 1867–1869 гг. работал правителем канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Участвовал в составлении проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях», а также написал к нему «Объяснительную записку» [7. С. 7].

В собирании коллекции по казахам внес вклад известный географ, путешественник, знаток Центральной Азии Г.Е. Грум-Гржимайло (1860–1936). Как исследователя фауны и флоры Центральной Азии его также интересовали поведенческая культура, т.е. этнография жизни различных этносов этого региона. О казахах он пишет так: «Замкнутый на зиму в глиняный квадрат, служащий ему защитой от снежных буранов, киргиз (казах. – Ж.Е.) наконец на свободе. Уже при сборах в дорогу он зря суетится. Его точно бьет лихорадка. Он ходит без всякой нужды, без всякой видимой цели толкнет в бок собаку или загонит овцу. Постоит, постоит и вдруг неожиданно захочет очень шумно и глупо» [10. С. 277]. В другом месте он описывает разделение труда у казахов при перекочевке: «Мужчине-киргизу нет дела до сборов. Эта работа только женщин. Им придется снимать и ставить кибитки, вычищать лошадей и верблюдов и присматривать за добром и детьми, а это и всюду, даже в дороге. На долю мужчин выпадает несколько легче – безумно и без пользы на источенной лошаденке скакать по сторонам каравана, браниться, при случае дать тумака, нахлестать упрямого верблюда нагайкой или подогнать где скотину, вообще тунеядствовать» [11. С. 175].

Накоплению этнографических коллекций способствовали энтузиасты на местах, которые были из различных представителей общества, а некоторые являлись добровольными корреспондентами первого публичного музея России (Кунсткамера). Здесь можно отметить начальника Лепсинского уезда Семиреченской области К.Н. де-Лазари. В своем письме к главному хранителю музея антропологии и этнографии Д.А. Клеменцу он сообщал: «Корреспондентом Музея я буду с удовольствием и постараюсь аккуратно и внимательно отвечать на все запросы и вопросы Музея, а также исполнять все его поручения... я прошу

снабдить меня самыми подробными указаниями, какие именно сведения из киргизской жизни нужны Музею, а что я должен обратить внимание и что подробно описать?» [12. С. 34]. К.Н. де-Лазари, например, предлагал прислать предметы, связанные с дресировкой беркутов и охотой с ними, парадное седло с серебряными украшениями, убор лошади, образцы казахского орнамента и свадебный головной убор казахской невесты. В числе полученных в дар от К.Н. де-Лазари были ковровые полосы, серебряные ювелирные изделия (женские серьги, мужские перстни, пуговицы), мужская и женская одежда, игрушки для детей, игры для взрослых и музыкальные инструменты, казахский ткацкий станок и старинный пояс, образцы тканей, войлоки, предметы быта, оружие, а также фотографии девушек-невест [Там же. С. 34–35].

В коллекции Музея антропологии и этнографии есть вещи, присланные разными собирателями. В общей инвентарной книге музея записана вязаная шапка в виде длинного и узкого мешка с кисточкой на конце из Семипалатинской области, на этикетке которой написано, что принадлежит Ахуну Ибрагиму Абдразокову, там же зафиксирована коллекция предметов быта и одежды казахов Алтая, например старинный казахский мужской пояс [Там же. С. 29].

Как отметила В.А. Прищепова в своей работе, для привлечения людей к сбору этнографического материала и квалифицированного отбора предметов, касающихся казахского населения, организовывались занятия по этнографии с демонстрацией музеиного материала по специально составленному в 1898 г. В.В. Радловым «Инструкции для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства» [Там же. С. 33]. Методическое пособие, написанное В.В. Радловым, имеет уникальное значение для исследователей старины. Можно привести его рекомендацию по описанию устройства казахской юрты: «Для полного понимания юрточного остова следует иметь фотографии и модели деревянных остовов юрт различной величины и устройства, фотографии, показывающие способ соединения этих остовов, и коллекцию фотографий отдельных частей, особенно дверей и палок крыши, так как они часто покрыты резьбой различных рисунков» [13. С. 3]. Конечно, это методическое пособие помогало квалифицированно и грамотно собирать этнографический материал по казахам. В числе корреспондентов были и сами казахи.

Кстати, Василий Васильевич Радлов (1839–1918) еще в 1868 г. совершил путешествие в Туркестанский край для изучения его в этнографическом и лингвистическом плане [9. С. 89–91].

Отметим также и деятельность ссыльных революционеров, которые воюю судьбы оказались в казахской степи. Как уже было отмечено, в открывшихся в Оренбурге, Омске, Семипалатинске, Ташкенте, Верном отделах Русского географического общества и статистических комитетах немало было людей, занимающихся научной деятельностью в области истории и этнографии казахского народа. Они стали инициаторами краеведческого изучения Казахстана, занима-

лись просветительством, принимали участие в научных экспедициях, активно участвовали в работе местных отделов Русского географического общества, статистических комитетов и других местных научных учреждений, создавали музеи, библиотеки и другие очаги культуры на местах.

В Омске, как крупном административном и культурном центре Азиатской России, где были открыты отделение Западно-Сибирского РГО и Акмолинский статистический комитет, активно работали Г.Н. Потанин, Ф. Щербина, Д. Клеменц, Н.М. Ядринцев, М. Чорманов, А. Букейханов, Н. Джетпысбаев и др. Немалый вклад внесли и оренбургские энтузиасти. В их числе можно отметить Б. Скалова, П. Добровольского, Т. Сейдалина, Б. Даулбаева, С. Джантюрина, Б. Наурызбаева и др.

В Оренбургском пограничном правлении политические ссыльные А.Н. Плещеев, М. Муравский, М.И. Винер, А. Пашковский, М. Лукашевич сотрудничали с казахским просветителем И. Алтынсарыным. Значительные работы по изучению Южного Казахстана провели научные организации Ташкента, где исследовательской работой занимались И. Гейер, Г.С. Загряжский, Д. Иванов, П.И. Пашино, Е. Смирнов, Г. Усов. В Верном научной деятельностью увлекались К. Вернер, С.М. Дудин, Р.И. Метелицын, В.А. Монастырский и другие ссыльные.

Люди, сосланные в казахские степи за оппозиционную деятельность, на добровольной основе принимали участие в различного рода работах, связанных с изучением этого края. Так, в Семипалатинске поисковой работой занимались Е.П. Михаэлис, С. Гросс, А. Леонтьев и др., которые имели связи с Абаем Кунанбаевым.

В изучении истории и культуры казахов большой вклад внес сосланный в Казахстан выдающийся украинский поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко. Описывая деятельность Т.Г. Шевченко в Казахстане, хотелось бы привлечь внимание читателя к одной истории. В 1851 г. из Оренбурга через укрепление Новопетровское в горы Карагату отправилась научная экспедиция. Она должна была исследовать обнаруженные здесь залежи каменного угля.

В эту экспедицию в качестве чертежника был привлечен ссыльный Шевченко, 200-летие которого отмечали в 2014 г. Этот поход стал переломным в жизни Тараса Григорьевича. За два года участия в нем Манышлакский край открылся ему по всей своей красе. Причудливые очертания гор и ущелий, песчаные барханы, скалистые берега, старинные кладбища и мечети, необычайные изгибы редких пород деревьев – все это производило на него огромное впечатление. В пути он постоянно делал зарисовки, множество из которых отражали жизнь степи и ее обитателей. Мастерски запечатлевая национальный быт, он проявлял большой интерес к мельчайшим деталям утвари, музыкальных инструментов, узоров и орнамента, предметов одежды. Показывает он и исторические памятники Казахстана, такие как «Дустанова могила», «Старинное кладбище» и др.

Поскольку Шевченко работал в научной экспедиции, это наложило отпечаток как на характер его ри-

сунков, так и на метод подхода к природе. В этих рисунках он предстает как художник-натуралист. Землю он изображает как геолог, небо, чье состояние определяет погоду, – как климатолог, животный мир – как знаток фауны Приаралья. А так как был наложен запрет на творчество, Тарас Григорьевич в целях конспирации не давал названия своим работам и не подписывался под ними. Ставя номера на каждой, он отправлял их на Большую землю. По прошествии времени копии рисунков вернулись на Манышлак.

Пребывая в десятилетней казахстанской ссылке, Шевченко, несмотря на запреты и отсутствие условий для работы художника, создал около пятисот уникальных рисунков, живописных и акварельных работ. Одних только вывезенных им отсюда эскизов и картин хватило на целую выставку, организованную в Астрахани, где он побывал, возвращаясь из ссылки. Некоторые свои рисунки он отправлял друзьям. Часть из них была вывезена в Польшу и Литву. Шевченко создал большой цикл акварелей. Их названия говорят сами за себя: «Байгуши», «Казашка Катя», «Казашка над ступой», «Казарма», «Пастух», «Камыши», «Джангизагач», «Далисмен-мала-аулие», «В юрте», «Форт Карагутак», «У очага», «Нищенствующие дети», «Акын», «Песня молодого казаха». Основная художественная тема произведений Шевченко – жизнь казахов и тяжелый солдатский быт того времени.

Материалы по социально-экономическому положению степи, вопросы быта, здравоохранения, этнографии и культуры казахов можно встретить на страницах ряда изданий, таких как «Восточное обозрение», «Туркестанские ведомости», «Материалы для статистики Туркестанского края», «Оренбургский листок», «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области», «Сибирь», «Астраханский вестник», «Степной край», «Тургайская газета». Надо отметить, что многие корреспонденты этих изданий находились под надзором царской полиции.

В деятельности Западно-Сибирского РГО и областных статистических комитетов, наряду с русскими интеллигентами и чиновниками, преимущественно из числа разночинцев, участвовали и казахи. Так, уроженец Прииртышья, нынешней Павлодарской области, Муса Чорманов был состоятельным человеком, владельцем крупных стад скота. Он получил образование, владел русским и французским языками, собирал и описывал этнографический материал. В 1871–1883 гг. М. Чорманов опубликовал ряд оригинальных статей, подобрал и направил в Москву на художественно-промышленную выставку богатую коллекцию из 25 предметов ценных казахских изделий. М. Чорманов стал членом областного статистического комитета. Его статьи во многом носили краеведческий характер.

По новому административному делению с 1868 г. Акмолинск стал областным центром, но областное управление и все главные учреждения, в том числе статистический комитет, остались в Омске, и управление осуществлялось фактически оттуда. В материалах к летописи «Акмолинск за 100 лет» читаем: «В 1882 году прибыли ссыльные: мещане И.А. Рафаилов, И. Кутневский, дворянин Румянцев, студент

С.Д. Смирнов... жителей было 5 640; наплив голодающих... заложен собор Александра Невского... год сухой, урожай плохой» [14. С. 4]. Эти скульпты сообщения местных краеведов характеризуют жизнь одного из областных центров Казахстана, когда туда стали прибывать первые политические ссыльные-народовольцы. Областным статистическим комитетом были опубликованы интересные материалы: «Историческая хроника Омска» И.Я. Словцова, «Памятная книжка Акмолинской области на 1887 год», «Обзоры Акмолинской области за 1886–1894 годы».

Если характеризовать деятельность отделов Русского географического общества, открытых в Азиатской России, то их направления исследовательской деятельности были разнообразны. Так, Западно-Сибирский отдел РГО занимался географией, метеорологией, минералогией, почвоведением, ботаникой, зоологией, этнографией, археологией и историей. С 1878 по 1927 г. отделом было организовано около 150 экспедиций, поездок и экскурсий с научной целью. В издаваемых отделом «Записках», «Известиях» и «Трудах» было опубликовано более 600 работ краеведческого характера. Некоторые работы выходили отдельными изданиями. На общих собраниях отдела в 1877–1927 гг. было сделано около 400 докладов. При отделе в 1878 г. был основан музей. Инициаторами его создания выступили видные ученые, путешественники и общественные деятели Г.Н. Потанин, М.В. Певцов, Н.М. Ядринцев, И.Я. Словцов, Н.Г. Казнаков. В основу музея легли коллекции, собранные исследователями во время путешествий и экспедиций.

Значительный вклад внес в изучении казахов внес Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), путешественник, этнограф, исследователь Центральной Азии и идеолог сибирского областничества. Образование получил в Сибирском кадетском корпусе, в стенах которого познакомился и подружился с Ч.Ч. Валихановым.

Г.Н. Потанин уже в первый год существования Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества сделал сообщение, посвященное казахским легендам, и высказал пожелание, чтобы отдел собирал эти легенды и содействовал экономическим, историко-культурным и этнографическим исследованиям в казахской степи. Такой интерес к казахам определяется тем, что Г.Н. Потанин, будучи выходцем из казаков, нес в себе человека фронтира не только по месту рождения. Отдавая дань памяти Чокану Валиханову, через несколько лет после его смерти он совершает путешествие к родным местам нашего соотечественника. В журнале «Русское богатство» в 1896 г. выходит его статья «В юрте последнего киргизского царевича» (Из поездки в Кокчетавский уезд), посвященная Чокану, его родным и в целом Казахстану. Казахи поддерживали связь с Г.Н. Потаниным, в частности родственники Чокана Валиханова вели с ним переписку по ряду вопросов. 7 декабря 1881 г. М. Чорманов (дядя Чокана) в письме к Г.Н. Потанину сообщает: «Относительно просимых Вами сказок, то для этого собирается материал, а когда достаточно наберется, тогда составим целое и вышлем Вам немедленно» [15. С. 228]. Учредители партии «Алаш-

Орда» в свое время, а это было в 1917 г., избрали Г.Н. Потанина почетным делегатом первого съезда казахов в Оренбурге. Научное наследие Г.Н. Потанина содержит богатейший материал по истории казахского народа.

Значительную работу в Западно-Сибирском отделе ИРГО проводил Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894), бывший одним из его организаторов. В 1880 г. была опубликована составленная Н.М. Ядринцевым «Программа для изучения народов Западной Сибири». Дополнением к нему явилась вышедшая в это время программа «Несколько вопросов по изучению поверий, северных обычаяев и обрядов у киргизов и сибирских татар», направленная на сбор материалов по фольклору и духовной культуре тюркоязычных народов – казахов и татар.

В целом сведения по этнографии казахов появлялись в изданиях отдела с начала его существования. В 1878 г. в большой отчетной статье И.Я. Словцова об экспедиции в Кокчетавский уезд был помещен ряд небольших, но очень ценных этнографических сюжетов [16]. В 1884 г. была опубликована рукопись В. Фишера «Балхаш», где имелись интересные сведения о казахах, живущих в низовьях реки Или [17. С. 1–21].

Несомненный интерес представляет работа сибиреческого врача Н.Л. Зеланда «Киргизы: Этнографический очерк» [18], где описываются быт и культура казахов Семиречья. В этой работе есть собственное пояснение автора происхождения этнонима «казах». В частности, он пишет: «Как известно, этим именем в России и в Западной Европе называют весь киргизский народ, хотя при этом различают киргиз-кайсаков и дикокаменных киргизов. Между тем название киргиз в буквальном смысле относится только к последним; все прочие киргизы называют себя казаками. «Кайсак» есть слово испорченное. Хотя, в виду большого сходства, существующего между настоящими, т.е. кара-киргизами и киргиз-кайсаками, неудивительно, что русские распространили одно название на весь народ, но остается открытый вопрос, почему этим общим названием сделалось слово «киргиз», когда именно киргизы (т.е. дикокаменные) географически наиболее отдаленная часть этого народа, и русские с ними повидимому должны были познакомиться позже, чем с казаками, которые сами себя решительно не называют киргизами. Что касается значения и происхождения названий, то оно довольно темно» [Там же. С. 1].

Содержательные сведения можно найти в материалах, собранных чиновником В.Ф. фон-Герном по Акмолинской области, топографами Р.М. Закржевским и Ю.А. Шмидтом [19–21]. На заседании Западно-Сибирского отдела РГО в 1885 г. с необходимостью изучения «кочевой культуры» (главным образом казахской) выступил М.А. Шестаков и предложил программу исследования. Для этой цели он выезжал в Омский уезд по сбору этнографических и статистических материалов [22. С. 15].

Внимание к казахам, в частности к их хозяйству и экономике, появилось в начале 1890-х гг., когда начинает работу Переселенческое управление по выявлению

земель для переселения крестьян из России. Предтечей был доклад в отделе статистика К.А. Вернера «Семиреченская область в сельскохозяйственном отношении», где содержались сведения о земледелии у казахов и его соотношении с кочевым скотоводством. Он доказывал, что кочевое скотоводство – это наилучший способ хозяйствования в степях, и призывал к изучению казахского хозяйства и быта [Там же]. Потом появились несколько статей и сообщений о хозяйстве и землепользовании казахов: ветеринарного врача В. Михайлова, агронома В.А. Остафьева, экономиста Л.К. Чермака [23–25].

В это время в Западно-Сибирском отделе состоялась дискуссия о казахском хозяйстве, путях и возможностях перехода казахов к оседлости, в ходе которой некоторые авторитетные сотрудники отдела, такие как Г.Е. Катанев, В. Михайлов, А. Букейханов и П.Е. Маковецкий, резко высказались против насильственного оседания казахов и создания для них при этом крупных поселений, отмечая, что это отрицательно отразится на их хозяйстве и приведет к разорению и нищете [22].

Исследователи, изучающие этнографию казахов, уделяли внимание как материальной, так и духовной культуре казахского населения. Были опубликованы работы П.Е. Маковецкого и В.К. Шнэ, посвященные жилищу кочевого и оседлого типов [26–27]. В этих работах дается не только подробное описание, но также отмечается связь особенностей жилища с хозяйством и историей казахского этноса.

Сотрудники Западно-Сибирского отдела П.Е. Маковецкий и С.П. Швецов занимались сбором материалов

по обычному праву казахов [28–29]. Не потеряла своей актуальности также статья А.Е. Новоселова «Задачи сибирской этнографии», вышедшая в 1916 г., которая посвящена истории казахов, процессу их перехода к оседлости и влияния этого процесса на материальную культуру и духовную жизнь народа [30. С. 84–104].

Большим событием в культурной жизни дореволюционного Казахстана явилось открытие в Семипалатинске в 1902 г. подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Возвращаясь к деятельности статистических комитетов, организованных на территории Казахстана, отметим, что в 1878 г. в Семипалатинске создается Статистический комитет. Статистика в XIX в. была популярной и востребованной областью научного знания. Комитеты учреждались при областных и уездных администрациях и состояли в основном из добровольных членов, «желающих заниматься статистикой»; штатная оплачиваемой должность была только ставка секретаря комитета [31. С. 237].

Таким образом, деятельность статистических комитетов и отделений Русского географического общества в дореволюционное время в накоплении материалов по истории, культуре и этнографии Казахстана имела колossalное значение. Они оставили огромное научное наследие, которое заложило фундаментальную базу для создания музеев на территории Казахстана, после известных событий 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773–1783. Ч. 1–3.
2. Рычков Н.П. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Сочинение коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Часть I. При Императорской Академии наук 1762 года. Он же. Дневные записки капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.
3. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3.
4. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацкой, орд и степей : в 3 ч. СПб., 1832.
5. Жиренчин А.М. Из истории казахской книги. Алма-Ата, 1971.
6. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргизах-кайсаках и сношении России с Средней Азией. Уфа, 1853. Ч. I.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргизах-кайсаках и сношении России с Средней Азией. Уфа, 1855. Ч. II.
8. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхаирхана (1748–1765) // Материалы для географии и статистики России / сост. Н.И. Красовский. СПб., 1868.
9. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. II. 1856–1869. Материалы к истории изучения Средней Азии. Вып. VII. Ташкент, 1956.
10. Грум-Гржимайло Г.Е. Вести из экспедиции братьев Грум-Гржимайло в Тянь-Шанский оазис и на Лоб-Нор // Известия ИРГО. СПб., 1890. Вып. IV.
11. Грум-Гржимайло Г.Е. Доклад Г.Е. Грум-Гржимайло о путешествии в 1889–1890 гг. // Известия ИРГО. СПб., 1891. Т. XXVII.
12. Прищепова В.А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб., 2000.
13. Радлов В.В. Инструкции для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. СПб., 1898.
14. Семенов Л.Ф. Акмолинск за 100 лет. Материалы к летописи. Акмолинск, 1930.
15. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 томах. Алма-Ата, 1985. Т. 5.
16. Словцов И.Я. Путевые записки за поездку в 1878 г. в Kokчетавский уезд // Записки ЗСО РГО. 1881. Кн. 3. 198 с.
17. Фишер В. Балхаш // Записки ЗСО РГО. 1884. Кн. 6.
18. Зеланд Н. Киргизы: Этнографический очерк. Омск, 1885. 78 с.
19. Закржевский Р.М. Краткий очерк Барлыкской горной страны // Записки ЗСО РГО. 1889. Кн. 10. С. 1–27.
20. Закржевский Р.М. Краткий очерк северного склона Джунгарского Алатау // Записки ЗСО РГО. 1893. Кн. 15, вып. 1. С. 1–46.
21. Шмидт Ю.А. Очерк Киргизской степи к югу от Арабо-Каспийского водораздела // Записки ЗСО РГО. 1894. Кн. 17. Вып. 2. С. 1–149.
22. Народы Сибири и сопредельных территорий : межвед. сб. науч. статей. Томск, 1995.
23. Михайлов В. Киргизские степи Акмолинской области // Записки ЗСО РГО. 1893. Кн. 15, вып. 3. С. 1–21; 1894. Кн. 16, вып. 1. С. 1–20.
24. Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО РГО. 1895. Кн. 18, вып. 2. С. 1–62.
25. Чермак Л.К. Оседлые киргизы-земледельцы на реке Чу // Записки ЗСО РГО. 1900. Кн. 27. С. 1–24.
26. Маковецкий П.Е. Юрта // Записки ЗСО РГО. 1893. Кн. 15, вып. 3. С. 1–16.
27. Шнэ В.К. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки ЗСО РГО. 1894. Кн. 17, вып. 1. С. 1–18.

28. Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886. Вып. 1, 2.
29. Швецов С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз: Брачные и семейные отношения // Записки ЗСО РГО. 1898. Кн. 25. С. 1–16.
30. Новоселов А.Е. Задачи сибирской этнографии // Записки ЗСО РГО. 1916. Кн. 38.
31. Урашев С.А. Верный на рубеже веков. Алматы, 2006. С. 237.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 января 2016 г.

FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF THE KAZAKH TERRITORY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 17TH–19TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 81–88. DOI: 10.17223/15617793/404/12

Ermekbay Zharas A. Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan). E-mail: ermekjaras@mail.ru

Keywords: Kazakh region; Russia; Imperial Russian Geographical Society.

At the end of the 17th and the beginning of the 18th century, Russian scientists began to explore the territory of Kazakhstan, and studied the history, culture, and way of life and customs of its people. One of the first Russian mapmakers was S.U. Remezov. After the accession of Kazakhstan to Russia, research was conducted more widely and intensively. In 1733, the Russian Academy of Sciences organized an expedition to explore the geography, geology, and ethnography of Kazakhstan. From 1733 to 1771, many scientists of the Academy visited Kazakhstan: S.P. Krasheninnikov, I.G. Gmelin, I.I. Lepekhin, P.S. Pallas, I.P. Falk, P.I. Rychkov and others. The first fundamental work on the history of the Kazakhs *Description of Kirghiz Cossack or Kirghiz Kaisak Hordes and Steppes* (1832) was made by A.I. Levshin, whom Ch.Ch. Valihanov named the Herodotus of the Kazakh people, and praised his monograph as a valuable scientific asset. The study of the vast territory began after the accession of Kazakhstan to Russia. Climatic and geographical maps of various fauna and landscapes of Kazakhstan were developed by Russian scientists. They also studied the Caspian and the Aral Seas. In 1731–1732, Moscow sent an embassy to the Kazakh khan of JuzAbul-Khair, with surveyors A. Pisarev and M. Zinoviev who took the first photographs of the northern coast of the Aral Sea. In 1769, an expedition led by P.S. Pallas studied the area of western Kazakhstan, and in 1769–1772, Captain N.P. Rychkov, an employee of the Orenburg provincial office, did a lot on the study of the Kazakh population of Orenburg region. In the 19th century, A.I. Levshin made a priceless contribution to the study of Kazakhstan. It was described in his three-volume study of the history, geography and ethnography, as well as in his other works. The works of A.I. Levshin on the history of the Kazakhs aroused a great interest among the Russian public, were widely recognized, and translated into foreign languages. A well-known Russian scientist V.V. Velyaminov-Zernov also left an imprint on the study of the history of Kazakhstan. A great role in the study of Kazakhstan belongs to the Imperial Russian Geographical Society formed in 1845. Expeditions conducted by the auspices of the Russian Geographical Society made a great deal of the research. Scientists, officers, officials who took part in the expeditions studied geographical surveys and made maps of the area, collected materials on the history, economy, culture and life of the Kazakh people. Speaking about the contribution of the Russian Geographical Society, one should note activities of its branches which studied Kazakhstan. The Orenburg branch of the Russian Geographical Society, opened in 1867, played the main role. In 1877, the West Siberian Branch was opened in Semipalatinsk with a subdivision where Abay Kunanbayev worked. In 1896, the Turkestan department of the Russian Geographical Society began its activities. It should be noted that in the second half of the 19th century Turkestan region was studied in Tashkent by the Agriculture Society, the East Club of Archeology and History Lovers, the Society of Naturalists, Anthropology and Oriental Studies. These scientific societies made a significant contribution to the study of Kazakhstan. In the 19th century a number of scientific expeditions were held. For instance, in 1856–1857 trips were organized to study the Caspian Sea and the Aral-Caspian Lowland with N.A. Ivanshintsev, N.L. Pushin, A. Ulskiy, N.A. Severtsev, I.K. Borshchov, I. Guryanov, E. Aristov, E.A. Alexeyev and others. The vast expanses of Zailiyskii territory, Lake Issyk-Kul, and Alakol were studied by the expedition of Captain of the General Staff of the Russian Army A.F. Golubev in 1859. Colonel A.S. Gaines toured the “Kirghiz steppes and Turkestan region” in 1865. It should be noted that there were many people in Russia who studied the history and ethnography of the Kazakh people. They initiated the study of the local history of Kazakhstan, engaged in enlightenment, participated in scientific expeditions, took an active part in the work of the local branch of the Russian Geographical Society, statistical committees and other local research institutions, and opened museums, libraries and other cultural centers.

REFERENCES

1. Pallas, P.S. (1773–1783) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii* [Journey in various provinces of the Russian Empire]. Vols 1–3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Rychkov, N.P. (1772) *Topografiya Orenburgskaya, to est' obstoyatel'noe opisanie Orenburgskoy gubernii. Sochinenie kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [Topography of Orenburg, i.e. a detailed description of Orenburg Province. Composition by collegiate adviser and Imperial Academy of Sciences correspondent Pyotr Rychkov]. Pt. I. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Nusupbekov, A.N. (ed.) (1979) *Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dney): v 5 t.* [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day): in 5 vols]. Vol. 3. Alma-Ata: Nauka.
4. Levshin, A.I. (1832) *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskoy, ord i stepey: v 3 ch.* [Description of Kirghiz Cossack or Kirghiz Kaisak Hordes and Steppes: in 3 pts]. St. Petersburg: Tipografiya Karla Kravya.
5. Zhirechin, A.M. (1971) *Iz istorii kazakhskoy knigi* [From the history of the Kazakh book]. Alma-Ata: Kazakhstan.
6. Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1853) *Istoricheskie izvestiya o kirgizakh-kaysakakh i snoshenie Rossii s Sredney Aziey* [Historical news of the Kirghiz Kaisak and Russia's relations with Central Asia]. Pt. 1. Ufa: Gubernskaya tipografiya.
7. Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1855) *Istoricheskie izvestiya o kirgizakh-kaysakakh i snoshenie Rossii s Sredney Aziey* [Historical news of the Kirghiz Kaisak and Russia's relations with Central Asia]. Pt. 2. Ufa: Gubernskaya tipografiya.
8. Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1868) *Istoricheskie izvestiya o kirgiz-kaysakakh i snosheniyakh Rossii so Sredney Aziey so vremenem konchiny Abulkhairkhana (1748–1765)* [Historical news of the Kirghiz Kaisak and Russia's relations with Central Asia since the death of Abul Khair Khan (1748–1765)]. In: Krasovskiy, N.I. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii* [Materials for the Geography and Statistics of Russia]. St. Petersburg: Tipografiya Transhelya.
9. Tashkent University. (1956) *Obzor russkikh puteshestviy i ekspeditsiy v Srednyyu Aziyu* [Review of Russian travel and expeditions to Central Asia]. Pt. II. Vol. VII. Tashkent: Izdatel'stvo Tashkentskogo universiteta.

10. Grum-Grzhimaylo, G.E. (1890) *Vesti iz ekspeditsii brat'ev Grum-Grzhimaylo v Tyan'-Shanskiy oazis i na Lob-Nor* [News from the expedition of Grum-Grzhimaylo brothers in Tien-Shan oasis and Lop Nor]. *Izvestiya IRGO*. IV.
11. Grum-Grzhimaylo, G.E. (1891) *Doklad G.E. Grum-Grzhimaylo o puteshestvii v 1889–1890 gg.* [G.E. Grum-Grzhimaylo's report about traveling in 1889–1890]. *Izvestiya IRGO*. XXVII.
12. Prishchepova, V.A. (2000) *Kollektsii zagovorili. Istoryya formirovaniya kollektsiy MAE po Sredney Azii i Kazakhstanu (1870–1940)* [Collections started talking. The history of the Museum of Anthropology and Ethnography collections for Central Asia and Kazakhstan (1870–1940)]. St. Petersburg: RAS Museum of Anthropology and Ethnography.
13. Radlov, V.V. (1898) *Instruktsii dlya sobiraniya etnograficheskikh predmetov, otnosyashchikhsya do byta kirgizov Stepnogo general-gubernatorstva* [Instructions for collecting ethnographic objects related to the life of the Kirgiz Steppe Governorate-General]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
14. Semenov, L.F. (1930) *Akmolinsk za 100 let. Materialy k letopisi* [Akmolinsk for 100 years. Materials for the record]. Akmolinsk: District Museum of Akmola.
15. Valikhanov, Ch.Ch. (1985) *Sobr. soch. v 5 tomakh* [Works in 5 vols]. Vol. 5. Alma-Ata: Kazakh Soviet Encyclopedia Editorial.
16. Slovtsov, I.Ya. (1881) *Putevye zapiski za poezdku v 1878 g. v Kokchetavskiy uezd* [Travel records for the trip in 1878 in Kokchetav County]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 3. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
17. Fisher, V. (1884) *Balkhash* [The Balkhash]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 6. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
18. Zeland, N. (1885) *Kirgizy: Etnograficheskiy ocherk* [The Kyrgyz. An ethnographic essay]. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
19. Zakrzhevskiy, R.M. (1889) *Kratkiy ocherk Barlykskoy gornoj strany* [A brief essay on the mountainous Barlyk country]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 10. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
20. Zakrzhevskiy, R.M. (1893) *Kratkiy ocherk severnogo sklona Dzhungarskogo Alatau* [A brief essay on the northern slope of Jungar Alatau]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 15:1. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
21. Shmidt, Yu.A. (1894) *Ocherk Kirgizskoy stepi k yugu ot Aralo-Kaspiskogo vodorazdela* [Essay on the Kyrgyz steppes to the south of the Aral-Caspian watershed]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 17:2. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
22. Tomilov, N.A. (ed.) (1995) *Narody Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [The peoples of Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Mikhaylov, V. (1894) *Kirgizskie stepi Akmolinskoy oblasti* [Kyrgyz steppes of Akmola region]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 15:3; 16:1. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
24. Ostaf'ev, V.A. (1895) *Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve* [The colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic economy]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 18:2. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
25. Chermak, L.K. (1900) *Osledye kirgizy-zemledel'tsy na reke Chu* [Settled Kyrgyz farmers on the river Chu]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 27. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
26. Makovetskiy, P.E. (1893) *Yurta* [A Yurt]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 15:3. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
27. Shne, V.K. (1894) *Zimovki i drugie postoyannye sooruzheniya kochevnikov Akmolinskoy oblasti* [Winter camps and other permanent structures of the nomads of Akmola region]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 17:1. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
28. Makovetskiy, P.E. (1886) *Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh obychaev kirgizov* [Materials for the study of legal practices of the Kyrgyz]. Vols 1–2. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
29. Shvetsov, S.P. (1898) *Obychno-pravovye vozzreniya altaytsev i kirgiz: Brachnye i semeynye otnosheniya* [Typical legal views of the Altai and Kirghiz peoples: Marriage and family relations]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 25. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
30. Novoselov, A.E. (1916) *Zadachi sibirskoy etnografii* [Tasks of Siberian ethnography]. In: *Zapiski ZSO RGO* [Notes of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 38. Omsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba.
31. Urashev, S.A. (2006) *Vernyy na rubezhe vekov* [Verny at the turn of the centuries]. Almaty: Kazakh State Pedagogical University.

Received: 20 January 2016

ИСТОРИКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496.

Рассматривается вклад историков, археологов и этнографов в изучение проблемы происхождения олонхо – героического эпоса якутов, результаты исследований которого способствуют решению таких важнейших вопросов эпосоведения, как историческое место и время сложения и развития эпического творчества у древнейших предков современных якутов. Продолжается мысль, что генезис эпоса тесно связан с происхождением самого этноса – носителя эпической традиции.

Ключевые слова: эпос; олонхо; этнос; генезис; общность языка; тюрки; хунны; куряканы.

В якутоведческой литературе установилось мнение, согласно которому происхождение якутского героического эпоса связано с культурой древнего населения Южной Сибири. Главный аргумент в пользу этого мнения – общность языка якутов с языками тюркоязычных этносов этого региона. Это – очень серьезный аргумент, когда речь идет об этногенезе народов, ибо, как говорил выдающийся историк XVIII в. Г.Ф. Миллер, «характеристическое различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. **Единственный безошибочный признак есть язык:** где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего **искать единоплеменности**» [1. С. 31]. Исходя из этого принципиального положения, историк допускал, что якуты имеют общее происхождение с тюркскими народами, писал, что они «и татары из древних лет один народ были» [2. С. 25–26]. Но он затруднялся ответить на вопрос: когда, как, каким образом якуты оказались отторгнутыми от основного массива тюркских народов. Несмотря на абсолютизацию принципа языкового сходства в решении этногенетических проблем, аргументация Г.Ф. Миллера оказалась живучей: вслед за ним почти все якутоведы по принципу языкового сходства располагали предков современных якутов на юге, точнее в южных районах Сибири.

Ставя вопрос о прадорине предков якутов, историк, этнограф XX в. Г.В. Ксенофонтов, детально разобрав размышления Миллера на эту тему, установил, что историк оставил после себя «более глубокое обоснование гипотезы Страненберга об **исходе предков якутов из монгольских степей**», а время их переселений оттуда относил «к эпохе возвышения монголов при Чингис-Хане» [3. С. 61]. Иными словами, Ксенофонтов напомнил, что еще в XVIII в. были обозначены три позиции, от которых предстояло отталкиваться в дальнейшем при изучении важнейших проблем происхождения якутского этноса: 1) языковая общность с тюркскими народами; 2) Южная Сибирь, откуда произошли предки якутов и 3) эпоха возвышения империи Чингисхана – время переселений предков якутов из первоначального местожительства. Сама постановка этих вопросов – выдающееся достижение историографии Якутии XVIII в., но оно должно было пройти проверку временем. Так и произошло. Почти все авторы, в той или иной мере касавшиеся

вопросов происхождения якутского народа, не могли пройти мимо этих положений Г.Ф. Миллера, поддержанных в свое время такими авторами XVIII в., как И.Э. Фишер, И.Г. Гмелин, И.Г. Георги.

В XIX в. проблемы происхождения якутов касались многие авторы, но среди них особо выделяется фигура **В.Л. Серошевского** – автора специального фундаментального этнографического труда о якутах [4. С. 736], получившего широкое признание якутоведов. Наш интерес к Серошевскому многократно усиливается тем, что в его работе особая, самостоятельная глава посвящена происхождению якутов и названа «О южном происхождении якутов» [Там же. С. 101–174]. Это означает, что автор намеревался высказать определенную точку зрения на поднятую им же проблему.

Так и есть. Само название главы выдает В.Л. Серошевского как решительного сторонника теории южного происхождения якутов. Другое дело – какими аргументами он подкрепляет свое мнение. Сразу отметим: эти аргументы опираются на данные памятников устного народного творчества: исторических преданий и олонхо – героического эпоса якутов. О последнем Г.В. Ксенофонтов писал: «Заслуга Серошевского заключается в том, что он наметил важность былинных образов и картин, в которых может жить, так сказать, отблеск того, что когда-то переживалось предками якутов» [3. С. 82].

Продолжая мысль о южном происхождении якутов, Серошевский задавал себе закономерный вопрос: «Где, однако, были степи, первоначально воспитавшие якутов?» Вопрос, имеющий прямое отношение к нашей теме. Автор «Якутов» считал, что «решить трудно» этот вопрос, но, сближая южно-тюркские племена с предками якутов, он писал: «Все эти племена, скотоводы, охотники постоянно двигались и, уже на память истории, несколько раз меняли свои территории. Этническая к ним близость якутов мало выяснит, где был последний якутский на юге этап» и высказал совершенно справедливое суждение: «Чтобы доказать достоверное по этому вопросу можно разве описать от дешифровки и разработки орхонских, уйгурских и монгольских надписей, а также минусинских и енисейских писаниц» [4. С. 188, 197]. Однако Г.В. Ксенофонтов, следя за рассуждениями Серошевского, выяснил, что в «его суждениях чаще фигурируют степи Верхоленские, Манзурские, Балаганские, Красноярские, Минусинские, а о возможности

исхода якутов из собственно монгольских степей он нигде не заикнулся» [3. С. 83].

Признание южного происхождения якутов приводило Серошевского к другому важному, имеющему отношение к нашей теме вопросу о путях их перехода с юга на север, на места современного обитания. Он констатировал: «О пути, по которому прошли якуты на север, также ничего не известно; они нигде не оставили следов, унося все с собой, как истые номады» [4. С. 197] и сослался на мнение большинства авторов, указывающих на вероятный путь: Байкал, Верхоленские степи и дальше вниз по Лене. Но он склонялся к признанию второго пути: с Енисея на восток в Ангару, через многие реки, долины которых изобилуют пастищами и по которым «исстари кочевали скотоводы», и потом вниз по Лене. Интересно его утверждение о том, что «переход якутов с юга в места настоящего жительства длился, по всей вероятности, очень долго. Возможно даже, что он совершился по частям, в несколько промежутков, разделенных веками, и что в состав якутского народа вошли родственные, но различные по своей родине племена. Долго, десятки, а может быть, и сотни лет, они отдыхали в тех степных участках, которые попадались им по пути, высыпая далеко вперед в виде щупальцев свои передовые отряды» [Там же. С. 199]. И все же удивительно: при всем том Серошевский нигде не указывает места «отдохновения» древних якутов, где они могли общаться с монгольскими племенами.

Далее В.Л. Серошевский писал: «Если трудно установить точно место южной родины якутов и путь их на север, то еще труднее, почти немыслимо, указать на время их выхода» с юга [Там же. С. 200]. Проанализировав одно якутское предание на эту тему, он пришел к интересному выводу: «Мы лично склоняемся к тому мнению, что якуты, по крайней мере, значительная их часть **задолго до царствования Чингисхана** уже попали в эту вполне изолированную от остального мира впадину, окруженную со всех сторон широким горным поясом, где они проживали независимые и никому не известные до самого пришествия русских» [Там же]. Для нас этот вывод представляет прямой интерес, ибо он отодвигает время прихода якутов в Лену на «задолго» до времен Чингисхана, хотя, конечно, и эта датировка осталась нераскрытым. Конечно же, он также недостаточно аргументирован, но высказан публично, являясь итогом размышлений исследователя-этнографа.

Заслуга В.Л. Серошевского заключается в том, что он специально рассмотрел проблему происхождения якутского народа, выявил ее составляющие (языковое родство с другими этносами, место, с которым связана древняя история, время выхода из первоначальной родины), что создает благоприятную почву для историко-сравнительного изучения якутского героического эпоса с эпосами народов Южной Сибири. Нельзя не обратить внимания на то, что Серошевский, когда пишет об олонхо, часто использует такие понятия, как «древность», «прошлое», связывая происхождение эпоса с происхождением якутского этноса. Его видение проблемы – достижение дареволюционного яку-

тования, хотя ему не удалось подняться до уровня постановки вопроса об установлении этнического состава предков якутов, что помогло бы определению того народа или группы народов, от которых они в глубокой древности оторвались. Но, как бы то ни было, положения Серошевского о происхождении якутов оказались полезными в науке – от них в дальнейшем отталкивались многие якутovedы, включая в первую очередь авторов новой, советской формации. Из них особо выделим Г.В. Ксенофонтова – автора капитальной монографии «Ураангай – сахалар», в которой он проблеме происхождения якутов посвятил специальную 5-ю главу «Южное происхождение якутов» [3. С. 204–226]. Автор без обиняков обозначил свою принципиальную позицию: «В историко-этнографической литературе почти не вызывает спора и возражений утверждение, что **якуты в бассейне Лены являются пришельцами из далекого юга** и что в более ранние исторические эпохи **они обитали в области верхней Лены и Ангары, прилежащей к озеру Байкал**» [Там же. С. 204–205]. Ясно, что Ксенофонтов – сторонник В.Л. Серошевского, но он пошел дальше в аргументации, считая, что «господствующий экономический быт якутов» – разведение рогатого и конного скота – также свидетельствует о родстве с тюрками «более южных широт Сибири и дальше обширных степей Центральной Азии», ибо якутское скотоводство представляло «ответление» всего комплекса хозяйственного строя тюрков этого региона. Подробно объяснив распространение скотоводческой культуры на новой территории обитания якутов, Ксенофонтов отвергает мысль некоторых авторов о том, что якуты со своим конным и рогатым скотом переселились на Лену «всего-навсего за три-четыре века до прихода русских» [Там же. С. 216], и косвенным образом солидаризуется с датировкой В.Л. Серошевского о том, что все это происходило задолго до эпохи Чингисхана.

Вместе с тем Г.В. Ксенофонтов, допуская мысль о **древности** якутского этноса и его прихода в бассейн Лены, не сумел привести сколько-нибудь серьезных аргументов в подтверждение своей позиции, хотя неоднократно ссыпался на важную роль как исторических источников, героического эпоса якутов, сохранившегося «до наших дней в устах народа почти в полной неприкословенности» и который «не может не поразить исключительный дар якутов в области словесного творчества». Но приходится констатировать, что он допускал слишком вольное понимание героического эпоса, например определяя его «как повествовательный прозаический фольклор» [Там же. С. 172] и подменяя анализ эпоса анализом исторический преданий.

С точки зрения новизны, размышлений Г.В. Ксенофонтова о южных этапах древней истории якутов не смогли поколебать на принципиальном уровне достижения предшественников. Потому его замечание, адресованное авторам «старого времени», о том, что поставленные ими «основные вопросы по древней истории якутов, а именно установление их этнического родства и той группы народов, от которых предки

якутов отделились, точное определение их раннего межожительства, а также приблизительные даты якутских переселений на Лену остались неразрешенными» [3. С. 164], позволительно адресовать и ему.

Наверное, совсем не случайно Г.В. Ксенофонтов вспомнил археологическую науку, возложил на нее большую надежду, считая, что «при разрешении многих вопросов по древней истории большим успехом и популярностью пользуется вещественный архив самой древности, различные археологические памятники прошлого» [Там же. С. 170]. Призыв Ксенофонтова услышал молодой тогда **А.П. Окладникова**, приступивший к изучению древних этапов истории Якутии по данным археологических памятников. Итоги своих исследований он изложил в обобщающей работе, посвященной прошлому Якутии до вхождения ее в состав Русского государства [4. С. 36]. Из этой работы для нас представляет интерес первый раздел – «Происхождение якутского народа» в той части работы, которую автор уделил «Ранней истории якутского народа».

Рассмотрев представления якутов о юге, степные пережитки в хозяйстве и военной технике якутов, южные элементы в одежде якутов, якутский эпос (олонхо) и его связь с югом, А.П. Окладников весьма убедительно доказывает южно-сибирское происхождение тюркских предков якутов, располагая их в стране, где «имелись настоящие степи рядом с таежными массивами, горными хребтами и возвышенностями типа таскыл – гольцов Саяно-Алтайской системы» [Там же. С. 234]. А изучение языка якутов еще более углубило это мнение, а главное – обосновать еще более интересный вывод: «По данным языка среди тюркских народов или племен, наиболее родственных якутам по языку, должны были находиться те, которые говорили на языке, близком или тождественном языку орхено-енисейских надписей. Этот факт в сочетании с другими данными позволяет поставить историю предков якутов в определенную связь с историей тюркских племен и народов средневекового времени, пользовавшихся орхено-енисейской письменностью» [5. С. 281]. В другом месте он уточняет, что эта письменность принадлежала VII–VIII вв. [Там же. С. 278]. Иными словами, А.П. Окладников ответил на три вопроса: 1) происхождение предков якутов с юга; 2) предки якутов располагались на территории Саяно-Алтайской горной системы; 3) предки якутов в этническом плане были близки к носителям орхено-енисейской письменности VII–VIII вв. Эти положения имеют прямое отношение к нашей теме, тем более они сформулированы на основе анализа главным образом памятников якутского героического эпоса – олонхо.

Вместе с тем приходится признать, что в «Истории Якутской АССР» А.П. Окладникова раздел, посвященный древнему этапу истории якутского народа, построен на фольклорных материалах, а археологические источники не получили должного использования. Так что вышеприведенный призыв Г.В. Ксенофонтова сохранил свою актуальность во все последующее время после А.П. Окладникова. Несмотря на

это, заслуга Алексея Павловича заключается в том, что его понимание древней истории якутов позволяет продолжить изучение проблемы в историко-сравнительном ключе с историей и этнографией народов Южной Сибири, а в нашем случае – якутского эпоса с эпосами тюркоязычных народов этого региона.

В этом контексте исключительно важное значение имеет положение А.П. Окладникова о близости предков якутов к этническим носителям орхено-енисейской письменности VI–VIII вв. н.э. Поэтому на этом вопросе остановимся более подробно.

Возникает вопрос: а кто такие орхонские тюрки? Согласно достижениям классической тюркологии, орхонские тюрки – конфедерация тюркоязычных племен Центральной Азии V–VII вв. во главе с племенем ашина. В 265–460 гг. ашина входила в состав позднегуннских государств, завоевавших Хэси (Западный Китай) и часть Восточного Туркестана. В 460 г. племя было подчинено жужанами и переселено на Алтай, где возглавило племенной союз, принявший наименование **тюркского**. В 551–555 гг. оно разгромило жужан и создало в 552 г. Тюркский каганат с центром на р. Орхон (Монголия) [6. С. 66–113].

Как явствует из этих данных, этническая общность тюрков, по данным исторической науки, стала известной на Алтае в середине V в. н.э. Можно предположить, что истоки этнической истории тюркоязычных предков якутов уходят своими корнями к этому историческому времени и к этой исторической территории, имея в виду, что название «тюрк» первоначально имело только политическое значение и то, что на этой территории впоследствии происходили очень сложные этнические процессы. Для нас же важно, что обозначается интересная линия изучения происхождения якутского героического эпоса – олонхо. Но изучение проблемы затрудняется из-за сложности самой истории Тюркского каганата.

Тюркский каганат, созданный в 552 г. н.э., просуществовал до 745 г., пережив непрерывные внешние и внутренние войны и межплеменные усобицы, распад на враждебные друг другу восточную (центрально-азиатскую) и западную (средне-азиатскую) части. Западный каганат распался в 740 г., а Восточный был разгромлен уйгурями в 745 г. [7. С. 363–372]. Почти 200-летнее существование Тюркского каганата не осталось без следа в истории. Его историческое значение заключается в том, что каганат сыграл важную роль в консолидации тюркоязычного населения Евразии и способствовал дальнейшему развитию этнических групп, составивших впоследствии основу современных тюркоязычных народов. Остается выяснить вопрос – какая этническая группа древних тюрков составила основу современных якутов?

Ясно, что без четкого ответа на вопрос об истоках этнической истории современных якутов невозможно представить себе решение и других вопросов, в том числе древней духовной культуры якутов. Тем более это касается древнейших истоков якутского героического эпоса олонхо. Потому и предстоит вновь разобраться в вопросе о происхождении самого якутского народа, проследив его этногенетические контакты.

Выше мы констатировали, что А.П. Окладников связывает предков якутов с носителями орхоно-енисейской письменности тюрков VII–VIII вв. н.э. Преимущество этого вывода археолога состоит в том, что он более конкретен – первоначальное место размещения предков якутов привязано к определенному региону, время – к определенному периоду истории Тюркского каганата. Следовательно, при дальнейшем изучении генезиса олонхо мы можем отталкиваться от данного места и времени.

Что представляют собой памятники орхоно-енисейской письменности? По общепринятым данным, основанным на исследованиях С.Е. Малова, С.В. Киселева, А.Н. Бернштама, С.Г. Кляшторного и др., они относятся к VII–X вв. и написаны так называемым руническим письмом, восходящим через ста-росгайдское к арамейскому алфавиту. Язык надписей сформировался как нормативный литературный язык на основе *диалекта племени тюрк*, который объединял семь групп: ленско-прибайкальскую, енисейскую (тувинская и минусинская подгруппы), монгольскую, алтайскую, восточно-туркестанскую, среднеазиатскую (ферганская и семиреченские подгруппы), восточно-европейскую (донецкая и дунайские подгруппы). В политическом смысле надписи соответственно принадлежат племенному союзу курыкан, Кыргызскому государству, Восточно-Тюркскому каганату, Западно-Тюркскому каганату, Уйгурскому каганату в Монголии, Уйгурскому государству в Восточном Туркестане, печенежскому племенному союзу. Как видно, к языку орхоно-енисейской письменности имели отношение многие племена или племенные союзы, расположенные или временно пребывавшие на огромной территории. Следовательно, одно только указание (хотя оно весьма ценно) на близость предков якутов к носителям орхоно-енисейской письменности не решает в полной мере вопроса об исходных «точках» происхождения якутов, в первую очередь в этническом контексте.

Вместе с тем невозможно не обратить внимания на то, что в перечень носителей орхоно-енисейской письменности специалистами включена ленско-прибайкальская группа языков, в политическом плане соответствующая племенному союзу курыкан. В связи с этим приведем несколько справочных данных. В новейших исследованиях установлено, что в Минусинскую котловину с конца III – до середины I в. до н.э. из Северо-Западной Монголии начали переселяться на земли к северу от Саян кыргызы, основавшие в VI в. государство енисейских кыргызов (по китайским источникам кыргызы – «хягас») [7. С. 264]. Это государство на восток простипалось до Гулигани (Прибайкалье), на юг – до Тибета (Восточного Туркестана), на юго-запад – до Гэлолу (карлуков в Семиречье). Нас интересует восточная граница Кыргызского государства, которая, как указано, доходило до Гулигани, *населенной курыканами*, обитавшими на верхней Ангаре [Там же]. Но Л.Н. Гумилев считает, что эта граница состояла из двух частей: основной (первой), проходившей по подножию Восточных Саян, и второй – по водоразделу Оби (приток Ангары) и

Ангары. В промежутке между ними жили три племени: дубо, т.е. тувинцы, миличе, т.е. меркиты, и эчжи, т.е. косогольские урянхайцы ачжен. Это были лесные племена, на них часто нападали кыргызы, но они не оказывали должного сопротивления. «Зато, – продолжает Л.Н. Гумилев, – должный отпор кыргызы встретили от курыкан, живших на Ангаре» [7. С. 264]. А.И. Гоголев считает, что курыканская эпоха датируется VI–X вв. [8. С. 44].

Остается выяснить вопрос: кто такие курыканы? В той же «Истории Якутской АССР» А.П. Окладников установил, что ареалу распространения курыканов соответствует археологическая *курумчинская культура*, часть открытия которой принадлежала участникам Великой Северной экспедиции Российской АН XVIII в. и носители которой занимали огромную территорию *верхнего течения Ангры и Лены, вплоть до Байкала, включая остров Ольхон*. Курыканы известны прежде всего как кузнецы, отсюда археологи вывели и название «курумчинских кузнецов». Они плавили и ковали железо довольно высокого качества, умели изготавливать чугун и лить из него котлы. Они развили скотоводство относительно высокого уровня (разведение лошадей, коров и верблюдов); занимались охотой; около их городищ сохранились следы древних пашен, что говорит о том, что они были «первыми по времени земледельцами в Прибайкалье»; знали искусственное орошение полей. Курыканы вели оседлый образ жизни.

Однако самым примечательным в древней истории курыкан-курумчинцев, по мнению А.П. Окладникова, было то, что на территории их местожительства оказались древние надписи на древнетюркском языке, выполненные орхоно-енисейским руническим шрифтом. Отсюда А.П. Окладников делает следующий вывод: «Таким образом, и к жителям Прибайкалья следует теперь отнести то, что отмечалось для их соседей по Селенге и на Енисее: наличие фонетической письменности с руническим шрифтом, достаточноочно прочно вошедшей в быт местного населения» [5. С. 304]. Этот вывод археолога интересен и для изучения генезиса олонхо с точки зрения выявления максимального разнообразия его вариантов, что позволило бы сравнить эти варианты между собой для того, чтобы определить исторический тип эпоса.

К нашей теме имеет отношение и другое наблюдение А.П. Окладникова о том, что курыканы VI–XI вв. по своему общественному строю «были близки к своим степным соседям», что «оформление олонхо протекало в условиях тесных культурно-исторических связей и постоянного взаимодействия предков якутов с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен» [Там же. С. 277]. Здесь важно обратить внимание на два момента: первый говорит о том, что курыкане были в близких отношениях с «соседями», в том числе, как показывают многие исследования, с енисейскими кыргызами, у которых, по мнению некоторых специалистов, уже с событий VI в. начал складываться древнейший доисторический, архаический тип богатырской сказки кыргызов – «Манас» [9. С. 90]; второй – если кыргызский эпос

определяется как «доисторический», «архаичный», то вырисовывается благодатная почва для сравнительно-исторического изучения якутского и кыргызского эпосов.

Как видно, размышления А.П. Окладникова по вопросу о происхождении якутов в контексте истории тюркских народов выводят нас на историко-сравнительное изучение олонхо с эпосами тюркских народов.

Второй путь изучения нашей темы, обозначенный А.П. Окладниковым, выводит нас на **монголоязычные народы**, с которыми носители «древнетюркского языкового достояния находились в общении», причем «наиболее длительным и глубоким в силу определенных, исторически сложившихся причин» [5. С. 278–279]. В этом наблюдении А.П. Окладникова для нас представляется важным указание на то, что между носителями древнетюркского языка с монголоязычными народами было только **общение**, а не общее происхождение, потому в лексике якутского языка можно обнаружить только заимствования от монгольского языка новых слов, которые соответствовали новым условиям, прежде всего природным. Все это наводит на мысль, что общение носителей древнетюркского языка с монголоязычными народами произошло исторически позже, после того, когда под влиянием каких-то крупномасштабных событий произошло разрушение единого тюркского мира. Известно предположение А.П. Окладникова о времени проникновения монголоязычных народов в Прибайкалье – XI–XII вв. н.э. и о смене ими здесь местных, тюркоязычных, аборигенов [Там же. С. 322]. А.И. Гоголев уточняет, что это произошло в X–XI вв. [8. С. 44]. Однако современные специалисты утверждают, что удовлетворительное решение вопроса о времени появления монголоязычных племен в Прибайкалье на основании только археологических материалов пока не представляется возможным. Но, как бы то ни было, еще не опровергнуто мнение о том, что тюркоязычная этническая общность в районе Прибайкалья существовала до появления здесь монголоязычного, особенно бурятского этноса. Именно в согласии с такими представлениями еще в 1950 г. историк Г.П. Башарин в одной из своих статей утверждал, что «близкое соприкосновение якутов с монголами, если оно имело место, относилось к периоду до XII в.» [10. С. 94]. Это очень важно. И этот вывод может быть связан с изучением происхождения якутского героического эпоса – олонхо, и даст возможность определиться со многими неизвестными историческими обстоятельствами древнейших тюрко-монгольских контактов. В нашем случае этому вопросу отводится особое место и его результаты могутнести определенную ясность в выявлении исторических корней эпоса олонхо. Остается не ясным прежде всего вопрос, насколько «длительным и глубоким» было общение носителей тюркского и монгольского языков, о котором говорил А.П. Окладников, и в состоянии ли мы рассматривать вопрос о монгольских истоках нашего эпоса?

Заслуга А.П. Окладникова в проведении историко-сравнительного изучения олонхо состоит в том, что в

его работах рассмотрены важнейшие вопросы древней истории этногенеза якутов, без которых невозможно выяснить древнейшие истоки якутского эпоса. Его взгляды на проблему в дальнейшем получили поддержку со стороны якутоведов, конечно же, с некоторыми дополнениями и уточнениями. Примечательно, что его исторические суждения опирались на широкое использование памятников эпического наследия якутов, которые в сочетании с археологическими источниками придают более или менее достоверный характер многим основополагающим положениям исследователя. Это прежде всего установление этногенетической общности происхождения предков современных якутов с тюркоязычными этносами Южной Сибири. Это установление этнического предка современных якутов в лице «Курумчинских кузнеццов» – курыканов. Это установление исторического времени тюркоязычных предков современных якутов, соответствующее времени функционирования орхонно-енисейской письменности тюрков – VII–VIII вв. Эти положения стали достоянием якутской историографии и создают историческую основу для сравнительного изучения якутского эпоса.

Л.Н. Гумилев, изучая историю древних тюрков, полностью доверяет А.П. Окладникову, использует его положения о курыканах как предков якутов. В то же время высказал одно положение, имеющее важное значение для решения вопроса о том, когда **курыканы откололись от остальных тюрков**. По его данным, это произошло в 30-х гг. VIII в., когда они «отходили от тюрок в сибирскую тайгу» [7. С. 326]. Для нас важна именно эта датировка, указывающая на заключительное время нахождения курыкан в составе тюркоязычных народов Южной Сибири. Если прав А.И. Гоголев в своем утверждении о том, что изолированное развитие языка прибайкальских курыкан началось в VI в. [8. С. 44], то надо полагать, что древние курыканы в тюркской среде вращались на протяжении двух с половиной веков. Они являлись самым северным племенем теле и жили по северную сторону Байкала [6. С. 69]. Надо сказать, что тогда слагалось эпическое творчество. Так, например, по мнению выдающегося эпосоведа С.С. Суразакова, сложение алтайского эпоса относится к V–VIII вв., к моменту разложения первобытно-общинного строя и появления тюркского государственного устройства – каганата [11]. Для нас это очень интересное наблюдение, синхронизирующееся с датировкой историками времени происхождения тюркского эпоса.

В последнее время историки предпринимают попытки обоснования нового взгляда на проблему происхождения тюркской общности, что не может не повлиять на казалось бы устоявшуюся точку зрения на происхождение якутского героического эпоса. В 2001 г. была издана «История Тувы» (Т. I), в которой значительное место отведено вопросам формирования тувинского этноса. Для нас представляют особый интерес разделы труда, посвященные гунно-сарматской и древнетюркской эпохам и содержащие довольно интересный материал по истории тюркской этнической общности, с которой напрямую связана проблема

ма происхождения якутского этноса. Изложенный материал позволил авторам труда обратить внимание на то, что племенной союз хуннов был этнически неоднородным и включал тюркоязычное население, о чем свидетельствуют китайские летописи [6. С. 52]. Весьма любопытна информация авторов о том, что арочно-лопастной орнамент, характерный для сосудов кокельских племен, живших на окраине хуннского государства, имеет ближайшие аналогии в декорировке традиционных якутских сосудов-чоронов, подтверждая древние связи предков тувинцев и якутов [Там же. С. 59, 60]. То, что истоки якутского этноса обнаружены в памятниках хуннского мира значительно удревняет историю якутского этноса, ведь кокельская культура хуннов датируется периодом от начала I в. до н.э. до рубежа I–II вв. н.э. [Там же. С. 65]. В дальнейшем, с середины VI в., на территории Центральной Азии и Южной Сибири начинается формирование новой этнической общности тюрок-тюкю, по происхождению тесно связанная с племенными объединениями хуннов, и создавшая I Тюркский каганат – крупнейшее государство, в составе которого состояли курыканы (гулигани) – непосредственные предки современных якутов. С VI в. Курыканы заняли территорию по северную сторону Байкала. Таким образом, историки Тувы внесли нечто новое в изучение не только этногенеза тюркской общности, но и в выявление древних истоков якутского этноса в этнической истории хуннов.

Позицию тувинских историков в целом поддержал О.Дж. Осмонов, издавший в 2012 г. «Историю Кыргызстана» [12. С. 611], но для нас представляют прямой интерес размышления автора о происхождении эпоса у

киргызов на общем фоне сложной картины тюркоязычной этнической истории. По данным Осмонова, предки кыргызов «издревле» соседствовали с тюркскими народами хунн, усуни, дилины и «после III в. до н.э. входили в состав единого и могучего объединения хуннов» [12. С. 87–88]. Кыргызы выступали на стороне хуннов в военных действиях против Китайской империи. Не прекращающиеся военные столкновения с Китаем и его вассалами находили свое отражение в народной памяти, попытках героизировать прошлое. О.Дж. Осмонов вполне справедливо пишет, что «с этой точки зрения заслуживают более пристального изучения предположения, что именно к эпохе господства хунн в Центральной Азии восходят истоки кыргызских героико-исторических дастанов (поэм, эпосов)» [Там же. С. 88]. Это наблюдение историка может быть применимо и при объяснении происхождения героического эпоса олонхо якутов, древние предки которых, как сказано выше, находились в составе разнородной этнической структуры Хуннского государства.

В последнее время удревнение времени сложения тюркских этносов происходит на основе обобщения данных новых источников, в первую очередь археологических. В этом, как нам представляется, преуспел Л.С. Марсадолов, который констатирует, что «детальный анализ новых источников позволят сделать выводы, что вполне реально проследить этногенез тюркских народов Саяна – Алтая с VIII–VI вв. до н.э., а не с V в. н.э., т.е. более чем на тысячу лет раньше, чем это принято сейчас [13. С. 14]. Этот новый взгляд на происхождение тюрок, думается, обратит внимание специалистов, изучающих проблему якутского героического эпоса олонхо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т. I. С. 3–55.
2. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750. Кн. I. 620 с.
3. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки древней истории якутов. Якутск, 1992. Т. I, кн. I. 415 с.
4. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.
5. Окладников А.П. История Якутской АССР. М. ; Л., 1955. Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. 430 с.
6. История Тувы. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука, 2001. Т. I. 364 с.
7. Гумилев Л.Н. Древние тюки. М., 1967. 502 с.
8. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993. 136 с.
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. 727 с.
10. Башарин Г.П. Общественный строй якутов начала XVII в. // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 91–102.
11. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М., 1985. 256 с.
12. Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Бишкек, 2012. 611 с.
13. Марсадолов Л.С. Этнокультурная история древних тюрок: новый взгляд // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Кызыл. 2010. С. 13–21.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 сентября 2015 г.

HISTORIANS ON THE ORIGIN OF THE YAKUT HEROIC EPIC

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 89–95. DOI: 10.17223/15617793/404/13

Ivanov Vasiliy N. M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: institute-olonkho@mail.ru

Keywords: epic; olonkho; ethnicity; genesis; common language; Turks; Huns; Kurykan.

The paper first examines the contribution of historical science in the study of the genesis of the Yakut heroic epic olonkho, in particular to the definition of its historical time and place. Russian historian of the 18th century G.F. Miller wrote: “The characteristic difference of peoples is not in law and custom, not in food and fisheries, not in religion, because all of these principles can be similar for different tribe peoples, while different for one tribe people. The only unmistakable sign is a language: where languages are similar, there is no difference between peoples, where languages are different, one tribe is not to be sought”. Miller’s argument proved enduring: following him, almost all scholars studying the Yakuts on the principle of linguistic similarities located ancestors of the modern Yakuts in the South, more precisely in Southern Siberia. Many authors discussed the origin of the Yakuts. The article studies

in detail the views of V.L. Seroshevsky, the author of a well-known ethnographic work *The Yakuts*, where a special chapter named “On the Southern Origin of the Yakuts” is highlighted. The merit of this author is that he argued his opinion by monuments of folklore: epic and historical legends of the Yakuts. The thought of Seroshevsky about southern ancestors of the Yakuts proved tenacious, it was developed by G.V. Ksenofontov, the author of the monograph *Uraanghay-Sahalar* which reinforced the argument of Seroshevsky by reference to the prevailing economic life of the Yakuts associated with the breeding of cattle and horse livestock, a “branch” of the whole complex of the economic system of the Turks. With regard to the time of arrival of the Yakut ancestors in the basin of the river Lena, he sided with Seroshevsky, but he failed to cause any serious additional arguments. A more reasonable study of the problem is associated with the name of archaeologist A.P. Okladnikov, the author of volume I of *The History of Yakutia* which contains a special section “The Origin of the Yakut People”. The article analyzes in detail the author’s opinion of the southern origins of the Yakut ethnogenesis, based solely on the material of the Yakut epic. Okladnikov’s opinion that formalization of olonkho proceeded in close cultural and historical ties and continuous interaction of the Yakut ancestors with their closest relatives, the ancestors of the Sayan-Altai tribes, is of enduring importance to epic researchers. Okladnikov’s viewpoint is still dominant, almost all historians and epic researchers follow it. Recently, however, there are works in which the origin of the Turks and their culture is associated with the reign of the Huns in Central Asia. Such antiquating of the Turkic community is grounded in *The History of Tuva*, in a book by Kyrgyz historian O.Dzh. Osmonov *The History of Kyrgyzstan*, in an article of L.S. Marsadolov “The Ethno-Cultural History of the Ancient Turks: A New Look”, and others. They touch upon the problem of the Yakut ancestors’ origin and their culture; there is also a particular interest in the facts that the depths of the Hun society could be the origin of the Yakut heroic epic olonkho, which means it could appear a whole millennium earlier. This is a new word, but it requires further study.

REFERENCES

1. Bakhrushin, S.V. (1937) G.F. Miller kak istorik Sibiri [G.F. Miller, a historian of Siberia]. In: Miller, G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
2. Miller, G.F. (1750) *Opisanie Sibirskogo tsarstva* [Description of the Siberian kingdom]. Book 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Ksenofontov, G.V. (1992) *Uraangkhay-sakhalar. Ocherki drevney istorii yakutov* [Uraanghay-sahalar. Essays on ancient history of the Yakuts]. Vol. 1. Book 1. Yakutsk: Nats. izd-vo Respubliki Sakha.
4. Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts. An experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
5. Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Vaynshteyn, S.I. & Mannay-ool, M.Kh. (eds) (2001) *Istoriya Tuvy* [History of Tuva]. 2nd ed. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
7. Gumilev, L.N. (1967) *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Nauka.
8. Gogolev, A.I. (1993) *Yakuty (problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakuts (problems of ethnogenesis and formation of culture)]. Yakutsk: Yakut State University.
9. Zhirmunskiy, V.M. (1974) *Tyurkiskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka.
10. Basharin, G.P. (1950) *Obshchestvennyy stroy yakutov nachala XVII v.* [The social system of the Yakuts at the beginning of the 17th century]. *Voprosy istorii*. 4. pp. 91–102.
11. Surazakov, S.S. (1985) *Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroic epic]. Moscow: Nauka.
12. Osmonov, O.Dzh. (2012) *Istoriya Kyrgyzstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [History of Kyrgyzstan (from ancient times to the present day)]. Bishkek: Poligrafbumresursy.
13. Marsadolov, L.S. (2010) *Etnokul'turnaya istoriya drevnikh tyurok: novyy vzglyad* [Ethno-cultural history of the ancient Turks: A New Look]. In: *Tuvin'skaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennostey i pis'mennykh pamyatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona* [Tuva writing and research of scripts and written records of Russia and Central Asia]. Kyzyl; Abakan: Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo.

Received: 28 September 2015

РАДИОФИКАЦИЯ ТУВИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГГ.

Рассматриваются меры по радиофикации Тувинской автономной области, принятые партией и ведомственными органами во второй половине 1940-х гг. Централизация руководства и финансирования радио, вложение значительных средств позволили в сжатые сроки построить в крупных населенных пунктах радиоузлы и энергобазы, оснастить их оборудованием. К концу 1940-х гг. радиосвязь была установлена с большей частью районов области. Однако качество работы сельских радиоузлов оставалось неудовлетворительным (простой, плохая слышимость, замедление при передаче звука). Выделена группа факторов, сдерживавших радиофикацию Тувы (сложный горный рельеф, большое число труднодоступных мест проживания людей, медленное развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, дефицит радиоматериалов, низкая квалификация кадров и др.).

Ключевые слова: история радио; Тува; радиофикация; партия; пропаганда.

Вхождение Тувинской Народной Республики (ТНР) в состав СССР в 1944 г. создало благоприятные возможности для развития радио¹. Радио выходило в эфир с 1936 г. и имело небольшое число слушателей, в основном в столице республики – г. Кызыле. Строительство в конце 1930-х гг. радиостанции им. VIII Великого Хурала ТНР при помощи СССР создало возможности для расширения радиосети. Но в годы Великой Отечественной войны достичь этого не удалось по ряду причин: дефицит средств, необходимых материалов и специалистов, низкое напряжение и перебои с электричеством.

Советский Союз обладал к середине 1940-х гг. разветвленной системой радиовещания. Чтобы сделать радио главным и доступным средством пропаганды, в Туву был привнесен готовый опыт, направлены значительные материальные средства и опытные специалисты. Приоритетное внимание во второй половине 1940-х гг. уделялось радиофикации, создававшей технические условия для работы радио. В настоящей статье рассматриваются меры по радиофикации, принятые в этот период, и их основные результаты, а также общие и специфические факторы, влиявшие на данный процесс. Использованные документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Тувы (ГАРТ) вводятся в научный оборот впервые.

Отправной точкой для организации системы радиовещания Тувинской автономной области (ТАО) послужило создание двух ведомственных органов. 5 января 1945 г. постановлением исполнкома областного Совета депутатов трудящихся ТАО Тувинское радиотелеграфное агентство ТНР было реорганизовано в Областной радиокомитет. Председателем был утвержден Д.О. Колзан [1. С. 14]. Радиокомитет был подчинен Комитету по радиофикации и радиовещанию при Совете министров СССР, как и другие аналогичные подразделения в стране. Вслед за центральным ведомством комитет не раз менял название: с 1951 г. – Тувинский областной комитет, с 1953 г. – отдел радиоинформации управления культуры Тувобисполкома, с 1958 г. – редакция радиовещания при Тувобисполкоме.

Радиокомитет обеспечил содержательное наполнение радиовещания, а его техническую сторону –

Тувинская областная дирекция радиотрансляционных сетей (ДРТС). 22 марта 1945 г. ДРТС возглавил опытный работник связи И.Н. Степанов, переведенный в ТАО с поста директора радиотрансляционных сетей Бурят-Монгольской АССР [2. Л. 32]. Новое предприятие, следуя приказам центральных органов, приступило к строительству и установке радиовещательных технических сооружений. Радиокомитет и ДРТС, подчиняясь вышестоящим ведомственным органам, выполняли, в первую очередь, указания центрального и областного комитетов ВКП(б), с 1952 г. – КПСС. Обком укомплектовывал штаты, согласовывал с ЦК ВКП(б) кандидатуры руководителей, составлял списки кандидатов для курсов подготовки и переподготовки, следил за выполнением планов радиофикации и содержанием радиовещания и т.д. Многоуровневый контроль партии над радио дополнила деятельность областного управления по делам литературы и издательства, созданного 9 января 1945 г. [1. С. 16].

Тува была включена в пятилетний план СССР восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг., который предусматривал быстрый количественный рост передающей и приемной сети радиовещания. С августа 1944 г. быстрое развитие радиовещания по проводам и увеличение производстваrepidукторов для радиоузлов было провозглашено неотложной культурно-политической задачей страны. 14 марта 1945 г. СНК СССР принял решение о возвращении населению, учреждениям и организациям радиоприемников, сданным ими органам Наркомсвязи на хранение в начале Великой Отечественной войны [3. С. 63].

Перед ТАО стояли грандиозные задачи: превратить экономику в призрак индустриального комплекса СССР, осуществить сплошную коллективизацию аратских хозяйств и комплекс социально-культурных мероприятий: «Туве – самой молодой из всех областей нашей Родины, предстоит в кратчайший сроки пройти путь многих советских национальных областей» [4]. Аналогичные социалистические преобразования полным ходом шли на территориях, вступивших в состав СССР в 1939–1940 гг. (Латвия, Литва, Эстония, западные области Украины и Белоруссии, Правобережная Молдавия), а также в 1944–1945 гг. (Закарпатская, Калининградская и Сахалинская области).

СМИ как главные рупоры партии должны были разъяснить людям суть новых преобразований и мобилизовать к их выполнению, создать высокий престиж партии и работы в ней. Радио отдавалось большее предпочтение – в отличие от газет его могли слушать неграмотные и малограмотные люди. Уровень грамотности тувинцев был невысоким, несмотря на колоссальные усилия по развитию сети народного образования и кружков ликбеза.

Учитывая эти обстоятельства, партия уделяла организации радиовещания пристальное внимание. В 1945 г. на заседании обкома заслушали вопрос «О работе средств радиофикации ТАО» и решили: «...немедленно выделить для строительства 5 радиоузлов необходимое количество проволоки, изоляторов, крючьев, инструмента и спецодежды для ремонтно-строительных бригад... К 15 сентября 1945 г. построить и пустить в эксплуатацию радиоузлы в райцентрах – Самагалтае, Эрзине, Чая-Холе, Тээли, Сут-Холе...» [5. Л. 55–57].

Многие намеченные мероприятия были реализованы благодаря стабильному финансированию из союзного бюджета. СССР испытывал большие трудности в послевоенный период, но, тем не менее, обеспечил создание производственно-технической базы проводного вещания ТАО. Средства на радиофикацию выделялись в таком объеме, что на первых порах их не успевали осваивать: к примеру, в 1947 г. – 250 тыс. руб., фактически из них израсходовано 103,4 тыс. руб. [6. Л. 69], в 1948 г. – 300 тыс. руб. [7. Л. 33].

Несмотря на высокие затраты, партия отдавала предпочтение проводной сети. При бесперебойной подаче электроэнергии радио могло работать постоянно с относительно хорошим качеством звука. Поэтому сразу решали вопрос с энергоснабжением: крупные станции и узлы обеспечивали автономными энергобазами, а небольшие – резервными источниками питания (аккумуляторы, сухие батареи). По мнению Ю.Б. Костяковой, передача по проводам делала процесс радиослушания подконтрольным [8. С. 116].

План по капитальному строительству средств радиофикации благодаря централизации руководства радио, вложению значительных средств, расширению штатов предприятий связи был перевыполнен. В радиотрансляционной сети вместо установленных сметой 17 человек в 1945 г. фактически было 19 человек [9. Л. 40]. Для 14 молодых неопытных работников в 1945 г. были проведены курсы повышения квалификации [10. Л. 1].

Ежегодно в эксплуатацию сдавали новые радиоузлы и линии (в 1947 г. рост на 22 км), провода (в 1947 г. – на 44 км) и радиоточки (в 1947 г. – 1 274 км). Если в 1946 г. радиотрансляционная сеть состояла из 3 км фидерных линий², то к 1 января 1948 г. – 16,8 км. Росло число автономных энергобаз: в 1946 г. их было 6, в 1947 г. – 10, в 1948 г. – 12. Энергобазы устанавливали на радиоузлах мощностью выше 25 ватт, небольшие питались от сухих батареи. Наряду с созданием энергетической базы на радиоузлах устанавливалось резервное и более мощное стационарное оборудование, производились ремонтные работы. В частности, в 1947 г. аппаратуру мощностью

5 ватт установили на восьми радиоузлах, смонтировали пять двигателей, одну динамо-машину, 39 радиоприемников и усилителей [10. Л. 2].

Для скорейшего ввода в строй новых объектов ДРТС использовала разные возможности: перестраивала или приспосабливала подходящие помещения, мелкие узлы переоснащала. Это позволяло сократить расходы в условиях режима экономии, действовавшего в стране в послевоенные годы. Комитет по радиофикации и радиовещанию при Совмине СССР требовал от всех предприятий связи сокращения расходов, увеличения доходности, соблюдения финансовой дисциплины [11. Л. 8].

Статистика по охвату радиовещанием быстро росла. В 1946–1947 гг. благодаря запуску новых предприятий связи радиосвязь установили практически со всеми районами области. К 1947 г. были радиофицированы все райцентры, 26 сельских и городских советов против 22 в 1946 г. Большое значение имел запуск в 1947 г. пяти радиоузлов по 100 ватт вместо двух по 10 ватт и трех по 25 ватт. Преимущество в том, что от них радиофицировали небольшие населенные пункты, а маломощные нерентабельные радиоузлы с питанием от сухих батарей ликвидировали. В итоге мощность радиоузлов увеличилась, но их общее число сократилось (1946 г. – 38, 1947 г. – 36) [10. Л. 3]. Протяженность радиотрансляционных сетей на 1 января 1949 г. составила 144,5 км [12. Л. 12].

Самый крупный радиоузел был в столице, его мощность достигала 500 ватт. В восьми районных центрах были станции по 100 ватт (Туран, Знаменка, Бай-Хаак, Балгазын, Шагонар, Чадан, Барун-Хемчик, Самагалтай), работу которых обеспечивали энергобазы и запасные аккумуляторы. Энергобазы и аккумуляторы были установлены также на 25-ваттных радиоузлах в селах Уюк, Тоора-Хем и Ээрбек. Радио в с. Медведевка работало от переменного тока, мощность узла составляла 10 ватт. Оборудование мощностью 5 ватт с питанием от сухих батарей получили села Хадын, Ильинка, Федоровка, Бельбей, Бояровка, Владимировка, Успенка, Кочетово, Элегест, Баян-Кол, Торгалык, Тере-Холь, Эрзин, Чая-Холь, Сут-Холь, Овюр. Аналогичные слабые в техническом отношении узлы были организованы в четырех совхозах области: «Уюк», «Элегест», «Аргузун» и «25 лет РККА» [Там же. Л. 3].

От радиоузлов провода тянули по всему населенному пункту: на предприятия и в частные домохозяйства. Жителей призывали слушать радио на работе, на улице или дома. Не случайно партия требовала радиофицировать, в первую очередь, школы, органы местного самоуправления, совхозы и колхозы. Регулярное прослушивание радио позволяло ответственным работникам этих структур проводить информационную работу с населением. Вместе с тем создавалась возможность единовременного коллективного прослушивания радио населением. Активисты партии периодически устраивали обсуждения и разъяснения материалов радиопередач в трудовых коллективах. В силу национально-культурных традиций устные формы передачи информации были среди тувинцев популярными.

Жители области, занимавшиеся традиционными и иными промыслами в отдаленных и труднодоступных местах (чабаны, охотники, рыболовы, старатели и др.), могли слушать радиопередачи с помощью приемников, но приобрести их по причине высокой стоимости и нехватки было трудно. Кроме того, мало мощные аппараты не всегда ловили радиосигнал, работали с помехами.

По состоянию на 1 января 1945 г. 93,3% жителей области проживали в селах, 6,7% – в городе [13. С. 41]. Поэтому в местных условиях установка и эксплуатация проводной сети требовали повышенных затрат финансов и времени, особенно по мере продвижения вглубь районов. Сложный горный рельеф, суровые климатические условия, медленное развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, распыленность и труднодоступность проживания населения сдерживали этот процесс.

В первые годы планы радиофикации не выполнялись. В 1945 г. из 200 запланированных точек было установлено 132 (66%), из 300 по плану I квартала 1947 г. – фактически 200 (66%). Помимо невыполнения планов ДРТС регулярно сообщала в Москву о больших простоах в работе сельских радиоузлов. В июне 1945 г. не работало 5 узлов, в июле – 3, в августе – 2. В июне 1945 г. простои составили 178 часов [7. Л. 41], в I квартале 1947 г. – 251 час [6. Л. 69]. Простои происходили по нескольким причинам: отсутствие и перебои в по-даче электричества, отсутствие необходимых радиоматериалов, а также низкая квалификация руководящего и технического персонала. Со схожими проблемами сталкивались на начальном этапе становления радио в других национальных автономиях, в том числе в соседней Хакасии [8. С. 116].

Регулярно требовались аккумуляторы для постоянной работы шести из 32 радиоузлов, 26 – сухие батареи [10. Л. 3]. Из ТАО в Москву регулярно шли заявки и просьбы об отправке сухого питания, батареи, радиоламп, линейной проволоки, ограничителей, изоляторов и др., но дефицит этих материалов наблюдался по всей стране. В соответствии с Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1946–1950 гг. устанавливали 28 новых радиовещательных станций. Радиоприемную сеть планировалось к 1950 г. увеличить по сравнению с довоенной на 75% [14. С. 526]. Чтобы не допускать простоев, срыва планов радиофикации и повышения доходности предприятий связи, все автономии снабжали централизованно, в порядке очереди и небольшими партиями.

Получить необходимые материалы не удалось по линии торговой сети, хотя в 1947 г. ДРТС заключила договор с областным потребсоюзом [10. Л. 34 об]. Практически ежемесячно в отчетах сообщалось о простоах радиоузлов. В августе 1948 г. они составили 82,2 часа, в сентябре – 372,9 часов, в декабре – 232,8 часов [12. Л. 11]. В течение 1948 г. не могли нормально функционировать несколько станций: не было радиоламп для станций мощностью 5 ватт [Там же]. К примеру, радиоузлы во Владимировке и Успенке Тандинского района в сентябре 1948 г. рабо-

тали с неудовлетворительной оценкой качества звучания, что явилось результатом полного отсутствия в течение II и III кварталов 1948 г. ламп для приемников «Родина», УРП-5, ПТВ-47 [12. Л. 65].

Отсутствие необходимых радиоматериалов отрицательно сказывалось на темпах радиофикации ТАО. К 1947 г. в области было около 4 тыс. радиоточек, в 1948 г. их число планировали довести до 5 тыс. [15]. Это было в 4 раза больше, чем накануне вступления ТНР в состав СССР [1. С. 14], но меньше, чем в любой другой области страны. В это время в центральных областях завершалась сплошная радиофикация целых районов и колхозов. Заявки на установку радиоточек от жителей и организаций ТАО поступали, но для их выполнения нужны были материалы. Не удавалось даже вовремя произвести ремонт линий и проводов – не хватало изоляторов. Изоляторы, полученные в небольшом количестве в конце сентября 1948 г., ДРТС планировала применить только для нового строительства [12. Л. 65].

Быстрое введение радиофикационных сооружений в крупных населенных пунктах, безусловно, являлось существенным достижением деятельности предприятий связи ТАО и партии. Однако оснащение мало мощной аппаратурой делало невозможной радиофикацию отдаленных населенных пунктов. Для радиофикации сел, находившихся на расстоянии до 20 км от радиоузлов, требовалось оборудование мощностью от 100 ватт и выше [15].

Проблемы с электроэнергией, оборудованием и материалами были главными, но не единственными причинами простоев. Требовала внимания ситуация с кадрами. Значительная часть работников радио имела низкую квалификацию. В отчетах содержались также жалобы на безответственное отношение большинства начальников контор связи и некоторых работников к работе средств радиофикации, слабое внимание, особенно сельским радиоузлам. Признавая эти недостатки, руководители ДРТС ставили на первый план задачу повышения квалификации и системной работы с кадрами [10. Л. 3].

Вместе с тем были трудности с доставкой необходимой аппаратуры в отдаленные районы. Например, в декабре 1948 г. из-за нелетной погоды не могли доставить лампы в Овюр, в итоге радиоузел заработал позже остальных [12. Л. 11].

Не отвечала новым требованиям радиостанция им. VIII Великого Хура ТНР, построенная в конце 1930-х гг. Это поставило на повестку дня вопрос о строительстве мощной радиостанции, позволяющей охватить вещанием всю республику [15]. В 1949 г. бюро обкома поддержало предложение главы радиокомитета А.К. Овсянникова о переходе на работу через Красноярскую вещательную станцию [16. Л. 421].

Таким образом, во второй половине 1940-х гг. под руководством ВКП(б) и советских органов власти был реализован комплекс мероприятий по радиофикации ТАО. Вкладывая значительные ресурсы и опыт, руководство СССР форсировало строительство средств радиофикации. В эксплуатацию были сданы 36 радиоузлов, бесперебойную работу крупных из них обеспечили энергобазы и источники резервного пита-

ния. Установка радиосвязи со многими районами ТАО в конце 1940-х гг. явилась большим достижением в развитии области.

Однако в эти годы радио не стало доступным средством массовой информации в Туве. Большая часть жителей области проживала в отдаленных и труднодоступных местах – вне зоны действия радиосигнала. Планы по установке радиоточек не всегда выполнялись, сельские радиоузлы нередко простаивали, качество звучания было невысоким. Следует признать, что вопрос качества был актуальным для всесоюзного вещания в целом. 24 мая 1948 г., обращаясь в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепилову, председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию Совета министров СССР А.А. Пузин при-

знал, что пятилетний план обеспечил количественный рост передающей и приемной сети. Качественное ее развитие, по его мнению, должна помочь определить генеральная схема радиовещания, переход к перспективному планированию [11. Л. 1].

Несколько факторов сдерживали сплошную радиофикацию области: отсутствие широковещательной радиостанции, оснащение подавляющей части радиоузлов маломощным оборудованием, дефицит необходимых материалов в стране в послевоенные годы, низкая квалификация работников связи. В то же время созданная во второй половине 1940-х гг. сеть проводного вещания послужила основой для формирования тувинской системы радиовещания, получившей динамичное развитие в начале 1960-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тувинская Народная Республика была создана в 1921 г. и существовала при поддержке и покровительстве СССР, в 1944 г. вошла в состав СССР на правах Тувинской автономной области.

² Фидер – электрическая цепь (линия передачи) и вспомогательные устройства, с помощью которых энергия радиочастотного сигнала подводится от радиопередатчика к антенне или от антенны к радиоприемнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. История города в Центре Азии. Научно-документальный сборник на русском языке. Том второй. 1944–1961 гг. Новосибирск, 2012.
2. Государственный архив Республики Тыва (далее – ГАРТ). Ф. 394. Оп. 1. Д. 11.
3. Глейзер М. Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1986 гг.). М., 1989.
4. Тувинская правда. 1949. 7 фев.
5. Центр архивных документов партий и общественных организаций Государственного архива Республики Тыва (далее – ЦАДПОО ГАРТ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 14.
6. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 189.
7. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 190.
8. Костякова Ю.Б. Становление медиакультурного пространства Хакасии (1920–1930-е гг.). Абакан, 2013.
9. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57.
10. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 20.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 17. Оп. 132. Д. 93.
12. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 36.
13. Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл : Тывастат, 2014.
14. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении / сост. Л.С. Климанова. М. : Мысль, 1972.
15. Тувинская правда. 1948. 12 мая.
16. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 декабря 2015 г.

RADIOFICATION IN THE TUWAN AUTONOMOUS OBLAST DURING THE SECOND HALF OF THE 1940S

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 96–100. DOI: 10.17223/15617793/404/14

Kan Valeriya S. Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: kan-tuva@mail.ru

Keywords: history; Tuva; party; radiofication; propaganda.

After the accession of the Tuvan People's Republic to the USSR, radio developed rapidly. The Soviet Union allocated considerable funds and engaged experienced experts in order to make radio the main and accessible tool of propaganda in Tuva in short terms. Acting as the main mouthpiece of the party, mass media had to explain the essence of socialist transformation in economy and everyday life to people, mobilize for their implementation and create a high prestige of the party and party jobs. The Tuvan Autonomous Oblast was included into the five-year plan for the restoration and development of the national economy of the USSR for 1946–1950. Initially, funds allocated to broadcasting units were too abundant to be spent in time (out of 250 thousand rubles allocated in 1947, only 103.4 thousand rubles were spent, followed by 300 thousand rubles in 1948). The party preferred wired broadcasting, since continued electricity supply provided constant operation and a relatively high sound quality. The regional board for radio broadcasting networks was charged with setting up radio in Tuva. By 1947, 36 broadcasting centers, 12 power bases and 16.8 km of feeding lines were set up, and there operated four thousand radio receiving stations. Broadcasting centers were of different capacity, depending on the remoteness of the main radio station in the Oblast and the settlement size. A 500-watt-strong unit was set up in Kyzyl; 100-watt units were set up in Turan, Znamenka, Bay-Khaak, Shagonar, Chadan, Barun-Khemchik, Samagaltay and Balgasyn; 25-watt units were set up in Toora-Khem, Uyuk and Erbek. These broadcasting centers were run by power bases and backup batteries. Low-power equipment was provided to broadcasting centers in Medvedevka (10 watt), Tere-Khol, Erzin, Chaa-Khol, Sut-Khol, Ovyur, Khadyn, Ilyinka, Fedorovka, Belbey, Boyarovka, Vladimirovka, Uspenka, Kochetovo, Elegest, Bayan-Kol, Torgalyk and 4 state farms of the Oblast (5 watt each). Schools, local government institutions, state farms, collective farms and military units were first to receive radio broadcasting signals. Thus, simultaneous collective listening to radio broadcasts was made possible. Party activ-

ists were regularly debating and explaining the content of radio broadcasts in labor collectives. By virtue of national and cultural traditions, collective verbal forms of information transfer were popular among Tuvinians. The installation and exploitation of a wired network in Tuva required an increase in expenses and efforts, especially so as it was penetrating deep into the province. During the first years, plans for installation of radio receiving stations were not implemented, rural broadcasting centers often stood idle, and sound quality was low. It happened for several reasons, including shortage of electricity supply and power failures, lack of necessary radio materials, and low qualification of supervisory and technical staff. There were difficulties with timely delivery of equipment to remote areas. In 1947, a decision was made to construct a radio station covering all the villages of the Oblast by the broadcasting service. From 1949 on, the Krasnoyarsk broadcasting station covered the Tuwan Autonomous Oblast by its service.

REFERENCES

1. Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (2012) *Istoriya goroda v Tsentre Azii. Nauchno-dokumental'nyy sbornik na russkom yazyke* [The history of the city in the center of Asia. Scientific and documentary collection in Russian]. Vol. 2. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 394. List 1. File 11. (In Russian).
3. Gleyzer, M. (1989) *Radio i televizion v SSSR. Daty i fakty (1917–1986 gg.)* [Radio and Television in the USSR. Facts and figures (1917–1986)]. Moscow: Iskusstvo.
4. *Tuvin'skaya pravda*. (1949) 7 February.
5. Center of Archive Documents of Parties and Public Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva (TSADPOO GART). Fund 2. List 1. File 14. (In Russian).
6. Center of Archive Documents of Parties and Public Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva (TSADPOO GART). Fund 2. List 1. File 189. (In Russian).
7. Center of Archive Documents of Parties and Public Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva (TSADPOO GART). Fund 2. List 1. File 190. (In Russian).
8. Kostyakova, Yu.B. (2013) *Stanovlenie mediakul'turnogo prostranstva Khakasii (1920–1930-e gg.)* [Development of the media culture space of Khakassia (1920–1930-ies)]. Abakan: Khakass State University.
9. Center of Archive Documents of Parties and Public Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva (TSADPOO GART). Fund 2. List 1. File 57. (In Russian).
10. Center of Archive Documents of Parties and Public Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva (TSADPOO GART). Fund 394. List 1. File 20. (In Russian).
11. State Archive of the Russian Federation. Fund 17. List 132. File 93. (In Russian).
12. Center of Archive Documents of Parties and Public Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva (TSADPOO GART). Fund 394. List 1. File 36. (In Russian).
13. Tyvastat. (2014) *Yubileynyy statisticheskiy sbornik k 100-letiyu edineniya Rossii i Tuvy* [Jubilee collection of statistics to the 100th anniversary of unification of Russia and Tuva]. Kyzyl: Tyvastat.
14. Klimanova, L.S. (1972) *O partii i sovetskoy pechati, radioveshchanii i televizionii* [On the Party and the Soviet press, radio and television]. Moscow: Mysl'.
15. *Tuvin'skaya pravda*. (1948) 12 May.
16. Center of Archive Documents of Parties and Public Organizations of the State Archive of the Republic of Tuva (TSADPOO GART). Fund 2. List 1. File 259. (In Russian).

Received: 28 December 2015

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ХИВИНСКОГО ХАНСТВА В 1867–1870 ГГ.

*Статья подготовлена в рамках проекта НУ 8.1.32.2015С «История изучения и освоения Сибири»
программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

Рассмотрен процесс установления дипломатических отношений между Российской империей и хивинским правительством, осуществлявшийся Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом в 1867–1870 гг. Положение об управлении Туркестанским краем наделяло генерал-губернатора широкими полномочиями, в том числе и по ведению переговоров со среднеазиатскими государствами. На основании архивных источников – переписки К.П. Кауфмана и хана Хивы Сейид-Мухамед-Рахима II в 1867–1869 гг., хранящейся в фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан, сделана попытка показать основные проблемы и остроту отношений между Хивой и Россией накануне присоединения Средней Азии.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство; Российская империя; Хивинское ханство; К.П. Кауфман.

Известно, что культурные, торговые и политические отношения среднеазиатских государств с Россией начались задолго до присоединения первых к Российской империи. Уже к XI в. древнерусские княжества были связаны с Хорезмом Волжским торговым путем, шедшим от г. Ладога на Каспий и далее в Хорезм и Среднюю Азию, оттуда в Закавказье и персидские земли [1. С. 128]. Уровень торговли был незначителен. Только в 1752 г. была открыта Троицкая таможня в Оренбургской губернии, хотя первый кара-ван из Оренбурга в крупный г. Ташкент пришел в 1738 г. В том же году пришли караваны из Хивы и Ташкента в Оренбург [2. С. 3, 15]. Однако у российских властей имелись и другие важные причины в налаживании отношений с ханскими правительствами. В среднеазиатском плена находились тысячи русских рабов, о чем свидетельствует донесение Петру I от Флорио Беневени, итальянца на русской службе, руководившего посольством в Бухару в 1718–1725 гг. [3. С. 220]. В первой четверти XVIII в. российское правительство уже понимало необходимость и важность включения Средней Азии в орбиту своих геополитических интересов. Экспедиция Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 г., организованная по приказу царя, имела целью отыскать путь в Индию и «склонить к верности и подданству» ханов Хивы и Бухары. Хотя поход не увенчался успехом и почти все участники были перебиты или проданы в рабство, но он дает ясно понять заинтересованность российских властей в Средней Азии. Этот интерес глубже и шире проявился уже в XIX в., когда Туркестан окончательно вошел в состав Российской империи, а границы России и Англии в Центральной Азии грозили соприкоснуться.

Хивинское правительство внимательно следило за продвижением русских войск к своим границам. С 1864 по 1868 г. российскими войсками были поочередно взяты такие крупные города, как Чимкент, Туркестан, Ташкент, Самарканд, а в июле 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Уже не оставалось сомнений, что судьба трех крупных ханств Средней Азии была предрешена. В силу присутствия английских агентов и торговцев в этом

регионе в целом и в Хиве в частности российские власти на местах могли действовать более свободно. В соответствии с Положением об управлении Туркестанским краем 1867 г., генерал-губернатор Туркестана назначался непосредственно императором, командовал военными силами округа и, кроме того, был одним из немногих администраторов, который мог вести дела в отношении пограничных государств – Хивинского, Кокандского ханства и Бухарского эмирата [4].

Сосредоточив внимание на Хивинском ханстве, стоит отметить, что внимание России к этому государству было обусловлено тем, что его западные границы находились на близком расстоянии от границ России. Каспийское море, омывавшее берега Хивинского ханства на востоке и российские на западе (Закавказье), в середине XIX в. стало естественной границей. Но русские суда уже ходили по Каспию, поэтому одна из задач среднеазиатских генерал-губернаторов заключалась в необходимости закрепления позиций на восточном берегу для удобства и безопасности судоходства по всей акватории моря. Вопрос безопасности на Каспии стоял остро. Известный венгерский исследователь Центральной Азии Арминий Вамбери в своем путешествии из Тегерана в Хиву, Бухару и Афганистан в 1863 г. отмечал, что некоторые племена туркмен, не подчинявшиеся ни хивинскому, ни персидскому ханам, совершили грабительские набеги не только на сушу, но и на море [5. С. 41–42]. Кроме того, ведение торговли с Персией, снабжение среднеазиатских владений по морю в перспективе давали много выгод российскому государству. Хиве отводилась особая роль еще и потому, что близость ее к торговым путям, ведущим в местные ханства, делала ее весьма важной для караванной российско-среднеазиатской торговли.

Отметим еще один важный момент, который относится к Центральной Азии в целом. По мнению историка В.В. Дубовицкого, большую роль сыграл *ландшафтно-географический фактор*, смысл которого заключался в том, чтобы присоединить Оренбургскую и Сибирскую пограничные линии и тем самым отодвинуть границу южнее к р. Сырдарье, вплоть до Ташкентского оазиса. Автор утверждает, что это поз-

воловило бы российским властямrationально использовать условия местности не только для обороны государства, но и для снабжения войск продовольствием из указанных территорий [6. С. 195–198]. Добавим, что известное соперничество России и Англии в этом регионе заставляло русское правительство включить в свою сферу влияния среднеазиатские государства, чтобы отодвинуть на безопасное для себя расстояние границы Британской империи. В.В. Дубовицкий признает в той же статье, что «ландшафтно-географический фактор явился <...> не главной причиной, но пусковым механизмом военной кампании 1864–1865 гг.» [Там же. С. 191]. Действительно, в последующие годы Россия не оставляла без внимания этот регион. В 1891–1892 гг. были введены войска на Памир, а в 1892–1895 гг. была создана система пограничной охраны с Китаем и Афганистаном, которые находились под влиянием Англии. А последняя, в свою очередь, постепенно создавала из этих государств так называемый буфер между британской Индией и российской Азией.

Таким образом, Хивинскому ханству в мировом geopolитическом плане отводилась скромная роль посредника. Но во внутриазиатских отношениях подчинение ханства означало внутреннюю безопасность Средней Азии в целом и безопасное присутствие здесь России в частности.

Константин Петрович фон-Кауфман, назначенный генерал-губернатором вновь образованного Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г., при котором было присоединено Кокандское ханство, а над Хивинским ханством и Бухарским эмиратом был установлен российский протекторат, вел себя настойчиво. Уже в ноябре 1867 г., через три месяца после своего назначения, он, обращаясь в письме к хивинскому хану, объяснял новые границы империи, которые проходили теперь «...от Аральского моря по обеим сторонам р. Сырдарьи вдоль границ Вашего Ханства, владений Бухарских, Ханства Кокандского и далее вдоль границы Китайской до Тарбагатайского хребта» [7. Л. 1]. В том же послании он сообщал о назначении его генерал-губернатором и о том, что дальнейшие сношения с Россией будут проходить только через генерал-губернатора, а войска в приграничье нужны «...не для расширения пределов, а для наблюдения за порядком внутри нашей границы и для наказания тех из наших соседей, которые не соблюдают святыни договоров» [Там же. Л. 1 об.]. Данная формулировка дала понять хивинцам о том, чего стоит ожидать им в случае нарушения границы России. Здесь речь идет не о соблюдении межгосударственных договоров, которые, по отзывам современников и историков, были мало понятны главам среднеазиатских феодальных государств и их правительствам, недостаточно понимавшим нюансы европейской международной политики, а о том, чем грозит Хиве нарушение границ, теперь уже соседнего, Российского государства.

Известна реакция хивинцев на приближение русских к границам ханства. Хива – единственное государство в данном регионе, которое долгое время отка-

зывалось признать Россию в роли лидера. Причина этого – нежелание ханского правительства обращать внимание на международную обстановку и расклад сил в Азии. А. Вамбери, лично встречавшийся с Сейид-Мухамед-ханом, отзывался о нем как о слабоумном монархе. И речь шла не о психическом состоянии хана, а о неумении управлять, поскольку о самой встрече автор не делает каких-либо отрицательных замечаний, касающихся психической адекватности «его королевского высочества» [5. С. 97–98]. Действительно, во время правления Сейид-Мухамеда (1856–1864) Хиву сотрясали гражданские войны между крупными этносами ханства – узбеками и туркменским племенем йомудов, а столица была разграблена; санитарное состояние города и населения оставляло желать лучшего, народ ханства переболел чумой и холерой. Его сын Сейид-Мухамед-Рахим II, правивший с 1865 по 1910 г., которому на момент завоевания ханства русскими войсками было 30 лет, и вовсе «ничего не смыслил в государственных делах». Он ими не занимался, вверив управление государством одному из своих приближенных – Мат-Мураду. Сам же проводил время в своем гареме или на охоте. Так писал о нем современный российский исследователь Е.А. Глущенко и добавлял, что правитель ничего не знал и о сопредельных странах, а золотые часы, подаренные ему когда-то английским эмиссаром, показывали неверное время [8. С. 105–106].

Контакт между Россией в лице генерал-губернатора и хивинским ханом затруднял формализм со стороны последнего. Нельзя сказать, что отношения между Туркестанским генерал-губернатором и ханом Хивы были равными. Формально они таковыми не могли быть, так как уровень генерал-губернатора максимум мог соответствовать уровню визиря – кушбеги. Известно, что Кауфман всячески старался поддержать свой авторитет, коренное население Туркестана признавало за ним образ полуцаря – ярым падшо. Этого требовали обстоятельства и специфики Востока и его менталитета с признанием власти за сильнейшим. Этот статус подтверждали и широкие полномочия, которыми его наделил император Александр II и, соответственно, высокий статус, который должен был приравнивать его к хану в глазах населения. Ханское правительство не могло понять этого. Ясная картина этого противостояния представляется в переписке Кауфмана с Хивой.

Константин Петрович, обращаясь к хану в письме от 12 августа 1869 г., вел себя вполне уверенно, делая замечание о незаконных и даже враждебных действиях «подвластных хану людей» [9. Л. 36–36 об.]. В этом же письме он предупреждал, что наказание преступников последует незамедлительно, где бы они ни были и в чьем бы они подданстве ни состояли. Кроме того, он упоминал о письмах, которые были распространены среди казахов, поданных России, в которых, как известно, содержались призывы к восстанию, неповиновению российским властям и священной войне против русских. Кауфман признавал факт существования этих писем. Не обвиняя напрямую власти Хивы в провокациях, а говоря о провока-

торах в целом, он дал понять, что подобные выходки будут пресекаться. А хану он рекомендовал принять меры в отношении своих подданных. Далее тональность письма усиливается, а Кауфман ясно давал понять о силе и могуществе российской власти в Туркестане. Довольно прямолинейное письмо завершилось словами «Я не хочу думать, чтобы все это делалось с вашего ведома, а желал бы верить, что вы к этим действиям нисколько не причастны. Подобные же действия бывали прежде и со стороны Коканда и Бухары. Вам известны последствия. Россия должны была занять города... (ханств. – Е.К.). Ханства эти много потеряли <...> и только теперь <...> они поняли, наконец, что Великий Государь наш не ищет завоеваний, но приобретает спокойствие для своих подданных силою оружия, если соседи не понимают добрых Его желаний...» [9. Л. 37]. Заметим, что за год до этого, летом 1868 г., Бухарский эмир был вынужден заключить мир с Россией и принять условия вассалитета. На это и намекал Кауфман хивинскому хану.

Становится понятным, почему письма Кауфмана часто оставались без ответа или специально задерживались хивинскими курьерами, а иной раз и вовсе письма хана шли напрямую в Петербург, минуя канцелярию генерал-губернатора. Это выглядело, по мнению хивинцев, справедливым и «равным». Хан и представить не мог, что Белый царь их даже не читал, а его письма либо отправлялись в Ташкент в канцелярию генерал-губернатора, либо в Азиатский департамент МИДа. Для хивинского хана подобный тон Кауфмана в письмах выглядел, по меньшей мере, дерзко и фамильярно. Переписка хана не с главой государства, а с его подчиненным, безусловно, унижала самолюбие хивинского монарха.

Еще в 1839 г. в Петербурге было принято решение снарядить военную экспедицию в Хиву во главе с оренбургским генерал-губернатором Перовским, которая закончилась провалом вследствие недостаточной подготовки. Через восемь месяцев экспедиция повернула назад, потеряв 1 054 человека, 10 тыс. верблюдов и 8 тыс. лошадей, не считая большого количества продовольствия [8. С. 70].

Согласно договору между Хивой и Россией, заключенному через два года после этих событий, первая должна была отпустить русских пленных, захваченных в рабство, и впредь не нападать на российские торговые караваны, не уводить в рабство подданных российской короны. Но хан не исполнял условий договора. У Кауфмана, таким образом, была веская причина «напомнить» ему об обязательствах. К тому же теперь российские границы соприкасались с хивинскими, а российские войска уже находились в Азии, и не было надобности организовывать дорогостоящую экспедицию из центральной России.

На этот случай у генерал-губернатора также было свое решение. В письмах к военному министру Д.А. Миллютину от 7 и 10 июня 1869 г. он предлагал

высадить на берегу Красноводского залива Каспийского моря войска Кавказского военного округа и отмечал, что высадка войск будет являться дополнительным фактором давления на Хиву [10. С. 265]. Идея была поддержана и в Министерстве иностранных дел. В ноябре 1869 г. русский военный отряд под командованием Н.Г. Столетова произвел успешную высадку на побережье Муравьевской бухты Красноводского залива, где позднее был основан г. Красноводск.

Сообщая Столетову в январе 1870 г. о своем ультимативном письме в Хиву, Кауфман отмечал: «Я совершенно убежден, что рано или поздно нам не миновать столкновения с этим ханством» [Там же. С. 273]. Это и случилось весной 1873 г., когда была взята столица Хивинского ханства. 12 августа того же года был заключен мир, по которому Хива в течение 20 лет должна была выплачивать России 2 200 тыс. руб.; русские купцы могли свободно и беспошлино торговать в пределах ханства; на берегу Амудары было построено Петро-Александровское укрепление (г. Турткуль) [11. С. 103]. Таким образом, Хивинское ханство, согласно этому договору, превратилось в вассальное государство, которым оставалось до 1917 г.

Таким образом, феодальное государство, коим являлось Хива, отягощенное внутренними межплеменными конфликтами, безусловно, рано или поздно вошло бы в сферу влияния той или иной державы. И российская власть на местах в лице генерал-губернатора Туркестана понимала, что в отношении Хивы необходимо действовать, исходя из интересов России и специфики сложившихся русско-английских отношений, которые характеризовались соперничеством в Азии. Было еще одно препятствие. Ханская власть в силу непонимания или нежелания затягивала переговорный процесс, но Кауфман поддерживал дипломатические отношения с Хивой, и переписка с ханом и его правительством носила постоянный характер. Политические отношения в конце 60-х гг. XIX в. между Россией и Хивой достигли критического уровня, что не должно говорить о неспособности сторон вести диалог. Наоборот, стороны желали эскалации конфликта по простым причинам. Хивинское правительство недооценивало военную силу соседней империи и то, что со временем безуспешных и трудных походов российских войск в Азию Россия подготовила плацдарм на Кавказе и в Азии для наступления вглубь континента. Правительство России и генерал-губернатор, в свою очередь, стремились опередить английских агентов в их попытке повлиять на азиатские ханства и Персию и установить свой протекторат над этим регионом. В этой связи роль генерал-губернатора в Туркестане продолжала иметь большое значение, что и отразилось в проектах Положения об управлении Туркестанским краем 1871 и 1873 гг., исследование которых позволит в дальнейшем уточнить, как развивалось имперское законодательство в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузя А.В. Малые города Древней Руси. М. : Наука, 1989. 168 с.
2. Губаревич-Радобильский А.Х. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами // Материалы для изучения хлопководства / сост. А.Ф. Губаревич-Радобильский. СПб., 1912. Вып. II. 248 с.

3. Гуломов Х.Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент : ФАН, 2005. 333 с.
4. Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Науковедение. 2014. № 5 (24). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>, свободный.
5. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М. : Вост. лит., 2003. 320 с.
6. Дубовицкий В.В. Россия в Среднеазиатском регионе // История и современность. 2009. С. 190–221.
7. Копия Письма генерал-адъютанта фон-Кауфмана хану Хивинскому от 19 ноября 1867 г. // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. И–1. Оп. 34. Д. 13.
8. Глущенко Е.А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М. : XXI век – Согласие, 2001. 464 с.
9. Копия письма генерал-адъютанта фон-Кауфмана хану Хивинскому от 12 августа 1869 г. // ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 34. Д. 13.
10. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М. : Наука, 1965. 465 с.
11. История народов Узбекистана : в 2 т. / гл. ред. А. Аскarov. Ташкент : ФАН, 1993. Т. 2. 450 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 ноября 2015 г.

RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE KHANATE OF KHIVA IN 1867–1870

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 101–104. DOI: 10.17223/15617793/404/15

Krupenkin Evgeny N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kenust-muta@mail.ru

Keywords: Turkestan Governorate-General; Russian Empire; Khanate of Khiva; K.P. Kaufman.

The article focuses on the process of establishing diplomatic relations between the Russian Empire and the government of Khiva in 1867–1870 that was carried out by Turkestan Governor-General K.P. Kaufman. The Statute of Turkestan Krai (Governorate-General) gave large powers to the Governor-General, including an authority to hold negotiations with Central Asian countries. Basing on archival sources (correspondence between K.P. Kaufman and Khivan khan Sayyid-Mohammed-Rahim in 1867–1869 that is held in Central State Archive of the Republic of Uzbekistan), the author of the article attempts to show the main issues, challenges and intensity in the relations between Khiva and Russia before Central Asia was incorporated. It is impossible to understand the policy principles and even the ideology of the Empire using only diplomatic correspondence. The study of the processes of that period is of no less importance. Useful information can be found in the notes of Ármin Vámbéry, a Hungarian discoverer and contemporary of the events described in the article. He knew eastern languages and thoroughly described Khiva, morals and political balance inside the khan’s court, which gives an opportunity to elaborate some historiographical conclusions. The isolated geographic location of the region and scarce research of local customs and traditions were the obstacles for western travelers in making individual trips to Asia. Incognito, disguised as a Turkish pilgrim, Vámbéry was able to collect valuable information about the region that was not available for classic scientific expeditions. As Central Asia became a field where the foreign policy and economic interests of Russia and Great Britain collided in the second half of the 19th century, the article considers the geopolitical role of the Khivan Khanate in foreign relations. Location of the state made it in control of the water area and the eastern shores of the Caspian Sea as well as of the territories along the Amu Darya river (western part of Uzbekistan and Turkmenistan nowadays). Russian policy there was aimed to merge Orenburg and Siberian border lines, it was driven by the geographical landscape factor and the need to enforce Russian military presence in Asia. In the third quarter of the 19th century, Russian troops moved deeper into Asia and reached the borders of Kokand, Bukhara and Khiva. The article describes an important episode in the Russian-Khivan relations, when the Russian side in the name of the Governor-General, Minister of War and Minister of Foreign Affairs decided to perform a military expedition to the Khanate of Khiva. Historical sources analysis shows the main directions of further development of the Russian-Khivan relations in the 19th century.

REFERENCES

1. Kuza, A.V. (1989) *Malye goroda Drevney Rusi* [Small towns of Ancient Rus]. Moscow: Nauka
2. Gubarevich-Radobyl'skiy, A.Kh. (1912) *Znachenie Turkestana v torgovle Rossii s sopredel'nyimi stranami* [The value of Russian Turkestan in trade with neighboring countries]. In: Malakhovskiy, N.I. (ed.) *Materialy dlya izucheniya khlopkovodstva* [Materials for the study of cotton production]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
3. Gulomov, Kh.G. (2005) *Diplomaticeskie otnosheniya gosudarstv Sredney Azii s Rossiey v XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Diplomatic relations between the Central Asian states and Russia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Tashkent: FAN.
4. Vasil'ev, D.V. (2014) Administration System of Russian Turkestan: the Case of 1870th Projects of the Statute for Governing of the Region. *Naukovedenie*. 5 (24). [Online]. Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>. (In Russian).
5. Vamberi, A. (2003) *Puteshestvie po Sredney Azii* [Journey through Central Asia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
6. Dubovitskiy, V.V. (2009) *Rossiya v Sredneaziatskom regione: tri veka v zerkale geopolitiki* [Russia in the Central Asian region: three centuries in the mirror of geopolitics]. *Istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 190–221.
7. Kopia Pis'ma general-ad'yutanta fon-Kaufmana khanu Khivinskому ot 19 noyabrya 1867 g. [A copy of the Letter of General Adjutant von Kaufmann to the Khiva Khan of November 19, 1867]. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund I–1. List 34. File 13.
8. Glushchenko, E.A. (2001) *Geroi Imperii. Portrety rossiyskikh kolonial'nykh deyateley* [Heroes of the Empire. Portraits of Russian colonial officials]. Moscow: XXI vek – Soglasie.
9. Kopia pis'ma general-ad'yutanta fon-Kaufmana khanu Khivinskому ot 12 avgusta 1869 g. [A copy of the Letter of General Adjutant von Kaufmann to the Khiva Khan of August 12, 1869]. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz). Fund I–1. List 34. File 13.
10. Khalfin, N.A. (1965) *Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.)* [Accession of Central Asia to Russia (1860s–1890s)]. Moscow: Nauka.
11. Askarov, A. (ed.) (1993) *Istoriya narodov Uzbekistana: v 2 t.* [The history of the peoples of Uzbekistan: in 2 vols]. Vol. 2. Tashkent: FAN.

Received: 17 November 2015

«ВОЗВЫШЕНИЕ» ШОС: УСПЕХИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

Проводится мысль о том, что ныне ШОС – быстро эволюционирующий «узел» многополярного мира, способный активно противостоять глобальным и региональным рискам. Однако, при всей ощущаемости успехов сотрудничества, наблюдаются несовпадения интересов ряда членов Организации, особенно в плане экономического развития. Авторы приводят предложения по повышению эффективности ШОС как международной структуры, рассматривая факторы, препятствующие дальнейшей оптимизации деятельности Шанхайской группы.

Ключевые слова: ШОС; угрозы безопасности; внешнеэкономические связи; ЕАЭС; ЭПШП; эффективность международной организации.

С последние годы наблюдается значительный рост роли и влияния Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как на региональном, так и на глобальном уровнях, который еще 5–7 лет назад не был столь очевиден. Вес ШОС в мировых делах возрос в силу достижений политico-экономического развития стран Организации и институционального упорядочивания ее структур. Ныне активность Шанхайской группы расширяется и в ООН, и во взаимодействии с такими структурами, как G-20, НАТО, АСЕАН и БРИКС. На усиление глобального и регионального влияния Организации «работает» и корпус наблюдателей ШОС. Сегодня в него входят четыре государства – Иран, Белоруссия, Монголия и Афганистан. Расширение группы стран – партнеров по диалогу в составе Азербайджана, Армении, Камбоджи, Непала, Турции и Шри-Ланки также способствует повышению авторитета ШОС в международной жизни. Можно сказать, что ныне Организация – один из быстро эволюционирующих центров многополярного мира [1. С. 81], стоящих не просто перед возможностью, но и перед необходимостью наращивания своей активности для противостояния рискам в развитии международной обстановки.

Так, в сфере безопасности Организацию в ближайшие два года ждут нелегкие испытания на центрально-азиатском «фронт». На фоне обострения проблем трансграничной преступности, религиозного экстремизма, сепаратизма и наркотрафика усиливаются тревожные ожидания 2015–2016 гг. Конфликт ключевой страны ШОС – России – и государства-наблюдателя Турции не может не оказаться на внутриполитическом климате Организации. Нарастание неопределенности связано и с двусмысленностью намерений Вашингтона по поводу объемов и окончательных сроков вывода войск западной коалиции из кризисной Исламской Республики Афганистан (ИРА), подразумевающего или перенос военно-политической ответственности за ситуацию в стране на администрацию президента Афганистана, или возложение на коалиционные силы дополнительных функций. Состоится ли полномасштабный вывод войск или же в ИРА останется специальный, особо уполномоченный контингент коалиции – все это покажет ближайшее будущее.

Стратегически весомые средне- и долгосрочные перспективы столь значимых для ИРА экономических отношений в рамках ШОС связаны с модернизацией и развитием транспортных коммуникаций, проходящих из Центрально-Азиатского региона (ЦАР) через Аф-

ганистан в южном направлении, с содействием прокладки ЛЭП из стран Центральной Азии в Афганистан и транзитом через него – в Пакистан, а также со строительством прочей инфраструктуры, реализацией социальных программ для населения [2. С. 284].

Все эти экономические начинания логичным образом требуют особой внешней среды, в которой созидательная работа могла вестись или просто в мирных условиях, или же под защитой специального оборонного контингента. Поэтому, в любом случае, вопросы безопасности и сотрудничества со структурами, заинтересованными в сохранении стабильности в ЦАР и вокруг него, выйдут для ШОС на первый план.

Несмотря на усиление глобальных позиций Шанхайской группы, активность на региональном уровне останется для Организации базовой функцией. Модель ШОС образца 2016 г. предусматривает дальнейшее наполнение региональной повестки в свете особенностей турецких и афганских процессов, а также с учетом углубления центральноазиатских диспропорций (рост традиционных и нетрадиционных угроз безопасности региона, связанных с активностью ИГИЛ, экономический подъем одних государств и спад в других, обострение водно-экологических, социальных проблем, риски растекания «арабской весны» и др.) [3. С. 9–11].

Однако между глобальным и региональным позиционированием ШОС пока нет явных противоречий. Одно вытекает из другого, оба вектора дополняют друг друга.

В торгово-экономической и инвестиционной деятельности Организации по-прежнему доминирует двусторонний формат сотрудничества, представленный совместными проектами (в основном инициированными китайской стороной) с конкретными государствами – членами ШОС. Страны-наблюдатели привлечены к этим процессам пока слабо (что на настоящий момент может быть даже полезным, если учесть нестабильность ситуации в ряде из них). Преобладание двусторонних форм сотрудничества – явление объективное, сложившееся в силу масштабности финансово-инвестиционного и торгово-экономического ресурса КНР, значительно превышающего возможности других государств – членов Организации. В принципе, данное положение дел не несет явной угрозы жизнеспособности ШОС как таковой.

Общий объем привлеченных капиталовложений Китая в странах Центральной Азии к 2015 г. составил,

по нашим оценкам, примерно 40 млрд долл. Освоение китайских инвестиций любого назначения так или иначе стимулирует товарооборот между КНР и государствами Центральной Азии, а также улучшает ряд макроэкономических показателей стран региона. А сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным «оптовиком»-импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств Центральной Азии на трансрегиональном уровне и росту их добывающего комплекса [4].

Главным центральноазиатским контрагентом Китая остается Республика Казахстан (РК). Росту двусторонней торговли за последние 7 лет содействовало открытие в 2006 г. единственной в регионе зоны свободной торговли, расположенной на китайско-казахстанской границе. В 2013 г. товарооборот КНР и РК превысил 22,5 млрд долл. [5] (тогда же общий объем китайско-центральноазиатской торговли достиг 40,2 млрд [6]). Однако в 2014 г. в силу кризисных явлений в мировой экономике товарооборот между двумя странами впервые продемонстрировал спад и составил 17,2 млрд долл. Что касается китайских инвестиций в экономику Казахстана, то с 1992 по 2013 г. их сумма составляла порядка 20 млрд долл., включая около 6 млрд прямых инвестиций. В 2014 г., несмотря на все объективные трудности, приток китайских капиталовложений в экономику РК продолжился. В сентябре 2015 г. в рамках государственного визита президента Казахстана Н. Назарбаева в КНР стороны заключили 25 соглашений на общую сумму 23 млрд долл. [7]. В немалой степени это было сделано во исполнение договоренностей 2013–2014 гг. по реализации инвестиционных проектов в Казахстане на общую сумму около 43 млрд долл. Таким образом, объем китайских капиталовложений в РК в течение последних 1,5 лет вдвое превысил объем инвестиций КНР, привлеченных за предыдущие 20 лет [8].

В экспертном сообществе России и Китая продолжается активное обсуждение перспектив и направлений интеграции в рамках ШОС. В начале 2000-х гг., когда Организация только набирала силу, Пекин воспринимал ее пространство (территорию постоянных членов) как доступный вектор китайских интеграционных усилий, изначально направленных на создание зоны свободной торговли (ЗСТ). Однако защитная реакция малых стран ШОС и принцип консенсуса при принятии решений, предусмотрительно заложенный отцами-основателями в учредительных документах Организации, сыграли сдерживающую роль для китайского проекта [9]. Вариант «ЗСТ-2004» в ЦАР не прошел. Китайцы, тем не менее, впоследствии провели документ о перспективах интеграции в зоне ШОС до 2020 г. А в ходе заседания Совета глав правительств государств – членов Шанхайской организации сотрудничества 14 декабря 2015 г. премьер госсовета КНР Ли Кэцян вновь озвучил идею создания ЗСТ ШОС, подразумевающую не только достижение к 2020 г. свободы перемещения товаров, капиталов, прочих факторов производства между странами-участницами, но и, по всей видимости, содействие включению стран Центральной Азии в китайскую

стратегию «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП).

Видится целесообразным уточнить два вопроса, представляющих важными для аккларации общих хозяйственных перспектив Организации:

1. С помощью каких административных, политических и / или чисто экономических средств и механизмов возможно наиболее эффективным образом осуществить «апгрейд» экономических проектов с двустороннего уровня в формат многосторонней кооперации?

2. В какой степени и по каким направлениям совпадают или не совпадают торгово-экономические интересы КНР и других стран ШОС?

Очевидно, что с технологической и организационной точки зрения придать двусторонним проектам трех- или четырехсторонний формат – дело достаточно сложное. Гораздо легче инициировать многосторонние проекты заново, прежде всего в производственной, торговой и инфраструктурных сферах.

Ряд российских экспертов (А. Грозин и др.) полагает, что экономическое наступление КНР в регионе происходит больше за счет вытеснения западных, а не российских предпринимательских единиц. Интересы китайского бизнеса не противоречат-де ключевым устремлениям российских компаний, хотя по отдельным (локальным) направлениям между ними и могут наблюдаться несоответствия.

Усиленно наращивая свое экономическое (инвестиционное) влияние в Центральной Азии, Китай явно не собирается ждать Россию и / или согласовывать с ней его хозяйственную стратегию. Пекин самостоятельно и успешно развивает и инфраструктурные проекты в ЦАР. Некоторые китайские исследователи утверждают, что КНР «невыгодно, чтобы Центральная Азия принадлежала отдельным силам», что отношения с Россией в регионе – это «сотрудничество и конкуренция», что «соперничество двух стран будет продолжительным» [10. С. 122–129]. Однако при этом практически все китайские ученые и эксперты (политологи и экономисты) констатируют приоритет России в сфере поддержания региональной безопасности. Похоже, Пекин не прочь возложить на Москву все полномочия по поддержанию безопасности в ЦАР еще и потому, что это даст ему возможность сконцентрировать усилия на более удобных и / или «чувствительных» для него направлениях (например, ситуация в двух Китайских морях).

При всей своей напористости Китай прокладывает курс на расширение позиций в Центральной Азии весьма осмотрительно. Дипломатические усилия Поднебесной сфокусированы на том, чтобы избежать обострения отношений с Россией: КНР рассматривает нашу страну не как соперника, а как политического партнера в деле противодействия западному влиянию. («Большой» российско-китайский Договор о стратегическом партнерстве 2001 г. косвенно распространяется и на Центральную Азию). КНР позиционирует себя как государство, которое признает российские приоритеты и не пытается выдавать или подменять Россию в ЦАР. Однако экономически (по объемам

инвестиций и товарооборота, числу реализованных в последние 15 лет инфраструктурных и энергетических проектов) Китай на центральноазиатской «беговой дорожке» Россию обогнал.

Между российским и китайским видением освоения экономических ресурсов Евразии имеются несовпадения и даже противоречия. И волевым решением абсолютного «евразийского альянса» между РФ и КНР достигнуть невозможно. Вследствие этого РФ не просто стремится, но и вынуждена активно реализовывать собственную концепцию евразийской экономической интеграции – через уже функционирующий Таможенный союз (ТС) и недавно официально оформленный параллельный проект – Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Кыргызстана.

Очевидно, что характер соотношения интеграционных инициатив – ШОС, ЕАЭС и проекта под китайской эгидой «Экономический пояс Шелкового пути» – пока не определен; перспективы их слияния и / или соразвития также не ясны, хотя аналитическая работа по определению сфер сопряжения этих проектов активно ведется хотя бы на экспертном уровне. Однако само параллельное выдвижение этих проектов говорит о наличии нескольких версий региональной интеграции как в рамках ШОС, так и вокруг нее. Пока же Китай, успешно реализуя с рядом государств ЦАР – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном – двусторонние интеграционные и торговые проекты, декларативно придает им статус «общественных» инициатив.

Несомненно, что ключевым фактором в развитии ШОС становится и экономическая мотивация РФ, пытающейся сохранить для себя основные центральноазиатские источники углеводородов и транспортные «коридоры» их доставки и транзита. В энергетической и транспортной сферах особую конкуренцию России составляют такие акторы, как страны ЕС и Турция. А приоритетными партнерами РФ здесь являются Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Скоординированность усилий России и стран Центральной Азии может выступить катализатором межгосударственной кооперации и фактором эффективизации регионального разделения труда, например по таким направлениям, как глубокая переработка углеводородов, сооружение АЭС, ГЭС, строительство транспортной инфраструктуры и др.

Не стоит замалчивать факт российско-китайского энергетического соперничества в ЦАР, особенно после пуска в эксплуатацию в конце 2009 г. газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай». Существуют несовпадения и в направленности инфраструктур ЕАЭС и стратегического проекта ЭПШП. Так, китайские магистрали, в отличие от подлежащих задействованию в ЕАЭС, ориентированы на маршруты в обход России либо на путь, параллельный Транссибу (через Центральную Азию). Между двумя проектами имеются нестыковки и в плане ориентирования и загруженности потоков экспорт-импорта углеводородов.

Тем не менее в нефтегазовой сфере Россия и Китай являются соперниками только с коммерческой

точки зрения: на углеводородных рынках ЦАР наши страны находятся на этапе «мягкой» конкуренции. Диалог в рамках ШОС может быть механизмом предотвращения «жесткого» соперничества, которое ознаменовало бы собой перерастание технологических и коммерческих несоответствий в политическое противостояние. Подобное развитие событий не отвечает интересам ни той, ни другой стороны.

Председатель КНР Си Цзиньпин пригласил Туркменистан, РК, Узбекистан и Кыргызстан к участию в создании «Экономического пояса Шелкового пути» еще во время своего визита в страны Центральной Азии в 2013 г. Данный жест получил в государствах ЦА позитивный отклик [11]. Китайский лидер продекларировал намерение КНР играть активную роль в коллективном строительстве единой транспортной инфраструктуры от Тихого океана до Балтийского моря и вместе с Россией прилагать новые усилия по гармоничному развитию ЦАР [12]. Это актуализирует вопрос об иерархии и приоритетности центральноазиатских проектов в глазах Пекина. И к какому именно начинанию проявят больший интерес сами страны региона – к китайской ли инициативе или же проектам в рамках ШОС и ЕАЭС, – сказать трудно. Первая представляется весьма заманчивой, но остальные начинания – более ощутимы и посему более надежны. А вот распыление внимания участников по параллельным проектам может усилить фактор неопределенности в ЦАР и обострить для его стран проблему выбора основного стратегического партнера.

В результате рассмотрения центральноазиатского «среза» ШОС напрашивается вывод о том, что складывающаяся в ЦАР ситуация отличается сложностью и противоречивостью. Параллельно происходит рост роли РФ и КНР в Шанхайском форуме, от конструктивности которой в немалой степени зависят вектор развития региона и общая обстановка в нем.

Многие проблемы внутренней безопасности, стабильности и экономического прогресса Центральной Азии пока не поддаются полному разрешению. В условиях углубляющегося разрыва в экономическом развитии региональных «лидеров и аутсайдеров», нарастания целого ряда уже существующих и потенциальных вызовов и угроз религиозного, социально-экономического и политического характера достижение задач по модернизации и подъему государств ЦАР существенно осложняется.

В заключение видится целесообразным предложить ряд рекомендаций, направленных на повышение экономической эффективности Шанхайского форума, столь необходимой для раскрытия его интеграционного потенциала.

Экономическая эффективность международной организации (МО) – мало разработанный в мировой политологии вопрос. По мнению российского эксперта Е.И. Сафоновой, ее можно трактовать как результативность деятельности МО или как степень наполнения экономических потребностей стран – членов организации. «Степень наполнения» может быть представлена в качестве отношения стоимости полученных результатов экономической активности МО к

стоимости ресурсов, затраченных на их (результатов) достижение.

Как определить затраты на экономическую деятельность ШОС? Как затраты на работу ее Секретариата, координирующего в том числе и экономическую активность ШОС? (Эта величина крайне невелика. Каковы затраты, таков и результат.) Или какова стоимость финансовых и иных ресурсов, выделенных странами-участницами на реализацию совместных экономических проектов? Если так, то средства на экономические инициативы в ШОС выделяет только Китай (будь то связанное кредитование центрально-азиатских членов Организации или же сооружение ряда инфраструктурных объектов), поскольку только он заявляет о «шоссовской» направленности ряда своих финансовых и производственных инициатив в Центрально-Азиатском регионе [13].

Взгляды стран-членов на результаты, которые они хотят получить от деятельности ШОС, тоже разнятся. КНР и многие страны Центральной Азии полагают, что даже в условиях усложнения ситуации с поддержанием безопасности хозяйственную сферу следует оставить во главе приоритетов ШОС. Россия же, обладающая большими сравнительными преимуществами в области оборонного взаимодействия и меньшими (по сравнению с Китаем) – в области экономики, не заинтересована во вспомогательном характере военного партнерства. Более того, она намерена обратить самое пристальное внимание на свой статус как экономического агента в Организации и в АТР в целом. Так, Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. выступил за проработку вопроса о создании масштабного экономического партнерства между странами ЕАЭС, ШОС и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). По мнению В. Путина, на первоначальном этапе такое партнерство могло бы сосредоточиться на вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур трансграничного движения товаров, совместной выработке стандартов для продукции следующего технологического поколения и на взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов [14] (что, по сути, подразумевает массированный процесс учреждения зон свободной торговли).

Отсюда возникает вопрос: поскольку расчет величины числителя и знаменателя ключевого соотношения настолько проблематичен и он будет еще более сложным, если РФ интенсифицирует свою экономическую деятельность в Шанхайской группе, то значит ли это, что ШОС – организация с неопределенной экономической эффективностью? Политически ШОС, несомненно, становится все более авторитетным явлением на мировой арене. Но происходит ли это за счет ее коллективной экономической эффективности? Думается, что пока нет.

Это происходит за счет очевидной политической востребованности Шанхайской группы всеми ее участниками. Однако если ШОС позиционирует себя не как структуру, обслуживающую текущие интересы государств-членов, а как жизнестойкую долголетнюю организацию, то рано или поздно вопрос о повыше-

нии ее экономической эффективности встанет во весь рост [13]. Объем статьи позволяет перечислить только некоторые возможные меры в данном направлении.

1. Очевидно, что для эффективизации ШОС следует не столько вырабатывать новые кооперационные программы (коих и так уже немало), сколько подвести их к практической реализации. Поэтому исходной задачей видится устранение нестыковок в подходах государств-участников Организации по таким базовым вопросам, как:

а) генеральное направление и основной смысл деятельности ШОС на обозримую перспективу (экономическое сотрудничество или военно-стратегическое взаимодействие, двусторонние экономические проекты или многосторонние комплексные начинания);

б) конкуренция РФ и Китая на рынке углеводородов из ЦА. Транспарентные, откровенные консультации могли бы сгладить остроту потенциального соперничества двух стран на соответствующем «поле»;

в) диверсификация транзитных возможностей центральноазиатских членов ШОС, в связи с которой возникает риск утраты Россией ее транспортных (практически монопольных) позиций в регионе. Поэтому и этот вопрос нуждается в конструктивном согласовании;

г) сглаживание противоречий между странами ЦА по проблемам вододеления и водопользования, прохождения границ, конкуренции во внешней торговле, соперничества на мировом инвестиционном рынке и проч., усиливающих конфликтный потенциал внутри Шанхайской группы [15. С. 77–86];

д) придание приятного характера взаимоотношениям ШОС с другими организациями, действующими на пространстве ЦА, – ОДКБ и недавно образованным ЕАЭС, тем более что некоторые виды деятельности этих организаций и ШОС «запараллелены». Это смягчило бы и обеспокоенность КНР по поводу ее невключенности в ОДКБ и ЕАЭС;

е) особенности внешнеполитического курса центральноазиатских столиц, которые, проводя линию на многовекторность своей внешней политики, не только лавируют между российским и китайским «берегами», но расширяют контакты с внерегиональными силами – США и ЕС. Это беспокоит ключевых членов ШОС – РФ и Китай – и требует снятия соответствующих «заботочностей». Иными словами, первоочередной задачей ШОС видится превращение ее в эффективный консультационный механизм.

Особо важным консультативное взаимодействие является для «стрежнеобразующих» членов ШОС – России и Китая. Ведь именно от них зависит успех или неуспех деятельности ШОС как таковой.

2. Отладка кооперационных процессов внутри ШОС. Интеграция – это многоступенчатый процесс экономического взаимоврастания, до которого ШОС еще очень далеко. А кооперация в сферах, имеющих коллективное значение, – процесс более простой и посему более достижимый. Перспективными, особенно для РФ, областями коллективной кооперации могли бы стать машиностроение (преимущественно сельскохозяйственное); развитие производственных свя-

зей в несырьевых отраслях (прежде всего в инфраструктурных); модернизация добывающих объектов; производство полуфабрикатов цветной металлургии и атомной энергетики (ибо основные промышленно-рентабельные запасы урановых руд и цветных металлов СНГ находятся в Центральной Азии, а доступными для Центральной Азии технологиями располагает Россия); сотрудничество в текстильной отрасли, поскольку без центрально-азиатского сырья текстильная промышленность РФ обречена на упадок [16. С. 141–144].

3. Повышение финансовой самостоятельности ШОС путем полного перехода к внешнеторговым расчетам в национальных валютах в обход доллара. Эта мера сняла бы зависимость торговли в ШОС от колебаний долларовых котировок, ускорила процессы торгово-экономической кооперации и уменьшила бы расходы на конвертацию валют, в целом повысив ка-

чество ВЭД. Однако она сопряжена и с риском доминирования юаня во «внутришосовских» расчетах. Очевидно, что РФ необходима собственная стратегия изыскания «шосовской» валюты. Здесь видится небесполезным анализ вопроса о введении особой расчетной единицы ШОС, аналогичной по функциям «переводному рублю» Совета экономической взаимопомощи (в 1964–1991 гг.).

4. Не стоит забывать, что при всей его значимости «проект» ШОС является для КНР лишь частным случаем ее региональной политики. И чем выше будет экономическая активность Китая в прочих международных структурах, тем очевиднее встанет вопрос о вероятности «перетекания» ресурсов страны иным адресатам; а для РФ – проблема повышения конкурентоспособности на других мировых «площадках». И это тоже требует внимания экспертов [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лузянин С.Г., Сафонова Е.И. Роль Китая и России в «возвышении» ШОС // Межсекционный сборник № 3 «Региональная политика» (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) : научное издание / под ред. В.И. Салыгина, С.Г. Лузянина и др. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 81–85.
2. Сафонова Е.И. К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС–Афганистан» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М. : ИДВ РАН, 2012. Вып. XVII. С. 280–293.
3. Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2015. 36 с.
4. Лузянин С.Г. Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/centralnaja_aziya_izmerenija_bezopasnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm
5. Сайт ИА Kazakstan Today. URL: http://kt.kz/rus/economy/tovaroorbot_kazahstana_i_kitaja_za_2013_god_dostig_22_53_mlrd_1153585107.html
6. Сайт Института каспийского сотрудничества. URL: <http://www.casfactor.com/ru/news/5588.html>
7. Сайт ИА «Новости–Казахстан». URL: <http://newskaz.ru/politics/20150901/9575014.html>
8. Сайт ИА «BNews.KZ». URL: <http://bnews.kz/ru/news/post/205162>
9. Лузянин С.Г. Китай в Центральной Азии: «Взаимный выигрыш» или экспансия? URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/236557/>
10. Сунн Чжуанчжи. Шанхай хәццө ىزчукى: жэнъ чжун ер дао юань (Шанхайская организация сотрудничества: ответственность велика, а путь далек) // Съездай шици. 2012. № 7. С. 122–129.
11. Жыньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8505971.html>
12. Официальный сайт Президента РК. URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_214693_segodnya-prezident-kazakhstana-nursultan-nazarbaev-i-predsedatel-kitaiskoi-narodnoi-respubliksi-ts
13. Сафонова Е.И. Возможные пути повышения экономической эффективности ШОС. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2012/safronova05_2012site.pdf
14. ИА России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/politika/2494743>
15. Сафонова Е.И., Тихонов О.С. Проблемы центральноазиатской интеграции в контексте ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М. : ИДВ РАН, 2003. Вып. VIII. С. 69–96.
16. Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами – членами ШОС и Туркменистаном. М. : ИДВ РАН, 2009. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 января 2016 г.

THE “RISE” OF THE SCO: ACHIEVEMENTS AND IMPEDIMENTS

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 105–110. DOI: 10.17223/15617793/404/16

Luzyanin Sergey G. Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Science (IFES RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: Lousianin@ifes-ras.ru

Frolenkov Vitaly S. Inspectorate 5 of the Federal Tax Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: hayrumores@yandex.ru

Keywords: SCO (Shanghai Cooperation Organization); security threats; foreign economic relations; EAEU (Eurasian Economic Union); SREB (Silk Road Economic Belt); effectiveness of international organization.

The article presents the idea that nowadays the Shanghai Cooperation Organization is a rapidly evolving “node” of a multipolar world, capable to oppose various global and regional risks. But despite the overall consolidation of the global stance of the SCO, the basic function of it refers to a regional level. The SCO’s 2016 Model provides for the expansion of the regional agenda in view of the current deepening of the Central Asian disparities (growth of traditional and non-traditional threats to security, including related to the ISIS, economic recovery of some states and the decline of others, need to render aid to turbulent Afghanistan, etc.), as well as the conflict between the SCO key country, Russia, and the SCO observer state, Turkey. Despite the tangible success of cooperation within the SCO, discrepancy of interests of some member states is observed in terms of economic development. Therefore, Russia has to implement its own concept of Eurasian economic integration through the already functioning Customs Union (CU) and the “young” parallel project, the Eurasian Economic Union (EAEU) as well. The latter is especially topical due to the advancement by China of the Silk Road Economic Belt strategy. The authors draw some proposals to improve the efficiency of the SCO as an international

organization. So, to ensure its further “peaceful rise” the SCO should not only develop new cooperative programs, but rather bring the old ones to the stage of practical implementation. Firstly, it is advisable to eliminate intraSCO discrepancies on a number of issues, among which are: general direction and motivation of the SCO activity in the foreseeable future (economic cooperation or military-strategic cooperation); political and economic discords between Central Asian countries enhancing the conflict potential in the SCO; efficiency of the relationship between the SCO and other organizations in the Central Asian area – the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the newly formed EAEU; political maneuvering of Central Asian capitals between Moscow and Beijing along with the expansion of their contacts with doubtfully friendly non-regional forces, such as the US and the EU. Moreover, the authors see urgent helpfulness not only in hard-to-reach “high” integration notions, but also in “simple” cooperative initiatives associated with some practical economic activities within the SCO; as well as in increasing the financial self-reliance of the SCO by implementing settlements in national currencies and introducing a special SCO accounting unit, functionally similar to the “transferable ruble” of the Council for Mutual Economic Assistance in 1963–1991. The article concludes that for China the “project” of the SCO is only a particular case of the PRC’s regional policy. And the higher the activity of China in other international structures, the more obvious will become the probability of Chinese resources “spillover” to non-SCO recipients; and for the Russian Federation the problem of increasing its competitiveness in other world “platforms”.

REFERENCES

1. Luzyanin, S.G. & Safronova, E.I. (2015) *Rol' Kitaya i Rossii v "vozvyshenii" ShOS* [China's and Russia's role in the “elevation” of the SCO]. In: Salygin, V.I. et al. (eds) *Regional'naya politika* [Regional policy]. Is. 3. Moscow: MGIMO–Universitet.
2. Safronova, E.I. (2012) *K voprosu ob optimizatsii ekonomicheskikh otnoshenii po linii "ShOS–Afganistan"* [On the issue of optimization of economic relations through the “SCO–Afghanistan”]. In: Safronova, E.I. (ed.) *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoryya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity]. Vol. 17. Moscow: RAS IFES.
3. Luzyanin, S.G. (2015) *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: model' 2014–2015: rabochaya tetr. № 21/2015* [The Shanghai Cooperation Organization: 2014–2015 Model: workbook 21/2015]. Moscow: Spetskniga.
4. Luzyanin, S.G. (2012) *Tsentral'naya Aziya: izmereniya bezopasnosti i sotrudnichestva* [Central Asia: Measurement of security and cooperation]. [Online]. Available from: http://www.perspektivy.info/rus/desk/centralnaja_azija_izmereniya_beopasnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm.
5. Website of the Kazakhstan Today Information Agency. [Online]. Available from: http://kt.kz/rus/economy/tovaroorot_kazahstana_i_kitaja_za_2013_god_dostig_22_53_mlrd_1153585107.html. (In Russian).
6. Website of the Institute of Caspian Cooperation. [Online]. Available from: <http://www.casfactor.com/ru/news/5588.html>. (In Russian).
7. Website of the Novosti-Kazakhstan Information Agency. [Online]. Available from: <http://newskaz.ru/politics/20150901/9575014.html>. (In Russian).
8. Website of the BNews.KZ Information Agency. [Online]. Available from: <http://bnews.kz/ru/news/post/205162>. (In Russian).
9. Luzyanin, S.G. (2013) *Kitay v Tsentral'noy Azii: "Vzaimnyy vyigrysh" ili ekspansiya?* [China in Central Asia, “win-win” or expansion?]. [Online]. Available from: <http://mgimo.ru/about/news/experts/236557>.
10. Sun Zhuangzhi. (2012) The Shanghai Cooperation Organization: responsibility is great, but the way is far. *Senday Shiji*. 7. pp. 122–129. (In Chinese).
11. *People's Daily Online*. [Online]. Available from: <http://russian.people.com.cn/95181/8505971.html>. (In Russian).
12. The official website of the President of the Republic of Kazakhstan. [Online]. Available from: http://www.akorda.kz/ru/page/page_214693_segodnya-prezident-kazakhstana-nursultan-nazarbaev-i-predsedatel-kitaiskoi-narodnoi-respubliki-si-ts. (In Russian).
13. Safronova, E.I. (2012) *Vozmozhnye puti povysheniya ekonomicheskoy effektivnosti ShOS* [Possible ways to improve the economic efficiency of the SCO]. [Online]. Available from: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2012/safronova05_2012site.pdf.
14. TASS. The News Agency of Russia. [Online]. Available from: <http://tass.ru/politika/2494743>. (In Russian).
15. Safronova, E.I. & Tikhonov, O.S. (2003) *Problemy tsentral'noaziatskoy integratsii v kontekste ShOS* [Problems of Central Asian integration in the context of the SCO]. In: Safronova, E.I. (ed.) *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoryya i sovremenost'* [China in world and regional politics. History and modernity]. Vol. 7. Moscow: RAS IFES.
16. Frolenkov, V.S. (2009) *Sovremennye torgovo-ekonomicheskie otnosheniya KNR s tsentral'noaziatskimi stranami-chlenami ShOS i Turkmenistanom* [Modern economic and trade relations between China and Central Asian countries-members of the SCO and Turkmenistan]. Moscow: RAS IFES.

Received: 31 January 2016

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНОВ И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА В 1990-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ»)

В статье использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта в рамках Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета».

Рассматриваются проблемы сибирского нефтегазового комплекса в контексте выстраивания механизмов взаимодействия между федеральным центром, регионами и отраслевыми структурами. Основным институтом достижения компромиссов между заинтересованными сторонами стала межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение». Выстраивание взаимодействия заинтересованных сторон по проблемам развития нефтегазового комплекса становилось значимой частью развития федеративных отношений и формирования новой региональной политики.

Ключевые слова: федерализм; региональная политика; Сибирское соглашение; нефтегазовый комплекс.

Нефтегазовый комплекс (НГК) играет важную роль в развитии как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Благодаря экспорту энергоресурсов во многом обеспечивается модернизация экономики, решаются социальные проблемы, идет развитие внешнеэкономических отношений. В то же время в 1990-е гг. НГК оказался в центре конфликтов, которые отрицательно влияли на его деятельность: с одной стороны, возникли противоречия между центром и нефтедобывающими территориями, с другой – между отраслевыми структурами (федеральными ведомствами и нефтяными компаниями) и субъектами РФ. Важнейшим условием снятия остроты указанных конфликтов между заинтересованными сторонами в ситуации институционального кризиса являлось выстраивание механизмов взаимодействия, важнейшим из которых стала межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» (МАСС). Периодичность возникновения кризисов делает актуальным изучение опыта такого согласования интересов, который был накоплен в рамках деятельности МАСС в 1990-е гг.

Цель работы – на примере нефтегазового комплекса Сибири показать процесс выстраивания механизмов взаимодействия между центром, регионами и предприятиями отрасли в рамках межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», что позволяло снять остроту противоречий, возникавших в условиях социально-экономического кризиса и реформирования НГК.

Начавшиеся в 1992 г. радикальные либерально-рыночные реформы и процессы децентрализации управления привели к складыванию групп интересов и нарастанию конфликтов между ними, что негативным образом сказалось на нефтегазовой отрасли. Для нормализации положения в НГК требовалась мировоззренческая парадигма, которая позволила бы прийти к некоему компромиссу. Такая новая система взглядов стала постепенно вырабатываться в рамках «Сибирского соглашения». Разрыв экономических связей в масштабах бывшего СССР и общность экологических и социальных проблем сибирских территорий способствовали формированию *идеи о комплексном развитии макрорегиона*, выдвинутой в про-

тивовес прежнему подходу о развитии исключительно производительных сил. Взаимосвязанность производственных процессов в отраслях сибирской промышленности, а также высокая себестоимость производимой продукции заставляли участников МАСС отстаивать положение о *недопустимости быстрой приватизации предприятий*, особенно топливно-энергетического комплекса. Особенности природно-географического положения и индустриального развития Сибири, а также «федеральная» значимость ее ресурсной базы стали основой для выдвижения идеи о важности проведения *особой региональной политики* в отношении региона. Негативные последствия политики «шоковой терапии» для сибирской экономики, резкое снижение ее финансирования способствовали появлению идейного конструкта об *усилении роли государства* и необходимости использования смешанного *частно-государственного подхода* в развитии отраслей промышленности, в том числе НГК Сибири. Противоречивость ряда принимаемых в центре решений, сохранение федеральных монополий, действующих в собственных интересах, и т.д. позволили сформулировать идею о том, что *только региональная власть может эффективно решать местные проблемы*, для чего ей должны быть предоставлены необходимые полномочия. Новая система взглядов определяла стратегию и тактику деятельности МАСС в выстраивании взаимодействия с заинтересованными сторонами и в решении конкретных проблем НГК.

В условиях реформ один из сложнейших конфликтов развернулся вокруг распоряжения экономическим потенциалом. Прежде всего регионы стали добиваться перераспределения в свою пользу доходов, формируемых на «их» территориях. Это касалось нескольких составляющих: распоряжения продукцией предприятий, получения доли налогов и дивидендов от собственности, а также платы за пользование недрами.

Получение права на распоряжение частью продукции оказалось самым простым, поскольку не требовало серьезных институциональных изменений. Так, уже летом 1991 г., в период противостояния нового российского руководства и союзного центра, МАСС добилась права на распоряжение 10% производимой

на «своей» территории продукции, в том числе это касалось добываемых энергоресурсов [1]. Однако за центром оставались регулирующие механизмы в виде выдачи экспортных лицензий и квот. При этом в случае обострения ситуации центр шел на уступки именно в этой области, так как принимаемые решения о дополнительных квотах не закреплялись в основополагающих нормативных актах и всегда могли быть скорректированы.

Постоянным предметом конфликта между центром и регионами была система распределения налогов. По принятому 27 декабря 1991 г. Закону «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» большая часть налогов от добычи и реализации энергетических ресурсов поступала в федеральный бюджет. Особенно болезненным для региональных бюджетов стал перенос управляющих структур нефтегазовых компаний в Москву, поскольку налоги платились по месту регистрации хозяйствующих субъектов. На Советах МАСС неоднократно поднимался вопрос о необходимости выплаты налогов по месту нахождения основных фондов и осуществления деятельности нефтяных компаний [2], однако добиться сколько-нибудь заметных изменений не удалось.

С началом радикальной рыночной реформы в 1992 г. принципиальное значение приобрел вопрос о приватизации нефтегазовой отрасли, так как от ее принципов зависело распоряжение получаемой в НГК прибылью. Регионы – участники «Сибирского соглашения» выступали за создание государственных акционерных обществ, образуемых с участием местных властей и федеральных органов [3]. Однако начавшееся акционирование отрасли не учитывало региональных интересов. Государственные пакеты акций полностью оказались в федеральной собственности, что не позволяло регионам рассчитывать на получение дивидендов. На Совете МАСС в Тюмени, состоявшемся в июле 1995 г. и посвященном проблемам ТЭК, регионы выступили с инициативой: во-первых, передать в собственность членов «Сибирского соглашения» 50% государственного пакета акций предприятий ТЭК, расположенных на данных территориях; во-вторых, создать региональные нефтяные компании – Тюменскую и Сибирскую, что повысило бы влияние региональных властей на НГК. Несмотря на поручения Председателя Правительства В.С. Черномырдина разработать по итогам этого совещания проекты соответствующих документов, ситуация принципиально не изменилась. В конце 1995 г. Центр провел приватизацию нефтегазовой отрасли через так называемые залоговые аукционы.

Не менее болезненным в 1990-е гг. стал вопрос об использовании природно-ресурсного потенциала. Распоряжением Б.Н. Ельцина от 1 июля 1991 г. членам МАСС было предоставлено право определять порядок природопользования, в том числе устанавливать плату за добычу природных ресурсов. Однако это была временная уступка – «впредь до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР» [1]. В конце 1992 г. «Сибирское соглашение» выступило с требованием законодательного закрепления

важнейших видов собственности [4], поскольку отсутствие четко прописанных механизмов реализации совместной компетенции выливалось на практике в «сплошной спор с федеральными властями» [5]. Явное стремление центра сохранить большую часть полномочий за собой привело к тому, что регионы – члены МАСС приняли решение о проведении согласованной политики в данной сфере, для чего 16 февраля 1993 г. на Совете МАСС в Томске был образован координационный совет (КС) по проблемам недропользования [6]. В рамках отстаивания интересов территорий МАСС выразила недовольство по ряду законодательных инициатив центральных ведомств, которые явно ущемляли права сибиряков, а также противоречили Федеративному договору и Конституции РФ [7–9]. Крайне негативную реакцию регионов вызвала концепция проекта федерального Закона «О федеральных природных ресурсах». На совещании КС по недропользованию МАСС, состоявшемся в средине октября 1995 г. в Новосибирске, концепция была расценена как «серьезная угроза» наступления федеральных властей на права территорий, поскольку предлагаемый в ней механизм дробления природных ресурсов между собственниками фактически отстранил бы территории от реального управления и пользования природными ресурсами [10].

Для модернизации и структурной перестройки НГК требовались средства, однако из-за финансового кризиса государственное обеспечение отрасли было явно недостаточным, для привлечения иностранных инвестиций требовались гарантии, а средства самих нефтяных компаний из-за значительных налогов и огромной задолженности потребителей были незначительны. Согласованные предложения членов МАСС были представлены Правительству во время Совета Ассоциации в Тюмени летом 1995 г. Для формирования механизмов дополнительного инвестирования в НГК следовало: 1) перераспределить таможенные пошлины в пользу регионов с целью формирования инвестиционных фондов и фондов развития регионов; 2) ввести дифференцированный подход к налогообложению истощенных месторождений с целью повышения привлекательности их дальнейшей разработки; 3) предоставить гарантии Правительства РФ для привлечения инвестиций, в качестве которых мог быть использован механизм «залогового права» на ресурсы или соглашения о разделе продукции [2].

Проблемы с техническим обеспечением НГК были связаны с разрывом экономических и производственных связей, существовавших в рамках бывшего СССР, поскольку за новыми границами РФ остались не только потребители энергоресурсов, но и производители необходимого оборудования. Недостаток финансирования приводил к нарастанию морального и физического износа добывающего и бурого оборудования. Руководство Минтопэнерго и ведущих нефтяных компаний поставило задачу перейти к 1997–1998 гг. в основном на отечественное оборудование. В октябре 1995 г. в Омске состоялся координационный совет по проблемам конверсии МАСС, на котором было одобрено предложение компании

«ЮКОС-Сибирь» конверсионным предприятиям принять участие в реализации программы производства нефтепромыслового оборудования. Совет «Сибирского соглашения», состоявшийся 28 июля 1997 г. в Новосибирске, принял решение изучить опыт администрации Омской области по формированию и реализации программы «СибВПКнефтегаз-2000» и организовать разработку соответствующей программы в рамках Сибири [11].

Одним из важных вопросов обеспечения деятельности НГК стала проблема поддержания необходимого объема запасов. Для этого МАСС, во-первых, предложило провести их инвентаризацию, что позволило бы привлечь инвесторов. Заказчиком работ должно выступить государство, а выполнить работу должны были сибирские институты [12]. Во-вторых, были приняты меры по поддержанию геологической отрасли. Первоначально в правящих кругах утверждалось мнение о том, что разведанных запасов хватит на десятки лет. Однако уже к 1993 г. текущая добыча превысила прирост запасов. Совет МАСС поручил КС по недропользованию совместно с органами региональной власти подготовить проект постановления Правительства РФ, в котором предусматривались неотложные меры по стабилизации положения в геологоразведке [13].

В условиях радикальных реформ восторжествовала идея отказа от планирования и программного подхода. Однако МАСС, отстаивая идею особой роли Сибири и НГК в экономике страны, выступила инициатором разработки целого ряда региональных и межрегиональных программ, которые должны были стать основой проведения особой региональной политики [14]. В области нефтегазового комплекса важнейшей из них стала «Энергетическая стратегия Сибири до 2010 года» (ЭСС), которая разрабатывалась в развитие федеральных программных документов [15, 16]. В Стратегии отмечался рост негативных тенденций в отраслях ТЭК, причем часть из них явно связывалась с непродуманной региональной политикой. Исходя из этого, предлагались меры, отражавшие стремление регионов повысить свою роль в принятии ключевых решений по НГК. Однако большинство предложений касалось институциональных преобразований, связанных с распределением полномочий между центром и регионами в таких сферах, как бюджетная, налоговая, инвестиционная, недропользования и др. Центр, в лице Президента, Председателя Правительства и ряда ключевых министров, неоднократно на Советах МАСС заявлял о поддержке региональных программ и инициатив, однако это не приводило к серьезным институциональным преобразованиям. Даже положения утвержденных федеральных программ и стратегий чаще заменялись текущими решениями отраслевых ведомств. Во второй половине 1990-х гг. центр под давлением регионов частично финансировал разработку программ, но постоянно повышал уровень требований к ним, что больше напоминало лавирование, прикрывавшее нежелание идти на уступки территориям. Так, вслед за разработкой ЭСС, центр санкционировал работы по подготов-

ке ФЦП «Сибирь», в которой также предусматривался раздел о развитии НГК [17]. Однако даже после утверждения проекта ФЦП Правительством деньги на ее реализацию практически не выделялись.

Гораздо охотнее центр шел на поддержку локальных проектов, не затрагивающих институциональную основу сложившейся системы отношений. К таковым можно отнести программу газификации юга Западной Сибири, разрабатываемую совместными усилиями Минтопэнерго, «Газпрома», «Сибирского соглашения» и отраслевых институтов. Также можно отметить ряд отдельных нормативных актов, устанавливающих особые условия на территории Сибири. В частности, МАСС удалось добиться установления дифференцированных цен на газ с учетом транспортной составляющей; принятия специального правительственного постановления по развитию Тобольского и Томского химкомбинатов и т.д.

Несовпадение интересов новых хозяйствующих субъектов, территорий и центра требовало новых институтов и механизмов управления, позволявших достигать компромисса. Одним из них стала практика регулярного обсуждения федерального бюджета на Советах МАСС, что позволяло регионам отстаивать свои интересы. Еще одним механизмом взаимодействия можно считать согласование с регионами разрабатываемых в центре проектов законов и нормативных документов, касающихся НГК. Так, во время Совета МАСС в Тюмени (1995) к федеральным органам власти и управления была высказана просьба направлять все разрабатываемые нормативные документы по вопросам ТЭК на экспертизу и согласование субъектам РФ – членам МАСС. Дополнительной возможностью оперативных контактов с центром являлось создание территориальных структур федеральных органов управления отраслями ТЭК. Такой механизм получил реализацию в практике специальных соглашений о взаимодействии федеральных ведомств с МАСС. В 1993 г. было подписано соглашение о сотрудничестве Министерства топлива и энергетики с Ассоциацией [18]. В его рамках члены «Сибирского соглашения» должны были создать в составе исполнительных органов власти структуры по вопросам энергетики и энергоснабжения. Со своей стороны Минтопэнерго принимало обязательства об образовании территориальных управлений Министерства. Наряду с этим обсуждались проекты создания специального департамента Министерства экономики по Западно-Сибирскому региону, а также регионального центра при участии Минтопэнерго для координации деятельности НГК в Тюмени.

По результатам работы Советов МАСС с участием президента, председателя правительства или его первых заместителей подготавливались перечни поручений федеральным ведомствам и региональным структурам о разработке различных нормативных документов. Механизмом исполнения становились рабочие группы в составе представителей от регионов и федеральных структур. Разработанные документы Совет МАСС направлял для согласования членам Ассоциации, а также в Правительство с просьбой поручить

министерствам и ведомствам рассмотреть и согласовать соответствующие проекты [19]. В качестве рабочих органов взаимодействия правительства и МАСС создавались межведомственные комиссии, в частности по вопросам ТЭК, нефтехимии и недропользования в Сибири. Для согласования интересов центра, регионов и отраслей правительство согласилось на включение представителей субъектов РФ в руководящие органы акционерных обществ ТЭКа Сибири, пакеты акций которых находились в федеральной собственности.

Важнейшими органами взаимодействия самих регионов становились координационные советы по отдельным направлениям в составе межрегиональной Ассоциации, а также специальные соглашения по наиболее актуальным вопросам. В 1994 г. Советом МАСС в Иркутске было одобрено специальное Соглашение между членами Ассоциации по вопросам топливно-энергетического комплекса [20] с целью предотвращения развала предприятий ТЭК. Для установления рабочих отношений было решено создать координационный совет по топливно-энергетическим ресурсам. Для сокращения числа посредников при поставках энергоресурсов на Совете МАСС в Тюмени 21 июля 1995 г. было предложено развивать межрегиональные связи через организацию представительств топливно-энергетических компаний и предприятий на территориях «Сибирского соглашения» [2].

На рубеже 1990-х гг. вокруг нефтегазового комплекса Сибири начал разворачиваться сложносоставной конфликт, который не сводился к противостоянию сторонников или противников рыночных реформ. Это был конфликт интересов неустойчивых (подвижных) групп – центральной и региональных властей, органов местного управления, генеральных директоров предприятий отрасли и местного населения. В то же время стороны осознавали необходимость компромисса, поскольку последствия крайних форм противостояния угрожали целостности системы и были не выгодны никому. На фоне конкретных трудностей предприятий и регионов стала осознаваться общность проблем экономики Сибири, что требовало координации действий в отстаивании общесибирских интересов, причем не «выбиванием» отдельных уступок у центра, а оказывая влияние на принятие общегосударственных нормативных актов. Такую деятельность можно было успешно осуществлять только в рамках «Сибирского соглашения», рас-

полагающего административным, экономическим и научным потенциалом.

Выстраивание взаимодействия требовало формирования особой системы взглядов, что и было сделано в 1990-е гг. в рамках Ассоциации. В основе «парадигмы взаимодействия» лежали идеи государственного регулирования, консенсуса социально-экономических интересов центра и субъектов РФ, взаимного сотрудничества и усиления межрегиональной интеграции членов МАСС. Решение конкретных проблем имело неоднозначные результаты. Так, попытки «Сибирского соглашения» добиться и нормативно закрепить перераспределения нефтегазовых доходов в пользу регионов оказались неудачными, так как центр готов был идти только на предоставление временных уступок. В то же время благодаря деятельности МАС удалось не допустить законодательного закрепления основных сырьевых ресурсов за федеральным уровнем.

Крайне тяжелой оставалась ситуация с обеспечением непосредственной деятельности НГК. Все же Ассоциации удалось: во-первых, поставить вопрос о создании межрегиональных инвестиционных фондов; во-вторых, обратить внимание центра на проблему долгов НГК, необходимость инвентаризации и наращивания сырьевых запасов, а также на важность дифференцированной системы налогов; в-третьих, добиться конкретных шагов по предоставлению гарантий инвесторам. Для улучшения технической обеспеченности отрасли МАСС активно участвовала в проектах по использованию конверсионных заводов для выпуска необходимого НГК оборудования. Благодаря таким действиям «Сибирского соглашения» удалось изменить «потребительскую» политику центра в отношении НГК.

Участие власти, бизнеса и науки в работе Ассоциации позволяло сочетать рыночные и регулируемые меры, которые являлись достаточно эффективными в условиях не сформировавшихся институтов рыночной экономики, не оформленной нормативной базы и не сложившейся независимой судебной системы. В итоге выстраивание отношений регионов и центра в области различных отраслей экономики, в частности НГК, становилось значимой частью развития федеративных отношений и формирования новой региональной политики. Благодаря выстраиванию механизмов взаимодействия в рамках МАСС удавалось не только снять остроту кризисных явлений, но также стабилизировать ситуацию в НГК и обеспечить условия для его дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы деятельности межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». Распоряжение Председателя ВС РСФСР от 1 июля 1991 г. // Текущий архив межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС).
2. О развитии топливно-энергетического комплекса Сибири. Решение № 1 Совета МАСС от 21 июля 1995 г. Тюмень // Текущий архив МАСС.
3. Об итогах Всероссийской конференции по экономическому развитию Сибири. Решение № 3 Совета МАСС от 9–10 июля 1993 г. Саяногорск // Текущий архив МАСС.
4. Обращение Совета МАСС к VII Съезду народных депутатов РФ от 13 ноября 1992 г. Барнаул // Текущий архив МАСС.
5. Кто в недрах хозяин? // Сибирская газета (Новосибирск). 1993. Август. № 34 (185).
6. Положение о Координационном совете МАСС по проблемам недропользования от 16 февраля 1993 г. Томск // Текущий архив МАСС.
7. О предложениях КС по недропользованию об изменениях и дополнениях к Закону «О недрах» и «Положению о порядке лицензирования пользования недрами». Решение Совета МАСС № 6 от 9–10 июля 1993 г. Саяногорск // Текущий архив МАСС.
8. О предложениях Правительства РФ по налоговой и бюджетной политике на 1996 г. Решение Совета МАСС № 1 от 6 июня 1995 г. Красноярск // Текущий архив МАСС.

9. О проекте Указа Президента РФ «О совершенствовании государственной системы регулирования воспроизводства и разработки полезных ископаемых». Решение Совета МАСС № 15 от 28 февраля 1998 г. Улан-Удэ // Текущий архив МАСС.
10. «Сибирское соглашение»: зри в недра // Новая Сибирь (Новосибирск). 1995. 19 окт.
11. Об энергетической безопасности Сибири. Решение Совета МАСС № 1 от 28 июля 1997 г. Новосибирск // Текущий архив МАСС.
12. Стенограмма XVIII заседания Совета МАСС, проведенного 21 июля 1995 года в Тюмени // Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75. Л. 10.
13. О неотложных мерах по стабилизации положения в геологической отрасли Сибири. Решение Совета МАСС № 7 от 9–10 июля 1993 г. Саяногорск // Текущий архив МАСС.
14. Социально-экономическое развитие Сибири: проблемы и перспективы. Материалы к заседанию Совета МАСС в Омске 19 мая 1996 г. // Текущий архив МАСС.
15. Об основных направлениях энергетической политики и структурной перестройки топливно-энергетического комплекса РФ на период до 2010 года. Указ Президента РФ № 472 от 07 мая 1995 г.
16. Об энергетической стратегии России. Постановление Правительства РФ № 1006 от 13 октября 1995 г.
17. Об энергетической стратегии Сибири. Решение Совета МАСС № 2 от 28 июля 1997 г. Новосибирск // Текущий архив МАСС.
18. Из протокола X заседания (рабочее совещание) Совета МАСС, Новосибирск, 24 сентября 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 27. Л. 60.
19. О выполнении решения XXVI Совета МАСС от 18 июля 1997 г. (Новосибирск) «Об энергетической безопасности Сибири и реализации перечня поручений Правительства РФ от 2 августа 1997 № БН-П11-27568. Решение Совета МАСС от 28 февраля 1998 г. Улан-Удэ // Текущий архив МАСС.
20. По вопросам топливно-энергетического комплекса. Решение № 10 Совета МАСС от 26 июня 1994 г. Иркутск // Текущий архив МАСС.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2016 г.

OIL AND GAS INDUSTRY OF SIBERIA IN TERMS OF THE REGIONS AND FEDERAL CENTER INTERACTION IN THE 1990S (ON THE CASE OF THE SIBERIAN ACCORD INTERREGIONAL ASSOCIATION)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 111–116. DOI: 10.17223/15617793/404/17

Lukov Evgenii V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lev74@mail2000.ru

Keywords: federalism; regional policy; Siberian Accord; oil and gas industry.

The article explores the problems of the Siberian oil and gas complex in terms of building the mechanisms of interaction between the federal center, regions and industrial sectors. In the context of developing market relations, federalization and Siberia's changed geopolitical role, a complicated conflict not reducible to the opposition of supporters or opponents of the market reforms began to unfold around the oil and gas industry. It was a conflict of interests of unstable (mobile) groups, namely, the central and regional authorities, local governing bodies, general directors of the industry's enterprises and the local population. However, they realized the need for compromise as the consequences of extreme confrontation would threaten the system's integrity and would not be beneficial to anyone. The Siberian Accord Interregional Association, having the administrative, economic and scientific potential, became the main institution of achieving compromises for the parties concerned. Against the background of enterprises and regions' specific difficulties, common problems of Siberia's economy started to be seen, which required coordinated action in order to defend Siberia's common interests and influence the development and adoption of national regulations. As a result of the association's work, the “interaction paradigm”, which was based on the idea of state regulation, of consensus of socio-economic interests of the center and the subjects of the Russian Federation, of mutual cooperation and strengthening interregional integration of the Siberian Accord members, was formed. The involvement of the government, business and science in the association's activities allowed combining market and regulatory measures that were quite effective, taking into account that no regulatory system, market economy institutions or independent judicial system were in place. The building of interaction among the concerned parties to develop the oil and gas industry became a significant part of establishing federal relations and creating a new regional policy. Dealing with specific problems led to mixed results. The attempts of Siberian Accord to legislatively secure the redistribution of oil revenues in favor of the regions were unsuccessful since the center was willing to make only temporary concessions. However, the association managed to raise the issue of establishing interregional investment funds, to draw the center's attention to the importance of a differentiated tax system and to achieve concrete steps to provide guarantees to investors. Thus, the solving of specific problems of the oil and gas industry allowed not only alleviating the crisis, but also changing the center's “consumer” policy toward the industry, stabilizing the situation and creating conditions for its further development.

REFERENCES

1. *Voprosy deyatel'nosti mezoregional'noy assotsiatsii “Sibirske soglashenie”*. Rasporyazhenie Predsedatelya VS RSFSR ot 1 iyulya 1991 g. [Activities of the Siberian Accord Interregional Association. Chairman of the RSFSR Supreme Soviet Order of 1 July 1991]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
2. *O razvitiyu toplivno-energeticheskogo kompleksa Sibiri*. Reshenie № 1 Soveta MASS ot 21 iyulya 1995 g. Tyumen' [The development of the fuel and energy complex of Siberia. Decision 1 of the Siberian Accord Interregional Association Council of 21 July 1995, Tyumen]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
3. *Ob itogakh Vserossiyskoy konferentsii po ekonomicheskому razvitiyu Sibiri*. Reshenie № 3 Soveta MASS ot 9–10 iyulya 1993 g. Sayanogorsk [On the results of the All-Russia conference on the economic development of Siberia. Decision 3 of the Siberian Accord Interregional Association Council of 9–10 July 1993, Sayanogorsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
4. *Obrashchenie Soveta MASS k VII S"ezdu narodnykh deputatov RF* ot 13 noyabrya 1992 g. Barnaul [Appeal of the Board of the Siberian Accord Interregional Association Council to the VII Congress of People's Deputies of the Russian Federation on November 13, 1992, Barnaul]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
5. *Sibirskaya gazeta*. (1993) Kto v nedrakh khozyain? [Who is the owner of the subsoil?]. *Sibirskaya gazeta*. August. 34 (185).
6. *Polozhenie o Koordinatsionnom sovete MASS po problemam nedropol'zovaniya* ot 16 fevralya 1993 g. Tomsk [Regulation on the Coordinating Council of the Siberian Accord Interregional Association on subsoil use problems of February 16, 1993, Tomsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
7. *O predlozheniyakh KS po nedropol'zovaniyu ob izmeneniyakh i dopolneniyakh k Zakonu “O nedrakh” i “Polozheniyu o poryadke litsenzirovaniya pol'zovaniya nedrami*. Reshenie Soveta MASS № 6 ot 9–10 iyulya 1993 g. Sayanogorsk [Proposals of the Coordinating Council on subsoil use on changes and amendments to the law “On subsoil” and “Regulations on the procedure for the licensing of subsoil use”. The Siberian Accord Inter-

- regional Association Council Decision 6 of 9–10 July 1993, Sayanogorsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
8. *O predlozheniyakh Pravitel'stva RF po nalogovoy i byudzhetnoy politike na 1996 g. Reshenie Soveta MASS № 1 ot 6 iyunya 1995 g. Krasnoyarsk* [Proposals of the Government of the Russian Federation on the tax and budget policy for 1996. The Siberian Accord Interregional Association Council Decision 1 of June 6, 1995, Krasnoyarsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
 9. *O proekte Ukaza Prezidenta RF "O sovershenstvovanii gosudarstvennoy sistemy regulirovaniya vospriyvoda i razrabotki poleznykh iskopayemykh". Reshenie Sovet MASS № 15 ot 28 fevralya 1998 g. Ulan-Ude* [“On improving the state system of regulation of reproduction and development of mineral deposits” Presidential Decree. The Siberian Accord Interregional Association Council Decision 15 of February 28, 1998, Ulan-Ude]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
 10. *Novaya Sibir'*. (1995) “Sibirskoe soglashenie”: zri v nedra [Siberian Accord: See the subsoil]. *Novaya Sibir'*. 19 October.
 11. *Ob energeticheskoy bezopasnosti Sibiri. Reshenie Soveta MASS № 1 ot 28 iyulya 1997 g. Novosibirsk* [The Siberian Accord Interregional Association Council Decision 1 of July 28, 1997, Novosibirsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
 12. *Stenogramma XVIII zasedaniya Soveta MASS, provedennoego 21 iyulya 1995 goda v Tyumeni* [Transcript of the XVIII session of the The Siberian Accord Interregional Association Council of July 21, 1995, Tyumen]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 75. Page 10.
 13. *O neotlozhnykh merakh po stabilizatsii polozheniya v geologicheskoy otrassli Sibiri. Reshenie Soveta MASS № 7 ot 9–10 iyulya 1993 g. Sayanogorsk* [On urgent measures to stabilize the situation in the geology of Siberia. The Siberian Accord Interregional Association Council Decision 7 of 9–10 July, 1993, Sayanogorsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
 14. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sibiri: problemy i perspektivy. Materialy k zasedaniyu Soveta MASS v Omske 19 maya 1996 g.* [Socio-economic development of Siberia: problems and prospects. Materials for the meeting of the Board of the Siberian Accord Interregional Association Council in Omsk, 19 May 1996]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
 15. Russian Federation. (1995) *Ob osnovnykh napravleniyakh energeticheskoy politiki i strukturnoy perestroyki toplivno-energeticheskogo kompleksa RF na period do 2010 goda* [On the main directions of energy policy and the structural adjustment of fuel and energy complex of the Russian Federation for the period till 2010]. RF Presidential Decree 472 of May 07, 1995.
 16. Russian Federation. (1995) *Ob energeticheskoy strategii Rossii* [On Russia's energy strategy]. RF Government Resolution 1006 of October 13, 1995.
 17. *Ob energeticheskoy strategii Sibiri. Reshenie Soveta MASS № 2 ot 28 iyulya 1997 g. Novosibirsk* [Energy Strategy of Siberia. The Siberian Accord Interregional Association Council Decision 2 of July 28, 1997, Novosibirsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
 18. *Iz protokola X zasedaniya (rabochee soveshchanie) Soveta MASS, Novosibirsk, 24 sentyabrya 1993 g.* [From the transcript of the X session of the Siberian Accord Interregional Association Council, Novosibirsk, September 24, 1993]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 27. Page 60.
 19. *O vypolnenii resheniya XXVI Soveta MASS ot 18 iyulya 1997 g. (Novosibirsk) "Ob energeticheskoy bezopasnosti Sibiri i realizatsii perechnya porucheniya Pravitel'stva RF ot 2 avgusta 1997 № BN-P11-27568. Reshenie Soveta MASS ot 28 fevralya 1998 g. Ulan-Ude* [On the implementation of the decision of the XXVI Siberian Accord Interregional Association Council of 18 July 1997 (Novosibirsk) “On the energy security of Siberia and the implementation of the list of instructions of the Government of the Russian Federation of August 2, 1997 No. BN-P11-27568. The Siberian Accord Interregional Association Council Decision of 28 February 1998, Ulan Ude]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
 20. *Po voprosam toplivno-energeticheskogo kompleksa. Reshenie № 10 Soveta MASS ot 26 iyunya 1994 g. Irkutsk* [On the Fuel and Energy Complex. Decision 10 of the Siberian Accord Interregional Association Council of 26 June 1994, Irkutsk]. Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).

Received: 28 January 2016

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОТДЕЛЕНИЙ ИНК В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1885–1889 ГГ.

Рассматриваются ранний период истории Индийского национального конгресса (ИНК), возникновение и развитие отделений ИНК в Великобритании в 1885–1889 г. Особое внимание уделено деятельности Индийского политического агентства и его реорганизации в Британский комитет ИНК. Показана роль британских членов ИНК и их сторонников в Великобритании в установлении политических связей между Конгрессом и британскими либералами в парламенте и становлении пропагандистского аппарата ИНК за пределами Индии.

Ключевые слова: Индийский национальный конгресс; Дадабхай Наороджи; Аллан Октавиан Юм; Уильям Дигби; Британский комитет ИНК.

Поражение восстания 1857–1859 гг. привело индийских националистов к пересмотру тактики борьбы за права коренного населения Британской Индии. На этом этапе ведущей социальной силой в национальном движении стали относительно немногочисленные круги образованных индийцев, которые поддерживали британское правление, но выдвигали требование расширения участия индийцев в управлении страной. Такая позиция привела в ряды сторонников движения многих либерально настроенных британцев как в Индии, так и в Великобритании. Значительную часть из них представляли чиновники Индийской гражданской службы (А.О. Юм, У. Уэддерберн, Г. Коттон), хорошо знакомые с положением дел в стране, обладавшие большим административным опытом и связями в правительстве Индии и британском парламенте, что позволило им выйти на первые позиции в борьбе индийцев за политические права в 1880–1910-х гг. Таким образом, участие британских либералов в индийском национальном движении оказало существенное влияние на его ход в целом, создание и превращение Индийского национального конгресса (ИНК) в основную националистическую организацию в стране и развитие политических связей Конгресса с либеральными кругами Великобритании.

К началу 80-х гг. XIX в. в Индии сформировался ряд крупных региональных организаций, которые были готовы ко вступлению в новую фазу развития – создание всеиндийской организации индийских националистов. Вместе с тем, помимо сугубо организационных вопросов, на повестке дня остро стоял также вопрос о создании пропагандистских органов, которые доводили бы до сведения жителей метрополии информацию о положении в Британской Индии с индийской точки зрения (поскольку даже крупнейшие националистические издания, такие как «Хинду» и «Амрита Базар Патрика», практически не были распространены в Великобритании) и установлении связей с британскими либеральными кругами для продвижения индийских требований в парламенте. Поэтому работа по созданию отделений в Великобритании началась одновременно с организационным оформлением ИНК в Британской Индии и являлась в первые годы существования ИНК одной из важнейших задач Конгресса.

Британские представители ИНК в Индии и его сторонники в метрополии играли в развитии полити-

ческих связей между Конгрессом и Великобританией особую роль. Первой попыткой организации индийской пропаганды на территории Великобритании стало основание в начале 1885 г. Индийского телеграфного союза. Инициатором его создания был Аллан Октавиан Юм, позже признанный в конгрессистских кругах «отцом Индийского национального конгресса», который в декабре 1884 г. выступил с соответствующим предложением на совещании лидеров бомбейских националистов. Юм предлагал передавать либеральной британской прессе посредством телеграфа новости из Индии, чтобы уничтожить монополию «Таймс» и англо-индийских газет на освещение жизни субконтинента. Это начинание не было успешным, поскольку телеграфное агентство вскоре прекратило существование из-за недостаточного финансирования, однако в дальнейшем телеграф широко применялся для координации действий индийских националистов, в том числе и в Великобритании. Например, это особенно ярко проявилось весной 1886 г., когда Дадабхай Наороджи, один из старейших и уважаемых деятелей национального движения, выставил свою кандидатуру на выборах в британский парламент, координируя свою кампанию с массовыми демонстрациями в Бомбее, Калькутте, Мадрасе, чтобы произвести впечатление на избирателей своего округа [1].

9 июня 1885 г. либеральный кабинет лорда Гладстона вышел в отставку, и пришедшие к власти консерваторы могли, по мнению индийских националистов, помешать созданию ИНК. В этих условиях Юм вместе с индийской делегацией отправился в Великобританию, чтобы ознакомить либеральных лидеров с проектом Индийского национального союза (прообраза ИНК) и заручиться их поддержкой в парламенте, где Юм надеялся создать «индийскую партию» – группу, которая занималась бы продвижением интересов националистов в Палате общин. Делегация пребывала в Лондоне до середины ноября, постоянно проводя встречи и дискуссии с признанными лидерами либералов У. Бакстером, Дж. Брайтом, Дж. Чемберленом, Ф. Найтингейлом, лордом Рипоном. Однако, несмотря на повышенный интерес либеральной общественности к индийским представителям, каких-либо значимых результатов делегации добиться не удалось. Причинами этого было влияние прессы, настроенной по отношению к индийцам крайне негативно, и поражение индийских кандидатов на парламентских вы-

борах. Создание индийской группы в парламенте, таким образом, было отложено на восемь лет, пока в 1893 г. членом Палаты Общин не стал Уильям Уэддерберн, один из вдохновителей конгрессистского движения и президент ИНК 1889 г.

Тем не менее уже в обсуждениях на первой сессии ИНК в декабре 1885 г. требование расширения влияния Конгресса в Великобритании становилось все более настойчивым. В частности, мадрасский делегат Субраманья Айяр в своем выступлении высказывал мысль о том, что «наша цель – всего лишь увидеть, что правильное и полное свидетельство истинных нужд страны... представлено английской общественности» [2. Р. 12]. В марте следующего года в Великобританию отправляется Дадабхай Наороджи, чтобы завоевать место в парламенте или же «формировать британское общественное мнение в пользу реформ в Индии» в случае неудачи [3. Р. XXIX]. Значительная часть лидеров национального движения поддержала Дадабхай в его решении, хотя многие высказывали опасения в целесообразности этой миссии. Уильям Уэддерберн, в частности, писал ему в сентябре 1886 г.: «На таком расстоянии сложно судить, но, по большей части, мы поддерживаем ваше решение остаться в Англии. Там нужно проделать большую работу, и никто не сможет справиться с ней так же хорошо, как вы» [Ibid.]. Бехрамджи Малабари, известный индийский поэт и общественный деятель, напротив, сообщал Дадабхай о том, что многие, и среди них бомбейские лидеры Кашинатх Теланг и Ферозшах Мехта, «не верят» в его «английскую миссию» [Ibid. Р. XXX]. Сам Малабари, считавший, что отсутствие Дадабхай Наороджи в Индии нанесет существенный урон движению, однако, призывал его «создавать и использовать» силы, которые будут приносить пользу стране «несмотря на то, что их конечным местоположением является Англия» [Ibid.].

В апреле 1886 г. в Лондоне Дадабхай Наороджи знакомится с журналистом и экономистом Уильямом Дигби. Последний провел несколько лет в Индии и был известен прежде всего своей деятельностью по оказанию помощи пострадавшим от голода в Южной Индии в 1876–1878 гг. Вернувшись в Англию, Дигби стал членом нескольких либеральных клубов и секретарем Национальной либеральной ассоциации и внимательно следил за событиями в Индии. При его непосредственном участии в Лондоне в 1883 г. была создана Ассоциация индийских реформ, целью которой была поддержка реформистских начинаний вице-короля лорда Рипона [4. Р. 24]. Дигби также был сторонником ИНК, однако к моменту его знакомства с Дадабхай Наороджи он, по словам последнего, «был угнетен отсутствием подходящих и достойных представителей Индии» [5. Р. 234]. Тем не менее появление Дадабхай позволило Дигби вновь активно включиться в борьбу за индийские реформы.

В 1887 г. Дадабхай Наороджи выразил свою готовность быть официальным представителем Конгресса в Великобритании [6. Р. 18]. В свою очередь, Дигби, ушедший с поста председателя Национального Либерал-клуба, также внес предложение о том, чтобы

все индийские политические ассоциации назначили его своим представителем с ежегодной платой в 250 фунтов стерлингов, не считая расходов. Вомеш Чандра Бонерджи, первый президент ИНК, прибыв в Лондон, лично гарантировал ему эту сумму [7. Р. 296]. Таким образом, к началу 1888 г. были заложены основы Индийского политического агентства (ИПА), которое вскоре начало свою работу.

Председателем ИПА стал У.С. Кейн, секретарем организации был избран Уильям Дигби. Помимо Дадабхай Наороджи членами ИПА стали прибывшие из Индии В.Ч. Бонерджи и Э. Нортон, члены парламента либералы У.С.Б. Макларен и Ч. Бредлоу, а также вышедший в 1887 г. в отставку Уильям Уэддерберн [6. Р. 19]. В задачи агентства входила организация политических митингов и собраний в поддержку проведения реформ в Индии и распространение конгрессистской литературы в Великобритании. В частности, в первую очередь были отпечатаны копии протоколов заседаний третьей сессии ИНК, прошедшей в декабре 1887 г., речи и памфлеты деятелей Конгресса [Ibid.].

Необходимо отметить, что политическая организация индийских националистов в Великобритании фактически состояла из двух секций. Первая, представленная Дадабхай Наороджи, В.Ч. Бонерджи и Э. Нортоном, действовала в соответствии с требованиями и решениями генерального секретаря ИНК, вторая же, представленная Уильямом Дигби, хотя и была тесно связана с Конгрессом, который частично финансировал ее деятельность, работала независимо от него [Ibid. Р. 20].

Основной сложностью работы в Англии было постоянное противодействие Совета при государственном секретаре по делам Индии, «оплота реакционного чиновничества» [8. Р. 73]. Аллан Юм отмечал, что Министерство по делам Индии являлось «организацией, постоянно занимающейся популяризацией официальной точки зрения по всем индийским вопросам», и для того, чтобы требования индийцев могли быть выполнены, нужно было преодолеть это враждебное влияние посредством «организации столь же стойкой и упорной в распространении взглядов людей по тем же самым вопросам» [Ibid.]. С этой точки зрения, перед индийскими националистами в Великобритании стояла тройная задача: создание Индийского парламентского комитета, организация публичных собраний по всей стране и создание печатного органа Конгресса в Великобритании [9. С. 120]. Однако достижению этих целей препятствовало негативное освещение в официальной прессе деятельности ИНК и ИПА. В 1889 г. газета «Хомуорд Майл» обвинила Чарльза Бредлоу в том, что он получает плату за чтение публичных лекций о положении дел в Индии, и высказала опасения по поводу распространения «сensационной литературы», издаваемой агентством [10. Р. 16]. Член Парламента сэр Эдвард Уоткин в интервью «Палл Малл Газетт» заявлял, что за агитацией, продолжающейся в Индии, стоит «русское золото» [Ibid. Р. 14]. Поэтому Юму, как генеральному секретарю ИНК, и Дигби – секретарю Политического агентства – периодически приходилось выступать в

прессе с опровержениями и разъяснением целей и задач ИНК и его представителей в Англии.

Гораздо более серьезной проблемой для ИПА был недостаток финансовых средств; книгоиздание и организация собраний требовали значительных денежных вложений – только в 1888 г. на нужды ИПА было потрачено около 1 700 фунтов стерлингов [11. Р. 149]. Из-за сложного финансового положения индийским националистам в Англии долгое время не удавалось наладить выпуск регулярного журнала, который мог бы существенно расширить аудиторию сочувствующих индийским политическим требованиям. В этих условиях руководство Конгресса приняло решение реорганизовать политическую работу в метрополии. Высшее руководство ИНК во главе с А.О. Юмом требовало, чтобы обе секции ИПА были подотчетны исключительно Конгрессу. 7 июня 1889 г. Юм отправляет ИПА письмо, в котором предлагает объединить обе секции на конгрессистской основе и, таким образом, «управлять» деятельностью Дигби [4. Р. 31]. Конгрессу было необходимо, чтобы новый комитет был представительной организацией, и поэтому Юм намеревался предложить пост председателя комитета бывшему вице-королю Индии лорду Рипону. С этой целью Юм отправился в Лондон, однако в ходе частной беседы Рипон ответил отказом, считая, что принятие этого поста «уничтожит все преимущества, которые дает... положение бывшего вице-короля» [Ibid. Р. 31–32].

Тем не менее решение о создании нового отделения ИНК было принято; Британский комитет ИНК (первоначально названный «Временным комитетом», а затем «Агентством Национального конгресса в Англии») собрался на первое заседание 27 июля 1889 г. [11. Р. 149]. Председателем комитета был избран Уи-

льям Уэддерберн, который возглавлял его вплоть до своей смерти в 1918 г.; в состав комитета также вошли Дадабхай Наороджи, У. С. Кейн, У.С.Б. Макларен и У. Дигби, занявший пост секретаря комитета [8. Р. 72].

В декабре 1889 г. состоялась очередная, пятая сессия Индийского национального конгресса. У. Уэддерберн, избранный президентом ИНК, в послании к делегатам съезда поздравил собравшихся с учреждением официального отделения Конгресса в Великобритании. Создание Британского комитета было зафиксировано в резолюции XIII, предложенной Сурендранатом Банерджи и поддержанной Э. Нортоном. Резолюция оговаривала список членов комитета, в который к тому времени вошли Дж. Эллис и Дж. Юл, право комитета на увеличение числа членов и регулировала финансирование комитета в 1890 г. [12. Р. LXXIII]. Кроме того, резолюция наделяла правом представлять взгляды и интересы Конгресса лиц, формально не входивших в состав Британского комитета. В их число вошли А.О. Юм, Дж. Адам, В.Ч. Бонерджи, Ф. Мехта и др.

Таким образом, на бомбейской сессии ИНК 1889 г. для пропаганды требований Конгресса в Великобритании была создана постоянная официальная структура, координировавшая свои действия с руководством ИНК и получавшая ежегодное финансирование из его фондов. Вместе с тем создание Британского комитета стало еще одним свидетельством той роли, которую играли на раннем этапе истории ИНК британские либеральные политики и общественные деятели – А.О. Юм, У. Уэддерберн, У. Дигби, – влияние которых на политику Конгресса как в Индии, так и в Великобритании было определяющим на протяжении 80–90-х гг. XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Patel D. Live wire in the nationalist movement // The Hindu. 2013. July 15.
2. Proceedings of the 1st Indian National Congress, held in Bombay on the 28th, 29th and 30th December, 1885. Madras, 1905.
3. Dadabhai Naoroji Correspondence. Vol. II, part I: Correspondence with D. E. Wacha, 4.11.1884 – 23.03.1895. New Delhi, 1977.
4. Morrow M.D. The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress, 1885–1907. London, 1977.
5. Masani R.P. Dadabhai Naoroji: The Grand Old Man of India. London, 1939.
6. Kaushik H.P. The Indian National Congress In England (1885–1920). Delhi, 1960.
7. India. The Organ of the Indian National Congress. London, 1890.
8. Wedderburn W. Allan Octavian Hume: “Father of the Indian National Congress”, 1829–1912. New Delhi, 2002.
9. Никитин Д.С. «Друг Индии»: Аллан Октавиан Юм (1829–1912). Новосибирск, 2015.
10. India in England. Being the collection of speeches delivered and articles written on the Indian National Congress in England in 1889. Vol. II. Lucknow, 1889.
11. Majumdar B., Mazumdar B.P. Congress And Congressmen In The Pre-Gandhian Era (1885–1917). Calcutta, 1967.
12. Report of the 5th Indian National Congress, held at Bombay on the 26th, 27th and 28th of December, 1889. [London, 1890].

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2016 г.

EMERGENCE OF THE BRANCHES OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS IN GREAT BRITAIN (1885–1889)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 117–120. DOI: 10.17223/15617793/404/18

Nikitin Dmitry S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikitds33@gmail.com

Keywords: Indian National Congress; Dadabhai Naoroji; Allan Octavian Hume; William Digby; Indian Political Agency.

By the early 1880s, Indian nationalists felt the need to create a unified national organization. Such an organization was the Indian National Congress; one of its tasks was the dissemination of Indian propaganda in the UK. An important role in this process was played by British members of Congress (Allan Octavian Hume, William Wedderburn, etc). In 1885, at the suggestion of Hume the Indian Telegraph Union was created, but soon fell apart due to a lack of funding. In 1886, one of the most prominent Indian leaders, Dadabhai Naoroji, came to the United Kingdom with an aim to get a seat in parliament or contribute to the development of the Indian national movement in other ways. In London, he met with journalist William Digby, with whom he begins to work on the creation of the Indian political agency, a British organization of Indian nationalists. Indian nationalists in the UK faced a triple challenge: the

creation of the Indian parliamentary committee, the organization of public meetings around the country and the creation of a printed organ of the Congress in the UK. The Indian political agency was created in 1888, its task was to organize meetings with the British liberals, clarification of the requirements of the Indian nationalists and publish their works and materials of Congress sessions. The Indian political agency consisted of two sections, one of which was headed by Dadabhai Naoroji, directly subordinated to the leadership of the Congress, and the second, headed by W. Digby, worked independently, not only expressing the opinion of the Congress, but also of other Indian organizations. The main difficulties in the work of the Indian political agencies were the lack of funding and opposition from the Council of the Secretary of State for India and pro-government English press. Lack of funds for a long time did not allow the Indian nationalists to organize the publication of the organ of the Congress in the UK, and the two separate sections of the Indian political agency caused difficulties in the financing of the organization. In these circumstances, the leadership of the Congress decided to reorganize the political work in the metropolis. In July 1889, the Indian political agency was reorganized into the British Committee Congress which obeyed to the leadership of the Congress. Chairman of the committee was William Wedderburn, William Digby was elected secretary of the organization. In December 1889, at the session of the INC the establishment of the British Committee of the Indian National Congress was officially proclaimed. Resolution XIII, adopted at the session, regulated the composition and financing of the department. Thus, there was the finalization of the creation of the UK branch of the Congress, in which a significant role was played by the British members of Congress.

REFERENCES

1. Patel, D. (2013) Live wire in the nationalist movement. *The Hindu*. July 15.
2. Indian National Congress. (1905) *Proceedings of the 1st Indian National Congress, held in Bombay on the 28th, 29th and 30th December, 1885*. Madras.
3. Dadabhai Naoroji. (1977) *Dadabhai Naoroji Correspondence*. Vol. II, part I: Correspondence with D. E. Wacha, 4.11.1884 – 23.03.1895. New Delhi.
4. Morrow, M.D. (1977) *The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress, 1885–1907*. London.
5. Masani, R.P. (1939) *Dadabhai Naoroji: The Grand Old Man of India*. London.
6. Kaushik, H.P. (1960) *The Indian National Congress In England (1885–1920)*. Delhi.
7. British Committee of the Indian National Congress. (1890) *India. The Organ of the Indian National Congress*. London.
8. Wedderburn, W. (2002) *Allan Octavian Hume: "Father of the Indian National Congress", 1829–1912*. New Delhi.
9. Nikitin, D.S. (2015) "Drug Indii": *Allan Oktavian Yum (1829–1912)* [“A Friend of India”: Allan Octavian Hume (1829–1912)]. Novosibirsk: Sibprint.
10. G.P. Varma & Brothers. (1889) *India in England*. Vol. II: Being the collection of speeches delivered and articles written on the Indian National Congress in England in 1889. Lucknow: G.P. Varma & Brothers.
11. Majumdar, B. & Mazumdar, B.P. (1967) *Congress And Congressmen In The Pre-Gandhian Era (1885–1917)*. Calcutta.
12. Indian National Congress. (1890) *Report of the 5th Indian National Congress, held at Bombay on the 26th, 27th and 28th of December, 1889*. [London].

Received: 14 January 2016

БУДАПЕШТСКИЙ ПРОЦЕСС: ОЦЕНКА 20-ЛЕТНЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Европейский Союз сегодня является пунктом назначения масштабных миграционных потоков. Для регулирования иммиграции ЕС разработал специальные механизмы сотрудничества с различными регионами мира. Хронологически первым из таких механизмов стал Будапештский процесс – межправительственный диалог 50 государств и ряда международных организаций по вопросу управления миграцией. Данная статья направлена на анализ деятельности Будапештского процесса в течение 20 лет его существования.

Ключевые слова: миграция; Будапештский процесс; ЕС.

С окончанием холодной войны исчез СССР как один из двух глобальных центров силы, соответственно, разделительные линии в Европе потеряли смысл. Поскольку растаяло противостояние между Западной и Восточной Европой, всталась задача установления здесь мира, стабилизации границ и нормализации отношений с соседями. В то же время с 1950-х гг. Западная Европа приступила к экономической (Европейское экономическое сообщество – ЕЭС) и военной интеграции (Западноевропейский союз) и потому стала претендовать на роль гаранта безопасности и процветания в этой части света. Первым дружеским жестом со стороны Западной Европы по отношению к восточным соседям стала специальная программа ФАРЕ (PHARE), запущенная в 1989 г. с целью оказания помощи Польше и Венгрии в проведении структурных реформ. Затем странам Центральной и Восточной Европы был предоставлен режим наибольшего благоприятствования в торговле с ЕЭС с 1990 г., а еще через год был открыт Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), оказывавший помочь странам бывшего «социалистического содружества» в проведении реформ. Эти меры быстро убедили бывшие социалистические республики переориентироваться в своей внешней политике на сотрудничество с Западом [1. С. 182–183].

Одновременно страны Западной Европы решили перейти от экономической к политической интеграции, которая помогла бы установить мир и стабильность в Европе и обеспечить им выгодные позиции в международных отношениях. В итоге в 1991 г. был подписан, а в 1993 г. вступил в силу Договор о Европейском Союзе, или Маастрихтский договор, давший начало ЕС как политическому объединению 15 европейских государств с общей политикой в разных областях. Процесс европейской интеграции был длительным, поскольку предполагал постепенную передачу национального суверенитета на наднациональный уровень, что оказалось затруднительным: страны не желали лишаться суверенитета в некоторых областях. В частности, внешняя политика и политика безопасности были очень чувствительным вопросом, поэтому первоначально сотрудничество в этих сферах не было юридически обязательным. Сегодня внешняя политика ЕС носит в основном межгосударственный характер, но члены могут высказывать общие позиции, проводить совместные действия и принимать общие стратегии (с 1997 г.) Тем не менее в начале 1990-х гг. ЕС не имел достаточно ресурсов и компетенций для решения насущных проблем в области

Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). ОВПБ была также парализована войной, вызванной распадом Югославии. Таким образом, для успешного использования ОВПБ ЕС на мировой арене не было возможностей [2. С. 36].

С конца холодной войны меняется понятие безопасности в мире: размыается грань между внешней и внутренней, «высокой» и «низкой» политикой, одной из новых угроз безопасности стала неконтролируемая миграция населения [3]. Это стало ясно в 1990-е гг. в результате изменения границ на континенте, инициировавшего массовые миграционные потоки, которые устремились в ЕС как центр более высокого уровня жизни, экономической стабильности и безопасности. Однако и в сфере миграционного регулирования страны-члены не были готовы поступиться суверенитетом, оставив по Маастрихтскому договору эту область в межгосударственном ведении, поэтому не могли сообща противостоять новой угрозе [4].

В итоге в 1990-х гг. Евросоюз оказался перед лицом серьезных внешнеполитических проблем, для решения которых его собственных возможностей не хватало. Расставив приоритеты и распределив ресурсы, было решено привлечь к решению этих вопросов соседние государства, запустив особые механизмы сотрудничества с определенными странами по установленному кругу вопросов. Хронологически первым из таких механизмов стал Будапештский процесс – межправительственный диалог 50 государств континента по вопросам миграции, запущенный в 1993 г. На его примере позже были запущены подобные инициативы – Барселонский процесс (1995 г.), Рабатский процесс (2006 г.), Пражский процесс (2009 г.) и т.д. Формально эти механизмы относятся к внешнеполитическим инструментам ЕС, но на практике решают задачи не только ОВПБ, но и миграционной политики, политики развития и политики добрососедства.

Поскольку в начале 1990-х гг. ЕС наводнили потоки массовой иммиграции, европейские страны стали ужесточать миграционное законодательство. Не имея законных возможностей для въезда, мигранты стали использовать в пугающих масштабах нелегальные пути. Понимание того, что без сотрудничества стран назначения, исхода и транзита мигрантов невозможно контролировать это явление, привело к организации 31 октября 1991 г. Министерской конференции в Берлине, ставшей отправной точкой Будапештского процесса. Представители 28 европейских стран собрались на конференции, чтобы обсудить возможности проти-

воздействия нелегальной миграции. Участники признали, что для уменьшения миграционного давления из стран Центральной и Восточной Европы необходимо способствовать экономическому и социальному прогрессу в странах исхода мигрантов, поскольку основной причиной иммиграции в Европу служил поиск лучших условий жизни. В качестве незамедлительных мер было предложено налаживать обмен информацией по вопросам миграции между странами-участницами, укреплять пограничный контроль через развитие соответствующей инфраструктуры, заключать двух- и многосторонние соглашения о реадмиссии, а затем рассмотреть возможности гармонизации визовой политики участвовавших государств [5]. Таким образом была заложена основа Будапештского процесса как неформального межгосударственного форума для обсуждения острых проблем в сфере миграции и смежных областях.

Такой формат общения оказался удобным и 15–16 февраля 1993 г. представители 32 европейских государств, а также Турции и России встретились на Второй министерской конференции в г. Будапеште, чтобы продолжить обсуждение неконтролируемой иммиграции в Европу. Здесь были детализированы рекомендации предыдущей встречи: было предложено конфисковать доход и транспортные средства посредников нелегальных мигрантов, ужесточить наказание за трудоустройство нелегальных мигрантов, усовершенствовать пограничный контроль и процедуру выдачи виз. Для налаживания обмена информацией между государствами было объявлено о создании совместных органов сбора и анализа информации по нелегальной миграции в Европе. Также был повторен призыв заключать соглашения о реадмиссии [6].

Для имплементации решений Министерских конференций в декабре 1993 г. был создан специальный орган – Группа старших должностных лиц под председательством Венгрии, также называемый Будапештской группой. Действуя на неформальной основе и принимая лишь рекомендательные указания для стран-участниц, она трижды собиралась до проведения очередной Министерской конференции. В частности, на встрече группы в г. Прага в 1994 г. постоянным Секретариатом Будапештского процесса был назначен Международный центр развития миграционной политики (МЦРМП), основанный в г. Вена в 1993 г. [7].

Поскольку в 1995 г. ЕС расширился с 12 до 15 государств и вступило в силу Шенгенское соглашение, а миграционные потоки претерпели изменения в своей конфигурации, было решено провести очередную Министерскую конференцию в Праге 15 октября 1997 г. В ней приняли участие представители уже 35 государств и 9 международных организаций. Основное внимание было уделено противодействию нелегальной миграции, которая обусловлена разницей в уровне жизни между странами происхождения и назначения мигрантов, поэтому ее необходимо сократить путем содействия развитию стран исхода. Также на конференции участникам было рекомендовано принять меры в следующих областях: 1) гармо-

низации законодательства для ужесточения наказаний за пособничество нелегальной миграции, трудоустройство нелегальных мигрантов, подделку въездных документов и нарушение границ; 2) налаживания обмена данными и создания единой системы мониторинга и анализа нелегальной миграции в регионе. Была указана важность заключения соглашений о реадмиссии. Было высказано предложение расширить сотрудничество и интенсифицировать его. С этой целью после конференции был образован ряд рабочих групп, функционирующих на регулярной основе: по гармонизации законодательства, по сближению визовой политики, по возврату и реадмиссии, по региону Юго-Восточной Европы, по нерегулярной миграции и предоставлению убежища, по проблемам Молдовы [8].

После Третьей министерской конференции сложился механизм функционирования Будапештского процесса. Министерские конференции являются высшим органом принятия решений и проводятся по необходимости раз в несколько лет для принятия долгосрочных стратегий. Встречи Будапештской группы, также называемые встречами Старших должностных лиц, организуются раз в год для обсуждения результатов работы и детализации планов на следующий год. Различные рабочие группы по специфическим вопросам собираются на регулярной основе для имплементации решений вышестоящих органов и быстрого реагирования на кризисные ситуации. Кроме того, в рамках процесса проводится множество *ad hoc* совещаний по актуальным на текущий момент вопросам [9].

Однако, несмотря на интенсификацию деятельности, в начале 2000-х гг. Будапештский процесс оказался в кризисе. Это было вызвано тем, что он выполнил свою первоначальную функцию: заложил основы неформального взаимодействия между странами Западной и Центральной / Восточной Европы, позволил подтянуть последние к стандартам Европейского Союза, гармонизировать миграционное законодательство, улучшить пограничный контроль, тем самым подготовив страны Центральной и Восточной Европы к вступлению в ЕС, что и было запланировано на 2004 и 2007 гг. [10]. Соответственно встал вопрос о необходимости сохранения Будапештского процесса, который был решен положительно, учитывая успех процесса в деле подготовки кандидатов на вступление в ЕС. Тем не менее необходимо было пересмотреть и обновить задачи и масштабы этого механизма.

В этой связи 25–26 июня 2003 г. была проведена Четвертая министерская конференция на о. Родос (Греция), в которой приняли участие представители 42 государств и 9 международных организаций. Эта встреча стала поворотным пунктом в сотрудничестве стран по вопросам миграции и отметила переход ко второму этапу развития процесса. Первым судьбоносным решением конференции стало расширение географических масштабов деятельности Будапештского процесса: в межгосударственный диалог по вопросам миграции были включены страны СНГ. Вторым ключевым решением стало смещение акцента с контроля на комплексный подход к миграции, который учитывает ее первопричины – отсутствие соци-

ального и экономического развития, угрозы безопасности, безработица в странах исхода и т.п. [8]. Был расширен список сфер сотрудничества, который стал охватывать борьбу с нелегальной миграцией, согласование визовой политики, развитие реадмиссии и добровольного возвращения мигрантов, соблюдение прав беженцев, укрепление охраны границ и борьбу с терроризмом. Рекомендованные меры включали налаживание обмена информацией, гармонизацию законодательства стран-участниц, заключение и имплементацию соглашений о реадмиссии, обучение ответственного персонала. В дополнение к Рабочей группе по нерегулярной миграции и Рабочей группе по возврату и реадмиссии были созданы еще три: по согласованию мер ответственности за пособничество нелегальной миграции и торговлю людьми; по иммиграции и политике приема; по развитию системы управления миграцией [Там же].

Тем не менее даже назначения Турции в качестве нового председателя в 2006 г. было мало для придания нового импульса развитию Будапештского процесса. Новый председатель выдвинул свои предложения на встречах Старших должностных лиц в г. Стамбул (2006 г.) и г. Трабзон (2008 г.), результаты которых должны были обсуждаться на Министерской конференции в г. Прага в 2009 г. Однако проведенная встреча под названием «Построение миграционных партнерств» инициировала создание отдельного межправительственного механизма по регулированию миграции на территории Восточной и Юго-Восточной Европы, Средней Азии, Турции и России, получившего название Пражского процесса [11]. Это обстоятельство заставило участников Будапештского процесса выработать свои предложения по обновлению механизма и обсудить их на встрече Друзей Председателя в г. Вена 9 сентября 2009 г. Принимая во внимание ее итоги, Председатель процесса – Турция, представила на 16-й Встрече Старших должностных лиц в г. Стамбул 3 ноября 2010 г. пакет мер по активизации Будапештского процесса. Утверждение этих предложений модернизировало Будапештский процесс и обозначило его переход на третий этап развития [8].

Было решено расширить географический охват процесса далее на восток, включить ряд стран исхода мигрантов в качестве партнеров или наблюдателей процесса, в частности Афганистан, Бангладеш, Китай, Ирак, Иран и Пакистан. Был оптимизирован формат работы: новая структура предполагала наличие трех основных Рабочих групп по региональному принципу: по региону Юго-Восточной Европы, по Черноморскому региону и региону Шелкового пути. Для обеспечения быстрой адаптации процесса к политическим, социальным, экономическим изменениям в мире и обеспечения его независимости были диверсифицированы источники дохода для нужд процесса. Кроме того, были подтверждены основные принципы процесса: неформальное общение и равенство всех участников. Акцент был сделан на необходимости большего внимания вопросам легальной и трудовой миграции, а также взаимосвязи миграции и развития [12]. Как показала 17-я Встреча Старших должност-

ных лиц, проведенная через год после одобрения изменений в процессе, 18 ноября 2011 г., страны-партнера подтвердили правильность избранного направления развития Будапештского процесса. С одной стороны, важным стало то, что данный механизм был сохранен в качестве удобной возможности для неформального диалога по вопросам миграции для широкого круга государств и организаций. С другой стороны, были высказаны пожелания запуска большого количества локальных проектов, а также расширения круга сфер сотрудничества, включая вопросы добровольного возвращения, помощи несовершеннолетним, путешествующим без сопровождения взрослых, развития внутренней миграции населения, предоставления убежища и борьбы с торговлей людьми [13].

Третий этап развития Будапештского процесса, продолжающийся в настоящее время, можно охарактеризовать интенсификацией деятельности Рабочих групп. Рабочая группа по региону Юго-Восточной Европы под председательством Хорватии основана еще в 1998 г. и была первоначально нацелена на содействие подписанию и эффективной имплементации соглашений о реадмиссии со странами региона, а также на приближение стран Юго-Восточной Европы по ряду показателей в сфере миграционного контроля к стандартам ЕС. Постепенно эти задачи достигались, и фокус деятельности группы сместился на развитие системы управления миграцией в регионе в целом с учетом ее первопричин, обеспечение эффективной реадмиссии и налаживание информационного обмена между странами-партнерами [14].

Рабочая группа по Черноморскому региону под председательством Болгарии была создана в 2008 г. Первая встреча Группы состоялась 13–14 ноября 2008 г., вторая – 9–10 февраля 2011 г., третья – 12–13 ноября 2012 г. Была проделана большая работа по анализу и оценке уже существующих в регионе структур межгосударственного сотрудничества и основных проблем региона. В итоге приоритетами работы этой группы стали борьба с нелегальной миграцией в регионе, налаживание обмена информацией и кадрами между странами-партнерами, укрепление пограничного контроля и гармоничное дополнение существующих в регионе структур безопасности [15].

Наиболее активно на третьем этапе Будапештского процесса себя проявляет Рабочая группа по региону Шелкового пути под председательством Турции. Встречи группы прошли 3–4 ноября 2010 г., 7–8 июня 2011 г., 28–29 июня 2012 г. и 28–29 октября 2013 г. Сфера работы группы постепенно расширялась и меры были приняты во многих областях. Первоначально приоритетом было противодействие нелегальной миграции, затем обсуждаться стали и смежные вопросы (налаживание информационного обмена между странами-участницами, расширение возможностей информирования потенциальных мигрантов, обеспечение надлежащих возвращения и реинтеграции мигрантов, способствование развитию стран исхода с целью уменьшения эмиграции, согласование действий стран Будапештского процесса с другими региональными механизмами регулирования миграции).

В рамках деятельности Рабочей группы были запущены три последовательных проекта: «Содействие сотрудничеству в области миграции в регионе Великого шелкового пути» (сентябрь 2011 г. – февраль 2013 г.); «Вспомогательные меры в области управления миграцией в регионе Шелкового пути» (май 2013 г. – апрель 2014 г.); проект Партнерства Шелкового пути (февраль 2014 г. – январь 2017 г.). Результатами их реализации стали анализ миграционных потоков в регионе, выявление проблем стран региона Шелкового пути в области миграции, налаживание обмена информацией между странами-участницами, оказание технической помощи странам исхода мигрантов в обозначенных ими вопросах, обучение ответственных кадров, реализация локальных проектов в области развития, информирование потенциальных мигрантов [9].

Результаты 20-летней деятельности Будапештского процесса были подведены на Пятой министерской конференции 19 апреля 2013 г. в Стамбуле. Конференция была ознаменована принятием Стамбульской министерской декларации, инициировавшей Партнерство Шелкового пути. В Декларации были выделены шесть приоритетных областей работы участников процесса: улучшение условий легальной миграции и мобильности; содействие интеграции мигрантов и противодействие дискриминации; обеспечение положительного взаимовлия-

ния миграции и развития; поддержка возвращения и реадмиссии; борьба с нелегальной миграцией и торговлей людьми; международная защита и соблюдение прав беженцев. В рамках каждой области были предложены конкретные меры, которые будут приняты [16].

Оценка результатов Будапештского процесса свидетельствовала о переходе к отложеному межправительственному диалогу по регулированию миграции в нескольких регионах. Участники процесса сотрудничают наравне на добровольной основе и подают запросы о проведении встреч по интересующим проблемам, тем самым делая обсуждение конструктивным и конкретным. Поскольку его источники финансирования диверсифицированы, это делает процесс гибким в реагировании на потребности стран-участниц. Работа секретариата (МЦРМП) оценивается как недорогая, но эффективная. Будапештский процесс сыграл огромную роль в подготовке стран Центральной и Восточной Европы к вступлению в ЕС. Кроме того, за время своего существования этот механизм завоевал определенную степень доверия в мировой политике, особенно на экспертном уровне, что позволяет ему выгодно сотрудничать с другими международными акторами. На сегодняшний день Будапештскому процессу как неформальному межправительственному диалогу по регулированию миграции в Евразийском пространстве нет альтернативы [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубинин Ю. и др. История международных отношений (1975–1991 гг.). М. : МГИМО(У), 2006. С. 182–183.
2. Fraser C. An Introduction to European Foreign Policy. 2nd ed. Routledge : London, 2012. P. 36.
3. The Joint Report by EUROPOL, EUROJUST, and FRONTEX on the State of Internal Security in the EU // Council of the European Union, Brussels, 2010, 15 p. URL: <http://www.statewatch.org/news/2010/aug/eu-council-europol-frontex-int-sec-9359-10.pdf>, free (access data: 25.05.2014).
4. Потемкина О. Иммиграционная политика ЕС: от Амстердама до Лиссабона // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 4. С. 42–51.
5. Final Communiqué of the Ministerial Conference on measures for checking illegal Immigration from and through Central and Eastern Europe (31 October 1991) // ICMPD, 1997. URL: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPD-Website/Budapest_Process/January_2013/1991_Berlin_recommendations.pdf, free (access data: 26.05.2014).
6. Final Communiqué of the Ministerial Conference to Prevent Uncontrolled Migration (16 February 1993) // ICMPD, 1993. URL: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPDWebsite/Budapest_Process/January_2013/1993_Budapest_recommendations.pdf, free (access data: 26.05.2014).
7. Будапештский процесс: Реализация Партнерства по вопросам миграции в регионе Шелкового пути // ICMPD, 2014. URL: <http://www.icmpd.org>, свободный (дата обращения: 27.05.2014).
8. Budapest process: A Silk Routes Partnership for Migration: 20+ years of the Budapest process // ICMPD, 2013. URL: <http://www.budapestprocess.org>, free (access data: 27.05.2014).
9. Budapest process // ICMPD, 2014. URL: <http://www.icmpd.org/Budapest-Process.1528.0.html>, free (access data: 27.05.2014).
10. Towards the Enlarged Union. Strategy Paper and Report of the European Commission on the progress towards accession by each of the candidate countries // Commission of the European Communities. 2002. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52002DC0700&from=EN>, free (access data: 28.05.2014).
11. Prague Process. Overview // ICMPD, 2012. URL: <http://www.icmpd.org/Prague-Process.1557.0.html>, free (access data: 29.05.2014).
12. Будапештский процесс, 16-я встреча старших должностных лиц // ICMPD, 2010. URL: http://www.anti-trafficking.net/fileadmin/ICMPD-Website/Budapest_Process/Budapest_Process_SOM_3.11.10_Final_Conclusions_EN.pdf, свободный (дата обращения: 04.05.2014).
13. Будапештский процесс, 17-я встреча старших должностных лиц // ICMPD, 2011. URL: <https://www.budapestprocess.org/component/attachments/download/23>, свободный (дата обращения: 04.05.2014).
14. Будапештский процесс: Оценка положения дел и пути дальнейшего развития в 2010 г. // ICMPD, 2010. URL: <https://www.iom.int/files/live/sites/iom/files/What-We-Do/docs/Third-Phase-Budapest-Process-ru.pdf>, свободный (дата обращения: 01.05.2014).
15. Заключение. Будапештский процесс, Третья встреча Рабочей группы по Черноморскому региону «Связи между урегулированной и неурегулированной миграцией в Черноморском регионе» // ICMPD, 2012. URL: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPDWebsite/Budapest_Process/February_2014/Conclusions_BP_3rd_Black_Sea_WG_12-13_11_12_RUS.pdf, свободный (дата обращения: 04.05.2014).
16. Стамбульская Министерская Декларация «Партнерство по вопросам миграции в регионе Шелкового пути» // ICMPD, 2013. URL: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPDWebsite/Budapest_Process/MC_Documents/Istanbul_Ministerial_Declaration_Silk_Routes_Partnership_RUS.pdf, свободный (дата обращения: 26.05.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 5 ноября 2015 г.

THE BUDAPEST PROCESS: ASSESSMENT OF ITS 20-YEAR ACTIVITIES

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 121–125. DOI: 10.17223/15617793/404/19

Pogorelskaya Anastasia M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Keywords: migration; Budapest Process; European Union.

After the end of the ‘cold war’ European countries had to establish good relations to provide the continent with peace and stability. This aim was reached thanks to financial help granted by the EEC to the states of Eastern Europe. The latter revised their foreign policy in favour of Western neighbours. Meanwhile, the Western European states proceeded to political integration by signing the Maastricht Treaty in 1991 and initiating the European Union. The EU countries agreed to conduct common foreign and security policy and migration policy on the intergovernmental basis. However, they lacked resources at that moment, therefore, the EU had to find a different solution for its foreign policy problems, especially mass immigration flaws triggered by border changes in Europe. As a result, the EU launched special cooperation mechanisms with third countries for migration management. The first mechanism was the Budapest process – an intergovernmental dialogue of states and international organizations initiated at the First Ministerial Conference in Berlin on 31 October 1991. The issues of combating illegal immigration into the EU, readmission agreements and harmonization of visa policies were discussed there. The Second Ministerial Conference took place on 15–16 February 1993 in Budapest to adopt measures against illegal immigration including strengthening of border control, information exchange, improvement of the visa application procedures. In 1994, the International Centre for Migration Policy Development (ICMPD) was appointed the Secretariat of the Budapest Process. The Third Ministerial Conference was held in Prague on 15 October 1997 and adopted measures in harmonization of migration legislation and information exchange between the states. It resulted in the establishment of several working groups: on Legal Harmonization, Visa Policy Approximation, Return and Readmission, etc. So the functioning scheme of the Budapest Process settled down: Ministerial Conferences make crucial decisions and adopt multiannual strategies. Senior Officials Meetings are held once a year to specify the plans. Working groups operate on a regular basis. In the 2000s, the Budapest Process experienced crisis because it had attained its goal to help the countries of Central/Eastern Europe adopt the EU standards and prepare for the ascension. The Forth Ministerial Conference held on 25–26 June 2003 in Rhodes (Greece) tried to give a new impetus to the process by broadening its geographical scope (including the CIS countries) and adopting a global approach to migration, starting thereby the second phase of the process. In 2006, Turkey was appointed the Chair; it prepared suggestions on amelioration of the process which had to be discussed at the 2009 Conference. However, the Prague Process was started then. As a result, the Budapest Process found itself in crisis again. To revive the Budapest Process, the 16th Senior Officials Meeting held in Istanbul on 3 November 2010 made a decision to further broaden the geographical scope and include the Silk Route countries; the working format was optimized: three working groups were founded: on the South Eastern European Region, on the Black Sea Region and on the Silk Route Region. The interdependence of migration and development became the leading idea of the process. The third phase of the process was started. The Fifth Ministerial Conference on 19 April 2013 summed up the results of the Budapest Process activities for 20 years. It was acknowledged that the Budapest Process had become an efficient intergovernmental dialogue on migration management in Eurasia.

REFERENCES

1. Dubinin, Yu. et al. (2006) *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy (1975–1991 gg.)* [History of International Relations (1975–1991.)]. Moscow: MGIMO(U).
2. Fraser, C. (2012) *An Introduction to European Foreign Policy*. 2nd ed. London: Routledge.
3. Council of the European Union. (2010) *The Joint Report by EUROPOL, EUROJUST, and FRONTEX on the State of Internal Security in the EU*. Brussels: Council of the European Union. [Online]. Available from: <http://www.statewatch.org/news/2010/aug/eu-council-eurojust-europol-frontex-int-sec-9359-10.pdf>. (Accessed: 25 May 2014).
4. Potemkina, O. (2010) EC Immigration Policy: from Amsterdam to Lisbon. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 4. pp. 42–51. (In Russian).
5. ICMPD. (1997) *Final Communiqué of the Ministerial Conference on measures for checking illegal Immigration from and through Central and Eastern Europe (31 October 1991)*. [Online]. Available from: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPD-Website/Budapest_Process/January_2013/1991_Berlin_recommendations.pdf. (Accessed: 26 May 2014).
6. ICMPD. (1993) *Final Communiqué of the Ministerial Conference to Prevent Uncontrolled Migration (16 February 1993)*. [Online]. Available from: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPDWebsite/Budapest_Process/January_2013/1993_Budapest_recommendations.pdf. (Accessed: 26 May 2014).
7. ICMPD. (2014) *Budapestskiy protsess: Realizatsiya Partnerstva po voprosam migratsii v regione Shelkovogo puti* [Budapest Process: Implementation of the Partnership on migration in the region of the Silk Route]. [Online]. Available from: www.icmpd.org. (Accessed: 27 May 2014).
8. ICMPD. (2013) *Budapest Process: A Silk Routes Partnership for Migration: 20+ years of the Budapest Process*. [Online]. Available from: <http://www.budapestprocess.org>. (Accessed: 27 May 2014).
9. ICMPD. (2014) *Budapest Process*. [Online]. Available from: <http://www.icmpd.org/Budapest-Process.1528.0.html>. (Accessed: 27 May 2014).
10. Commission of the European Communities. (2002) *Towards the Enlarged Union. Strategy Paper and Report of the European Commission on the progress towards accession by each of the candidate countries*. [Online]. Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52002DC0700&from=EN>. (Accessed: 28 May 2014).
11. ICMPD. (2012) *Prague Process. Overview*. [Online]. Available from: <http://www.icmpd.org/Prague-Process.1557.0.html>. (Accessed: 29 May 2014).
12. ICMPD. (2010) *Budapestskiy protsess, 16-ya vstrecha starshikh dolzhnostnykh lits* [The Budapest Process, the 16th meeting of Senior Officials]. [Online]. Available from: http://www.anti-trafficking.net/fileadmin/ICMPD-Website/Budapest_Process/Budapest_Process_SOM_3.11.10_Final_Conclusions_EN.pdf. (Accessed: 04 May 2014).
13. ICMPD. (2011) *Budapestskiy protsess, 17-ya vstrecha starshikh dolzhnostnykh lits* [The Budapest Process, the 17th meeting of Senior Officials]. [Online]. Available from: <https://www.budapestprocess.org/component/attachments/download/23>. (Accessed: 04 May 2014).
14. ICMPD. (2010) *Budapestskiy protsess: Otsenka polozheniya del i puti dal'neyshego razvitiya v 2010 g.* [he Budapest Process: Assessing the status and further development in 2010]. [Online]. Available from: <https://www.iom.int/files/live/sites/iom/files/What-We-Do/docs/Third-Phase-Budapest-Process-ru.pdf>. (Accessed: 01 May 2014).
15. ICMPD. (2012) *Zaklyuchenie. Budapestskiy protsess, Tret'ya vstrecha Rabochey gruppy po Chernomorskому regionu “Svyazi mezdu uregulirovannoy i neuregulirovannoy migratsiyey v Chernomorskem regione”* [Conclusion. The Budapest Process, the third meeting of the Working Group on the Black Sea region “Links between regulated and unregulated migration in the Black Sea region”]. [Online]. Available from: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPDWebsite/Budapest_Process/February_2014/Conclusions_BP_3rd_Black_Sea_WG_12-13_11_12_RUS.pdf. (Accessed: 04 May 2014).
16. ICMPD. (2013) *Stambul'skaya Ministerskaya Deklaratsiya “Partnerstvo po voprosam migratsii v regione Shelkovogo puti”* [The Istanbul Ministerial Declaration “Partnership on Migration in the region of the Silk Route”]. [Online]. Available from: http://www.icmpd.org/fileadmin/ICMPDWebsite/Budapest_Process/MC_Documents/ Istanbul_Ministerial_Declaration_Silk_Routes_Partnership_RUS.pdf. (Accessed: 26 May 2014).

Received: 05 November 2015

КАЧЕСТВЕННАЯ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАДРОВОГО СОСТАВА СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-е гг.

Анализируются процесс формирования кадрового состава сферы физической культуры в Западной Сибири, роль государства и организации ВЛКСМ в регулировании кадровой политики. Приводятся сведения об организации курсовой подготовки физкультурных работников и создании средне-специальных учебных заведений соответствующего профиля. Данна характеристика образовательного уровня работников сферы физической культуры, приводятся фактические данные об их численности в Западной Сибири.

Ключевые слова: специалисты в области физической культуры; работники физкультурных организаций; подготовка физкультурных кадров.

С 1920-х гг. физическая культура стала неотъемлемой частью воспитания граждан страны, а внешне-политические изменения, произошедшие в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в совокупности с внутриэкономическими преобразованиями внесли корректировки в функционирование многих отраслей народного хозяйства СССР, в том числе и в сферу физической культуры.

Выполнение масштабных государственных экономических планов, обозначенных на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г., требовало повышения уровня физической подготовки граждан, что стало одной из важнейших задач для физкультурных организаций.

Участие физкультурников Западной Сибири в строительстве и становлении социализма стало предметом рассмотрения на III Пленуме Западно-Сибирского краевого совета физической культуры (ЗСКСФК, 25–29 декабря 1930 г.). Физкультурники должны были занять авангардные позиции среди трудающихся страны в выполнении производственных показателей [1. С. 1, 5]. В этой связи специалисты по физической культуре должны были иметь не только профессиональную подготовку, их также должен был отличать высокий уровень патриотизма.

Основным способом повышения квалификации физкультурных кадров в 1920-е гг. была курсовая подготовка различной продолжительности (от двух недель до шести месяцев), к концу десятилетия максимальный срок обучения составлял десять месяцев. [2. С. 56; 3. Л. 3]. Между тем потребность в кадрах не была удовлетворена даже на минимальном уровне.

Попытки открытия техникума физической культуры в Западной Сибири в конце 1920-х гг. не увенчались успехом, а техникум, функционирование которого предполагалось в Иркутске, был переведен в г. Красноярск и начал подготовку кадров для физкультурных организаций Восточной Сибири [4. Л. 11–12].

Профессиональное учебное заведение в Западной Сибири – Новосибирский техникум физической культуры – был открыт 14 марта 1931 г. [5. Л. 72]. Он осуществлял подготовку работников физической культуры по двум направлениям: преподаватель в школе повышенного типа и инструктор физической культуры профсоюзов и соцсектора деревни. В 1931 г. техникум имел два отделения: основное (2 года обучения) и ускоренное (1 год) [6. Л. 14].

Кадровую основу техникума составляли высококвалифицированные преподаватели общеобразовательных и практических дисциплин: Н.В. Ганчиков, В.С. Орлов, Н.И. Чудинов, А.А. Ковязин, Г.К. Замятин и др. [5. Л. 72]. Первый выпуск был малочисленным и состоялся уже в 1932 г. С этого же года техникум перешел на трехлетнее обучение. С 1934 г. коллектив преподавателей пополнился выпускниками Московского и Ленинградского институтов физической культуры – М.Ф. Бабкиным, М.И. Живановым, К.В. Анисимовым, В.И. Ивановым [2. С. 56].

В 1931–1932 гг. в сибирских городах (Омск, Томск, Барнаул) были организованы шестимесячные курсы (на 180 чел.) по подготовке инструкторов физкультуры массовых квалификаций Западно-Сибирского краевого совета ФК. Требования к абитуриентам были невысокими: образование 4 класса, политграмотность в объеме 1-й ступени политграмоты, справка о состоянии здоровья [6. Л. 13].

В этот же период в Томске было принято решение об организации физкультурного отделения Томского педагогического техникума [Там же. Л. 40].

С момента введения в области физической культуры в СССР нормативной основы – комплекса ГТО (1931 г.) – потребность в кадрах возросла кратно. На IV пленуме КрайСФК в 1932 г. при обсуждении вопроса кадрового обеспечения массового физкультурного движения было предложено привлекать к инструкторской работе по приему нормативов комплекса ГТО физкультурников, имевших практический опыт. Данная мера была вынужденная, так как имевшиеся кадровые ресурсы могли лишь частично удовлетворить кадровые потребности [7. С. 7].

В государственном архиве Новосибирской области сохранились документы, характеризующие ситуацию с кадровым обеспечением Западно-Сибирских регионов в 1932 г. (таблица).

Численность кадров физкультурных работников в Сибири в 1932 г.

Квалификация	Потребность	Наличие	Подготовлено	Дефицит
Высшая	88	26	20	42
Средняя	440	38	100	302
Низшая	880	173	350	357
Без образования	–	133	–	–
Итого	1 408	370	470	701

В примечании указывалось, что расчет потребности в работниках низшей квалификации исчислялся из соотношения 1 инструктор на 500 чел., средней – 1 на 1 000 чел., высшей – 1 на 1 500 чел. [8. Л. 5].

Фактические данные позволяют констатировать, что основная масса физкультурных кадров имела низкий уровень профессиональной подготовки, что подтверждают и другие документы, например протокол кустового совещания при КрайСФК инструкторов физической культуры Западной и Восточной Сибири, Урала и Башкирии (06.12.1932 г.). К этому периоду борьба «за здоровые, классово-выдержаные кадры» способствовала доминированию «благонадежных» инструкторов [9. Л. 23, 33]. Однако ни качество профильной теоретической и практической подготовки, ни количественный состав не удовлетворяли быстро растущей потребности в физкультурных кадрах.

Для понимания уровня обеспеченности физкультурными кадрами Западной Сибири в соотношении с масштабом возложенной на них работы отметим, что в 1932 г. в крае активное участие в физкультурном движении принимали 145 тыс. трудящихся. А в реализации актуальной на тот момент установки превращения физкультурника в лучшего ударника производства физкультурные организации края добились наличия в своих рядах 75 тыс. ударников, объединенных в 356 ударных физкультурных хозрасчетных бригадах [9. Л. 29].

В 1933 г. государством были предприняты меры по обеспечению определенной социальной защищенности работников сферы физической культуры. В частности, на них распространялись льготы, предоставленные работникам просвещения: «О жилищных льготах работникам просвещения в городах» (от 20 марта 1931 г., С.У. 1931 г. № 15, ст. 17); «О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет» (С.З. 1929 г. № 46, ст. 396) и др. Это был один из способов повысить престиж профессии работника физической культуры и усилить приток образованного контингента [10. Л. 1].

Уровень подготовки кадров в тот период рассматривался в двух плоскостях – профессиональной и политической, что предопределило контроль над их деятельностью со стороны советов ФК и комсомола. В 1935 г. ЦК ВЛКСМ и ВСФК была проведена проверка инструкторов и преподавателей по физкультуре. Каждый инструктор в обязательном порядке должен был иметь звание и получить категорию, соответствовавшую уровню квалификации. Политическая подоплека следует из формулировки, что «проверка нам поможет очиститься от проходимцев и классово чуждых людей, не будет уравниловки, которая была до сего дняшнего дня». Данная фраза свидетельствует о том, уровень материального стимулирования устанавливался до этого вне зависимости от уровня квалификации. Образцово была организована и проведена данная проверка в г. Томске [11. Л. 81].

Персональную проверку работников управлеченческого звена в 1935 г. осуществляла специальная комиссия при Запсибкрайкоме ВЛКСМ [12. Л. 87]. В ее компетенцию входили анализ уровня подготовки

имевшихся работников и укомплектование советов ФК, обществ и др. Так как непрофильная организация не могла оценить уровень профессиональной компетентности специалистов в области физической культуры, то, вероятнее всего, оценке подвергались политическая грамотность и идеиное соответствие персонала [13. Л. 41].

Проверка выявила крайне низкий уровень обеспеченности кадрами структур управления физической культурой. Так, обеспеченность Томского горсовета ФК кадрами составляла 20%. Однако отсутствие специалистов не являлось оправданием в невыполнении задач государственной важности, возложенных на аппарат физкультурных работников. Сохранившиеся архивные документы позволяют нам понять значимость или оценить уровень дефицита физкультурных работников высшей квалификации в тот период. При высочайшей интенсификации труда во всех отраслях народного хозяйства страны, средняя нагрузка преподавателя учебного заведения с высшим образованием варьировалась от 800 до 1 400 часов в год. Квалифицированным физкультурным работникам томские власти предоставляли эксклюзивные условия (1935 г.): квартиры, питание, а среднемесячный оклад работника физической культуры высшей квалификации составлял от 600 до 1 000 руб. [14. Л. 6]. Здесь уместно будет указать, что средняя зарплата по стране в 1934 г. составляла 136 руб., а в 1936 г. – 207 руб. [15]. Однако произвести комплектование физкультурных организаций квалифицированными работниками в соответствии со штатным расписанием, даже подразделений Краевого комитета ФК, не представлялось возможным. Крайком ВЛКСМ давал неоднократные обещания в оказании содействия в обеспечении кадрами Запсибкрайского крайкома ФК, между тем, в мае 1936 г. должности заместителя председателя и ответсекретаря оставались вакантными. Нехватка специалистов в высшем на региональном уровне управленческом звене повлекла нестабильность в работе нижестоящих организаций: в течение 2–3 месяцев с начала 1936 г. отсутствовали секретари в Ставропольске, Прокопьевске, Кемерово, Барнауле. Работающие секретари в Бийске, Анжерке не отвечали имели соответствующей квалификации. Качественный состав остальных райсоветов ФК был чрезвычайно низок [13. Л. 41].

Всего в 1936 г. по краю было утверждено 114 штатных единиц: 96 чел. в городах и районах и 18 чел. – краевой аппарат [16. Л. 17]. На совещании по физической культуре в Культпросветотделе Запсибкрайкома ВКП(б) (26.05.1936 г.) констатировали сложную ситуацию с кадровым обеспечением, особенно в сельских районах. Из 66 руководителей райсоветов ФК в сельхозрайонах, предусмотренных штатным расписанием, фактически было только 30. Таким образом, значительная часть крупных сельских районов осталась без руководства [13. Л. 42].

Помочь сельским физкультурным организациям должны были оказать комсомольцы, мобилизованные на физкультурную работу. Распределение комсомольцев, численность которых в Западной Сибири соста-

вила 247 чел., проходило по наиболее сложным участкам физкультурной работы. Основная масса молодых людей (190 чел.) была направлена в колхозы, совхозы, МТС. Остальные комсомольцы были распределены на краевую (4 чел.) и районную (20 чел.) работу, а также на предприятия и в учреждения (33 чел.) [16. Л. 17 об.]. На основании постановления ЦК ВЛКСМ от 13.VII.1936 г. для выделенных на физкультурную работу комсомольцев были организованы месячные курсы подготовки физкультурных организаторов для деревни [17. Л. 61; 18. Л. 108; 19. Л. 65].

Полученное по окончанию курсов удостоверение давало право осуществлять трудовую деятельность в качестве председателей сельских районных комитетов по делам ФКиС (уполномоченные), инструкторов РИКОв по физической культуре [20. Л. 18]. Таким образом, управление и организация физкультурной работы в сельской местности должны было сосредоточиться в руках комсомольцев, обладавших крайне необходимым в тот период рабочим энтузиазмом и высоким идейным потенциалом.

В 1936 г. в целях усиления государственного контроля и руководства работой по физической культуре и спорту был образован Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при СНК Союза ССР (21 июня 1936 г.). Помимо председателя в состав вошли представители профсоюзов, ВЛКСМ, ДСО, союзных республик. В том же году был вынесен ряд постановлений, оказавших влияние на перестройку деятельности в сфере физической культуры (создание системы ДСО, Программа комсомола, принятая X съездом ВЛКСМ и т.д.) [21. С. 25, 55].

Несмотря на масштаб предстоящих задач, управленческий аппарат СФК Западно-Сибирского края был сокращен на 44 единицы. Штатное расписание, утвержденное Всесоюзным комитетом на 1937 г., предусматривало 70 единиц работников физической культуры (по другим отчетам, численность варьировалась до 74) [16. Л. 17 об.; 22. Л. 24]. Краевой комитет представляли 22 сотрудника, остальные специалисты были распределены по городам и районам: Новосибирск, Сталинск, Кемерово, Ойротия – по 3 чел.; Томск, Барнаул, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Бийск, Нарымский округ – по 2 чел. и т.д. Сокращение численности штатных работников аппарата комитета ФК и С коснулось в основном районов края. Если в 1936 г. платные работники осуществляли свою деятельность в 71 районе, то в 1937 г. – в 36, таким образом, 35 районов Западной Сибири фактически остались без руководящих физкультурных работников. Очевидно, снижение численности управленцев звена предусматривало интенсификацию их труда. Уровень заработной платы управленческого аппарата физкультурных работников был достаточно высокий и варьировался от 400 (инспектор по видам спорта) до 550–650 руб. (инспектор по вузам, техникумам и школам; зав. сельским сектором). Оклад председателя комитета ФКиС в 1937 г. составлял 750 руб., его заместителя – 700 руб. [16. Л. 8, 17–18]. Оплата труда физкультурных работников аппаратов комитетов ФК существенно превышала

средний уровень зарплаты по стране, составлявшей в 1938 г. 289 руб. Между тем физкультурных работников по-прежнему не хватало, а качество их подготовки было невысоким [15]. Для примера скажем, что в 1936 г. в Советах ФК Западной Сибири только 24–40% работников имели специальное физкультурное образование, в основном среднее [23. Л. 10].

В сентябре 1937 г. Запсибрайком ВЛКСМ одобрил предложение Запсибрай комитета по делам ФКиС при ЗСКИК о проведении курсов по подготовке физкультурных работников края. На основании постановления планировалась большая работа по повышению квалификации кадрового состава. Основная нагрузка была возложена на комитет ФК в г. Новосибирске, где должны были пройти 6-месячные курсы инструкторов-методистов; 2-месячные курсы инструкторов физкультуры колхозов; 1-месячные курсы по подготовке председателей ГК, РК и уполномоченных ФКиС. Помимо этого, однотемочные курсы подготовки физоргов колхозов должны были пройти в городах Барнаул, Томск, Ойрот-турса. Горкомы и райкомы ВЛКСМ должны были проконтролировать качество отбора кандидатов с политической и деловой сторон [20. Л. 61]. Результатом участия комсомола в формировании кадрового состава стало к концу 1930-х гг. доминирование в управленческом аппарате членов ВЛКСМ. Так, из трех председателей комитетов ФК в Алтайском крае в 1938 г. (два городских и один областной в Ойротии) двое являлись членами ВЛКСМ, а из 21 уполномоченного по делам физкультуры и спорта 20 являлись комсомольцами [24. Л. 61].

Наиболее высокий уровень квалификации имели преподаватели высших учебных заведений, а наиболее низкий – физкультурные работники сельской местности. Однако и в вузах квалификация физкультурных работников оставалась в 1930-х гг. в основном не выше уровня средне-специального образования. Например, в Томске первый специалист с высшим образованием (Н.Д. Мещеряков) приступил к выполнению должностных обязанностей в Томском институте железнодорожного транспорта в середине 1930-х гг. В 1938 г. в Томск приехали два выпускника Ленинградского института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта – О.И. и А. Далингеры [25. С. 115]. В то же время преподавание физкультуры в вузах и техникумах Омской области осуществляли преподаватели без специального высшего и даже среднего образования [26. Л. 1].

В январе 1938 г. Всесоюзный комитет ФК вынес постановление (от 21 января 1938 г.) «О присвоении категорий инструкторам и преподавателям физической культуры». На его основании комитеты по делам ФКиС в регионах создавали соответствующие квалификационные комиссии. В архивных документах упоминаются пять категорий, по которым классифицировались физкультурные работники, где первая присваивалась квалифицированным специалистам, а пятая – имевшим самый низкий образовательный уровень [27. Л. 27]. Проведенная проверка выявила, что создание техникума ФК и организация сети курсовой подготовки радикально не изменили соотношение

квалифицированных и низкообразованных кадров в сфере физической культуры вплоть до конца 1930-х гг. Например, из 100 освобождённых работников физической культуры в г. Омске, насчитывавшихся в 1938 г., только 6 инструкторов имели 1-ю категорию, небольшое количество специалистов было и 2-й категории, а подавляющая масса инструкторов имела 4-5-ю категории [27. Л. 134; 28. Л. 2].

В 1930-х гг., особенно в конце десятилетия, физическая культура столкнулась с рядом серьезных проблем, характерных для многих отраслей хозяйства. Одной из них стало повсеместное перемещение физкультурных кадров на другие виды непрофильной работы, несмотря на их явный дефицит. Так, уполномоченный физической культуры в Викуловском районе Омской области был взят на работу в РК ВЛКСМ; уполномоченный в Кормиловском районе командирован на строительство железной дороги и т.д. Еще одним негативным моментом являлась практика приема и увольнения физкультурных инструкторов без ведома комитетов ФК, что особенно отразилось на физкультурных организациях в сельской местности, где на несколько населенных пунктов был один работник [26. Л. 75; 28. Л. 2].

Решение о введении строгого регулирования в вопросах передвижения инструкторских кадров, «оставив это право только за советами физической культуры», было принято еще на III Пленуме ЗСКСФК (1930 г.). Между тем данная практика наблюдалась в Западной Сибири до конца 1930-х гг. [1. С. 6].

Для урегулирования этого вопроса, Всесоюзный комитет по делам ФКиС при СНК СССР вынес Постановление № 8 от 21 января 1938 г. «Об утверждении номенклатур учета и распределения руководящих работников и специалистов по физической культуре и инструкции о порядке учета и перемещения инструкторов, преподавателей и тренеров по физкультуре и спорту». Сибирские регионы приняли аналогичные постановления на местном уровне. Однако систематическое и многократное дублирование подобных постановлений свидетельствует об их невыполнении [27. Л. 12, 28].

В конце 1930-х гг. в стране усилилась и вышла на новый уровень борьба с «врагами народа». Кадровая «чистка» являлась всеобщей тенденцией, охватившей в тот период различные сферы деятельности, в том числе и область физической культуры. Данное явление уже имело место в начале 1920-х гг. и в 1928–1929 гг., а в декабре 1930 г. необходимость кадровой «чистки» была признана на III Пленуме Краевого СФК [1. С. 6]. Так называемая политическая неблагонадежность работников стала одной из причин дефицита кадров. Пресса в конце десятилетия отмечала: «...враги народа, орудовавшие в физкультурных организациях, стремились повредить и в организационных делах...» [29].

Результатом проведения «чистки рядов», например в Омске, стал арест кадрового состава омских физкультурных работников органами НКВД в 1938 г. «Врагам народа» инкриминировали, в том числе, дезорганизацию работы. В отчетах омской организации

ФК констатировалось: «...у нас почти не стало преподавателей и инструкторов физкультуры. Появилось стремление стать тренером на почасовой оплате, такой “тренер” совместительствует 2–3 коллектива, не вникает в суть дела» [27. Л. 134; 28. Л. 2]. В Алтайском крае также проводились соответствующие времени «мероприятия по очищению кадров от сомнительных, разложившихся случайно пробравшихся на физкультурную работу элементов». В результате органами НКВД в 1938 г. был арестован председатель комитета Алтайского края, были освобождены от занимаемых должностей и другие работники сферы физической культуры [24. Л. 72].

Фактически для организации стабильной физкультурной работы у большинства работников сферы не хватало элементарных знаний, однако их действия квалифицировались как подрыв работы или саботаж, что давало основание применять соответствующие меры наказания. Данные архивных источников свидетельствуют, что из 21 уполномоченного по делам физкультуры и спорта в Алтайском крае в 1938 г. только 2 человека окончили 6-месячные курсы физкультуры, а 19 получили подготовку на однокомандных курсах районных (стаж работы – от нескольких месяцев до года) [Там же. Л. 70]. В 1939 г. в Омской области ни один районный уполномоченный физической культуры в 69 районах не имел даже краткосрочной подготовки, а во многих районах данная штатная единица совсем отсутствовала [30. Л. 100; 31. Л. 1]. Невысоким был и образовательный уровень работников областных аппаратов ФКиС. Так, из 35 руководящих работников комитета ФКиС Алтайского края в 1939 г. только 13 имели среднее специальное и общее среднее образование, остальные – среднее и незаконченное среднее [32. Л. 98]. А из 12 ответственных работников аппарата Омского областного комитета ФК в 1940 г. только один имел высшее образование, остальные не имели даже низшего специального образования [30. Л. 100].

Для общей характеристики уровня квалификации физкультурных кадров приведем пример Омской области, так как ситуация с кадровым обеспечением была идентичная (с небольшими отклонениями) во всех регионах Сибири. В 1940 г. в области физкультурную работу осуществляли 10 специалистов физической культуры с высшим образованием, 24 – со средним, окончили краткосрочные курсы (от 1 до 6 месяцев) 118 чел., остальные 267 прошли 10–15-дневные семинары или имели только практический опыт работы. Эти данные показательны и не нуждаются в комментариях [30. Л. 100; 31. Л. 1]. В источниках советского периода указывалось, что из 27 тыс. штатных работников физкультуры в стране около 10,3% имели высшее и 22% – среднее специальное физкультурное образование. Представленные архивные данные свидетельствуют, что процент высококвалифицированных специалистов в Западной Сибири был существенно меньше [33. С. 142].

Такое соотношение кадров различной квалификации было закономерно и соизмеримо с количеством соответствующих образовательных учреждений. Так,

прием студентов в институты и техникумы физической культуры в 1939/40 учебном году осуществляли шесть институтов (в Москве, Ленинграде, Харькове, Баку, Минске, Тбилиси) и 25 техникумов. Среднеспециальное образование в Сибирских регионах работники физической культуры могли получить в двух техникумах: в Красноярске и Новосибирске [27. Л. 152]. Для обеспечения физкультурных организаций Западной Сибири специалистами соответствующей квалификации требовалось значительное увеличение количества учебных заведений, так как численность выпускников Новосибирского техникума ФК, например в 1936 г., составила всего 26 чел., 18 из которых являлись призывниками РККА [34. Л. 3].

Серьезной проблемой для физкультурных организаций Западной Сибири в 1930-х гг. – начале 1940-х гг. стала текучесть кадров. Данное социальное явление коснулось многих отраслей народного хозяйства страны. В периодических изданиях приводились примеры огромной текучести кадров рабочих в различных отраслях промышленности, составляющей на некоторых предприятиях 50% и более в год от их общей численности [35]. В отчете ответственного секретаря Краевого Совета ФК Оттыгашева (19.05.1936 г.) указывалось, что одной из основных причин нестабильной работы Крайсовета ФК с начала 1930-х гг. являлась частая смена ответсекретарей. Аналогичная ситуация наблюдалась в городских и районных советах ФК: ответсекретари менялись по 5–6 раз в год. Путем несложных вычислений можно рассчитать, что в среднем секретари пребывали на своих постах по 2–3 месяца. Объем работы, возложенной на данную категорию работников, был огромен, что исключало возможность качественного осуществления должностных обязанностей, так как они не успевали даже ознакомиться с делом, а не то, чтобы вникнуть в его суть. Особенно сложно было наладить работу в сельских районах [36. Л. 41].

Одним из рациональных способов прекращения безостановочного движения кадров было улучшение их материального стимулирования. Так, в Омской области было принято решение о повышении заработной платы работникам физической культуры (от 27 мая 1939 г. № 33, Омск). Однако бюджет районов не позволил выделить работникам материальные средства в полном объеме: Большекусский и Калачинский райисполкомы выплачивали уполномоченным по делам физической культуры суммы ниже установленных (вместо 250 руб. выплата составляла 210 руб. и 225 руб. соответственно) [15; 26. Л. 75].

Проблема текучести кадров в Сибирских регионах не потеряла актуальности и в 1940 г., о чем свидетельствуют архивные документы Алтайского края [32. Л. 87–88]. Аналогичная ситуация была в Омской области, где за год покинули свои посты 86 работников сферы физической культуры. В ряде районов области (Большереченский, Омутинский и т.д.) работники отсутствовали по 6–9 месяцев [30. Л. 97, 99, 101].

В 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР (от 26 июня 1940 г.) «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабо-

чую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», а в июле – Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О контроле над проведением в жизнь...» данного указа [37, 38]. Появление данного указа создало для государственной машины дополнительные рычаги воздействия на трудящиеся массы, направленные на интенсификацию труда и прекращение движения кадров.

В 1940 г. кадровая политика в области физической культуры претерпела изменения, что было связано со значительным сокращением штатного аппарата физкультурных работников в физкультурных организациях профсоюзов после X пленума ВЦСПС (август 1940 г.). На пленуме были рассмотрены вопросы необходимости улучшения организационной структуры ДСО. Все руководители профсоюзных организаций и общества должны были осуществлять подготовку общественных кадров, ставшую дополнением к системе физкультурного образования, а общественный актив должен был составить главную силу, на которую опираются штатные физкультурные работники [32. Л. 89–90].

В Сибирских регионах соответствующая работа проводилась и до пленума ВЦСПС. Для повышения квалификации руководящих работников спортивных обществ Омский областной комитет ФК, по примеру Московского комитета ФК, организовал в конце ноября 1939 г. курсы по их подготовке и переподготовке с отрывом от производства. Была проведена работа и по организации подготовки низовых руководящих физкультурных работников в спортивных и производственных коллективах области. Омичи в октябре 1939 г. приняли решение о проведении председателями окружных, городских комитетов ФК семинаров физоргов в спортивных обществах и производственных коллективах без отрыва от производства по 48-часовой программе [27. Л. 172, 210].

В 1940 г. в г. Барнауле было подготовлено 108 общественных кадров (учеба в 1941 г. не проводилась) [32. Л. 89–90]. В Омской области в том же году было подготовлено через краткосрочные семинары 123 инструктора-общественника и 845 физоргов низовых коллективов через 3–10-дневные семинары [30. Л. 101]. Степень компетентности «специалистов», прошедших трехдневный курс обучения, даже при наличии некоторого практического опыта, не нуждается в комментариях. Всего в стране только в 1940 г. через краткосрочные курсы по линии комитетов ФКиС, ДСО, отделов народного образования было подготовлено более 20 тыс. инструкторов физкультуры, помимо того, повышение квалификации осуществлялось на различных семинарах [33. С. 142].

Исследование показало, что основным способом повышения квалификации инструкторов и организаторов работы по физической культуре в Западной Сибири в 1930-х гг. являлась курсовая подготовка, которой и соответствовал образовательный уровень абсолютного большинства физкультурных работников. Созданный в Новосибирске техникум ФК не удовлетворял кадровую потребность региона в подготовке специалистов данной квалификации. Уровень востре-

бованности физкультурных кадров на протяжении исследуемого периода был очень высокий. Дефицит физкультурных работников в Западной Сибири был обусловлен, помимо прочего, распространением на сферу физической культуры характерных для того времени общегосударственных явлений (текущесть кадров, «чистки рядов» и др.). С начала 1940-х гг. профсоюзные физкультурные организации, произведя сокращение административного аппарата, сделали ставку на работу общественных кадров. Однако начавшаяся Вторая мировая война надолго задержала перестройку ДСО профсоюзов и проведение дальнейших преобразований в области физической культуры.

В 1930-е гг. уровень профессионализма физкультурных кадров определялся как степенью владения знаниями и навыками в области физической культуры (введение категорий), так и степенью идеально-политической подготовки. Повышение идеиного уровня физкультурных работников обуславливалось осуществлением физкультурными организациями не только физического, но и военно-патриотического воспитания советских граждан и было вполне закономерно и актуально. Несмотря на определенные недостатки кадровой политики, работники сферы сумели организовать массовую подготовку граждан СССР к титанической трудовой деятельности и военно-физическую подготовку бойцов армии – победителя во Второй мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решения III Пленума Западно-Сибирского краевого совета физической культуры (25–29 декабря 1930 г.). Новосибирск : Издание Зап.-Сиб. Краевого совета физкультуры, 1931.
2. Майзлин М., Геркач Л. Школа бодрости и здоровья: Спортивный Новосибирск за 50 лет. Новосибирск : Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1967.
3. Государственное казенное учреждение Государственный архив Новосибирской области (далее – ГКУ ГАНО). Ф. 627. Оп. 1. Д. 523.
4. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 415.
5. Носов И.А. Физическая культура и спорт в Западной Сибири (с XVII в. по 1945 г.). Хроника. События. Люди. Новосибирск : Изд-во ООО «Рекламно-издательская фирма «Новосибирск», 2012. Т. 1.
6. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 6.
7. К докладу «Итоги работы по комплексу «ГТО» и очередные задачи» // Решения IV пленума КрайСФК г. Новосибирск 1932 г. Зап.-Сибиркрайисполком Запсибрайсовет физкультуры. 1932.
8. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 8.
9. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 12.
10. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 24.
11. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 92.
12. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 93.
13. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 138.
14. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 133.
15. Средние зарплаты в царской России, СССР и РФ с 1853 г. по 2015 г. URL: <http://opressu.com/wages.htm>
16. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 226.
17. ГКУ ГАНО. Ф. 906. Оп. 1. Д. 44.
18. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 228. Л. 2.
19. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 2161. Оп. 1. Д. 3.
20. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 213.
21. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / сост. И.Г. Чудинов. М. : Физкультура и спорт, 1959.
22. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 201.
23. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 6.
24. КГКУ Государственный архив Алтайского края (далее – КГКУ ГААК). Ф. Р-1031. Оп. 1. Д. 28.
25. Иконников С. Летопись томского спорта. Страницы истории в фотографиях конца XIX – начала XXI века: Историко-документальное издание. Томск : Дельтаплан, 2011.
26. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 29.
27. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 30.
28. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 42.
29. Физкультура // Красное знамя (Томск). 1929. 15 нояб.
30. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 60.
31. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 59.
32. КГКУ ГААК. Ф. Р-1031. Оп. 1. Д. 29.
33. Физическая культура и спорт в СССР / под ред. Г.Б. Хотянова. М. : Физкультура и спорт, 1967.
34. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 100.
35. Орлов В.Н., Богданов С.В. Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930–1950-х гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article143.html>
36. ГКУ ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 138. Л. 41.
37. Ленинский путь. 1940. 28 июня. № 58. URL: <http://www.booksite.ru/lenput/1940/1940-058.pdf>
38. Указ о семидневной рабочей неделе. Очередной ответ антисоветчикам. URL: http://www.great-country.ru/rubrika_myths/stalin/00022.html

Статья представлена научной редакцией «История» 1 февраля 2016 г.

QUALITATIVE AND QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF STAFF IN THE PHYSICAL CULTURE SPHERE IN WESTERN SIBERIA IN THE 1930S

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 126–132. DOI: 10.17223/15617793/404/20

Sarycheva Tatiana V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

Keywords: specialists in physical training; fitness instructors; preparation of physical training personnel.

The process of physical education formation in Western Siberia dates back to the 1920s. Massive involvement of various categories of citizens in the military and physical training necessitated relevant personnel training in the region. The main method of instructors' and organizers' training in Western Siberia in the 1920s and 1930s was training courses suitable to the educational level of

the absolute majority of the staff. Expansion of sport work in the 1930s, due to economical and political reasons, demanded to increase the staff and the quality of their training. The capacity of the Physical Culture College that opened in Novosibirsk in 1930 did not meet the region's need in specialists of this qualification. The level of demand for physical education staff during the decade was very high. In 1933, some state steps were made to ensure a certain social welfare level of physical culture specialists, but they did not increase the number of the staff. In the 1930s, the professional level of physical education specialists was determined both by their knowledge and skills in the field of physical culture (introduction of categories) and by their ideological and political background. Higher ideological level of physical culture specialists was determined by the work of sport organisations done not only in the sphere of physical education, but also in the sphere of military and patriotic education of soviet citizens, and was actual and timely. Komsomol played an active role in the organisation of physical education among citizens, mainly in the countryside. Specialists of physical training in the countryside, with their deficit, had the lowest qualification level, while university professors had the highest one. However, the basis of full time university employees in the 1930s consisted of workers with special education, not higher than the secondary one. The deficit of sport workers in Western Siberia was due to the influence of state events, like turnover, employees' job change, "staff cleaning", etc., typical to that period of time. The frequent change of administration did not allow to carry out stable work in the region. From the beginning of the 1940s, trade union sport organisations, having reduced the administrative apparatus, relied on the work of freelancers. But the war began and delayed further reforms in the sphere of physical culture and sport unions restructuring. Despite some drawbacks in personnel policy, the employees of the sphere were able to organise mass training of the USSR citizens and to get them ready for the titanic work and defence of the state against the fascist occupation.

REFERENCES

1. West Siberian Krai Physical Culture Council. (1931) *Resheniya III Plenuma Zapadno-Sibirskogo kraevogo soveta fizicheskoy kul'tury (25–29 dekabrya 1930 g.)* [Decisions of the III Plenum of the West Siberian Krai Physical Culture Council (25–29 December 1930)]. Novosibirsk: Izdanie Zap.-Sib. kraevogo soveta fizkul'tury.
2. Mayzlin, M. & Gerkach, L. (1967) *Shkola bodrosti i zdorov'ya: Sportivnyy Novosibirsk za 50 let* [School of vitality and health: 50 years of sports in Novosibirsk]. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
3. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund 627. List 1. File 523. (In Russian).
4. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 78. List 1. File 415. (In Russian).
5. Nosov, I.A. (2012) *Fizicheskaya kul'tura i sport v Zapadnoi Sibiri (s XVII v. po 1945 g.)*. Khronika. Sobytiya. Lyudi [Physical Culture and Sports in Western Siberia (from the 17th century to 1945). Chronicle. Events. People]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk.
6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 6. (In Russian).
7. West Siberian Krai Physical Culture Council. (1932) K dokladu "Itogi raboty po kompleksu "GTO" i ocherednye zadachi" [On the report "Results of the work on the GTO complex and the immediate tasks"]. In: *Resheniya IV Plenuma Zapadno-Sibirskogo kraevogo soveta fizicheskoy kul'tury* [Decisions of the IV Plenum of the West Siberian Krai Physical Culture Council]. Novosibirsk: Izdanie Zap.-Sib. kraevogo soveta fizkul'tury.
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 8. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 12. (In Russian).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 24. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 92. (In Russian).
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 93. (In Russian).
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 138. (In Russian).
14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 133. (In Russian).
15. Opoccuu.com. (2015) *Srednie zarplaty v tsarskoy Rossii, SSSR i RF s 1853 g. po 2015 g.* [Average salary in Tsarist Russia, the USSR and the Russian Federation from 1853 to 2015]. [Online]. Available from: <http://opoccuu.com/wages.htm>.
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 226. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund 906. List 1. File 44. (In Russian).
18. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 228. L. 2. (In Russian).
19. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 3. (In Russian).
20. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 213. (In Russian).
21. Chudinov, I.G. (1959) *Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii po voprosam sovetskoy fizicheskoy kul'tury i sporta 1917–1957 gg.* [The main decisions, orders, and instructions on the Soviet Physical Culture and Sports in 1917–1957]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 201. (In Russian).
23. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 6. (In Russian).
24. State Archive of Altai Krai (KGKU GAAK). Fund R-1031. List 1. File 28. (In Russian).
25. Ikonnikov, S. (2011) *Letopis' tomskogo sporta. Stranitsy istorii v fotografiyakh kontsa XIX – nachala XXI veka* [Annals of Tomsk sports. Pages of history in photographs of the late 19th – early 21st centuries]. Tomsk: Del'taplan.
26. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 29. (In Russian).
27. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 30. (In Russian).
28. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 42. (In Russian).
29. Krasnoe znamya. (1929) *Fizkul'tura* [Physical Education]. *Krasnoe znamya*. 15 November.
30. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 60. (In Russian).
31. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 2161. List 1. File 59. (In Russian).
32. State Archive of Altai Krai (KGKU GAAK). Fund R-1031. List 1. File 29. (In Russian).
33. Khotyanov, G.B. (ed.) (1967) *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR* [Physical education and sport in the Soviet Union]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
34. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 100. (In Russian).
35. Orlov, V.N. & Bogdanov, S.V. (2009) *Kollektivnye trudovye konflikty v SSSR v 1930–1950-kh gg.: prichiny vozniknoveniya, formy protekaniya, sposoby razresheniya* [Collective labor conflicts in the USSR in the 1930–1950-ies: causes, forms, methods of resolution]. [Online]. Available from: <http://www.yurclub.ru/docs/other/article143.html>.
36. State Archive of Novosibirsk Oblast (GKU GANO). Fund R-906. List 1. File 138. Page 41. (In Russian).
37. *Leninskiy put'*. (1940) 28 June, 58. [Online]. Available from: <http://www.booksite.ru/lenput/1940/1940-058.pdf>.
38. Furin, N. (n.d.) *Ukaz o semidnevnoy rabochey nedele. Ocherednoy otvet antisovetichikam* [Order on the seven-day working week. Another response to the anti-Soviets]. [Online]. Available from: http://www.great-country.ru/rubrika_myths/stalin/00022.html.

Received: 01 February 2016

О РАБОТЕ ПРОФЕССОРА В.М. БЕЙЛИСА НАД ДИВАНОМ АБУ ИСХАКА АЛ-ГАЗЗИ (НАЧАЛО XII В.)

Статья посвящена исследованию сборника стихов («Дивана») известного арабского поэта Сельджукской эпохи Абу Исхака ал-Газзи (XII в.) профессором В.М. Бейлисом (1923–2001). Отражены основные вехи биографии ал-Газзи, представлена краткая история изучения «Дивана» поэта, а также дан подробный историографический анализ всех работ профессора В.М. Бейлиса, посвященных изучению творчества Абу Исхака ал-Газзи. Благодаря усилиям В.М. Бейлиса в научный оборот введены уникальные сведения из стихов ал-Газзи, которые дополняют информацию повествовательных источников и биографических словарей.

Ключевые слова: арабская панегирическая поэзия; профессор В.М. Бейлис; ал-Газзи; Сельджукское государство; источникование.

На конец XI – первую половину XII в. приходится начало упадка государства Великих Сельджуков. Расцвет Сельджукского султаната, связанный с именами Торгула, Алп-Арслана и Малик-шаха, сменяется чередой нескончаемых усобиц между потомками последнего. Некогда единая империя, объединенная тюркскими суверенами, в начале XII в. начинает дробиться и постепенно распадается на ряд самостоятельных и полусамостоятельных государственных образований во главе с местными династиями. С другой стороны, несмотря на политическую нестабильность, указанный период знаменуется расцветом арабской литературы. На рубеже XI–XII вв. арабская словесность, отличавшаяся к тому времени изысканным языком и сложностью форм, дала значительное число талантливых писателей и поэтов (литераторов), сочинения которых были сведены в многочисленные сборники – диваны. Неслучайно крупнейший английский арабист Х.А.Р. Гибб именует времена господства Сельджуков в Аббасидском халифате «серебряным веком» арабской литературы (1055–1258 гг.), хотя и оценивает достижения этого периода куда более скромно, чем произведения классической эпохи [1. С. 81]. Важно отметить, что в Сельджукскую эпоху, наряду с другими жанрами, широкое распространение получила панегирическая поэзия. По меткому выражению крупнейшего средневекового историка арабской литературы ‘Имад ад-Дина ал-Исфахани, «четырьмя столпами» поэзии этой эпохи были ат-Тугра’и, ал-Абиварди, ал-Газзи и ал-Арраджани. Произведения этих и других поэтов периода правления Сельджукидов представляют немалый интерес не только для филологов, но и для востоковедов-историков (арабистов). В панегирических, сатирических посланиях и некрологах зачастую содержатся ценные сведения о тех или иных аспектах социально-политической, религиозной, культурной жизни мусульманского мира, а также интересные подробности биографий известных личностей своего времени (султанов, везиров, атабеков, духовных лиц, ученых). Панегирики прекрасно дополняют сведения нарративных источников и зачастую содержат такую информацию, которая никогда не встречается в других материалах. Более того, в биографических словарях и повествовательных источниках XI–XIII вв. стихо-

творные цитаты были необходимым и весьма распространенным элементом.

Одним из крупнейших панегиристов эпохи кризиса Сельджукского государства был Абу Исхак ал-Газзи (1049–1130). Диван этого поэта, написанный в первое десятилетие XII в. и сохранившийся до наших дней, представляет большой интерес для исследователей-источниковедов. Абу Исхак Ибрахим ибн ‘Усман ибн Мухаммад ал-Калби ал-Ашхаби ал-Газзи родился в палестинском городе Газза, где провел свое детство. Учился будущий великий поэт в Халебе, Дамаске, а позднее – в Багдаде. Несмотря на немалую прижизненную известность, ал-Газзи в отличие от многих других панегиристов своего времени, не нашел покровительства у кого-либо из знатных лиц и жил в Багдаде и Мерве при мадрасах ан-Низамий. Поэт много путешествовал и побывал в Кермане, Хузистане, Фарсе, Восточном Хорасане, Мавераннахре, Арране и Азербайджане. Среди адресатов стихов ал-Газзи были выдающиеся деятели его эпохи: халиф ал-Мустазхир, султан Санджар, несколько его везиров, высокопоставленные чиновники двора халифа, известные богословы, ширваншах Фарiburз I.

Умер Абу Исхак ал-Газзи в дороге во время путешествия из Мерва в Балх, похоронен в Балхе. В отличие от своих выдающихся современников – сановников ат-Тугра’и и ал-Абиварди и кади ал-Арраджани, ал-Газзи никогда не занимал высоких постов и был странствующим поэтом, что вызывает особый интерес к его произведениям.

До середины XX в. исследование биографии и творческого наследия ал-Газзи носили отрывочный характер и были связаны в основном с рассмотрением других, более общих проблем. Так, стихи ал-Газзи наряду с произведениями других поэтов-панегиристов сельджукского периода были широко использованы ‘Аббасом Икбалом в его труде «Визарат». К Парижской рукописи Дивана ал-Газзи неоднократно обращался издатель сирийской части знаменитой антологии средневековой арабской поэзии «Харидат ал-касра джаридат ал-‘аср» Шукри Файсал. Наконец, изучение стилистики и особенностей языка арабских поэтов (в том числе и ал-Газзи) были предприняты ‘Али Джавад ат-Тахиром в работе «Аш-ш’ир ал-‘араби фи-л-‘Ирак». В этом же труде приводятся некоторые

данные биографии поэта [2. С. 47–49]. Тем не менее эти исследования не позволяли в полной мере использовать сведения ал-Газзи для дополнения повествовательных источников Сельджукской эпохи. К середине 1970-х гг. оригинал Дивана ал-Газзи не был издан, хотя перечень известных рукописей этого сборника стихов еще в конце XIX в. был опубликован Карлом Броккельманом [3. Р. 253].

В 1970-х гг. к изучению поэзии Абу Исхак ал-Газзи обратился известный советский украинский арабист, специалист по истории средневекового Востока, ученик Т.Г. Кезмы и А.П. Ковалевского, профессор Вольф Мендельевич Бейлис (1923–2001). На рубеже 1960–1970-х гг. профессор Бейлис сосредоточил свои основные усилия на изучении средневековых арабоязычных источников по истории Аррана и Ширвана. В частности, докторская диссертация и ряд других публикаций ученого были посвящены исследованию «Сборника рассказов, стихов и писем» чиновника города Байлакана Мас'уда ибн Намдара (рубеж XI–XII вв.). В ходе этой работы В.М. Бейлис впервые обратил внимание на стихи ал-Газзи как на ценный вспомогательный источник по социально-политической истории средневекового Востока.

В 1976 г. В.М. Бейлисом было предпринято первое в истории советского востоковедения исследование сведений Абу Исхака ал-Газзи [2]. В этой статье Вольф Мендельевич сосредоточил внимание на анализе политических мотивов в творчестве поэта и его взаимоотношениях с некоторыми влиятельными персонами Сельджукского государства. Основным источником, которым пользовался в своей работе ученый, была фотокопия рукописи Дивана ал-Газзи из Национальной библиотеки Парижа. Как уже отмечалось, на момент написания статьи В.М. Бейлиса Диван ал-Газзи не был издан, а его стихи изучались учеными, главным образом, по антологии «Харидат ал-каср ва джаридат ал-‘аср» ‘Имад ад-Дина ал-Исфахани и Дивану другого известного поэт-панегириста Сельджукской эпохи Абу-л-Музаффара ал-Абиварди (ум. 1113 г.).

Предпринятый В.М. Бейлисом анализ рукописи Дивана ал-Газзи в сопоставлении с другими источниками (сочинениями Ибн ал-Джаузи, ‘Имад ад-Дина ал-Исфахани, Ибн Халликана, Ибн ‘Асакира) позволил ученому прояснить многие, ранее плохо изученные аспекты биографии ал-Газзи, установить приблизительный круг лиц, которым поэт адресовал свои стихи, выделить в его творчестве несколько периодов – багдадский, мервский, аррано-азербайджанский. В.М. Бейлисом были подробно разобраны касиды (как панегирические, так и сатирические), которые ал-Газзи посвятил Абу Исма‘илу ал-Хусайну ибн ‘Али ал-Тугра‘и, Камал ал-Мулку ас-Сумайрами, Рабиб ад-Даулу Низам ад-Дину Абу Мансуру ал-Хусайну ибн Мухаммаду ал-Хамадани, Ануширвану ибн Хасиду ал-Кашани, Насир ад-Дину Махмуду ибн Музаффару ибн Аби Таубе ал-Марвази и другим влиятельным лицам Сельджукского султаната [2. С. 30–35]. Несмотря на специфичность панегирического и сатирического жанров поэзии, к которым постоянно обра-

щался ал-Газзи, содержащиеся в его стихах сведения в немалой степени способствуют прояснению портретов многих видных сановников Сельджукского государства второй половины XI – первой половины XII в., проливают свет на ряд плохо освещенных в других источниках событий политической и общественной жизни султаната.

Далее В.М. Бейлис разбирает две касиды Дивана ал-Газзи, посвященные султану Санджару ибн Малик-шаху (1086–1157) [2. С. 35–42]. Поэт восторгается Санджаром, именует его «величайшим султаном» и видит в нем защитника ортодоксального ислама и шариата. Ал-Газзи противопоставляет подконтрольный Санджару восток сельджукских владений как оплот стабильности и порядка Иракскому султанату, сотрясаемому постоянными смутами и междуусобицами. В некоторых байтах стихов, адресованных Санджару, ал-Газзи призывает султана совершить поход в страну аш-Шамс (Сирию и Палестину), захваченную «многобожниками» (крестоносцами). По заключению В.М. Бейлиса, такой призыв был обусловлен не только личными мотивами поэта – желанием освобождения своей родины от «неверных». В призывах ал-Газзи совершить поход на запад ученый усматривает отражение надежд чиновников, факихов, а возможно, и представителей военной знати на укрепление центральной власти и стабилизацию политического положения на всей территории Сельджукского государства [Там же. С. 42].

В завершающей части рассматриваемой статьи Вольфом Мендельевичем были исследованы те стихи ал-Газзи, которые адресованы влиятельным персонам Мавераннахра 10–20-х гг. XII в. [Там же. С. 42–47]. В первую очередь речь идет о духовных лицах, среди которых особняком стоит фигура самаркандского имама ал-Ашрафа. Это лицо известно из других источников, прежде всего, как лидер оппозиции караханидскому правителю Самарканда Мухаммаду ибн Сулейману (Арслан-хану). Ценность сведений ал-Газзи об ал-Ашрафе, по мнению В.М. Бейлиса, состоит в том, что его стихи «дают возможность представить фигуру имама ал-Ашрафа более полно, чем данные Ибн ал-Асира» [Там же. С. 45]. На примере деятельности имама ал-Ашрафа и других религиозных деятелей (в передаче ал-Газзи) В.М. Бейлису удалось показать ту исключительную роль, которую духовные лица Мавераннахра играли в борьбе местного населения с представителями династии Карабанидов. Наряду с этим ал-Газзи, явно симпатизировавший имаму ал-Ашрафу, посвятил панегирическую касиду и его противнику – караханиду Мухаммаду ибн Сулейману, который, впрочем, изображен поэтом послушным и пассивным вассалом султана Санджара [Там же. С. 46]. В целом введенные В.М. Бейлисом в научный оборот сведения ал-Газзи о влиятельных лицах Самарканда, Бухары, Термеза представляют немалую ценность для реконструкции событий политической истории Мавераннахра начала XII в.

Продолжением изучения творчества ал-Газзи как исторического источника рубежа XI–XII вв. стало опубликованное в 1979 г. в сборнике «Известия Ака-

демии наук Азербайджанской ССР» историко-филологическое исследование «Арабский поэт ал-Газзи и ширваншах Фарибурз I», подготовленное В.М. Бейлисом в соавторстве с его близким другом и коллегой, выдающимся азербайджанским востоковедом Зиявудином Мусаевичем Бунятовым [4]. Данное исследование тесно переплелось с предыдущей работой обоих ученых. З.М. Бунятов, признанный авторитет в области средневековой истории Азербайджана, в своих трудах значительное внимание уделял истории Ширвана и Аррана. В 1970-х гг. Зиявудин Мусаевич как раз занимался подробным изучением истории азербайджанских земель периода сельджукского господства. В это время З.М. Бунятовым были подготовлены книга «Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 гг.)» (вышла в 1978 г.) [5], а также текст, перевод и комментарии труда Садр ад-Дина Али ал-Хусайнин «Ахбар ад-даулад ас-седжукийя» («Сообщения о Сельджукском государстве») [6]. К слову, редактором обеих этих работ (а в первом случае и автором предисловия) выступил Вольф Мендельевич Бейлис. Не случайно, что сведения такого выдающегося средневекового арабского поэта, как ал-Газзи, вызвали неподдельный интерес азербайджанского востоковеда.

Интерес В.М. Бейлиса и З.М. Бунятова к стихам Абу Исхака ал-Газзи был вызван тем, «что некоторые его стихи были созданы в Арране и Ширване примерно в то же время, когда там писал Мас'уд ибн Намдар» [4. С. 25]. Авторы отмечают, что побудительным мотивом для их обращения к творчеству ал-Газзи стало именно изучение творческого наследия байлаканского поэта-чиновника, что позволило сделать вывод о популярности арабоязычной поэзии в культурной среде Байлакана, Гянджи и при дворе ширванского владыки [Там же].

В отличие от Мас'уда ибн Намдара, который едва ли пользовался известностью за пределами Аррана и Ширвана, ал-Газзи еще при жизни был признан выдающимся поэтом. Исследование В.М. Бейлиса и З.М. Бунятова посвящено той части творческого наследия знаменитого панегириста, которая была создана им в период пребывания в Арране и Азербайджане. Именно во время пребывания в Закавказье ал-Газзи, ранее не собиравший своих стихов, объединил их в единый Диван. Это было сделано по просьбе покровителя поэта везира Баха' ад-Дина Рашид ад-Даули Тадж ал-Хадратайна Карим ал-Мулка. Этой личности посвящена значительная часть касид ал-Газзи, которые стали предметом исследования В.М. Бейлиса и З.М. Бунятова. Ценность такого исследования состояла в том, что, кроме панегирических стихов ал-Газзи, о личности везира Баха' ад-Дина не сообщает ни один другой источник. Проведя текстологический анализ стихотворений ал-Газзи, посвященных Баха' ад-Дину, В.М. Бейлис и З.М. Бунятов пришли к следующим выводам относительно этого исторического персонажа. 1. Абу Дж'ар Мухаммад Баха' ад-Дин Карим ал-Мулк Рашид ад-Даулатайн Тадж ал-Хадратайн являлся везиром одного из закавказских эмиров, но действовал в

Азербайджане и Арране не только от его имени, но и в качестве везира малика (одного из сельджукских принцев), которого ал-Газзи не называет по имени. 2. Везир Баха' ад-Дин был видной фигурой в политической жизни Закавказья первой половины XII в., он принимал участие во взятии крепости Руиндиз, умноживший Азербайджан и успешных военных действиях против Грузии. 3. Упомянутый везир был покровителем ал-Газзи, который, по мнению В.М. Бейлиса и З.М. Бунятова, какое-то время входил в ближайшее окружение везира [4. С. 28]. Согласно выводам ученых, Баха' ад-Дин Рашид ад-Даулатайн, по всей вероятности, являлся везиром малика Торгула II (одного из сыновей султана Мухаммада ибн Малик-шаха) и его атабека эмира Ануши Тегина Ширгира [Там же. С. 29].

Не меньший интерес вызывает и предпринятый учеными анализ тех касид Дивана ал-Газзи, которые посвящены ширваншаху Фарибурзу I ибн Саллару. Примечательно, что если большинство стихотворений Абу Исхака ал-Газзи представляют собой утонченные панегирики, то касиды, адресованные Фарибурзу I, – это хиджа' («поношение», «высмеивание»). В.М. Бейлис и З.М. Бунятов отмечали, что «стихи с “поношением” Фарибурза I стоят особняком в творчестве ал-Газзи», и касида, высмеивающая ширваншаха, «не имеет аналогий в его [ал-Газзи] Диване» [Там же. С. 39]. Правда, в своем осмеянии ширванского правителя ал-Газзи прибегает не только к жанру хиджа', но и использует более изощренную литературную форму – муназарат («диспут»). Негативное отношение ал-Газзи к Фарибурзу I объясняется авторами статьи не только тем, что ширваншах мог обойти поэта своими милостями. Напротив, В.М. Бейлис и З.М. Бунятов вполне допускают, что, находясь при дворе Фарибурза I (если это факт вообще имел место), ал-Газзи мог преподнести ширваншаху классический панегирик, а обличительные стихи были созданы поэтом уже после отъезда из Ширвана. По мнению ученых, ал-Газзи подверг осмеянию Фарибурза I не в силу личной неприязни, а с целью угодить своему покровителю – везиру Аррана Баха' ад-Дину Рашид ад-Даулатайну. Будучи одним из наиболее могущественных правителей Закавказья той эпохи, ширваншах Фарибурз I являлся серьезным претендентом на владение Арраном и на какое-то время даже распространил свою власть на это государство. Обличительные стихи ал-Газзи довольно ярко демонстрируют ту напряженность, которая существовала во взаимоотношениях Фарибурза I и чиновным окружением сельджукских маликов и эмиров.

Таким образом, усилиями В.М. Бейлиса и при деятельном участии З.М. Бунятова в научный оборот были введены ценные, а отчасти и уникальные, сведения по истории Сельджукского султаната конца XI – половины XII в., которые представляют значительный интерес для исследователей средневековой истории Закавказья и Среднего Востока.

В ходе работы Вольфа Мендельевича по изучению материалов Дивана ал-Газзи внимание ученого привлекли десять панегирических касид и стихотворных

отрывков, адресованных Абу-л-Хасану ‘Али ибн ал-Хасану ал-Байхаки. Интерес луганского арабиста к личности ал-Байхаки был мотивирован еще и тем, что лицо с такой нисбой встречается в знаменитом «Словаре литераторов» Йакута. Результаты обследования В.М. Бейлиса сведений средневековых арабских авторов о биографии ал-Байхаки нашли отражение в докладе «О двух персонажах биографии Абу-л-Хасана ‘Али ал-Байхаки в “Словаре литераторов” Йакута» на Бартодьевских чтениях 1981 г. [7] и одноименной статье, вышедшей в 1984 г. в сборнике «Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока» (хотя к печати материал данной статьи был подготовлен еще в 1976 г.) [8]. По наблюдению В.М. Бейлиса, те сведения об ал-Байхаки, которые содержатся в панегирических стихах выдающихся арабских поэтов ал-Газзи и Хайса Байса (Абу-л-Фавариса ас-Сайфи, 1098/99–1178/79), явным образом не соответствуют информации, которую сообщают о лице с такой же куньеЙ Йакут и его источник ‘Имад ад-Дин ал-Исфахани. И ал-Газзи, и Хайс Байс определенно адресуют свои стихи видному сановнику из окружения султана Санджара, вали города Рея и наиба везира Шараф ад-Дину ал-Байхаки. Йакут же, по выводам В.М. Бейлиса, в своем словаре «Иршад ал-ариб» допускает путаницу относительно личности ал-Байхаки. Наложение у Йакута сведений о разных лицах, имевших одинаковые личное имя и кунью (Абу-л-Хасан ‘Али ал-Байхаки), было обусловлено тем, что составитель «Словаря литераторов» некритически сопоставил данные своих источников. Для написания биографии талантливого ученого и литератора первой половины XII в. Абу-л-Хасана ‘Али ибн Зайда ал-Байхаки Йакут использовал не только два сочинения ал-Байхаки («Машариб ат-таджариб» и «Виших Думайят ал-каср»), но и известную антологию арабской поэзии «Харидат ал-каср» ‘Имад ад-Дина ал-Исфахани. Если сведения об ал-Байхаки, которые Йакут приводит на основе сочинений самого литератора, не вызывают сомнений, то информация ‘Имад ад-Дина ал-Исфахани об этом лице противоречива. В «Харидат ал-каср» ал-Исфахани, ссылаясь на своего отца, приводит рассказ о вали Рея Шараф ад-Дине ал-Байхаки (тот самом сановнике, которому посвящали панегирики ал-Газзи и Хайс Байс), но ошибочно приписывает ему авторство книги «Виших ад-думайя». Именно эти сведения и побудили Йакута объединить информацию о двух совершенно разных людях в одном сообщении. Таким образом, В.М. Бейлисом было установлено, что Йакут в своем «Словаре литераторов» ошибочно отождествил вали Рея и наиба везира султана Санджара Шараф ад-Дина Абу-л-Хасана ‘Али ибн ал-Хасана ал-Байхаки с ученым и литератором Захир ад-Дином Абу-л-Хасаном ‘Али ибн Зайдом ал-Байхаки [8. С. 59]. В данной статье Вольфу Менделевичу удалось на практическом

примере продемонстрировать, какую роль играет изучение поэзии сельджукского периода для реконструкции биографий отдельных деятелей этого времени.

Наконец, профессор В.М. Бейлис довольно широко привлекал сведения, содержащиеся в стихах ал-Газзи, для реконструкции биографии другого выдающегося панегириста Сельджукской эпохи – Абу Исма‘ила ал-Хусайна ибн ‘Али ат-Тугра’и [9]. Ал-Газзи, в отличие от других авторов, упоминавших об ат-Тугра’и, был его современником и даже был лично с ним знаком. Более того, ал-Газзи являлся большим поклонником талантов ат-Тугра’и и посвятил ему несколько панегирических касид. На фоне обычных для жанра мадха преувеличений и восхвалений достоинств в панегириках ал-Газзи проявляются и реальные личностные качества ат-Тугра’и – поэтическое мастерство, умение блестяще составлять официальные документы, высокая образованность, а также высокое положение при дворе малка Мас‘уда [Там же. С. 30–31].

Касиды ал-Газзи также стали для В.М. Бейлиса основным источником при подготовке работы о сатирической эпиграмме в арабской поэзии сельджукского периода [10]. В отличие от своих современников – ат-Тугра’и и ал-Абиварди, которые занимали высокие государственные должности, ал-Газзи не состоял на службе в диванах и наряду с панегириками иногда писал сатирические стихи (хиджа’) и эпиграммы. Так, в сборнике стихов этого арабского поэта встречаются сатиры на везиров султана Махмуда Рабиба ад-Даула (везир в 1117–1119 гг.), Камала ал-Мулка ас-Сумайрами (везир в 1119–1122 гг.), Ануширвана ибн Халида ал-Кашани (везир в 1127–1128 гг.) и везира султана Санджара Шихаба ал-Ислама (везир в 1118–1121 гг.). Материалы эпиграмм и сатирических стихов представляют интерес не только для изучения развития самих этих жанров, но и, как и в случае с панегириками, позволяют более полно восстановить картину политической жизни Сельджукского государства периода его кризиса и упадка.

Таким образом, профессору В.М. Бейлису удалось детально проанализировать литературное наследие поэта-панегириста Абу Исхака ал-Газзи и ввести в научный оборот уникальные сведения по социальному-политической истории Сельджукского султаната, а также прояснить некоторые аспекты биографий таких известных личностей, как султан Санджар, ширваншах Фарибурз I, везир Баха’ ад-Дин Рашид ад-Даулатайн, чиновник и поэт Абу Исма‘ил ал-Хусайн ат-Тугра’и, вали города Рея Абу-л-Хасан ‘Али ал-Байхаки.

Работа луганского арабиста по изучению стихов ал-Газзи наглядно продемонстрировала, насколько ценным историческим источником является средневековая арабоизыческая поэзия и какой богатый материал для восточного исторического источниковедения дает изучение ее образцов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибб Х.А.Р. Арабская литература: Классический период. М., 1960.
2. Бейлис В.М. Политические мотивы в творчестве арабского поэта ал-Газзи (441/1049–50–524/1129–1130) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1976–1977. М., 1984. С. 27–53.

3. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Litteratur*. Weimar, 1898.
4. Бейлис В.М. Арабский поэт ал-Газзи и ширваншах Фарiburз I // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства. М., 1979. № 4. С. 25–43.
5. Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 гг.). Баку : ЭЛМ, 1978.
6. Буниятов З.М. Садр ад-Дин Али ал-Хусайн «Ахбар ад-даулад ас-седжукийй» («Сообщения о сельджукском государстве»). М. : Восточная литература, 1980.
7. Бейлис В.М. О двух персонажах биографии Абу-л-Хасана ал-Байхаки в «Словаре литераторов Йакута» // Бартольдовские чтения. М., 1981. С. 18–19.
8. Бейлис В.М. О двух персонажах биографии Абу-л-Хасана Али ал-Байхаки в «Словаре литераторов» Йакута // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 54–61.
9. Бейлис В.М. К анализу источников для биографии Абу Исмаила ал-Хусайна ат-Тугра'и // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М. : Наука, 1994. Вып. 2. С. 18–37.
10. Бейлис В.М. Сатирическая эпиграмма в арабской поэзии периода сельджукского господства // Ахмосавлури кребули (Ближневосточный сборник). Тбилиси, 1983. С. 61–71.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 октября 2015 г.

THE WORK OF PROFESSOR V.M. BEILIS ON THE *DIWAN* BY ABU ISHAQ AL-GHAZI (THE BEGINNING OF THE 12TH CENTURY)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 133–137. DOI: 10.17223/15617793/404/21

Sbrodov Alexander A. Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: tetrus86@rambler.ru
Keywords: Arabic panegyric poetry; al-Ghazi; Professor V.M. Beilis.

This article presents the study which was made by Professor V.M. Beilis (1923–2001). He researched a collection of poems (*Diwan*) written by Abu Ishaq al-Ghazi, one of the greatest Arab poets of the Seljuk period. Volf Mendelevich Beilis is a Soviet Ukrainian Arabist, a specialist in source study and in the history of the Medieval Arab East, the Great Patriotic War veteran. He is known for his research in the field of translation and analysis of the works of al-Mas'udi, Mas'ud ibn Namdar, al-Idrisi, Ibn Fadlān. In his research, V.M. Beilis paid special attention to the Arabic geographical literature of the 11th–12th centuries and to the panegyric poetry of the Seljuk period. In the 1970s, Professor V.M. Beilis together with well-known Azerbaijani Orientalist Z.M. Bunyatov applied to the study of Abu Ishaq al-Ghazi's collection of poems. Despite the fact that al-Ghazi was one of the most famous poets of the period of the Great Seljuk Empire, the study of his artistic heritage was sketchy and fragmentary until the middle of the 20th century. Al-Ghazi's poems were mostly studied by Arabists, philologists and historians of Arabic literature. Arabist Volf Mendelevich Beilis from Luhansk was the first scholar in the history of Russian and even international Oriental studies who explored scrupulously the *Diwan* of al-Ghazi as a historical and literary source. V.M. Beilis not only made a detailed textual analysis of Abu Ishaq al-Ghazi's panegyric qasida but also compared its content with data from other sources – both literary and narrative (Arabic historical chronicles, geographical writings, biographical dictionaries). V.M. Beilis devoted many years of his life to this work and the results of it allowed us to clarify some important aspects which relate to the biographies of famous people of the Seljuk period such as Ahmad Sanjar, Shirvanshah Fariburz I, vizier Baha' ad-Din Rashid ad-Daulatain, official and poet Abu Isma'il al-Husayn at-Tughra'i, wali of Ray Abu-l-Hasan 'Ali al-Bayhaqi. Beilis's work demonstrated that the examples of medieval Arabic-language panegyric poetry may contain valuable data about social and political history. Thanks to the efforts of V.M. Beilis we have now unique information from al-Ghazi's poems which complements the content of narrative sources and biographical dictionaries. This article describes the main milestones of al-Ghazi's biography, a brief history of the study of his *Diwan*, and detailed historiographical analysis of all Professor Beilis's works in which he describes Abu Ishaq al-Ghazi's development as a poet.

REFERENCES

1. Gibb, H.A.R. (1960) *Arabskaya literatura: Klassicheskiy period* [Arabic Literature: Classic period]. Translated by A.B. Khalidov, P.A. Gryaznevich. Moscow: Nauka.
2. Beylis, V.M. (1984) Politicheskie motivy v tvorchestve arabskogo poeta al-Gazzi (441/1049–50–524/1129–1130) [Political motives in the works of Arab poet al-Gazzi (441/1049–50–524/1129–1130)]. In: Girs, G.F. (ed.) *Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Ezhegodnik*, 1976–1977 [Written Monuments of the East. Historical and philological study. Yearbook, 1976–1977]. Moscow: Nauka.
3. Brockelmann, C. (1898) *Geschichte der arabischen Litteratur* [History of Arabic Literature]. Weimar.
4. Beylis, V.M. (1979) Arabskiy poet al-Gazzi i shirvanshakh Fariburz I [Arab poet al-Gazzi and Shah of Shirvan Fariburz I]. *Izvestiya Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR. Seriya literatury, yazyka i iskustva*. 4. pp. 25–43.
5. Buniyatov, Z.M. (1978) *Gosudarstvo atabekov Azerbaydzhana (1136–1225 gg.)* [State of Atabegs in Azerbaijan (1136–1225)]. Baku: ELM.
6. Buniyatov, Z.M. (1980) *Sadr ad-Din Ali al-Khusayni "Soobshcheniya o sel'dzhukskom gosudarstve"* [Sadr al-Din 'Ali al-Husayni "Reports of Seljuk state"]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Beylis, V.M. (1981) O dvukh personazhakh biografi Abu-l-Khasana al-Bayhaki v "Slovare literatorov Yakuta" [On two characters of the biography of Abu al-Hasan al-Bayhaqi in the Dictionary of Writers by Yāqūt]. In: *Bartol'dovskie chteniya* [Bartold Readings]. Moscow: Nauka.
8. Beylis, V.M. (1984) O dvukh personazhakh biografi Abu-l-Khasana Ali al-Bayhaki v "Slovare literatorov" Yakuta [On two characters of the biography of Abu al-Hasan al-Bayhaqi in the Dictionary of Writers by Yāqūt]. In: *Istochnikovedenie i tekstologiya srednevekovogo Blizhnego i Srednego Vostoka* [Source study and textology of the Medieval Middle East]. Moscow: Nauka.
9. Beylis, V.M. (1994) K analizu istochnikov dlya biografi Abu Ismaila al-Khusayna at-Tugra'ya [On the analysis of the sources for the biography of Abu Ismail al-Hussein al-Tugra]. In: Davidovich, E.A. (ed.) *Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie i spetsial'nye istoricheskie distsipliny* [Eastern historical source study and special historical disciplines]. Is. 2. Moscow: Nauka.
10. Beylis, V.M. (1983) Satiricheskaya epigramma v arabskoy poezii perioda sel'dzhukskogo gosподства [Satirical epigram in the Arabic poetry of the Seljuk domination period]. In: *Blizhnevostochnyy sbornik* [The Middle Eastern Collection]. Tbilisi.

Received: 07 October 2015

ОТОБРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ «ЗАПАД – РОССИЯ» ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАФРЕЙМА «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК»

Рассматривается фрейм «учитель – ученик», используемый для описания проводимой Россией внутренней и внешней политики в ряде западных периодических изданий. В условиях современных международных, политических и экономических шоков, а также охлаждения отношений между Западом и Россией мы можем наблюдать усиление информационного противостояния почти на всех важнейших информационных и дипломатических площадках. Обе стороны стремятся легитимизировать проводимую политику, прибегая к тем или иным информационным и порой пропагандистским стратегиям. Данное исследование рассматривает природу фрейма, его использование в процессе конструирования медиатекста, а также выгоды и причины использования фрейма «учитель – ученик».

Ключевые слова: фрейм; медиафрейминг; масс-медиа; Россия – Запад; международные отношения.

Интенсивность информационного противостояния между западными странами (США и страны ЕС) и Россией столь высока и масштабна, что невольно напоминает информационную войну периода холодной войны. Россия на сегодняшний день находится в сложном политическом и экономическом положении и вынуждена отвечать на серьезные внутри- и внешнеполитические и экономические шоки. Вместе с тем, по причине всевозрастающей медиатизации политических отношений и роли СМИ, России приходится отстаивать свое право на независимую политику в, по большей части, недоброжелательно настроенном западном медиапространстве [1].

В данном исследовании мы стремимся рассмотреть важнейший элемент современного медиаповествования – медиафреймы, а также исследовать метафоричность современных медиатекстов. В качестве примера мы будем использовать медиафрейм «учитель – ученик», который, имея глубокие исторические корни, после раз渲ала СССР вновь стал проявляться в риторике ряда западных государств. В последнее время он все чаще используется в медиаповествовании и англоязычных медиатекстах, посвященных международным отношениям между Западом и Россией. Данное исследование будет проводиться в широком контексте взаимного восприятия Запада и России в СМИ.

Основанием для данного исследования послужат в первую очередь материалы иностранных печатных СМИ и профильных печатных периодических изданий, среди которых такие, как «The Economist», «The Foreign Affairs», «The Current History» и «The Financial Times». Данные издания были выбраны нами по ряду причин, а именно: они имеют впечатляющие тиражи и обширную целевую аудиторию, анализ данных изданий позволит выявить образы, создаваемые в ряде социальных групп (бизнес, политическая элита, академические круги). Важным является и то, что данные медиа не просто информируют своих читателей, но предоставляют переработанные аналитические материалы.

В первую очередь нам стоит рассмотреть определения фрейма и метафоры и их место в современных медиа. В современном обществе СМИ имеют серьезное социальное влияние, что во многом объясняется высокой степенью виртуализации социальных отношений. В таких условиях значимость того или иного

события или действия для общества во многом определяется СМИ, которые маркируют и транслируют его в общество [2. Р. 3–14]. Из-за серьезных технических достижений современный человек напрямую вовлечен во взаимодействие со СМИ через большое количество каналов подачи информации. Эта вовлеченность стирает грань между происшествием или объектом и информационным медиатекстом, который его описывает. Этим объектом может быть и образ другой страны, который формируется в сознании общества посредством информационных сообщений. Г. Бейтсон указывает, что люди начинают реагировать на заголовки газет и радиопередачи так же, как если бы они напрямую столкнулись с объектом и ситуацией, а не с переработанным измышлением третьих лиц [3. С. 231]. Н. Луман идет дальше и отмечает, что почти всю информацию об окружающем нас мире мы получаем из СМИ, что зачастую стирает границу между реальным объектом и новостью о нем [4. С. 11].

В данной работе мы исходим из предположения, «что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, это приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека» [5. С. 45]. Человек руководствуется во многом уже имеющимися представлениями об организации мира, под который мы подводим те или иные факты» [6. С. 182]. Таким образом, можно предположить, что субъект конструирует факты самостоятельно из ранее сформированных и сложившихся социальных шаблонов, а не воспринимает их извне. Данное положение лежит в основе медиафрейминга, подразумевающего использование определенных маркеров. Под маркерами мы понимаем не только материальные (газеты, картины, плакаты, дома и др.), но и духовные (музыка, слова, гимны и др.) объекты.

М. Мински, в своей работе «Фреймы для представления знаний» указывает, что фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой

его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтверждатся [7]. Структура фрейма включает узел / слот – определенное понятие, которое может быть задано или не задано в явном виде. Незаполненные / незаданные узлы называются терминалами / ячейками [8. С. 138].

И. Гофман имеет в виду перспективу восприятия, создающую формальные определения ситуаций [9. Р. 10]. Фрейм представляет собой процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект [10. С. 15]. Если брать лексический эквивалент фрейма, то это определенная рамка, устоявшийся шаблон или схема повествования. Если же касаться вопроса восприятия информации и мыслительного процесса в общем, то это формальные схемы [11. С. 16].

Исходя из ранее приведенных определений и информации, мы можем утверждать, что «фрейминг медийной информации представляет собой создание когнитивной рамки восприятия медиасообщения, внутри которой идет его интерпретация» [12. С. 184]. Данное описание правильно в понимании медиафрейма со стороны реципиента, важно и то, как он понимается со стороны создателей данного медиатекста. Метафоры, ссылки, намеки и другое позволяют отослать реципиента к уже имеющемуся у него социальному опыту, который и подталкивает его к «правильной расшифровке» медиатекста. Таким образом, журналист или лицо, создающие медиатекст, имеет возможность вложить в ограниченное по объему сообщение значительные объемы информации и при этом придать ему определенный эмоциональный градус.

Дальнейшее рассмотрение фрейма и медиафрейма невозможно без упоминания еще одного понятия – метафоры в социальной коммуникации и метафоричности медиа-повествования. На данный момент можно выделить четыре более или менее сложившихся направления исследования метафор: теория концептуальной метафоры, дескрипторная теория метафоры, теория метафорического моделирования, теория интеракции [13]. Каждая из них дает свое определение, в котором отражаются главные установки своей базовой теории. А.П. Чудинов отмечает, что метафора – это основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использования потенций структурирования сферы источника при помощи новой сферы [14. С. 37]. С.А. Хахалова и И.В. Пашкова указывают, что это разноуровневые единицы вторичной косвенной номинации, и выделяют метафоры-слова и метафоры-словосочетания [15. С. 30; 16. С. 218]. Таким образом, можно предположить, что метафорическое построение сообщения, в том числе и медиатекста, является инструментом, позволяющим обратиться напрямую к внутреннему миру человека и его сознанию, обходя критическое восприятие. Используя в статье или выпуске новостей, посвященных описанию отношений Запада и России, слова, связанные с фреймом «учитель – ученик», журналист или ведущий подталкивает

аудиторию на раскрытие определенной ассоциативной цепочки и опыта, который присутствует у каждого индивида по отношению к данным метафорам. Ученик должен внимательно слушать учителя, так как последний мудрее и взрослеет, что дает ему право указывать ученику на его ошибки и учить его. Если ученик не хочет учиться или, наоборот, сам поучает учителя, к нему (ученику) применяют определенные меры.

Метафора тесно связана с ментальными процессами, что подтверждает результаты исследований в сфере когнитивной лингвистике. Ю.В. Звездина в своей исследовательской работе отмечает, что многие повседневные понятия основаны на метафоре и более того, метафора представляется феноменом не лингвистическим, а ментальным [17. С. 15]. Вместе с тем, как отмечают некоторые исследователи, «...языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [5. С. 41].

Метафоры, будучи частью нашей повседневной жизни, могут проявляться как в общении, так и мышлении и действии [18. Р. 23] и представлять из себя, по словам Н.Ф. Алефиренко, «многослойное сгущение мысли», приводящее в движение те механизмы ментальных процессов, что основаны на нашем подсознательном, генетическом знании» [19. Р. 25]. Метафора не дает четкой ссылки или четкого образа объекта, она выступает в качестве своеобразной силы, подталкивающей реципиента к определенной последовательности мыслей и идей и фокусирующей внимание на тех сторонах опыта, которые она высвечивает. Само собой разумеется, что фокусирование на определенных характеристиках приводит к формированию соответствующего отношения к объекту или событию. Это не всегда означает стремление журналиста намеренно искажить информацию или подать ее предвзято. Использование фрейма позволяет СМИ значительно упростить восприятие информации, в том числе международные отношения между Западом и Россией. Фреймирование привносит прошлый опыт для распознания уникальных ситуаций в настоящем, выстраивая своеобразный понятийный мостик [20. С. 1236], к примеру, позволяет привлечь опыт взаимодействия Запада с Россией советского периода и предыдущих веков, тем самым иногда стирая временные границы.

Возвращаясь к фрейму «учитель – ученик», мы должны отметить, что он имеет довольно давнюю историю. Так, Россия в эпоху Просвещения «воспринималась как ученик – то хороший (доминирующая версия Просвещения), то наученный дурному (альтернативная версия Просвещения), то двоечник, который должен учиться, но не хочет (доминирующая версия XIX в.), то лентяй (версия XX в.)...» [21. С. 42]. В 90-е гг. XX в. после почти полувекового противостояния Россия наконец-то стала рассматриваться Западом как хороший ученик, который готов учиться и перенимать западный опыт. Но уже к концу 90-х гг.

«Россия стала превращаться в плохого, упрямого, сарливо-ленивого ученика, пропускающего уроки демократии, не выполняющего домашние задания и перебивающегося с двойки на тройку, а потом и вовсе бросившего западную демократическую школу, то есть, в сущности, переставшего быть учеником» [22. С. 53]. Во многом данные перемены объясняются новым вектором развития России, выбранным политической элитой, пришедшей к власти в конце 90-х гг.

В период начала 2000-х гг. использование данного фрейма и образа России как ученика менялось исходя из политической конъюнктуры. Однако, рассматривая данный фрейм относительно настоящих отношений между Западом и Россией (рассматриваемый период – 2010–2014 гг.), а точнее их освещения в названной западной периодике, мы можем отметить, что России до сих пор отводится роль непослушного и строптивого ученика. В то время как Запад выступает в качестве терпеливого и, судя по ряду статей в «The Economist» и «The Financial times», недостаточно жесткого учителя. Использование данного фрейма дает западным странам ощущимые выгоды, ставя их в более выгодную позицию мудрого учителя и этим отчасти легитимизируя политику по отношению к России. Таким образом, в межгосударственных отношениях, а точнее их отображении в западных СМИ, Россия и Запад отнюдь не равны. Действия Запада рассматриваются как продуманные, нацеленные на всеобщее благополучие и учитывающие интересы всех сторон, а действия России – как эгоистичные и недальновидные. Так, в «The Economist», в статьях, посвященных Сирийскому конфликту, российская политика на Ближнем Востоке предстает политикой эгоизма, в то время как США стремятся достичь баланса и стабильности в регионе, разыгрывая и поддерживая демократические движения. Схожую ситуацию можно видеть и в описании результатов «перезагрузки». Россия опять рассматривается в качестве виновницы неудач данного проекта; несмотря на все уступки Запада, Россия отказывалась делать разумные и взвешенные решения, таким поведением сводя на нет все попытки Запада пойти ей навстречу. Отмечается, что настоящая политическая элита «не видит», «не понимает», а порой «не осознает» в полной мере проводимую ими политику.

Также в журнале «The Economist» по большей части преобладает негативно-нейтральная и негативная тональность, критика политики и состояния в стране чаще всего базируется на критике личности президента (В.В. Путина) и его окружения. В журнале подчеркивается костность мышления политической элиты и то, что именно приход к власти В.В. Путина стал причиной приостановки и даже свертывания демократических реформ. Современная политическая элита не хочет перенимать у Запада правильный путь демократического развития. Более того, в особенно острыве моменты, связанные с недавними экономическими и внешнеполитическими шоками, Россия начинает рассматриваться как антидемократическое государство.

Она представляет опасность для своих соседей, это антидемократическая сила, которая может дестабилизировать состояние в других странах путем распространения «неверного» представления о государственном строительстве. Однако радует то, что все же Россия пытается изменить данное положение вещей [23]. Все чаще российские СМИ пытаются противостоять данному фрейму, стараясь использовать факты для подчеркивания порой явного непрофессионализма «учителей». Стоит отметить, что информация, используемая Россией, не всегда является качественной, т.е. максимально проверенной и точной, что снижает эффективность ее воздействия и наносит ощутимый урон имиджу. В качестве примера можно привести сюжет о распятом ребенке, который до сих пор полноценно не подтвержден, что значительно снижает уровень доверия к российским СМИ [24].

Важно отметить и то, что данный фрейм можно часто увидеть в статьях западных журналов, посвященных трехсторонним отношениям Россия – Украина – США, Россия – Украина – ЕС, или темам, связанным с политическим развитием украинского государства. В данных статьях, особенно в журнале «The Economist», Россия выступает в качестве явного примера неправильного пути развития и нежелания перенимать опыт европейских стран. Так, в одной из статей указывается, что Украина очень важна для ЕС, так как в ней еще заметно стремление учиться и перенимать европейский опыт, в отличие от его большого соседа, который выбрал путь конфронтации и ужесточения режима. Это говорит о том, что Россия на данный момент опять представляется в роли «двоечника», отказывающегося учиться, пример которого используется для запугивания других. Вместе с тем мы можем видеть, что такого рода фрейм также используется Западом по отношению и к другим странам.

Фрейм «учитель – ученик» является столь же часто используемым и имеющим такую же длинную историю, как и фрейм «России-медведя». Самое интересное заключается в том, что они иногда перекрещиваются, когда дело касается попыток приучить медведя «ходить, как человек». Отчасти данный фрейм (ученик) закрепляет в сознании западного сообщества определенное восприятие политики России (внешней и внутренней) и образ России в целом как неправильно развивающегося государства, ученика, который не хочет идти по проторенной дорожке развития демократии. Это особенно заметно после речи президента США, посвященной исключительной роли Америки и ее праву помогать другим странам на их пути построения демократии [25]. Исходя из этого, Россия должна стремится минимизировать эффект от использования данного фрейма с последующей корректировкой восприятия России не как ученика и «неправильно развивающейся восточноевропейской страны», а как самостоятельного актора международных отношений, который в полной мере осознает свой выбор и не нуждается в уроках Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия в зеркале мировых СМИ: санкции и селедка кусочками. URL: <http://ria.ru/analytics/20150827/1208925145.html>

2. Salma Ghenem "Filling in the Tapestry: the Second Level of Agenda Setting" in *Communication and Democracy Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda – Setting Theory* / ed. Maxwell McCombs, Donald L. Shaw and David Waever (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc). 1997. 288 p.
3. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии : пер. с англ. М., 2000. 476 с. URL: <http://coollib.net/b/32/read>
4. Луман Никлас. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005. 256 с.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта; Наука, 2008. URL: http://modernlib.ru/books/anatoliy_prokopevich_chudinov/metafora_v_politicheskoy_kommunikacii/read_1
6. Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма просвещения, или почему российское общество самое массовое? // Философские науки. 2008. № 10. С. 38–58.
7. Марвин Мински. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. URL: <http://www.myai.narod.ru/Minsky/ch1.htm#1ch1>
8. Гусельникова О.В. Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 9.
9. Goffman E. *Frame analysis: An essay in the organization of experience*. Boston : Northeastern University Press., 1986. 306 p.
10. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 108 с.
11. Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. К.И. Бабицкого. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008.
12. Бодрунова С.С. Рамочная медиаполитическая ситуация: концепт и практика (на примере Британской медиаполитики 1980–2000-х гг.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 1–2. С. 182–186.
13. Кузоятова О.С. Основные направления в когнитивных исследованиях метафор // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-v-kognitivnyh-issledovaniyah-metafory>
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#20>
15. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 292 с.
16. Пешкова И.В. Особенности функционирования геометрической метафоры в английском медиа-дискурсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 1 (22). С. 218–223.
17. Звездина Ю.В. Метафоры в повествовании: композиционно-языковой аспект : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 320 с.
18. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. *Structures of Knowledge and Their Linguistic Representation in Idiomatic Meaning* // *Researches of Cognitive Linguistic Aspects*. Tartu, 1990. № 903. P. 20–36.
19. Alefrenko N.F. *Phraseological Meaning: Nature, Essence, Structure* // *Word Sides*. M. : ELPIS, 2005. P. 21–27.
20. Скрипникова А.И. Фреймирование и рефреймирование в масс-медиа // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1235–1238.
21. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей : пер. с англ. М., 2004. 336 с.
22. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007) / Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хозинская. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 384 с.
23. Диалог, а не война. Сергей Нарышкин призвал лидеров Запада учить «уроки Ялты». URL: <http://www.rg.ru/2015/02/06/naryshkin.html>
24. Журналисты «Первого» отвечают на обвинения во лжи в связи с сюжетом про убийство ребенка в Славянске. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/274369>
25. РиаНовости: Исключительный Обама. URL: <http://ria.ru/columns/20150604/1068208911.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 6 ноября 2015 г.

REFLECTION OF MODERN RELATIONS BETWEEN THE WEST AND RUSSIA BY THE MEDIAFRAME “TEACHER-STUDENT”

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 138–142. DOI: 10.17223/15617793/404/22

Sdelnikov Vitalii A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Dr.Saladinn@yandex.ru

Keywords: frame; mediaframing; mass media; Russia–West; international relations.

Scale and intensity of an information confrontation between western countries (the USA and the EU countries) and Russia is so high that it reminds the information conflict of the Cold War. Nowadays, Russia finds itself in a difficult political and economic situation and has to respond to serious internal and international economic and political shocks. Along with these one can see the ever-increasing mediatization of political relations, in this condition Russia has to defend its right to an independent international policy in the unfriendly western media landscape. Nowadays, one of the most effective media strategies is mediaframing. The reason of its effectiveness is based on a fact that it creates cognitive perception frames within which an individual interprets a media message. Metaphors, links, hints, and others means allow connecting new information with existing social experience, which helps the individual understand the main idea of mediatexts. Thus, a journalist or a person who creates a media text can enclose a significant amount of information into a short text and make it emotional. That is why such texts are able to avoid critical perception. Going back to the frame “Teacher–Student”, the author underlines that it has a long history. In different periods, Russia was considered as a diligent student, or an arrogant student who does everything wrong. Since the late 1990s Russia was becoming a poor, stubborn, grumpy and lazy student who did not pay attention to the study of democracy and was about to receive F for its homework. These changes can be explained by Russia’s desire to build an independent foreign and internal policy. What is more interesting, this frame is used in articles devoted to other topics, such as relations Russia–Ukraine–USA and Russia–Ukraine–EU, and some other topics related to political issues of Eastern European countries. In these articles, Russia is used as an example of a wrong way of development, as a country which does not want to take experience of western countries, and sometimes Russia serves as a boogeyman for the civilized countries. In these circumstances, one cannot say about equality in international relations since Russia is considered as a student who cannot have an equal dialog with a teacher. Thus, mediaframing is an effective instrument of events and images mediation in the conditions of the ever-increasing virtualization of social relations. Nowadays, this strategy is used by a number of western countries in order to legitimize their policy towards Russia. Positioning of relations between the West and Russia as relations of a teacher and a student undoubtedly reduces the effectiveness of the Russian international policy, lowering its status in the eyes of the general public.

REFERENCES

1. Ria.ru. (2015) *Rossiya v zerkale mirovykh SMI: sanktsii i seledka kusochkami* [Russia in the mirror of the world media: sanctions and herring pieces]. [Online]. Available from: <http://ria.ru/analytics/20150827/1208925145.html>.

2. McCombs, M., Shaw, D.L. & Waever, D. (eds) (1997) *Salma Ghenem "Filling in the Tapestry: the Second Level of Agenda Setting" in Communication and Democracy Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda – Setting Theory*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
3. Bateson, G. (2000) *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psichiatrii i epistemologii* [Ecology of mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology]. Translated from English. Moscow: Smysl. [Online]. Available from: <http://coollib.net/b/32/read>.
4. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of the media]. Translated from German by A.Yu. Antonovskiy. Moscow: Praksis.
5. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2008) *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [The metaphor in political communication]. Moscow: Flinta; Nauka. [Online]. Available from: http://modernlib.ru/books/anatoliy_prokopevich_chudinov/metafora_v_politicheskoy_kommunikacii/read_1.
6. Tul'chinskii, G.L. (2008) Massovaya kul'tura kak voploschenie gumanizma prosvescheniya, ili pochemu rossiyskoe obshchestvo samoe massovoe? [Popular culture as the embodiment of humanism education, or why Russian society is the most mass?]. *Filosofskie nauki*. 10. pp. 38–58.
7. Minsky, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znanii* [Frames for knowledge representation]. Translated from English. Moscow: Energiya. [Online]. Available from: <http://www.myai.narod.ru/Minsky/ch1.htm#1ch1>.
8. Gusef'nikova, O.V. (2010) Frame Structure Terminology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 9. (In Russian).
9. Goffman, E. (1986) *Frame analysis: An essay in the organization of experience*. Boston: Northeastern University Press.
10. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Editorial URSS.
11. Bruner, J. (2008) *Psichologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Psychology of cognition. Beyond the immediate information]. Translated from English by K.I. Babitskiy. Moscow: Direktmedia Publishing.
12. Bodrunova, S.S. (2014) Ramochnaya mediapoliticheskaya situatsiya: kontsept i praktika (na primere Britanskoy mediapolitiki 1980–2000-kh gg.) [Frame media-political situation: the concept and practice (on the example of the British media policy in 1980–2000)]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii*. 1–2. pp. 182–186.
13. Kuzoyatova, O.S. (2011) The basic directions in metaphor cognitive research. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts"*. 4. [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-v-kognitivnyh-issledovaniyah-metafory>. (In Russian).
14. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskem zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphors (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. [Online]. Available from: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#20>.
15. Khakhalova, S.A. (2011) *Metafora v aspektakh yazyka, myshleniya i kul'tury* [Metaphor in the aspects of the language, thought and culture]. 2nd ed. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University.
16. Pashkova, I.V. (2013) The peculiarities of the geometric metaphor in English mass media discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1 (22). pp. 218–223. (In Russian).
17. Zvezdina, Yu.V. (2012) *Metaforы v povestvovanii: kompozitsionno-yazykovoy aspekt* [Metaphors in the narration: compositional and linguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
18. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (1990) Structures of Knowledge and Their Linguistic Representation in Idiomatic Meaning. *Researches of Cognitive Linguistic Aspects*. 903. pp. 20–36.
19. Alefirenko, N.F. (2005) Phraseological Meaning: Nature, Essence, Structure. In: *Word Sides*. Moscow: ELPIS.
20. Skripnikova, A.I. (2014) Freymirovanie i refreymirovanie v mass-media [Framing and reframing in the media]. *Molodoy uchenyy*. 4. pp. 1235–1238.
21. Neumann, I. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovaniy evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other: The East in European Identity Formation]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
22. Batalov, E.Ya., Zhuravleva, V.Yu. & Khozinskaya, K.V. (2009) *"Rybachchiy medved'" na "dikom Vostoke"* (*Obrazy sovremennoy Rossii v rabotakh amerikanskikh avtorov: 1992–2007*) ["Roaring Bear" in the "Wild East" (Images of modern Russia in the works of American authors: 1992–2007)]. Moscow: ROSSPEN.
23. Zamakhina, T. (2015) *Dialog, a ne voyna. Sergey Naryshkin prizval liderov Zapada uchit' "uroki Yalty"* [Dialogue, not war. Sergei Naryshkin called on Western leaders to learn "the lessons of Yalta"]. [Online]. Available from: <http://www.rg.ru/2015/02/06/naryshkin.html>.
24. 1tv.ru. (2014) *Zhurnalisty "Pervogo" otvechayut na obvineniya vo lzhi v svyazi s syuzhetom pro ubiystvo rebenka v Slavyanske* [Journalists of Channel 1 answer charges of lying in connection with the story about the murder of a child in Slavyansk]. [Online]. Available from: <http://www.1tv.ru/news/social/274369>.
25. Ria.ru. (2015) *RiaNovosti: Isklyuchitel'nyy Obama* [RIA Novosti: Exclusive Obama]. [Online]. Available from: <http://ria.ru/columns/20150604/1068208911.html>.

Received: 06 November 2015

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МОГИЛЬНИКА СТЕПУШКА-2 НА АЛТАЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Работа публикуется в рамках научно-исследовательских проектов госзадания Минобрнауки РФ «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код проекта 536) и РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.» (№ 14-11-04002а(р)).

Обобщаются материалы детских погребений могильника булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени Степушки-2 (Центральный Алтай), полностью исследованного в 2010 г. Раскопанные погребения датированы в пределах второй половины III – первой половины IV в. н.э. Специфика детского погребального обряда выявлена благодаря детальному изучению особенностей объектов и состава инвентаря погребений. По мнению авторов, для населения, возведшего данное кладбище, детский погребальный обряд имел не только похоронный смысл и некоторые ритуалы, проводимые при погребении умерших детей, были направлены на благополучное воспроизведение нового потомства.

Ключевые слова: Алтай; погребальный обряд; детские погребения; гунно-сарматское время; булан-кобинская культура; Степушка-2.

Могильник Степушки-2 расположен в Центральном Алтае на западной части правобережной террасы Урсула, в 5 километрах выше от места ее впадения в Катунь. В процессе аварийных работ на памятнике нами раскопано 64 объекта [1]. Группа курганов на восточной половине мыса, обозначенная как могильник Степушки-1, исследовалась экспедицией Алтайского государственного университета [2]. Позднее мыс был полностью снесен при возведении моста и участка подъездной автодороги. Результаты исследований могильника Степушки-2 пока нами полностью не опубликованы, имеется только несколько кратких сообщений и статей [3–8]. В настоящее время нами готовятся ряд статей по полному введению в оборот материалов разных типов погребений, в том числе детских, и обобщающая монография.

Раскопанные погребения могильника Степушки-2 по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря отнесены нами к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени и датированы в пределах второй половины III – первой половины IV в. н.э. Большая часть серии из 13 радиоуглеродных (14C) дат, полученных в трех лабораториях, оказалась противоречивой. Несовпадение многих радиоуглеродных дат с археологической даже на эпохальном уровне не позволило уточнить хронологическую принадлежность памятника.

Группа погребений, обозначенная как Степушки-2, вместе с группой Степушки-1 составляли один некрополь. Согласно половозрастным определениям кандидата исторических наук С.С. Тур, из общего числа похороненных на этом древнем кладбище людей большинство оказалось мужчинами в возрасте от 14–16 до 50–60 лет, их доля составляет 59%. Женские погребения составляют 20%. Остальные 21% были детскими. По принятой в антропологии и медицине периодизации к детскому возрасту относят индивидов до 11 лет (девочки) и до 12 лет (мальчики) [9. С. 130]. К категории детских погребений на памятнике Степушки-2 относится восемь погребений, зафиксированных в объектах 2, 16, 17, 18а, 18, 20, 21, 22. Возраст погребен-

ных детей в тех случаях, когда удалось его установить (семь погребенных), варьирует в пределах от 1,5 до 11 лет.

Большинство детских погребений оказались одиночными. Только в одном случае ребенок 11 лет был погребен вместе с женщиной. Довольно интересна планиграфия детских погребений. Они располагались группой в центральной части могильника. Лишь одно погребение ребенка десяти лет из объекта 2 (судя по инвентарю, это была могила девочки), находилось на северном краю могильника. Погребение в этом кургане отличалось от остальных западной ориентацией, тогда как все остальные дети на могильнике Степушки-2 были уложены в могилы головой на восток или восточный сектор. Большинство могил детей были расположены с восточной стороны от ряда мужских погребений (объекты 19, 23, 26, 27), и с северной стороны от детских погребений были могилы мужчин (объекты 9 и 10). С восточной стороны располагалась группа погребений, обозначенная как Степушки-1. Таким образом, детские погребения располагались в центральной части кладбища, в окружении могил взрослых людей.

Надмогильные конструкции детских погребений представлены каменными насыпями либо кольцами. Объекты, которые мы обозначили как кольца, скорее всего, изначально представляли собой небольшие земляные холмики, обложенные по периметру камнями (объекты 16, 17 и 18). При раскопках группы курганов 18а, 22, 21, 20, расположенных вплотную друг к другу, выяснилось, что каменные насыпи развалились. Поэтому было сложно определить границы отдельных объектов. Погребения совершались под каменной или земляной насыпью в неглубоких ямах. Четыре погребения совершены в каменных ящиках, в остальных объектах внутримогильные сооружения не сохранились. В объекте 17, в котором исследовано парное погребение женщины с ребенком, в изголовье была зафиксирована каменная плита.

Детские погребения различаются содержащимся в них инвентарем. В некоторых был найден довольно

представительный материальный комплекс, в других, напротив, вещей не найдено. Из всей группы выделяются погребения в объектах 2, 20 и 22. В этих могилах, судя по инвентарю, были похоронены девочки. В объекте 2 сохранился костяк ребенка десяти лет, при котором найдены подвески из зуба марала и кости, фрагменты железного изделия, костяная туалетная щеточка [10]. В объекте 20, в котором погребен ребенок двух лет, найдены шесть бусин, железные заклепки и панцирная пластина с обломанным углом. В объекте 22, в котором погребен ребенок в возрасте шести лет, обнаружены две бусины и две серьги из бронзовой проволоки со щитком, скрученным в виде двух концентрических спиралей. В других погребениях инвентарь отсутствовал полностью или был немногочисленным. В объекте 18а, где был похоронен ребенок полутора лет, найдена лишь одна бусина. Особо стоит отметить находки обломков двух заготовок каменных жерновов ручной мельницы, зафиксированных при зачистке насыпей курганов 21 и 22. Для изготовления жерновов использованы разные породы камня.

На части кладбища, изученной нами, половина всех детских могил содержала останки индивидов до трех лет (четыре погребения), одно погребение ребенка шести лет и два погребения детей в возрасте десяти и одиннадцати лет. Судя по материалам могильника, у этой группы населения основная смертность детей проходила на первые три года жизни. По мнению исследователей, известные нам могильники не могут в полной мере отразить реальный уровень детской смертности [11. С. 61]. Это мнение может быть подтверждено несколькими фактами. Во-первых, на могильнике не было зафиксировано ни одного погребения грудного ребенка. Даже если принять во внимание то, что кости грудных детей сохраняются гораздо хуже, все-таки должны были сохраниться погребальные конструкции, в которых могли быть похоронены младенцы. Те объекты, которые условно можно назвать могилами грудных детей (где не зафиксированы остатки или следы скелетов, например объект 12), слишком малочисленны. Для похорон грудных детей в возрасте до одного года мог существовать особый погребальный обряд, не фиксируемый археологически.

Таким образом, детский погребальный обряд на могильнике Степушка-2 представлен обычно одиночной ингумацией, совершенной в неглубоких ямах, в каменных и, возможно, комбинированных каменно-деревянных ящиках. На Степушке-2 зафиксировано только одно парное захоронение ребенка 11 лет с взрослой женщиной. На Степушке-1 также отмечено одно парное погребение, где были похоронены ребенок и убитый мужчина [6; 12. С. 260, 262. Рис. 3–7]. Почти все дети, погребенные на могильнике Степушке-2, уложены головой на восток, только костяк ребенка в объекте 2 имел ориентировку головой на запад.

Концентрация основного числа детских погребений в центральной части могильника связана с традицией обособления детских могил. Так, в долине р. Катунь известен могильник Бике I, на котором ис-

следованы почти два десятка курганов только с погребениями детей 10–14 лет и грудного возраста [13. С. 89]. Этот могильник также относится к булан-кобинской культуре и хронологически близок погребениям могильника Степушка-2. Конечно, захоронение детей отдельно от взрослых не было обязательной традицией, поскольку детские погребения, как мы видим, совершались и вместе с взрослыми. Тем не менее тенденция обособления детских могил на некрополе проявляется отчетливо.

Среди материалов детских погребений были встречены вещи, редкие для остальных могил. В первую очередь стоит отметить находки панцирной пластины и обломки каменных жерновов ручной мельницы. Для памятников булан-кобинской культуры панцирные пластины довольно редкая находка, возможно, из-за высокой ценности доспеха. Самые ранние случаи обнаружения железных панцирных пластин на Алтае зафиксированы в женских погребениях могильника Яломан-II. Скорее всего, погребенные женщины доспехом не пользовались, а пластины были положены с какими-то охранительными целями [14. С. 84]. В памятниках Алтая предтюркского времени также известны находки частей панцирей, которые находились в погребениях взрослых людей [15–18]. На Степушке-2 пластина находилась в погребении ребенка двух лет, поэтому нереально использование доспеха умершим при жизни. Находки панцирных пластин в женских и детских погребениях свидетельствуют, что эти вещи наделялись некими качествами, необходимыми в каких-то случаях для проведения погребального обряда женщин и детей.

Жернова встречены впервые среди материалов погребальных памятников булан-кобинской культуры. Как указывалось выше, они находились на насыпях курганов. Части ручных мельниц, как и другие вещи, связанные с земледелием, не укладывались в могильную яму. Фиксируя зернотерки и жернова на насыпях, многие исследователи считали такие находки более поздними подношениями, совершенными в этнографическое время. Однако в некоторых случаях жернова фиксировались в таких контекстах, что принадлежность их к одному времени с погребением не вызывает сомнений [19]. Очевидно, что использование жерновов ручных мельниц, зернотерок, серпов в погребальном обряде было устойчивой традицией у населения Алтая и сопредельных регионов. В то же время несомненно, что такие вещи укладывались в каких-то особых случаях. Можно предположить, что в данном эпизоде необходимость использования жерновов в погребальном обряде могла быть вызвана высокой смертностью детей.

По нашему мнению, именно эти две категории вещей (панцирные пластины и жернова) на могильнике Степушка-2 наиболее явно демонстрируют особое отношение населения Алтая гунно-сарматского времени к смерти детей. С глубокой древности образ женщины и ребенка был связан с продолжением жизни. Для благополучного воспроизведения потомства необходимы были некие особые действия во время погребального обряда, что и способствовало распо-

ложению этих изделий в детских могилах некрополя. Это подтверждается и находками украшений, выполнивших охранительные функции.

Итак, рассмотренная серия детских погребений демонстрирует особое отношение населения Алтая гунно-сарматского времени к детской смертности. Скорее всего, некоторые ритуалы, проводимые при погребении умерших детей, были направлены на благополучное воспроизведение нового потомства. Незначительная доля детских погребений на некрополе не отражает реальный уровень детской смертности

того периода. Это может объясняться существованием особых младенческих и детских погребальных обрядов, не фиксируемых археологически (как отмечалось выше, на могильнике не было зарегистрировано ни одного погребения грудного ребенка). Обоснованного и убедительного объяснения диспропорции мужских и женских погребений на данный момент у нас нет, поэтому необходимо продолжить исследования в этом направлении с привлечением материалов других полностью исследованных могильников Алтая гунно-сарматского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году / Архив Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск, 2011. 441 л.
2. Кириюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
3. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 3–6.
4. Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 122–125.
5. Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии *sarcophagidae* в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 1 (9). С. 61–73.
6. Соенов В.И., Трифанова С.В. Погребение с пупариями мясных мух (вторая половина III – первая половина IV в. н.э., некрополь Степушка-2, Алтай) // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. Екатеринбург : МНЦ «Сфера общественных наук», 2014. С. 99–101.
7. Соенов В.И., Трифанова С.В. Необычное парциальное погребение на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Алтай) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. М. : Институт стратегических исследований, 2014. С. 95–97.
8. Соенов В.И., Трифанова С.В. «Нестандартное» парциальное погребение на некрополе Степушка-2 (Алтай) // Canadian Journal of Science, Education and Culture. 2014. Vol. III, № 2 (6), (July – December). S. 470–475.
9. Хрисанфова Е.Н., Переходчиков И.В. Антропология. М. : МГУ; Наука, 2005. 400 с.
10. Соенов В.И., Константинов Н.А., Константинова Е.А. Туалетные щеточки в памятниках майминской и булан-кобинской культур Алтая (первая половина I тыс. н.э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл : ТувГУ, 2014. Ч. I. С. 118–119.
11. Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск : НГПИ, 1989. С. 59–68.
12. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Гуннский форум. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 258–279.
13. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.
14. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 79–85.
15. Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // Российская археология. 1997. № 4. С. 181–185.
16. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
17. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : АлтГУ, 2003. Ч. I. 174 с.
18. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. до н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : АлтГУ, 2012. С. 55–59.
19. Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. 1994. № 4. С. 72–79.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 сентября 2015 г.

FEATURES OF THE CHILDREN'S BURIAL RITE IN THE STEPUSHKA-2 CEMETERY IN ALTAI (PRELIMINARY INFORMATION)

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 143–146. DOI: 10.17223/15617793/404/23

Soenov Vasilii I. Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: soyonov@mail.gorny.ru

Konstantinov Nikita A. Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: knikita1988@mail.ru

Trifanova Synaru V. Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: trifanovasv@mail.ru

Keywords: Altai; funeral rites; children's burial; Hun-Sarmatian time; Bulan-Koba culture; Stepushka-2.

In this paper we made a generalization of materials from children's graves at the Stepushka-2 cemetery (Altai). The cemetery of Stepushka-2 belongs to the Bulan-Koba culture of the Hun-Sarmatian time. In 2010, this monument was fully explored. The burials date within the second half of the third – first half of the fourth centuries AD. A detailed study of the features of the objects and the grave goods allowed discovering the features of the children's burial rite. Most of the children's graves were single burials. They were located in the central part of the cemetery, and they were surrounded by the graves of adults. The above-ground constructions were stone mounds, or ring-fences along the perimeter. The burials were in shallow pits, some in stone boxes, in others structures inside graves were probably made from wood, therefore were not preserved. Some burial had quite a lot of grave goods (pendants, a toilet brush, beads, earrings, etc.), while others had none. Among the materials from the children's burials were things not typical of

the rest of the graves: an armor plate and fragments of hand mill millstones. According to the authors, these two categories of things demonstrate the special attitude of the Altai population in the Hun-Sarmatian time to the child mortality. From ancient times, the image of a woman and a child was associated with the continuation of life. For successful reproduction of population special actions were necessary during the burial rite, which contributed to the placement of these two categories of things in children's tombs of the necropolis. This is confirmed by the findings of jewelry which performed protective functions. The authors also believe that for people who built this cemetery, the children's funeral ceremony did not have the meaning of the funeral only. Most likely, some rituals conducted at children's burials were aimed to the safe reproduction of the new posterity. The small proportion of children buried in the necropolis does not reflect the real level of child mortality of the period. This can be explained by the existence of specific infant and children's funeral rites which are not determined by archaeological methods (as presently constituted, the cemetery did not have a single burial of an infant). Currently, the imbalance of male and female burials is impossible to explain reasonably and convincingly; therefore, it is necessary to continue research in this area with the assistance of other materials from the fully investigated cemeteries of Altai of the Hun-Sarmatian time.

REFERENCES

1. Soenov, V.I. (2011) *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Mayminskom rayone Respubliki Altay i avariynykh raskopkakh na mogil'nikre Stepushka-2 v Ongudayskom rayone v 2010 godu* [A report on archaeological exploration in Maiminsky district of the Altai Republic and emergency excavations of the cemetery Stepushka-2 in Ongudaisky district in 2010]. Archive of the Research Center of History and Culture of the Turkic Peoples of Gorno-Altaisk State University. Gorno-Altaisk.
2. Kiryushin, Yu.F. et al. (2011) *Issledovanie pogrebal'nykh kompleksov epokhi "velikogo pereseleniya narodov" v Tsentral'nom Altay (mogil'nik Stepushka-I)* [Research of funerary complexes of the era of "the great migration of peoples" in the Central Altai (cemetery Stepushka-I)]. In: *Polevyye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altay 2010 g.* [Field studies in the Upper Ob and Altai in 2010]. Is. 7. Barnaul: AltGPA.
3. Soenov, V.I. (2010) *Polevyye arkheologicheskie issledovaniya Nauchno-issledovatel'skoy laboratori po izucheniyu drevnostey Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Archaeological field survey of the Scientific Laboratory for Research of Antiquities of Siberia and Central Asia]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*. 3 (15). pp. 3–6.
4. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2011) *Polevyye arkheologicheskie issledovaniya Gorno-Altayskogo gosudarstvennogo universiteta v 2010 godu* [Archaeological field survey of the Gorno-Altaisk State University in 2010]. In: *Polevyye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altay 2010 g.* [Field studies in the Upper Ob and Altai in 2010]. Is. 7. Barnaul: AltGPA.
5. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) *Puparii sarcophagidae v pogrebenii gunnno-sarmatskogo vremeni nekropolya Stepushka-2 (Altay)* [Puparia of *Sarcophagidae* blowflies in the burial of necropolis Stepushka-2 (Altai) dated back to Hun-Sarmatian time]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 1 (9). pp. 61–73.
6. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) *Pogrebenie s pupariyami myasnykh mukh (vtoraya polovina III – pervaya polovina IV v. n.e., nekropol' Stepushka-2, Altay)* [Burials with Puparia of Blowfly (second half of the 3rd century – the first half of the 4th century AD, Stepushka-2 necropolis, Altai)]. In: *Nauchnye issledovaniya v sfere obshchestvennykh nauk: vyzovy novogo vremeni* [Research in the social sciences: the challenges of modern times 1]. Ekaterinburg: MNTs "Sfera obshchestvennykh nauk".
7. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) *Neobychnoe partial's'noe pogrebenie na mogil'nikre gunnno-sarmatskogo vremeni Stepushka-2 (Altay)* ["Non-standard" partial human burial in the necropolis Stepushka-2 of Hun-Sarmatian time (Altai)]. In: *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Modern problems of Arts and Sciences]. Moscow: Institut strategicheskikh issledovanii.
8. Soenov, V.I. & Trifanova, S.V. (2014) "Nestandardartnoe" partial's'noe pogrebenie na nekropole Stepushka-2 (Altay) ["Non-standard" partial human burial in the Stepushka-2 necropolis (Altai)]. *Canadian Journal of Science, Education and Culture*. III:2 (6), (July – December). pp. 470–475.
9. Khrisanfova, E.N. & Perevozhchikov, I.V. (2005) *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Moscow State University; Nauka.
10. Soenov, V.I., Konstantinov, N.A. & Konstantinova, E.A. (2014) *Tualetnye shchetochki v pamyatnikakh mayminskoy i bulan-kobinskoy kul'tur Altaya (pervaya polovina I tys. n.e.)* [Toilet brushes in Maima and Bulan-Koba cultures monuments (the first half of the 1st millennium AD)]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Vol. 1. Kyzyl: Tuva State University.
11. Troitskaya, T.N. (1989) *Detskie pogrebeniya VI–V vv. do n.e. – VII–VIII vv. n.e. v Novosibirskom Priob'e* [Children burial of the 6th–5th centuries BC – 7th–8th centuries AD in Novosibirsk Ob Area]. In: Troitskaya, T.N. *Ekonomika i obshchestvennyy stroy drevnikh i srednevekovykh plemen Zapadnoy Sibiri* [The economy and social system of the ancient and medieval Western Siberia tribes]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogic Institute.
12. Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. & Shmidt, A.V. (2013) *Stepushka-I – pamyatnik kochevnikov Altaya syan'biysko-zhuzhanskogo vremeni* [Stepushka-I – the nomad monument of the Altai-Xianbei-Zhuzhan time]. In: *Gunnsskiy forum* [The Hun forum]. Chelyabinsk: South Ural State University.
13. Kubarev, V.D., Kireev, S.M. & Cheremisin, D.V. (1990) *Kurgany urochishcha Bike* [The Mounds in the Bike valley]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk: Nauka.
14. Gorbunov, V.V. & Tishkin, A.A. (2006) *Kompleks vooruzheniya kochevnikov Gornogo Altaya khunnskoy epokhi* [The nomad weapons complex of the Altai Mountains of the Hun era]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4 (28). pp. 79–85.
15. Soenov, V.I. (1997) *Nagrudnyy pantsir' gunno-sarmatskoy epokhi s Gornogo Altaya* [A breastplate armor of the Hun-Sarmatian era from the Altai Mountains]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 4. pp. 181–185.
16. Bobrov, V.V., Vasyutin, A.S. & Vasyutin, S.A. (2003) *Vostochnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka)* [Eastern Altai in the era of the Great Migration (3rd–7th centuries)]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
17. Gorbunov, V.V. (2003) *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh)* [The military science of Altai population in the 3rd–14th centuries. Defensive weapons (armor)]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
18. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2012) *Lamellyarnyy pantsir' IV–V vv. do n.e. iz arkheologicheskogo kompleksa Yaloman-II na Altay* [The lamellar armor of the 4th–5th centuries BC from the archaeological complex Yaloman-II in the Altai]. In: *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii* [History and culture of medieval peoples of the Eurasian steppe]. Barnaul: Altai State University.
19. Molodin, V.I. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Kamennye ruchnye zhernova v drevney pogrebal'noy obryadnosti Zapadnoy Sibiri* [Stone hand mill-stone in ancient funeral rites in Western Siberia]. *Altaica*. 4. pp. 72–79.

Received: 10 September 2015

НАЧАЛО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ 1944–1953 гг.)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Несмотря на высокую степень изученности, тема холодной войны не утратила ни политической, ни научной актуальности. В частности, вне внимания исследователей остаются советские плакаты как система взаимосвязанных текстовых и визуальных образов, формировавшая, наряду с другими средствами пропаганды, специфику восприятия конфронтации СССР и Запада. В данной статье на основе выборки материалов за 1944–1953 гг. предпринимается попытка рассмотреть проблему начала холодной войны прежде всего через эволюцию образа врага и общее изменение представлений о внешнем мире, отразившихся в плакате.

Ключевые слова: холодная война; советский плакат; образ врага; международные отношения; СССР.

Развитие современных международных отношений сопряжено с новым витком соперничества России и Запада. Идейная составляющая этого процесса, все чаще в настоящее время ведущаяся методами «информационной войны», способствует возрастанию интереса к закономерностям формирования, развития и применения различных образов, используемых в политической риторике и влияющих на общественное мнение. Российская история не раз сталкивалась с потребностью их формирования. Несомненный интерес в этой сфере вызывает начало холодной войны как пример вхождения в конфронтацию, немалую роль в которой играла идеологическая борьба. Историческая аналогия с теми событиями вызывает потребность не только извлекать уроки из прошлого, но и иначе взглянуть на само это прошлое, рассматривая его не сколько шире, чем один только конфликт социализма и капитализма. Представляется весьма востребованным анализ пропагандистского опыта СССР первых лет холодной войны как процесса создания системы взаимосвязанных образов, отразивших восприятие нарастающего противостояния с Западом.

Написано довольно много общих работ, посвященных началу холодной войны. Среди них можно выделить исследования Н.Е. Быстровой [1], а также коллектива авторов, работавших под редакцией А.О. Чубаряна [2]. В них подробно проанализирован процесс раскола послевоенного мира и формирования bipolarности. Отводя центральное место цивилизационной и идеологической сущности холодной войны, некоторые современные исследователи рассматривают ее не только как самостоятельный конфликт, но и как этап коренного противостояния Восток – Запад, коммунизм – капитализм [Там же. С. 65–104]. «Начало» холодной войны относится ими на более ранний период по сравнению с широко известной датой выступления У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. Как представляется, невозможно установить «точную» дату, увязав ее с конкретным событием. В связи с этим актуальна точка зрения академика Ю.А. Полякова, высказанная еще в 1990 г. на международной дискуссии по данной проблеме: «Мир постепенно вползал в “холодную войну”; идя рывками, через атомные взрывы в Хиросиме и Нагасаки, через

споры при заключении мирных договоров, через речь Черчилля, через блокаду Берлина, через поражение Миколайчика в Польше, через февраль 1948 г. в Чехословакии, через создание НАТО, победу революции в Китае и т.д...» [3. С. 135]. Иначе говоря, условная дата может колебаться от 1944 до 1949 г. в зависимости от того, о чем идет речь – о тайных совещаниях политиков или публичных выступлениях первых лиц государств, о развитии атомного оружия или создании экономических и военных союзов.

Переживает бурный исследовательский интерес и уже упоминавшаяся выше категория «образ», рассматриваемая на фоне различных политических и социокультурных явлений в рамках имагологии – дисциплины, анализирующей взаимное восприятие народов, социумов, культур [4. С. 4]. Поскольку ее предметная область, методы и понятийно-категориальный аппарат сейчас все еще осмысливаются и уточняются в отечественной науке, следует обозначить некоторые базовые положения имагологии. Эта дисциплина уделяет особое внимание изучению развития социальных, этнических или внешнеполитических стереотипов. «Именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые образы, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы» [5. С. 128]. В литературоведении, в рамках которого и зародилась в свое время имагология, ее задача определяется как выявление компонентов национальных образов в историко-культурном контексте и определение их воплощения в текстовой структуре. При этом они рассматриваются не столько как результат реального опыта восприятия, сколько в качестве некой «воображаемой», дискурсивной практики [6. С. 125; 7. С. 123]. Так или иначе теоретический анализ любых имагологических поисков показывает особую значимость для них категории «другого» (или «чужого»), которая может выступать формой сравнения со «своим» и тем самым конкретизирует некоторые черты собственного сознания. А главным предметом изучения имаго-

логии подчас признается именно социально-идеологическая функция образов в формировании идентичностей [7. С. 120].

Большой вклад в изучение различных вопросов, посвященных взаимному восприятию СССР и его противников в конфликтах XX в., внес коллектив авторов Института Российской истории РАН, среди которых А.В. Голубев [8], Е.С. Сенявская [4] и др. Проблематика, относящаяся непосредственно к начальному периоду холодной войны, нашла отражение в работе А.В. Фатеева, в которой он подробно проанализировал действия властей на разных этапах формирования образа врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. [9]. Тем не менее, несмотря на наблюдающийся «визуальный поворот» [5. С. 128], вне внимания специальных исследований остается роль *визуальной пропаганды* в создании образов первых лет холодной войны. Между тем такая ее форма, как плакаты, решала эту задачу на двух взаимодополняющих уровнях: текстовом и изобразительном, что позволяет отнести их к так называемым креоализованным текстам [10. С. 87–92], нацеленным на комплексное, а значит, более эффективное восприятие адресатом.

Цель данной статьи – реконструкция и анализ образов в советском плакате на фоне изменения внешнеполитической ситуации в начале холодной войны. Необходимо раскрыть два значимых для исследования аспекта. Во-первых, трансформация международного положения глазами визуальных источников вносит новые штрихи в общую дискуссию о самой сути и периодизации холодной войны, что важно для понимания свойств любых конфронтационных процессов. Во-вторых, с точки зрения имагологии, содержание плакатов затрагивает существенные вопросы о логике поляризации своих и чужих на фоне конфликта; о степени актуальности в пропаганде социальных и национальных стереотипов; о соотношении в ней «реального» и «воображаемого», т.е. обо всех тех фактурах, оказывавших влияние на характер советской идентичности в целом.

Основу для предпринимаемого анализа составили 168 советских плакатов 1944–1953 гг., прямо или косвенно выражавших характер международного положения, в котором оказался СССР в эти годы¹. Хронологические рамки выборки исследуемых материалов тесно связаны с проблемой генезиса холодной войны. В СССР этот период пришелся на последние годы правления И.В. Сталина, что позволяет рассматривать его как единый, завершенный политический сюжет. Контент- и интент-аналитическими методами выявлены и систематизированы основные вербальные и невербальные образы, отразившие изменения взгляда пропаганды на внешний мир. В целях конкретизации количественных характеристик динамики этого процесса на основе некоторых обобщений выделены ключевые смысловые и символические категории, служившие главными единицами анализа. Как правило, в плакатах они присутствуют во взаимосвязи. Значимое место в данной статье занимают отсылки к психологическим особенностям самого советского общества накануне и в начале холодной войны, как

некая духовная почва, на которую пришелся ее образный ряд. Наряду с исследованиями, уже касавшимися проблем общественного сознания, использованы материалы бесед автора с представителями старшего поколения и архивные источники, впервые вводимые в научный оборот.

Международные отношения СССР на завершающем этапе Второй мировой войны выражались в советских плакатах темами союзничества и освобождения иностранных государств от фашизма. Образ союзника впервые обрел внеклассовые черты, ассоциируясь не с интернациональными пролетариями, а вполне конкретными американскими и английскими солдатами, в результате наиболее коренного пересмотра пропагандистской линии государства. Кроме того, к концу войны над портретностью изображений стал преобладать символизм: различным карикатурным и звероподобным существам, олицетворявшим германский фашизм, противопоставлены кулаки, клещи, мечи, штыки, снаряды, на которых, наряду с советской, присутствует символика стран антигитлеровской коалиции. Их флаги встречаются в 14 плакатах за 1944–1945 гг., в то же время в текстах лозунгов упоминания о союзниках единичны. Ярким исключением является плакат В. Иванова (1945)². Здесь краткая, но весьма ассоциативная текстовая информация, представленная отметкой на карте Европы «Торгau. 25 апреля 1945 г.» (встреча союзников на Эльбе), усиlena почти портретными образами солдат армий СССР, США и Великобритании, запечатленных как бы в момент совместного перекура – типичного досуга фронтовых товарищей.

Тема освобождения, адресованная как советскому, так и восточноевропейским народам, нашла специфическое отражение в работах советских художников А. Кокорекина, А. Кейля, М. Нестеровой-Берзиной, Д. Шмаринова и др.³, лозунги которых подчас переводились на соответствующие иностранные языки. Подобная практика, визуализированная даже такие идеи, как еще недавно немыслимое братство по оружию с румынской армией⁴, свидетельствует о целенаправленном формировании не только положительного образа «другого», но и «своего» в контексте взаимодействия с «другими». С политической точки зрения в этом можно увидеть отдаленные контуры социалистического содружества времен холодной войны, в том числе и с бывшими странами Оси. Будущее же взаимоотношений с западными союзниками проявилось в одной из агиток следующим призывом: «Да здравствует победа англо-советско-американского союза над немецко-фашистскими захватчиками! Завершим разгром германского империализма! Обеспечим прочный мир между народами всего мира!» (1945) (выделено мной. – Е.Ф.). Очевидно, в это время перспектива развязывания новой конфронтации в советскую пропагандистскую риторику никак не входила.

Однако по итогам войны отношение к западным странам в обществе было неоднозначным и неоднородным. Проанализировав массив мнений военного времени, исследователь А.В. Голубев пришел к выводу, что как возможную долгую перспективу и под-

черкнуто доброжелательно союзнические отношения оценивала лишь довольно узкая прослойка интеллигенции, в то время как немалая часть советских людей была настроена более скептически [8. С. 377–378]. И если поначалу скепсис мог уравновешиваться памятью о братстве по оружию, то несколько позже, по мере распространения с Запада конфронтационной риторики, недоверие к бывшим союзникам в крайних проявлениях обрело форму открытой враждебности: «Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили «союзников». Надо было бы спустить их в Ла-Манш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием» [12. С. 128]. Причем изначально эти настроения подпитывались не столько официальной пропагандой, сколько различными слухами и домыслами о грядущей войне, особенно распространявшимися сразу после речи Черчилля в Фултоне, что дало даже повод для необоснованной паники [Там же]. Региональные источники по-своему характеризуют восприятие разворачивающегося мирового противостояния. Например, в «Информации о настроениях среди трудящихся Томской области» от 4 июля 1947 г. отмечается: «...некоторая часть населения выражает неприязнь к союзным (выделено мной. – Е.Ф.) государствам, особенно к Америке, Англии...». Затем идет ссылка на слова некого сверловщика Томского электромеханического завода (репатрианта) Федорова: «Война неизбежна, Америка и Англия сильнее Советского Союза – они выступят против нас, а наши люди ждали после войны свободную продажу хлеба и товаров, а ничего не получили, поэтому они также недовольны советской властью...» [13. Л. 50]. Из этого следует, что даже в середине 1947 г., когда ситуация холодной войны становилась все более очевидной, не одобрялись резкие высказывания на эту тему, особенно, если они дополнялись внутриполитическими выводами. «Для устранения ненормальных настроений среди части населения областные организации проводят необходимые меры» [Там же. Л. 51]. Такова была реакция властей на эти явления.

Однако среди советских людей было достаточно тех, для кого новая международная напряженность не стала ни поводом для паники, ни, тем более, мировоззренческим шоком. Об этом воспоминают старейшие сотрудники Томского государственного университета, говоря о себе и своих современниках. Так, С.В. Вольфсон⁵ солидаризировался с официальной точкой зрения властей на классовую природу разногласий холодной войны, как очередного витка противостояния капитализма и социализма [14], что само по себе не было чем-то идеологически новым для советского общества второй половины 1940-х гг. Со своей стороны Б.С. Жигалов⁶ отмечает, что никто особо не верил в угрозу большой войны, при этом лично ему казалось, что сложившееся положение сохранится надолго [15]. Несколько иначе на этот счет высказывается Ю.В. Куперт⁷: когда вновь возник конфликт, «все восприняли это как должное и это неудивительно, потому что отношение к союзникам было очень сложным, и оно стало сложным во время войны...» [16]. Ю.В. Куперт регулярно читал журнал

«Британский союзник», где встречал много текстов, указывавших «не на то, что они (британцы. – Е.Ф.) наши союзники, а на то, какие они хорошие, как много они делают, как страдает английский народ, как он приносит жертвы – все во имя победы над врагом» [16]. И на фоне разговоров о втором фронте, начавшихся уже в 1941 г. и сопряженных с постепенным ужесточением точки зрения Сталина на этот вопрос, позиция союзников и их реальные действия вызывали раздражение. Причем, в такие моменты окружающие обычно подмечали: «Чего вы хотите? англичане есть англичане» (выделено мной. – Е.Ф.) [Там же].

Несмотря на усилия советской пропаганды по формированию благоприятного образа союзников в годы войны, зыбкость оснований для единства, память о прошлых конфликтах, включая интервенцию 1918–1920 гг., сохраняла большое недоверие к ним [4. С. 204–205]. Возможность очень скорого открытого военного столкновения с западными странами не исключалась даже на фронте, в Берлине 1945 г.: «Вариант дальнейшего похода на Европу – война с нынешними союзниками – не казался невероятным ни мне, ни многим из моих однополчан», – вспоминал поэт-фронтовик Давид Самойлов [Там же]. А когда 11 марта 1946 г. в «Правде» вышла передовая статья «Черчилль бряцает оружием» и несколько позже появилась брошюра «Фальсификаторы истории» все «встало на свои места» [16]. Это подтверждается и откликами трудящихся Томской области, среди которых показательно мнение рабочего, комсомольца Коровина: «Для нас, советских людей, всегда (выделено мной. – Е.Ф.) была ясна подлая роль английских и американских империалистов. Пусть же теперь об их подлости узнает весь мир» [13. Л. 183]. Обсуждение этой брошюры Совинформбюро состоялось в конце февраля 1948 г., после чего риторике холодной войны был дан мощный моральный импульс.

Предпринятый выше небольшой срез общественного мнения первых послевоенных лет показывает в какой разной, постепенно накаляющейся обстановке начинали формироваться образы нового конфликта. Как можно убедиться, этому способствовал определенный опыт восприятия западных «союзников». Нельзя точно утверждать, что было первопричиной этих мнений: пропаганда или личное отношение. Или сказывалась чрезвычайная устойчивость еще довоенного образа, характеризующего эти государства как часть враждебного окружения, или решавшими стали сведения об их новых нападках на СССР, неуместных в отношении страны не только победившей в общей войне, но и наиболее пострадавшей в ней? Исследователи указывают на значимость обоих этих факторов [12. С. 128, 131]. В данном случае пропагандистская деятельность и перемены в общественном мнении представляли взаимозависящий и взаимодополняющий процесс. Хотя приведенное суждение военного времени – «англичане есть англичане» – похоже не столько на типичный советский классово обусловленный критерий, сколько на национальный стереотип, имеющий обычно более глубокую подоплеку.

Следует заметить, что знаменитая «Фултонская речь» Черчилля 5 марта 1946 г., считающаяся обще-

принятым, хотя и не бесспорным началом холодной войны, совершенно не повлияла на характер советского плаката. Сказывалось то, что конкретное воплощение идеологического противника, которое можно было бы положить в основу визуального образа, все еще не было очевидным. Исследователь А.В. Фатеев высказывает мнение, что перед правительством СССР вообще первое время стоял выбор – против какого конкретно западного государства следует направить основной пропагандистский удар, поскольку «главным виновником кризиса коалиции (антигитлеровской. – Е.Ф.) советское руководство считало правительство Великобритании» [9]. Хотя уже в июле 1946 г. посол США Смит отмечал, что «в советской печати нельзя найти ни одного слова, благоприятного для Соединенных Штатов» [1. С. 112]. Впрочем, рассказывая о митинге советско-американской дружбы (что само по себе символично) 2 декабря 1946 г. в Нью-Йорке, «Правда» доносила до читателей противоположную по смыслу идею, что «миллионы американцев» не разделяют действий «некоторых руководящих групп США» (выделено мной. – Е.Ф.) [17. 8 дек.]. Определенным спросом в советской прессе пользовались и мнения американских политиков, выступавших против усугубления тенденций холодной войны [Там же. 18 сент.].

Между тем в среде художников-плакатистов после прошедшей войны сохранялась идейная опустошенность: «...было очень нелегко сразу освоить новую тематику... когда начали определяться отношения с союзниками военных лет, мы несколько утратили чувство перспективы, и вместо того, чтобы смотреть вперед, все время оборачивались назад, отыскивая в прошлом новые образы и параллели», – вспоминал В. Корецкий [11. С. 106]. В том же 1946 г. ЦК ВКП(б) прямо указал на слабые стороны пропагандистской деятельности, и перед Управлением пропаганды и агитации была поставлена задача «широкого и постоянного разъяснения трудящимся принципов внешней политики советского правительства, вытекающих из коренных интересов советского народа», разоблачения «проводников новой войны», критики «империалистической внешней политики и буржуазной идеологии зарубежных стран» [18]. Не избежали нареканий и визуальные материалы. Например, было сказано, что из рисунков журнала «Крокодил» на внешнеполитические темы «мало что можно признать удачным» [19].

Так или иначе после Фултона, хотя далеко не сразу, на развитие внешнеполитических событий откликнулись карикатуры. Причем первая из них, опубликованная в «Правде» в 1946 г., от имени «международной демократии» клеймила как вероятных поджигателей войны не Запад в целом, а только некоторых фашистствующих европейских правых: «...хор разного-лосый: Ялчин и Андерс, Франко и хитосы...» [17. 1 мая]. Однако за их спинами можно увидеть полную фигуру в смокинге и цилиндре – то самое олицетворение буржуазии, которое еще с начала 1920-х гг. формировало стереотип чисто классовой неприязни. Попытка персонализировать образ врага, не прибегая

пока к обобщениям, присутствовала в карикатурах «Атомщик» [17. 3 нояб.] и «Команда поджигателей войны» [Там же. 7 нояб.]. В последней в числе антигероев, наряду с Черчиллем и американским медиамагнатом Херстом, был Б. Барух – государственный деятель США, первым употребивший термин «холодная война» в апреле 1947 г. За ним сатира закрепила репутацию главного «атомщика». И только в самом конце 1947 г. была создана посвященная приближавшемуся 30-летию советских вооруженных сил агитка-предостережение Б. Ефимова и Н. Долгорукова «Поджигателям новой войны следовало бы помнить позорный конец своих предшественников! (Н. Булганин)» (рис. 1). Это был первый известный автору плакат, персонально обличавший ряд западных политиков, среди которых, что интересно, оказался еще недавно популярный генерал де Голль.

Армейские материалы по-своему отразили и рост напряженности. «На страже мира и безопасности (выделено мной. – Е.Ф.) нашей Родины!» – гласил один из плакатов, вышедший в 1947 г. и выразивший готовность танкистов противостоять новым угрозам. Эта же идея доносилась как с помощью образа победоносного прошлого Советской армии и многочисленных поверженных ею врагов, служивших назиданием тем, кто снова решит помериться силой⁸, так и сюжетами «на злобу дня», когда в остроумной агитке В. Говоркова (1948) старший сержант, ветеран войны, говорит «Не балуй!» уже *Дяде Сэм* (рис. 2). В 1949 г. плакат Б. Воронцова «Враг хитер, в нем звериная злоба – смотри в оба!» впервые в рамках холодной войны призвал советских солдат к бдительности, сравнив с пауками руководимых извне шпионов, провокаторов, вредителей и, что примечательно, «распространителей ложных слухов»⁹. В целом, став значимой частью положительных плакатных образов, *военные* изображались в 27 агитках 1947–1953 гг. и связывались преимущественно с оборонной проблематикой.

Рис. 1 (худ. Б. Ефимов)

Рис. 2 (худ. В. Говорков, 1948 г.)

Рис. 3 (худ. М. Черемных, 1949 г.)

Таким образом, уже к 1948 г. изображение врага впервые обрело американские черты. Что касается Великобритании, то к началу 1950-х гг. стало окончательно ясно, что «сама Англия, потрепанная и ослабленная войной, стала превращаться в американского вассала» [9]. В марте 1949 г. утвержден четкий по своей направленности «План мероприятия по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время». В соответствии с ним издательству «Искусство» было поручено «выпустить массовым тиражом сатирические плакаты на антиамериканские темы» [20], который мог доходить до 200 тыс. экземпляров. Универсальное же понятие *поджигатель войны*, оставлявшее определенное пространство для маневра в трактовке врага, подчас не указывая прямо на национальную и даже классовую его принадлежность, присутствовало в 15 плакатных лозунгах вплоть

до 1952 г. Иногда оно обнаруживалось даже в самых неожиданных сюжетах. Например, в плакате, изданном в Астрахани: «Больше рыбы для страны – крепче удар по поджигателям войны!» (1950) – здесь можно наблюдать и карикатурных западных политиков, и простого советского рыбака, и даже огромную рыбу, которую он ловит. Любопытное смешение конкретных персонажей и национально окрашенных образов произошло в работе художника П. Голубя «За прочный мир! За народную демократию! Против поджигателей новой войны!» (1949), где как «поджигатель» наряду с «реальным» Черчиллем выступает символический Дядя Сэм, бесспорно олицетворяющий США в целом.

На этом фоне распространилась контрастная, ключевая в категориальном ряду имагологии, поляризация *«Мы – Они» (при социализме – при капитализме)* (рис. 3). Она нашла отражение в 13 работах В. Корецкого, М. Черемных, В. Брискина, К. Иванова и других авторов, вышедших в 1948–1953 гг. Причем всплеск создания подобных плакатов пришелся на первый год. Использовавшийся в них прием определил дух холодной войны: четко разделил «своих» и «чужих» на текстовом уровне, а на образном – наглядно демонстрировал параметры сравнения, говорящие в пользу социализма. Объектом обличительной критики стали безработица, постоянная в странах капитала, приниженное положение простых рабочих, незащищенность материнства и детства. Альтернативой являлись стопроцентная занятость, востребованность и социальное уважение в странах социализма. В пользу социалистического строя должно было говорить единство народов СССР, в то время как остроту расовых конфликтов в США олицетворял связанный веревкой чернокожий человек на фоне Статуи Свободы¹⁰. Капитализм обусловливал обреченность даже самых талантливых людей, выбрасывание их на дно жизни¹¹. Другим атрибутом такой пропаганды, призванным отражать своего рода количественные преимущества социализма, была статистика. Примером тому служит сатирическая агитка о разнице темпов роста промышленности у противоборствующих сторон, усиленная цитатой В. Молотова¹². Или же плакат на тему школьного образования: в СССР школы строятся, в США – закрываются, поскольку львиная доля государственных расходов там идет на военные нужды¹³. Таким образом, косвенно до общества доносилась идея о том, что Америка – это наращивающий огромную военную мощь потенциальный агрессор.

Наглядная агитация прямо указывает, что многое из отрицательного контекста обрело конкретную родину, говоря языком лозунгов об «Американском образе жизни», «Свободе по-американски», силе «Американской “цивилизации” в Корее»¹⁴. Помимо противопоставлений *«Мы – Они»*, США упоминаются в 13 плакатах за 1948–1953 гг. Обличительному настрою служат самые узнаваемые символы Америки: уже упоминавшиеся выше Статуя Свободы (всего встречается дважды), Дядя Сэм (6 раз), а также символ темной власти капитализма – доллар (24 раза!).

В 1952 г. в плакатных материалах наблюдается также масштабное разоблачение американской военщины, преступно применявшей бактериологическое оружие, но сдавшей свои позиции в Корейской войне¹⁵. Разного рода **милитаристы** стали главными антигероями советского плаката, найдя отражение в 14 антагонистических образах. Антивоенная тема впечатляла современников. Так, американский корреспондент А. Уилфред Мэй, пребывавший в годы Корейской войны в Москве, «был поражен “ужасающей круглосуточной” пропагандой, главной темой которой была бактериологическая война, ведущаяся Соединенными Штатами в Корее» [1. С. 353]. С точки зрения пропагандистов, свою милитаристскую сущность США обнажили, став и главным инициатором создания НАТО в 1949 г. На языке образов эту тему отразил, например, сатирический плакат В. Говоркова «Фразы... и базы» (1952), в сюжете которого под демагогическим прикрытием спасения мира от коммунистической угрозы осуществляется намерение превратить Европу в плацдарм для будущей агрессии. Формой сатиры на саму идею «европейского содружества», как на лицемерную и обреченнную на скрытую вражду, стал плакат-карикатура Я. Семенова: «Ясна, понятна для любого цена “содружества” такого: улыбка на губах, елей в речах, в мыслях – ложь, за спиной – нож!» (1952).

Содержание рассмотренных выше материалов укладывается в процесс формирования образа врага в начале холодной войны. Собственно, возникновение ярко выраженного врага и характеризует ее именно как войну, однако для достижения морального превосходства над противником предполагался менее категоричный взгляд на внешний мир. Даже в самых острых выпадах советской пропаганды человек на Западе представлял лишь как жертву пороков капиталистической системы, толкающей его «на самые гнусные поступки и преступления» [21]. Все это давало повод для визуализации альтернативного **образа другого**. Такова была, например, работа художника А. Доброда, иллюстрировавшая весьма показательный лозунг: «Простые люди стран капитала за мир и дружбу с Советским Союзом» (1952). Она достигла высокой степени символизма, изобразив рукопожатие советского и западного рабочего на фоне красного знамени и московской высотки с одной стороны, и заполненной колонной демонстрантов улицы, видимо нью-йоркской, – с другой. Столь подробно описывать этот плакат стоит потому, что он воспроизводит наиболее распространенные для данной тематики символы: **рукопожатия, знамена и флаги, колонны людей** в едином строю – все это атрибуты формирования плакатом идей **мира, интернационализма**, а также **союзничества** в рамках зарождающегося соцлагеря.

Само понятие «мир» становится ведущим, встречающимся в 74 плакатах из 147 за период 1947–1953 гг.! Нередко по контексту оно противопоставлено своим семантическим антонимам – **войне** или **вражде** – зафиксированным 27 и 20 раз соответственно. Динамика его использования прямым образом сочетается с

внешнеполитическими событиями. Так, чаще всего «мир» появляется в плакатах 1950 и 1953 гг. (16 и 22 раза). Первый всплеск можно связать с расцветом деятельности конгрессов сторонников мира, с успехом прошедших во многом под эгидой СССР в 1949 и 1950 гг. Их идеи, нашедшие отражение в различных возвзваниях, непосредственно пропагандировались сразу в трех известных автору плакатах¹⁵. В каждом из них главная героиня – женщина, а в работе художника К. Иванова «Миру – мир!» – женщина с ребенком. Все это ярко демонстрирует зарождение тенденции, согласно которой мирная риторика сопровождалась именно женскими и детскими образами, как в большей степени вызывавшими чувство ответственности. В этот период вместе они составили около 40% изображений, рассматриваемых в гендерном аспекте. По воспоминанию В. Корецкого, именно тема мира привнесла новый «необходимый эмоциональный заряд» в создание плакатов художниками [11. С. 108–109].

Вместе с тем пропаганда иногда критиковалась за чрезмерный пацифизм. В сентябре 1952 г. в отдел пропаганды ЦК М.А. Суслова была направлена записка: «Всесторонняя и глубокая пропаганда борьбы за мир... нередко подменяется в печати публикацией поверхностных материалов, изобилующих пацифистскими рассуждениями» (цит. по: [12. С. 133]). С точки зрения визуализации верхом этого стал размещененный ко дню Красной армии на обложке журнала «Крокодил» безоружный советский солдат с «белым голубком в руках», признанный совершенно неверным, после чего было решено усилить активное, наступательное начало пропаганды, в том числе через тему бдительности [Там же. С. 134]. Впрочем, необходимо добавить, что данный пример носит скорее крайний, наиболее курьезный характер. Ведь оказавшийся в центре внимания широко известный **«голубь мира»** встречается в плакатах за период 1947–1953 гг. лишь 4 раза, в то время как разного рода **вооружение**, которым оснащены как готовящиеся к агрессии западные милитаристы, так и укрепляющие оборону советские войска, изображено в 68 агитках! Так или иначе второй всплеск темы мира пришелся в плакате именно на 1953 г., на что, вероятнее всего, повлияло завершение Корейской войны.

Что касается **интернационализма**, то напрямую это понятие практически не употребляется в лозунгах, но как принцип оно было заложено в некоторые другие текстовые конструкции и различные слова-выразители **солидарности**: «народы мира», «весь мир», «международный», «единство», «миллионы», «вместе», «каждый» и т.п. Все они, начиная с 1948 г. и с тенденцией к закреплению в 1953 г., неизменно присутствуют в плакатах (29 раз). К источникам формирования образа положительного «другого» можно также отнести и 11 упоминаний в лозунгах союзников СССР по социалистическому содружеству¹⁶. Надо сказать, интернационалистическое миропонимание не являлось чем-то новым для советского плаката рассматриваемого периода. Однако применительно к специфике начального периода холодной войны проведенный анализ показал наличие одного важного

обстоятельства: все чаще в одном ряду борцов за высокие гуманистические идеалы оказывались не только трудящиеся братья по классу, но и просто единомышленники, наделенные своим колоритом, разнообразным по национальным, расовым и даже социальным чертам¹⁷.

Предпринятая выше реконструкция образного ряда советских плакатов 1944–1953 гг., связанных с внешнеполитической обстановкой, приводит к следующим выводам. С точки зрения хронологии холодной войны визуальная пропаганда ярко отражает изменение взгляда на саму идею новой международной конфронтации. После опыта формирования позитивного образа Запада в военное время, в 1946 г. сначала в одних только карикатурах, а с 1947 г. и непосредственно в плакате, ведется борьба с идеологами, «поджигателями» войны, персонифицированными в виде отдельных европейских и американских политиков. И только в 1948 г. в советских плакатах начинается полномасштабная информационная холодная война в логике, сохранявшейся с небольшими ситуативными изменениями вплоть до перестройки – противостояние социализма и капитализма в рамках геополитического соперничества СССР и США, – о чем ясно свидетельствует появившийся образ символического Дяди Сэма, к отпору враждебным замыслам которого призывали лозунги.

Избрание данного образа подчеркнуло межгосударственный формат конфронтации и существенную роль в пропаганде национально ориентированной стереотипизации. Впрочем, в советском плакате оставались сильны и давние традиции социально-классового отношения к врагу, изображавшем его в виде одетой в смокинги и цилинды буржуазии или гротескно увешанной оружием военщины. А то, что, например, брюки буржуа окрашены в «звездно-полосатые» цвета и на фуражке милитариста знак доллара, можно объяснить признанием объективной данности: главным политическим и идеологическим оппонентом СССР в холодной войне стали именно правящие круги США. Другой распространенный атрибут конфликта наций, воплощающийся в их жесткой поляризации на «Мы–Они», хотя и присутствовал в плакате, но обладал своей спецификой, выразившейся в том, что противопоставлялись не столько люди как таковые, сколько условия, в которых они находились. Все это давало возможность параллельного использования образа альтернативного «другого». Независимо от дружественности государств, к которым он принадлежал, он мог рассматриваться как единомышленник.

Вопрос же о соотношении «реального» и «воображаемого» в советском плакате – наиболее сложный для однозначного ответа. Концептуально, по этому поводу можно солидаризироваться с исследователем В. Мейстером: «Любая идеологическая иллюзия является отражением социальной реальности, коренится

в материальной основе общественного бытия» [22]. Небольшой срез общественного мнения, представленный в данной статье, показал, что у советских граждан существовали определенные предпосылки для конфронтационного восприятия Запада, истоки которых лежат и вне пропаганды. Также примечательно, что первые образы врага в плакате холодной войны были обращены к армейской среде, которая, с одной стороны, уже имела непосредственный опыт взаимодействия с иностранцами в военное время, а с другой – в большей степени вероятности могла столкнуться с ними в ходе нового, даже ограниченного, конфликта. Свидетельством спроса на образ врага можно считать замечания, опубликованные в апреле 1952 г. в статье «Правды» «Улучшить качество политического плаката», где констатировалось, что именно к сатирическим плакатам «советские люди проявляют большой интерес», и подчеркивалось, что данные материалы – «острейшее оружие борьбы с растленной буржуазной идеологией, с поисками империалистических агрессоров... Трудящиеся часто присыпают в издательства и редакции свои предложения, темы и сюжеты для плакатов и сатирических рисунков» [23. 25 апр.]. Хотя коренные мотивы подобных инициатив «снизу» и степень влияния на них уже имевших место официальных пропагандистских практик, безусловно, нуждаются в отдельной проверке источниками.

Вообще, размыщение о соотношении «воображаемого» и «реального» в моделях восприятия «другого» или «врага» наталкивает на два альтернативных допущения: либо «воображаемое» настолько живуче, что на протяжении долгих лет почти сверхестественно подавляет «реальное»; либо первопричиной любого образа является какой-нибудь аспект реального опыта, а воображаемые дискурсы – лишь определенные ситуативные штрихи к нему. Склоняясь ко второму суждению, отметим, что современные события показали, как взаимоотношения Запада и России (Востока в широком смысле) в конфронтационном варианте пережили и СССР, и борьбу капитализма с социализмом. Собственно, в проанализированных лозунгах советских плакатов на внешнеполитические темы «коммунизм», «социализм» и «капитализм» как таковые далеко не всегда занимали центральное место¹⁹. Как представляется, суть международных отношений во все времена и формации сводится к отстаиванию национальных интересов и убеждению в их значимости наибольшего количества соотечественников и не только. А образы в данном случае – это некая выборка порой вполне реалистичных фактов, которая помогает решать эту задачу. Так и холодная война может рассматриваться не как конкретный исторический период, а метод ведения политической и идеологической борьбы. И хотя возникновение и применение метода исторично, сам по себе хронологически он не имеет ни начала, ни конца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источниковой базой статьи послужили находящиеся в Интернете в свободном доступе частные коллекции плакатов, каталоги ряда аукционных домов и библиотек, а также некоторые другие тематические сайты, на которых публиковались их электронные репродукции.

² Оригинал плаката хранится в Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации (г. Москва).

³ См., например, А. Кокорекин «Смерть фашизму! Свободу народам» (на чеш. яз.) (1944), А. Кейль «Фашистскому зверю не уйти!» (на венг. яз.) (1945); М. Нестерова-Берзина «Спасибо вам за спасение Родины!» (на пол. яз.) (1945); также о распространении плаката Д. Шмаринова «Красная Армия несет освобождение от фашистского ига!» (1944) на польском, чешском, румынском и венгерском языках вспоминал художник В. Корецкий [11. С. 99].

⁴ Неизвестный автор «Румынская армия плечо-к-плечу с победоносной Красной Армией сражается для уничтожения захватчиков гитлеристов» (на рус. и рум. яз.) (1944).

⁵ Савелий Вольфович Вольфсон (род. 1931) – историк, доцент Томского государственного университета. В 1944–1953 гг. – школьник, затем студент историко-филологического факультета ТГУ.

⁶ Борис Степанович Жигалов (род. 1932) – историк, доцент Томского государственного университета. В 1944–1953 гг. – школьник, затем студент историко-филологического факультета ТГУ.

⁷ Юрий Васильевич Куперт (род. 1931) – историк, профессор Томского государственного университета. В 1944–1953 гг. – школьник, затем студент историко-филологического факультета ТГУ.

⁸ См., например, И. Семенов «Мы врага встречаем просто: из послужного списка советской армии...» (1948).

⁹ Интересно, что плакат известен в двух вариантах изображения главного антагониста в центре паутины: в первом – это паукообразное существо, внешне напоминающее У. Черчилля; во втором – это полная, безобразная фигура, в цилиндре цветов американского флага.

¹⁰ В. Корецкий «При капитализме... при социализме» (1948).

¹¹ В. Корецкий «Дорога таланта... дорогу талантам» (1948).

¹² В. Говорков «Те же годы, да разные “погоды”» (1950).

¹³ К. Иванов, В. Брискин «В 1951–1955 годах строительство городских и сельских школ увеличивается, примерно на 70% по сравнению с предыдущим пятилетием. В США: ассигнуется по бюджету на народное просвещение 1% и 74% на военные расходы. В США насчитывается свыше 10 миллионов неграмотных: около одной трети детей школьного возраста не учатся» (1953).

¹⁴ Речь идет о работах М. Черемыниха (1949), Б. Ефимова и Н. Долгорукова (1950), Кукрыниксов (1952). Последняя в форме обличительной карикатуры публиковалась также в номере «Правды» от 27 февраля 1952 г.

¹⁵ См., например, Н. Долгоруков «К ответу! Не скряться злодеям от гнева народов!» (1952); К. Иванов, В. Брискин «Остановить преступников» (1952); В. Брискин «Пошли по шерстя, а вернулись стрижеными» (1952).

¹⁶ Л. Лавров «Отстоим мир!» (1950); И. Кружков «Матери всего мира, вставайте на защиту мира! Борьба против поджигателей новой войны!» (на укр. яз. 1950); К. Иванов «Миру – мир!» (1951).

¹⁷ См., например, В. Иванов «Да здравствует дружба народов СССР и Китая» (1949); С. Забалуев «За дружбу советского и германского народов! Во имя мира во всем мире!» (1953).

¹⁸ См., например, Н. Ватолина «Каждый, кто честен, встань с нами вместе!» (1953).

¹⁹ Понятие «коммунизм» и синонимичные ему встречаются 6 раз; «социализм» – 4; «капитализм» – 8 (кроме некоторых случаев их использования в рассмотренной отдельно теме «Мы – Они»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007. 592 с.
2. Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. 640 с.
3. Дискуссия «У истоков «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 10. С. 129–146.
4. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.
5. Поршинева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 126–129.
6. Поляков О.Ю. Становление и развитие категориального аппарата имагологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 125–134.
7. Трыков В.П. Имагология и имагоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120–129.
8. Голубев А.В., Поршинева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. 392 с.
9. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954. М., 1999. URL: <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm>, свободный (дата обращения: 02.12.2015).
10. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013. 194 с.
11. Корецкий В.Б. Заметки плакатиста. М., 1958. 168 с.
12. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. 229 с.
13. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 607. Оп. 1. Д. 727 (1)
14. Интервью с Савелием Вольфовичем Вольфсоном. Томск. Ноябрь 2015 г. // Личный архив автора.
15. Интервью с Борисом Степановичем Жигаловым. Томск. Ноябрь 2014 г. // Личный архив автора.
16. Интервью с Юрием Васильевичем Купертом. Томск. Февраль 2014 г. // Личный архив автора.
17. Правда. 1946.
18. Проект постановления ЦК ВКП(б) «об освещении внешнеполитических вопросов в советской печати и о советской пропаганде за рубежом» от 13.08.1946. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69294> (дата обращения: 02.12.2015).
19. Докладная записка агитпропа ЦК ВКП(б) А.А. Жданову по вопросу контроля над внешнеполитическими материалами журнала «Крокодил» от 10.09.1946. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69298> (дата обращения: 02.12.2015).
20. План мероприятия по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время. Документ агитпропа ЦК от 01.03.1949. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69577> (дата обращения: 02.12.2015).
21. План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ агитпропа ЦК от 18.04.1947. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69334> (дата обращения: 02.12.2015).
22. Мейстер В.Б. «Социалистический лагерь»: общество и идеология. URL: http://scepsis.ru/library/id_80.html (дата обращения: 02.12.2015).
23. Правда. 1952.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 января 2016 г.

THE BEGINNING OF THE COLD WAR AS DEPICTED IN THE SOVIET POSTERS OF 1944–1953

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 147–155. DOI: 10.17223/15617793/40/24

Fedosov Egor A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

Keywords: Cold War; Soviet posters; enemy image; international relations; USSR.

The topic of the Cold War has lost neither political, nor scientific relevance in the works of researchers. In particular, yet little attention has been paid to Soviet posters as a system of textual and visual images which among other means of propaganda formed a specific perception of the conflict between the USSR and the West. The main aim of this article is to reconstruct and to analyze the images of the Soviet posters of 1944–1953 reflecting the character of changes of the foreign policy agenda at the beginning of the Cold War. It is necessary to disclose two relevant aspects of the research. Firstly, the transformation of the international situation as depicted by visual sources introduces alterations in the general discussion about the essence and the periodization of the Cold War. Secondly, the content of posters touches on such significant questions as the logic of polarization of the natives and the aliens in terms of the conflict; the level of relevance in propaganda of national and social stereotypes; the proportion of “the real” and “the imaginary” in it. These are all the factors which affected the Soviet identity as a whole. To this end, the main verbal and non-verbal images have been elicited and systematized by the means of content- and intent-analysis out of 168 posters. The reconstruction has shown that the experience of the forming positive image of the West during the Second World War was followed by the struggle waged against “warmongers” as new war ideologists in the person of some European or American politicians first in caricatures in 1946, then in posters since 1947. It was only in 1948 that a full scale Cold War in Soviet posters started as a geopolitical rivalry between the USSR and the USA, accompanied by the appearance of the symbolic Uncle Sam’s image. Another aspect of the nations’ conflict expressed in posters in the form of a very rigid polarization of “We–They” with a particular emphasis not on people themselves, but on their life conditions. All these gave an opportunity of using the image of “the Other” that could be perceived as an adherent. The question about the proportion of “the real” and “the imaginary” in Soviet posters is the most difficult to define. Soviet citizens seem to have had real causes for a critical attitude to “the West”, and it was not explained only by the effects of propaganda that contributed to some specific features of appreciation, which could be characterized as part of “the imaginary”. Images on the posters should be considered as examples of quite realistic facts solving the tasks of propaganda. This circumstance allows believing the Cold War was not only a historical period, but a method of political and ideological struggle, without any chronological frames.

REFERENCES

1. Bystrova, N.E. (2007) *SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945–1955 gg.)* [The USSR and the formation of a military-bloc confrontation in Europe (1945–1955)]. Moscow: Kuchkovo pole, Giperboreya.
2. Egorova, N.I. & Chubar’yan, A.O. (eds) (2003) *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* [The Cold War. 1945–1963. A Historical Retrospective]. Moscow: Olma-Press.
3. Mezhdunarodnaya zhizn’. (1990) Diskussiya “U istokov “kholodnoy voyny”” [Discussion “At the root of the Cold War”]. *Mezhdunarodnaya zhizn’*. 10. pp. 129–146.
4. Senyavskaya, E.S. (2006) *Protivniki Rossii v voynakh KhKh veka: evolyutsiya “obrazov vracha” v soznanii armii i obshchestva* [Russian opponents in the wars of the twentieth century: the evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN.
5. Porshneva, O.S. (2014) Istoricheskaya imagologiya v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [Historical imagology in modern Russian historiography]. In: *Ural industrial’nyy. Bakuninskie chteniya: Industrial’naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.* [Industrial Ural. Bakunin Readings: Industrial modernization of the Urals in the 18th–21st centuries]. Ekaterinburg: Ural Federal University.
6. Polyakov, O.Yu. (2014) Stanovlenie i razvitiye kategorial’nogo apparaata imagologii [Formation and development of the categorical apparatus of imagology]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 9. pp. 125–134.
7. Trykov, V.P. (2015) *Imagologiya i imagopoetika* [Imagology and imagopoetics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 3. pp. 120–129.
8. Golubev, A.V. & Porshneva, O.S. (2012) *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of the World Wars]. Moscow: Novyy khronograf.
9. Fateev, A.V. (1999) *Obraz vracha v sovetskoy propagande, 1945–1954* [The image of the enemy in Soviet propaganda, 1945–1954]. [Online]. Available from: <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm>. (Accessed: 02 December 2015).
10. Voroshilova, M.B. (2013) *Politicheskiy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: Keys to reading]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
11. Koretskiy, V.B. (1958) *Zametki plakatista* [Notes of a poster artist]. Moscow: Sovetskiy khudozhhnik.
12. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost’*. 1945–1953 [The post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
13. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast. Fund 607. List 1. File 727 (1). (In Russian).
14. Fedosov, E.A. (2015) *Interv’yu s Saveliem Vol’fovichem Vol’fsonom* [Interview with Saveliy Volfson]. Tomsk. November. Private Archive.
15. Fedosov, E.A. (2014) *Interv’yu s Borisom Stepanovichem Zhigalovym* [Interview with Boris Zhigalov]. Tomsk. November. Private Archive.
16. Fedosov, E.A. (2014) *Interv’yu s Yuriem Vasil’evichem Kupertom* [Interview with Yuri Kupert]. Tomsk. February. Private Archive.
17. *Pravda*. (1946).
18. A. Yakovlev Foundation. (1949) *Proekt postanovleniya TsK VKP(b) “ob osveshchenii vneshnopoliticheskikh voprosov v sovetskoy pechati i o sovetskoy propagande za rubezhom” ot 13.08.1946* [Draft Resolution of the CPSU (b) “about the coverage of foreign policy issues in the Soviet press and Soviet propaganda abroad” of 13.08.1946]. [Online]. Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69294>. (Accessed: 02 December 2015).
19. A. Yakovlev Foundation. (1949) *Dokladnaya zapiska agitpropa TsK VKP(b) A.A. Zhdanovu po voprosu kontrolya nad vneshnopoliticheskimi materialami zhurnala “Krokodil” ot 10.09.1946* [Memorandum of the CPSU (b) CC propaganda unit to A.A. Zhdanov on the control of foreign materials in the Crocodile magazine of 10.09.1946]. [Online]. Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69298>. (Accessed: 02 December 2015).
20. A. Yakovlev Foundation. (1949) *Plan meropriyatiya po usilenuyu antiamerikanskoy propagandy na blizhayshie vremya. Dokument agitpropa TsK ot 01.03.1949* [Plan of measures to strengthen the anti-American propaganda in the near future. Document of the CC propaganda unit of 01.03.1949]. [Online]. Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69577>. (Accessed: 02 December 2015).
21. A. Yakovlev Foundation. (1947) *Plan meropriyatiy po propagande sredi naseleniya idey sovetskogo patriotizma. Dokument agitpropa TsK ot 18.04.1947* [Action Plan for the promotion of the ideas of Soviet patriotism in society. Document of the CC propaganda unit of 18.04.1947]. [Online]. Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69334>. (Accessed: 02 December 2015).
22. Meyster, V.B. (2003) “*Sotsialisticheskiy lager’*”: *obshchestvo i ideologiya* [“Socialist camp”: society and ideology]. [Online]. Available from: http://scepsis.ru/library/id_80.html. (Accessed: 02 December 2015).
23. *Pravda*. (1952).

Received: 18 January 2016

СУЭЦКИЙ КРИЗИС 1956 Г. – ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ?

Суэцкий кризис 1956 г. до сих пор вызывает пристальный интерес отечественных и зарубежных историков. Автор, обращаясь к истории англо-франко-израильской интервенции, выстраивает материал статьи вокруг поиска ответа на вопрос о том, можно ли считать события осени 1956 г. поворотным моментом британской внешней политики. Такая постановка проблемы обусловлена появлением так называемого ревизионистского направления в британской историографии, в рамках которого был представлен новый взгляд на события, связанные с Суэцким кризисом 1956 г.

Ключевые слова: Суэцкий кризис 1956 г.; Великобритания; А. Иден; историография Суэцкого кризиса; Венгерский кризис 1956 г.

Суэцкий кризис 1956 г. без преувеличения остается одним из самых заметных международных событий эпохи холодной войны. История кризиса от национализации Суэцкого канала президентом Египта Г.А. Насером до проведения и завершения англо-франко-израильской операции, казалось бы, досконально изучена. Открытие в несколько этапов с 1990-х гг. до истечения срока давности архивов Великобритании и других стран наряду с окончанием холодной войны действительно позволило историкам составить всеобъемлющую и более объективную, чем в период острой конфронтации западных стран и СССР, картину событий 1956 г.

Однако в зарубежной, прежде всего британской, историографии по-прежнему дискуссионным остается вопрос о значении Суэцкого кризиса и его влиянии на последующую внешнюю и колониальную политику Великобритании и вектор развития международной политики в указанный период.

В 1990-е гг. были открыты британские архивы, продолжилась публикация американских документов послевоенного времени, в 2003 г. были опубликованы рассекреченные советские документы Архива внешней политики Российской Федерации, относящиеся к ближневосточной политике СССР в 1947–1967 гг. [1].

Эти новые источниковые материалы позволили внести важные уточнения в событийную канву Суэцкого кризиса 1956 г. и предшествующих событий.

В 1952 г. к власти в Египте пришла оппозиция во главе с полковником Г.А. Насером. Лояльная британским властям монархия пала, и была провозглашена республика. Египет, формально никогда не являвшийся британской колонией, входил в сферу интересов Великобритании. Смена режима была воспринята в Лондоне с тревогой.

В 1954 г. с новым египетским руководством Британия заключила договор, в соответствии с которым Великобритания в июне 1956 г. вывела войска из Египта, но база в зоне канала – одна из крупных британских военных баз на Ближнем Востоке – продолжала действовать до истечения срока соглашения, заключенного на 7 лет.

Примечательно, что в меморандуме министра иностранных дел А. Идена, подготовленном еще в конце октября 1952 г., эта база рассматривалась как «хотя и желательная», но «не абсолютно необходимая». Од-

нако, исходя из вопросов снижения расходов по быстрой ликвидации базы, было решено оставить в соглашении 1954 г. пункт о сохранении базы до 1961 г. [2. Р. 118].

К началу июня 1956 г. чиновники из министерства финансов, Форин оффис и министерства обороны подготовили меморандум, в котором ставилась задача снижения международных обязательств Британии в связи с уменьшением экономического потенциала и финансовыми трудностями страны [Ibid. Р. 61].

Еще в начале 1956 г. канцлер казначейства Г. Макмиллан докладывал, что золотые и долларовые резервы страны упали с максимума в 1,078 млн ф. ст. в июне 1954 г. до 757 млн ф. ст. Другая проблема, принявшая хронический характер, была связана с превышением импорта над экспортом [3. Р. 3].

Все эти трудности, выхода из которых в ближайшей перспективе не просматривалось, обусловливали уменьшение внешнеполитических обязательств Британии. Иначе страна ставила под угрозу, считали эксперты, свою способность «играть действенную роль в международных делах» [2. Р. 61]. Интересы Великобритании, как отмечалось в меморандуме трех ведомств, в первую очередь были связаны с интересами Содружества и странами стерлинговой зоны.

Для того чтобы сократить обязательства страны за границей, авторы документа рекомендовали отказаться от британской базы в зоне Суэцкого канала. При этом эксперты признавали, что район Ближнего Востока стал «решающим театром действий в политическом отношении». Руководству страны рекомендовалось развивать невоенные методы поддержания и расширения влияния в регионе, включая техническую помощь и информационные службы, а также совершенствование британских разведслужб [Ibid. Р. 71, 74].

Тем временем молодая египетская республика в лице президента Г.А. Насера ставила задачи по созданию сильной боеспособной армии (25% бюджета страны стали составлять военные расходы), необходимой для отражения возможной израильской агрессии. Летом 1954 г. было достигнуто соглашение с Соединенными Штатами о поставках оружия Египту, но в начале февраля 1955 г. произошло первое крупное нападение Израиля на Египет в районе Сектора Газа. Нападению подверглись казармы египетских частей, расположенных в этом палестинском городе, по-

павшем после перемирия 1949 г. под административное управление Египта. В результате рейда было убито несколько десятков египетских солдат и офицеров, много мирных жителей. Тель-Авив продемонстрировал, что Каир ничего не может противопоставить нападающей стороне из-за отсутствия современного оружия [4. С. 263].

Насеру срочно потребовалось вооружение в большем объеме на случай войны с Израилем. Американское правительство выдвинуло условия, неприемлемые для египетского руководства, в частности США требовали оплату за оружие только в наличных долларах, которыми Египет в достаточной сумме не располагал [5. Р. 229].

В начале марта 1955 г. А. Иден изложил свои впечатления от посещения столиц ближневосточных стран по пути на конференцию участников Манильского договора в Бангкоке. По итогам визита в Каир он пришел к мнению, что недавний инцидент в Газе делает сближение Египта и Израиля пока невозможным [6. Р. 3]. В течение апреля – сентября 1955 г. вооруженные конфликты на границе в районе Газы следовали непрерывно одно за другим.

Крупное нападение израильских войск на египетскую территорию было также совершено в ночь с 1 на 2 ноября 1955 г., в результате которого египетская сторона потеряла 50 человек убитыми и 40 ранеными. На очередное обращение представителей ООН вывести войска из захваченного района и не мешать специальной комиссии ООН в ее деятельности по нормализации обстановки на этом участке линии египетско-израильского разграничения Тель-Авив ответил категорическим отказом [7. С. 86].

В этих условиях Г.А. Насер обратился с просьбой о продаже оружия к Советскому Союзу, которого привлекала возможность усилить свое влияние на Ближнем Востоке. Перед тем как предпринять этот шаг, президент Египта несколько раз безуспешно обращался к правительствам США и Великобритании за помощью в решении этого вопроса [8. Р. 654–655].

Советско-египетское сближение началось в 1953 г. В конце 1953 – начале 1954 г. Каир направил в СССР и некоторые страны народной демократии экономическую делегацию во главе с заместителем военного министра генералом Рагабом. Во время пребывания делегации в Москве советское руководство выразило готовность оказать Египту помощь в области строительства промышленных предприятий и ирригационных систем [1. С. 304–305].

Летом 1954 г. Москва и Каир обсудили вопрос об оказании Советским Союзом финансовой и технической помощи Египту в строительстве крупной ирригационной системы в районе Асуана на сумму свыше 1 млрд инвалютных рублей.

Однако когда советская сторона заявила о необходимости предварительного ознакомления советских специалистов с объектом работ на месте, египетское правительство уклонилось от предоставления разрешения на эти мероприятия [Там же. С. 305].

26 июля 1956 г. на митинге в Александрии, посвященном четвертой годовщине свергнувшей монар-

хию революции, президент Египта Г.А. Насер объявил о национализации Всеобщей компании морского Суэцкого канала. Эта кампания находилась в англо-французском владении и получала основные доходы от Суэцкого канала. Эти доходы, по оценкам президента Насера, были равны 34 млн египетских фунтов в год (из которых Египет получал не более 1 млн ф. ст.) и составляли почти 10% оценочной стоимости масштабной программы строительства плотины на Ниле [9. С. 4–6].

С осуществлением масштабного Асуанского проекта Г.А. Насер связывал развитие промышленности и сельского хозяйства в стране. Строительство на реке Нил выше г. Асуан высотной плотины с мощной гидроэлектростанцией и создание разветвленной оросительной системы могли позволить Египту увеличить площадь культивируемых земель до 800 тыс. га и наладить производство электроэнергии для промышленных предприятий. Значение проекта для Египта было очень велико, но финансировать его самостоятельно Каир не имел экономических возможностей.

Еще в конце 1955 г. свою помощь в осуществлении Асуанского проекта предложили США и Великобритания. Стоимость строительства плотины оценивалась в 1,4 млрд долл., включая 400 млн в твердой валюте, из которых Международный Банк Реконструкции и Развития (МБРР) должен был выделить 200 млн, США и Великобритания – соответственно 56 и 14 млн сразу, а остальные 130 млн позднее [10. Р. 145].

Однако по мере сближения Египта с Советским Союзом, особенно на фоне обозначившегося в 1955 г. военного сотрудничества, эта помощь стала обуславливаться разными оговорками и условиями, приведшими к отказу Лондона и Вашингтона спонсировать египетский проект.

В отказе Британии от помощи Насера, кроме политических причин, важную роль играли экономические факторы. Правительственные эксперты сомневались в способности Каира вернуть огромный заем, предоставить который стесненная в средствах страна была готова только в обмен на лояльность насыщенного режима, рассчитывать на которую в сложившихся условиях не приходилось.

Определенную роль сыграли также слухи о финансировании строительства плотины Москвой [11. Р. 141–142]. Глава ЦРУ США А. Даллес озвучил не соответствующую действительности информацию о том, что глава советского МИДа Д.Т. Шепилов во время своего ближневосточного турне предложил Египту помочь в виде беспроцентного займа в 400 млн долл. при аннулировании долга за военные поставки. Запущенная дезинформация «преследовала цель распространить блоковую конфронтацию на ближневосточный регион» и пресечь попытки Насера использовать противостояние двух сверхдержав в собственных интересах [12. С. 365].

Немаловажным был и тот факт, что «хлопковое лобби» в Сенате было против расширения Египтом посевных площадей для выращивания хлопка. Решение Насера установить дипломатические отношения с КНР, возможно, также сыграло определенную роль в отказе США финансировать проект [13. С. 22–24].

Как следствие, США, а вслед за ними Великобритания и МБРР, аннулировали свое согласие на оказание финансовой поддержки Египту.

От Советского Союза каких-либо официальных предложений египетскому правительству по оказанию финансовой помощи, как показывают документы, не поступало. В телеграмме в Министерство иностранных дел СССР советский посол в Египте Е.Д. Киселев в мае 1956 г. сообщал, что «Насер... очень хотел получить помошь СССР в деле индустриализации страны» [1. С. 414–416].

Советское правительство инструктировало посла, что в случае, если Г.А. Насер затронет этот вопрос, следует высказать мысль о несвоевременности Асуанского проекта «ввиду дороговизны, а также в связи с тем, что экономическое развитие Египта в настоящее время требует разрешения других неотложных задач по индустриализации страны» [Там же. С. 452–453].

Не получив помошь ни от западных стран, ни от СССР, египетский лидер решил опереться на свои силы.

В выступлении египетский лидер подчеркнул, что Всеобщая компания Суэцкого канала, являющаяся своеобразным «государством в государстве», переходит под непосредственное управление египетского правительства, как и ее доходы, на которые Египет собирается осуществлять Асуанский проект.

Г.А. Насер обосновал свой шаг тем, что Суэцкий канал находится внутри территории страны, и что пришло время «провозгласить египетскую “Декларацию независимости от империализма”» [14. С. 29–32]. Такая позиция свидетельствовала о сложности и неоднозначности происходящих событий. Национализация канала затрагивала не только непосредственно интересы Египта, Британии, Франции и других пользователей канала: она символизировала происходящее изменение соотношения сил в регионе в пользу набиравших силу ближневосточных государств.

Экономический фактор, безусловно, не был определяющим в решении Насера национализировать Всеобщую компанию Суэцкого канала. Для Насера национализация была ответным политическим шагом на отказ западных держав финансировать проект, который для Насера имел существенное значение как «символ свободного процветающего будущего в умах египтян, в то время как западное владение Суэцким каналом было символом колониализма» [15. Р. 555].

С юридической точки зрения национализация канала не была нарушением международных норм. Канал проходил по территории Египта и принадлежал египетскому правительству, о чем говорилось в англо-египетских договорах от 1936 и 1954 гг., по которым Британия признавала, что Суэцкий канал является «нераздельной» и «неотъемлемой» частью Египта [16. С. 3–13, 62, 91–92].

Реакция Великобритании на решение Насера была очень бурной. Консерваторы осудили акт египетского президента, считая его действия несовместимыми с договором о концессии 1854 г. и Константинопольской конвенцией о свободе мореплавания 1888 г.

Для изучения сложившейся ситуации в рамках кабинета министров был создан Комитет по Суэцкому

каналу. Уже на следующий день после объявления национализации Комитет изложил свои оценки возможных действий Британии в отношении Египта. В подготовленном документе содержались размышления британских чиновников о мерах давления на Египет. Блокирование египетских стерлинговых счетов, считали авторы меморандума, не нанесет значительного экономического ущерба стране, учитывая, что Каир будет получать доходы от продажи хлопка странам Советского блока. При этом признавалось, что «египтяне не уступят только под экономическим нажимом», следовательно, «на них должно было быть оказано максимальное политическое давление» [2. Р. 165–166].

С этой целью «для защиты интересов Компании Суэцкого канала и обеспечения свободы судоходства по каналу» предполагалось представить дело «на более широкой международной основе», выдвинув в качестве аргументов положения, что «канал представляет жизненно важную связь между Востоком и Западом и его важность как международного водного пути признана в Конвенции 1888 г.» [Ibid. Р. 166].

Таким образом, к решению Суэцкого вопроса планировалось привлечь заинтересованные в судоходстве по каналу страны и мировую общественность, которых Британия собиралась убедить в наличии угрозы свободному судоходству по каналу и в необходимости его возвращения под международный контроль. В качестве последнего средства давления на Египет авторы доклада допускали использование силы [Ibid. Р. 166]. Такое намерение отражали высказывания как самого премьер-министра А. Идена в тот период, так и членов так называемой Суэцкой группы.

Во главе Суэцкой группы, сложившейся в парламенте в 1952–1953 гг. и насчитывающей к 1956 г. около 100 человек из 345 членов фракции консерваторов в Палате общин, стоял видный парламентский деятель консервативной партии капитан Ч. Уотерхауз [17. Р. 247]. Кроме того, членами группы состояли такие заметные политические деятели, как Дж. Эмери, Г. Макмиллан, лорд Солсбери, Э. Фелл, Дж. Биггс-Дэвисон, Э. Мод, Р. Черчилль [18. С. 201, 315].

Суэцкой группе противостояла численно меньшая группировка (около 30 чел.), придерживавшаяся позиций так называемого современного консерватизма, или антисуэцкой группы. По мнению ее сторонников, Британия должна считаться с реальной обстановкой и признать, что в англо-американском союзе она может играть только подчиненную роль «младшего партнера». Среди «современных» или «молодых» консерваторов особенно выделялись вторая после премьер-министра фигура в правительстве Р. Батлер, заместитель министра финансов Э. Бойл, заместитель министра иностранных дел А. Наттинг, бывший генеральный прокурор А. Нилд и др. [19. Р. 639].

А. Иден, выступая в Палате общин на следующий день после национализации, сделал заявление, в котором осудил действия Насера как нарушающие судоходство по каналу и права пользователей каналом, в котором заинтересованы многие государства. При этом премьер-министр отметил, что «ситуация долж-

на быть урегулирована с осторожностью...» [5. Р. 236]. Глава правительства, видимо, осознавал всю сложность и важность возникшего вопроса для его политической карьеры в условиях сильного давления членов Суэцкой группы.

Лейбористы и либералы также осудили национализацию Компании Суэцкого канала. Лидер лейбористской партии Х. Гейтскелл был «глубоко потрясен своеобразным и абсолютно не имеющим оправдания шагом египетского правительства», заявив 2 августа, что «Насер стремится создать Арабскую империю от Атлантики до Персидского залива...». К. Дэвис, лидер либеральной партии, описал национализацию канала как «прискорбный акт» [Ibid. Р. 234–237].

Вслед за национализацией последовал этап дипломатического урегулирования возникшей ситуации. Были созваны две конференции, проходившие в Лондоне в августе и сентябре 1956 г. Однако Британию и Францию не устроил результат этих конференций, предлагавший компромисс и фактическое признание национализации юридически законным действием. Лондон уже в начале августа взял курс на подготовку военной операции, о чем предупреждал Вашингтон, рассчитывая на его поддержку.

Однако Белый дом такую поддержкуказать не мог: в начале ноября 1956 г. в США должны были состояться президентские выборы, и Д. Эйзенхауэр не мог рисковать, позволив втянуть себя в военную кампанию европейских стран.

А. Иден, за плечами которого была многолетняя дипломатическая школа, и который по праву считался специалистом по Ближнему Востоку, не был авантюристом, склонным решать международные проблемы силовым путем. И Насера он в реальности не рассматривал как второго Гитлера, но усматривал в нем угрозу политике Великобритании в регионе Ближнего и Среднего Востока, полагая, что если действовать быстро и решительно, то свержение Г.А. Насера и замена его режимом, менее враждебным Западу, не будет трудной задачей.

В начале осени 1956 г. сложилась трёхсторонняя коалиция Великобритании, Франции и Израиля, начавшая готовить военную операцию. На заседании британского кабинета министров в конце октября 1956 г. обсуждались детали военной операции англо-франко-израильских сил. Израилю отводилась роль агрессора, что сначала негативно было воспринято израильским премьер-министром. Великобритания и Франция должны были, согласно плану, выступить в роли защитников свободы судоходства по Суэцкому каналу после начала египетско-израильских военных действий. С этой точки зрения, считал премьер-министр А. Иден, интервенция англо-французских войск в зону канала будет принята общественным мнением.

В случае начала полномасштабной военной операции Израиля против Египта Лондон и Париж должны были призвать стороны прекратить наступление и отвести свои войска на 10 миль от Суэцкого канала. Если в течение 12 часов одно или оба правительства (Египет и Израиль) откажутся принять эти условия,

британские и французские вооруженные силы должны были быть введены в зону канала для того, чтобы заставить воюющие стороны принять требования западных держав. Престиж «полковника Насера» в случае принятия этих требований, как рассчитывали британские политики, будет фатально подорван. Если же Египет требования не примет, в чем были уверены в Лондоне и Париже, англо-французская военная операция с целью охраны Суэцкого канала будет оправдана.

На первый взгляд, план казался безупречным, но имел некоторые недостатки, которые сыграют негативную роль в исходе операции для союзников по тройственной агрессии. Во-первых, союз Великобритании, Франции и Израиля изначально характеризовался непрочностью в силу не только взаимного недоверия Великобритании и Израиля, но и в силу того, что стороны (Лондон и Париж – с одной стороны, и Тель-Авив – с другой) преследовали по существу разные цели. Тель-Авив стремился главным образом к территориальным изменениям в регионе, европейские союзники – к ликвидации режима Насера и возвращения канала под международное управление. Во-вторых, стороны рассчитывали если не на поддержку, то хотя бы на благожелательный нейтралитет США [20. С. 136], не учитывая важности для последних в условиях предстоящих выборов следования политической платформе, построенной на стремлении к миру.

Ход и результаты операции оказались прямо противоположными задачам участников.

Разработанная в Севре операция преследовала две основные цели. Во-первых, израильские войска должны были в кратчайший срок достичь Суэцкого канала, создав угрозу свободному судоходству по нему и тем самым дать повод для вторжения британских и французских сил. Во-вторых, захватив южную часть Синайского полуострова, острова Тиран и Синнафир, они должны были установить контроль над Акабским и Суэцким заливами. Осуществить эту операцию предполагалось за 7–8 суток. Англо-французские войска, в свою очередь, должны были захватить зону канала и Каир.

Однако на деле операция стала развиваться вопреки плану.

30 октября Великобритания и Франция направили ультиматум одновременно Израилю и жертве нападения – Египту. Требования сводились к тому, чтобы войска обеих сторон прекратили в течение 12 часов военные действия на суше, в море и в воздухе и отошли на 10 миль (16 км) к востоку от Суэцкого канала, также от Египта требовали предоставления англо-французским войскам ключевых позиций в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце. В случае отказа две западные державы угрожали военным вторжением в страну с целью защиты свободы судоходства по Суэцкому каналу и разведения двух воюющих сторон, ссылаясь на условия англо-египетского договора 1954 г.

В ответ на нападение двух западных стран и Израиля на Египет Иордания, Сирия и Саудовская Аравия разорвали дипломатические отношения с Великобританией и Францией. 1 ноября египетское правительство приняло аналогичное решение, изучая вопрос о

выходе из ООН в связи с тем, что «стало очевидно банкротство этой международной организации» [1. С. 541].

Иордания запретила Великобритании использовать военные базы на своей территории и вместе с Сирией объявила о готовности оказать Египту непосредственную поддержку в соответствии с заключенным в Египте в октябре 1956 г. военным соглашением о создании объединенного командования.

Военная операция англо-французских сил в первые дни ее проведения ограничилась воздушными атаками на египетские города и военные объекты и позволила нападающим сторонам завоевать господство в воздухе. 3 и 4 ноября авиация союзников неоднократно совершала налеты не только на военные объекты, но и на жилые кварталы. Из строя была выведена радиостанция «Голос арабов» в Каире, разрушено здание телеграфа в Александрии. Значительный ущерб был причинен таким густонаселенным городам, как Суэц, Исмаилия и особенно Порт-Саид. В Суэцком заливе британский крейсер потопил египетский фрегат «Акка». Движение по Суэцкому каналу было прервано [21. С. 32–34].

2 ноября 1956 г. чрезвычайная сессия Генассамблеи ООН рассмотрела две резолюции. Первая была предложена Канадой и предполагала разработку в течение 48 часов плана для оформления военных сил ООН с целью руководства и обеспечения прекращения вооруженных действий в зоне Суэцкого канала. Вторая резолюция была внесена группой афроазиатских стран во главе с Индией и призывала к немедленному прекращению огня в течение 12 часов. Эта резолюция была принята 64 голосами против 5, 3 из которых были участники тройственной агрессии и «старые» члены Содружества – Австралия и Новая Зеландия [16. С. 163–164].

Немаловажно, что Суэцкий кризис совпал с Венгерскими событиями. В международной обстановке со временем Суэцкого кризиса совпали события в Венгрии, где в сентябре–октябре 1956 г. была предпринята попытка ослабить жесткий контроль со стороны Советского Союза над развитием страны. В конце октября в Венгрии прошли многотысячные демонстрации с требованием демократических свобод. Предпринятое Москвой 24 октября силовое вмешательство в эти события вызвало жесткое сопротивление Венгрии и заставляло искать другие формы налаживания диалога с этой страной «народной демократии». Одной из таких форм стала «Декларация об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами», принятая на заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября. В Декларации признавалась необходимость большего равноправия и обсуждения спорных вопросов, что, по мнению А.С. Стыкалина, не было только тактическим ходом [22. С. 517–518]. Советское руководство осознавало необходимость отхода от прежнего политического курса по отношению к восточноевропейским странам.

По мнению венгерского историка Л. Контлера, обретение Будапештом независимости во внутренней политике при сохранении тесного сотрудничества с

СССР представлялось вполне вероятным, но «эта возможность стала исчезать по мере радикализации революции и, кроме того, международное положение оказалось очень благоприятным для демонстрации СССР военной силы» [23. С. 557].

Этот двойной кризис привел к тому, что впервые в условиях холодной войны Вашингтон и Москва оказались на одной стороне. Советский Союз поддержал резолюции США по осуждению тройственной агрессии против Египта, в свою очередь, США на первоначальном этапе отказались поддержать резолюцию, предложенную новым лидером Венгрии И. Надем и осуждавшую действия СССР в Венгрии [24. С. 227].

Советское руководство располагало информацией из Лондона и Вашингтона, что Запад не будет предпринимать попыток вмешаться в дела Венгрии [25. Р. 122]. Хотя 3 ноября американская делегация внесла резолюцию, осуждавшую действия Москвы в Венгрии, советская делегация воспользовалась правом вето. В результате ввода войск в Будапешт 4 ноября 1956 г. и подавления антисоветских выступлений населения попытка Венгрии выйти из орбиты влияния Советского Союза закончилась провалом.

У президента США предпринятая военная акция на фоне событий в Венгрии вызывала особо негативную реакцию, поскольку англо-франко-израильское нападение отвлекало внимание от венгерских событий, которыми в другой ситуации западные державы не преминули бы воспользоваться в пропагандистском плане.

Двойной кризис привел к тому, что заинтересованным сторонам не удалось в полной мере использовать трудности противников в своих интересах.

Впервые в истории СССР и США оказались на одной стороне против колониальных держав, осудив в ООН действия Лондона, Парижа и Израиля.

Жесткое сопротивление Москвы и Вашингтона привело к тому, что 5 ноября сначала Лондон, а вслед за ним и другие участники прекратили операцию.

На решение Великобритании прекратить военные действия оказали влияние многие факторы. Во-первых, враждебная позиция США и их экономическое давление на страну, которая была на грани девальвации фунта стерлингов. Во-вторых, очевидное распределение сил на международной арене не в пользу агрессоров при активной поддержке Египта со стороны СССР и других арабских и азиатских стран. В-третьих, внутренние разногласия в кабинете А. Идена, где к 6 ноября расклад сил был таков, что вчерашние сторонники военных действий против Египта стали высказываться в пользу прекращения огня и завершения военной операции, политический провал которой был очевиден [10. Р. 171–173].

Для Лондона и Парижа затяжная военная компания была нежелательна с самого начала планирования операции против Египта. С политической точки зрения имела шансы на успех быстрая военная операция, которая бы не оставила времени для дипломатических маневров поддерживающих египетскую республику стран.

22 декабря закончился начавшийся в начале декабря вывод англо-французских войск из Порт-Саида.

В начале марта 1957 г. Израиль вывел войска с египетской территории.

В экономическом отношении Суэцкая кампания дорого обошлась европейским союзникам. Прямые военные расходы Великобритании на операцию в Египте, по официальным данным, составили не менее 50 млн ф. ст. Суэцкий канал был поврежден и блокирован на шесть месяцев. Взрыв британских нефтепроводов в Сирии и Ливане поставил под угрозу снабжение европейских стран нефтью из ближневосточного региона [1. С. 557].

Европейские союзники не сумели достичь поставленных целей. Вместо свержения Г.А. Насера и замены его лояльным прозападно настроенным лидером результатом военной акции стало усиление авторитета египетского лидера в арабском мире и развивающихся странах Азии и Африки.

Израиль ставил перед собой прежде всего цели военного характера – ослабление военного потенциала Египта и уничтожение баз палестинцев на Синайском полуострове и был заинтересован если не в свержении Насера, то в поражении Египта. При таком развитии событий Тель-Авив мог получить возможность заключить договор с египетским правительством на выгодных для себя условиях. По итогам операции Израиль получил возможность судоходства в заливе Акаба, но не достиг реализации всех поставленных целей [18. С. 345].

Британский премьер-министр рассчитывал, что Суэцкая операция будет быстрой и успешной, а США займут благожелательную, или, в крайнем случае, нейтральную позицию [20. С. 136]. Нейтралитет США был возможен при других обстоятельствах. Канун президентской гонки в США, когда Д. Эйзенхауэр рассчитывал на переизбрание и потому был особенно обеспокоен наличием благоприятной внешнеполитической обстановки, безусловно, не был удачным временем для такого рода операций ближайшими союзниками Вашингтона. Соединенные Штаты не отбрасывали саму возможность военной операции против Египта, но, судя по маневрам даллесовской дипломатии в месяцы, предшествующие нападению на Египет, США могли поддержать силовой вариант не раньше середины ноября.

Не случайно А. Иден и другие британские политики после Суэцкого поражения высказывали мысль о том, что одна из причин неудачи операции – отсутствие поддержки со стороны США в Суэцком вопросе. Британское руководство полагало, что у Вашингтона с Лондоном гораздо больше взаимных интересов и обязательств, чем полагала американская администрация. Даже годы спустя, подчеркивает американский исследователь Р. Хэтэвэй, «Иден так и не понял, что для Соединенных Штатов британская война за Суэц не была американской» [26. Р. 46].

Еще одной из важнейших причин отсутствия поддержки со стороны Соединенных Штатов было также то, для Вашингтона Суэцкий кризис был не соответствующим реалиям времени колониальной войной. Для американской администрации Британия и Франция оставались «узниками своих традиционных коло-

ниальных взглядов, так же как и текущих экономических интересов в регионе» [27. Р. 103].

В этих обстоятельствах в среде консерваторов произошел всплеск антиамериканских настроений – 127 членов Палаты общин внесли направленный против США проект резолюции. В этом проекте Вашингтон обвинялся в том, что своими действиями «поставил Атлантический союз в крайне опасное положение». 31 октября подал в отставку в знак протеста против «суэцкой политики» заместитель министра иностранных дел А. Наттинг. Однако вотума недоверия правительству Идена удалось избежать [28. С. 224].

Премьер-министр объяснял поражение предпринятой акции недостаточно успешным ошибочным военно-стратегическим планированием, когда главный упор делался на развитие военно-стратегической системы в Европе, и не велась подготовка к крупным десантным операциям [20. С. 137]. Таким образом, Суэцкий кризис продемонстрировал военную неподготовленность Великобритании к проведению таких операций.

Сложившаяся в связи с провалом Суэцкой операции ситуация требовала принятия и осмысления изменившейся роли Британии. На карту в вооруженной акции против Египта правящие круги Уайтхолла поставили не только влияние страны на Ближнем и Среднем Востоке, но и ее престиж на мировой арене.

Для Соединенного Королевства особо острый был вопрос о моральном ущербе ее дипломатии в глазах мирового общественного мнения. Опытная британская дипломатия оказалась оттесненной на задний план США, что также свидетельствовало об определенном кризисе подходов консервативной партии к международным делам и изменении роли Великобритании на глобальном уровне. Все это требовало от руководства страны осмысления сути произошедших после войны изменений и выработки адекватного новым реалиям дня внешнеполитического курса.

Определенный кризис тройственная интервенция против Египта вызвала и в отношениях Великобритании со странами Содружества. Против вооруженного вторжения в Египет выступили новые участники этой организации. Индия, Пакистан и Цейлон подписали совместное заявление об осуждении англо-французской интервенции. По подсчетам, 11% всех перевозок по Суэцкому каналу приходилось на торговлю Индии, Пакистана, Цейлона и Бирмы. Индийский премьер-министр Дж. Неру 1 ноября направил послания премьер-министру Великобритании Идену и президенту США Эйзенхауэр, в которых содержалось предупреждение, что действия Британии и Франции могут вызвать «громадные последствия» [1. С. 542].

«Старые» члены Содружества наций, такие как Австралия и Новая Зеландия, поддержали Британию в ООН, но эта поддержка носила откровенно вынужденный характер. Первоначально Австралия даже голосовала за принятие резолюции, осуждающей тройственную агрессию. Следует также учитывать, что в результате Второй мировой войны Канада, Австралия, Новая Зеландия стали более тесно связаны с системой обороны

США. Посредством Тихоокеанского пакта безопасности (создававшего блок АНЗЮС), подписанного в Сан-Франциско в 1951 г., Австралия и Новая Зеландия были включены в оборонную систему США.

После провала тройственной агрессии обострились британо-французские отношения. Париж изначально не рисковал в Суэцкой операции в той степени, в которой рисковал Лондон. Французские позиции на Ближнем и Среднем Востоке были не так обширны, как у Британии, для Парижа гораздо более значимым был вопрос сохранения влияния страны в Северной Африке. В то же время Париж был крайне недоволен тем, что кабинет Идена принял решение о прекращении военных действий самостоятельно, не посоветовавшись со своим европейским союзником.

Суэцкий кризис стал свидетельством эволюции сложившейся после Второй мировой войны системы международных отношений. Распад мировой колониальной системы и укрепление освободившихся афроазиатских государств как силы, выступающей в качестве субъекта на мировой арене, обусловили трансформацию Ялтинско-Потсдамской системы.

События 1956 г. на Ближнем Востоке и в Восточной Европе показали, с одной стороны, что раздел сфер влияния, определенный на союзнических конференциях в ходе Второй мировой войны, признавался двумя противостоящими мирами, с другой стороны, мир после 1956 г. уже нельзя было характеризовать как bipolarный. Суэцкий кризис показал обоснованность претензий стран третьего мира на осуществление самостоятельной политики на международной арене. Движение неприсоединения стало фактором, значимость которого в международной жизни не могли игнорировать участники холодной войны.

Державшиеся в секрете подробности операции стали известны лишь с открытием архивов. С 1990-х гг. исследователи стали осуществлять уже доскональное изучение Суэцкого кризиса от этапа национализации до провала тройственной интервенции.

Несмотря на уже имеющийся широкий пласт литературы, изучение воздействия Суэцкого кризиса на пересмотр внешнеполитического курса Великобритании продолжается.

К полувековой годовщине кризиса обозначилось новое направление в британской историографии, в рамках которого историки-ревизионисты, такие как С. Смит, С. Моби, Н. Эштон и другие, предложили новый взгляд на Суэцкий кризис и деколонизацию. На основе открытых к этому времени архивов историки-ревизионисты выразили мнение о том, что Суэцкий кризис стал не более чем звеном в цепочке неуклонного ослабления британских позиций на Ближнем и Среднем Востоке, и значение событий 1956 г. преувеличено. Так, С. Смит подверг сомнению устоявшийся в научной литературе тезис о стремлении США в 1950-е гг. вытолкнуть Великобританию с территории Ближнего и Среднего Востока и занять ее место. В своих работах он аргументированно доказывает, что уход Британии из ближневосточного региона не во всех случаях соответствовал интересам США. С. Смит также подвергает сомнению взгляд на

Суэцкий кризис как начало нового курса в британской внешней политике.

В целом, по мнению названных исследователей, более существенное влияние на позиции Великобритании в ближневосточном регионе имели революция в Ираке 1958 г., революция в Йемене 1962 г. и другие [29–33]. При этом историки-ревизионисты сбрасывают со счетом вопросы психологического воздействия Суэцкого кризиса на политический истеблишмент и население Британии.

Однако с точки зрения психологического воздействия на политический истеблишмент и население страны и широты освещения в мире Суэцкий кризис, безусловно, можно с полным основанием считать рубежным моментом во внешней политике Великобритании.

Суэцкий провал стал символом, отделившим надежды Британии на глобальную роль от реального положения дел. Великобритания без поддержки США оказалась не способна на проведение даже таких локальных операций, какой была задумана тройственная интервенция. Политические элиты страны оказались перед необходимостью признать факт перехода страны на позиции региональной державы.

Спустя пятьдесят лет после кризиса британский журнал «Экономист» опубликовал статью, в которой с высоты прошедших лет был дана оценка последствий Суэцкой операции для Британии. После провала военной акции в стране и за ее пределами заговорили о «суэцком синдроме», суть которого, по словам М. Тэтчера, состояла в том, что руководство страны потеряло веру, что Британия способна на все, и пришла к почти невротическому убеждению, что страна не может делать ничего.

Главным уроком Суэца стало то, что Великобритания уже не могла действовать независимо от США. В отличие от Франции, которая смогла возглавить интеграционный процесс, большинству британских политиков оставалось довольствоваться ролью второй скрипки США [34].

Премьер-министр А. Иден приходил в себя после Суэцкого кризиса в доме британского писателя Я. Флеминга на Ямайке. Любопытно, что первый роман писателя «Казино Рояль», изданный в 1953 г., не имел большого читательского интереса. Романы, опубликованные после кризиса, вызвали всплеск интереса и символически отражали британское видение сложившейся ситуации и англо-американских отношений. Партнерство героев Флеминга – агента Ми-6 Дж. Бонда и агента ЦРУ Феликса Лейтера – было выстроено в книге как взаимоотношения учитивого, умного и бесконечно находчивого Бонда и богатого, но легковесного Лейтера [35].

После возвращения Идена в страну с Ямайки после Суэцкого кризиса одна из британских газет вышла с саркастическим заголовком: «Премьер-министр навестил Британию». В январе 1957 г. А. Иден подаст в отставку.

Британии действительно пришлось играть роль второй скрипки США, сожалея об утрате глобального могущества и стараясь найти себя в роли ведущей региональной державы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ближневосточный конфликт : Из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967 гг.: в 2 т. / отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003. Т. 1.
2. BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire. 1951–1957. Part I. L., 1994.
3. The National Archives (United Kingdom). Cabinet Papers (CAB). CAB 128-30. 24 January 1956.
4. Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. М., 1981.
5. Churchill R. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. L., 1959.
6. CAB 128-28. 7 March 1955.
7. Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1984.
8. Note R., Polk W. Toward the Policy for the Middle East // Foreign Affairs. 1958. Vol. 36, № 4. P. 645–658.
9. Примаков Е.М., Арутюнов Р.А. Поучительный урок. М., 1957.
10. Sked A., Cook C. Post-war Britain. A. Political history. N.Y., 1979.
11. Aster S. Anthony Eden. Introduction by A.J.P. Taylor. N.Y., 1976.
12. Филитов А.М. Д.Т. Шепилов: министр – нонконформист // Известные дипломаты России : министры иностранных дел. XX век. М., 2007.
13. Румянцев В.П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск, 2010.
14. Насер Г.А. Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952–1970. М., 1979.
15. Hartmann F. The relations of nations. N.Y., 1957.
16. Суэцкий канал. Сборник документов. М., 1957.
17. Gamble A. The Conservative Nation. N.Y., 1974.
18. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
19. Scardon Ph.C. A Lesson for Our Times: How America kept Peace in the Hungary-Suez Crisis of 1956. Commemorating an Historic Turning Point in the Cold War. N.Y., 2010.
20. Мемуары Антони Идена // Международная жизнь. 1960. № 5. С. 120–166.
21. Медведко Л.И. К востоку и западу от Суэца : (Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке). М., 1980.
22. Стыкалин А.С. Восточная Европа в системе отношений Восток–Запад (1953 – начало 1960-х гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива : сб. ст. М., 2003.
23. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
24. Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны : СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М., 2012.
25. Johnson P. The Suez war. N.Y., 1957.
26. Hathaway R. M. Great Britain and the United States. Special Relations since World War II. Boston, 1990.
27. Brown S. The faces of power. Constancy and change in United States foreign policy from Truman to Johnson. N.Y., 1968.
28. Красильников А.Н. Внешняя политика Англии и лейбористская партия (1951–1964). М., 1968.
29. Reassessing Suez 1956. New Perspectives on the Crisis and its Aftermath / ed. by S.C. Smith. Aldershot, 2008.
30. Smith S. America in Britain's place?: Anglo-American Relations and the Middle East in the aftermath of the Suez Crisis // Journal of Transatlantic Relations. 2012. Vol. 10, № 3. P. 252–270.
31. Ashton N. Harold Macmillan and the "Golden Days" of Anglo-American Relations Revisited, 1957–1963 // Diplomatic History. 2005. Vol. 29, № 4. September. P. 691–723.
32. Idem. A special relationship sometimes in spite of ourselves: Britain and Jordan, 1957–1973 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2005. Vol. 33, № 2. May. P. 221–244.
33. Idem. Britain and the Kuwaiti Crisis 1961 // Diplomacy and Statecraft. 1998. Vol. 9, № 1. March. P. 163–181.
34. Economist. The Suez Crisis. An affair to remember. 27 July 2006.
35. Prime Ministers and Politics Timeline. URL: http://www.bbc.co.uk/history/british/pm_and_pol_t1_01.shtml (data accessed: 09.11.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 21 декабря 2015 г.

THE SUEZ CRISIS OF 1956: A TURNING POINT OF THE BRITISH FOREIGN POLICY?

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 156–164. DOI: 10.17223/15617793/404/25

Khakhalkina Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Keywords: Suez Crisis of 1956; Great Britain; Anthony Eden; historiography of Suez Crisis; Hungary Crisis of 1956.

The Suez Crisis of 1956 still attracts a keen interest of domestic and foreign, especially British, historians. The first decade of the 21st century noted a surge of monographs and articles devoted to a comprehensive and thorough study of the events of the autumn of 1956. This situation, first of all, refers to Western historiography; however, Russian historical science, responding to the opening of the archives of the United Kingdom and other countries, had new fundamental publications related to the history of the triple Anglo-French-Israeli intervention in 1956. In describing the events of the autumn of 1956, the author also touches upon the Hungarian Crisis that coincided with the triple Anglo-French-Israel intervention and had a significant impact on the discussion of the events in the area of the Suez Canal in the Security Council and the General Assembly of the United Nations. Particular attention is paid to the reaction of the USA and the USSR on the Suez and Hungarian Crises. For the first time during the Cold War, Moscow and Washington were on the same side against the colonial powers and strongly condemned the military action against Egypt. At the same time, the White House could not use unrest in Hungary for propaganda purposes. The author, referring to the history of the events of the summer and autumn of 1956, builds material of the article around a search for an answer to the question of whether it is possible to consider the events of the autumn of 1956 a turning point of the British foreign policy. This formulation of the problem is due to the advent of the so-called revisionist trend in British historiography which presented a new view of events related to the implementation and consequences of the Suez operation against Egypt in 1956. Revisionists deny the Suez Crisis as a line after which the British policy in the Near and Middle East changed dramatically. However, questions remain about the impact of the events of the autumn of 1956 on the colonial policy and other areas of foreign policy of Britain. For the UK, the crisis highlighted the need to rethink the chosen strategy not only in the Middle East, but also in the matters of decolonization, which at the turn of the 1950s and 1960s acquired a prompt character in connection with the strengthening of the so-called “non-aligned movement” and the growth of the Asian and African countries in the UN. The Suez crisis had a clear impact on the political crisis in the country and had an important psychological impact on the perception of the country by the population and by the political elite. In the early 1957, Prime Minister Anthony Eden resigned and H. Macmillan became a new head of government. He put forward new initiatives in the field of colonial and European policy. A new chapter began in British history.

REFERENCES

1. Naumkin, V.V. (ed.) (2003) *Blizhnevostochnyy konflikt: Iz dokumentov arkhiva vnesheyny politiki RF, 1947–1967 gg.: v 2 t.* [The Middle East Conflict: From the Russian foreign policy archive documents of 1947–1967: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnyy fond “Demokratiya”.
2. Hyam, R. & Louis, W.R. (eds) (1994) *BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire. 1951–1957.* Part 1. London.
3. The National Archives (United Kingdom). Cabinet Papers (CAB). CAB 128-30. 24 January 1956.
4. Belyaev, I.P. & Primakov, E.M. (1981) *Egipt: vremya prezidenta Nasser* [Egypt: President Nasser's time]. Moscow: Mysl'.
5. Churchill, R. (1959) *The Rise and Fall of Sir Anthony Eden*. London: MacGibbon & Kee.
6. CAB 128-28. 7 March 1955.
7. Ismailova, R. & Mardek, H. (1984) *Vneshnyaya politika stran Blizhnego i Srednego Vostoka* [Foreign Policy of the Middle East]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
8. Notle, R. & Polk, W. (1958) Toward the Policy for the Middle East. *Foreign Affairs*. 36:4. pp. 645–658.
9. Primakov, E.M. & Arutyunov, R.A. (1957) *Pouchitel'nyy urok* [An instructive lesson]. Moscow: Gospolitizdat.
10. Sked A., Cook C. Post-war Britain. A Political history. N.Y., 1979.
11. Aster, S. (1976) *Anthony Eden*. N.Y.: Viking Press.
12. Filitor, A.M. (2007) D.T. Shepilov: ministр – nonkonformist [D.T. Shepilov: Minister – nonconformist]. In: Torkunov, A.V. (ed.) *Izvestnye diplomaty Rossii: ministry inostrannykh del. XX vek* [Famous Russian diplomats: foreign ministers. 20th century]. Moscow: Moskovskie ucheb-niki i Kartolitografiya.
13. Rumyantsev, V.P. (2010) *Blizhnevostochnaya politika SSSA i Velikobritanii v 1956–1960 gg.* [US and British Middle East policy in 1956–1960]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Naser, G.A. (1979) *Problemy egietskoy revolyutsii. Izbrannye rechi i vystupleniya. 1952–1970* [Problems of the Egyptian revolution. Selected speeches and presentations. 1952–1970]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
15. Hartmann, F. (1957) *The relations of nations*. N.Y.: Macmillan.
16. IMO. (1957) *Suezkiy kanal. Sbornik dokumentov* [The Suez Canal. Collection of documents]. Moscow: IMO.
17. Gamble, A. (1974) *The Conservative Nation*. London: Routledge and Kegan Paul.
18. Pelipas', M.Ya. (2003) *Skovannye odnoy tsep'yu: SSSA i Velikobritaniya na Blizhnem i Sredнем Vostoke v 1945–1956 gg.* [Chained: the United States and Great Britain in the Middle East in 1945–1956]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Skardon, Ph.C. (2010) *A Lesson for Our Times: How America kept Peace in the Hungary-Suez Crisis of 1956. Commemorating an Historic Turning Point in the Cold War*. Bloomington, Indiana.
20. Mezhdunarodnaya zhizn'. (1960) Memuary Antoni Idena [Memoirs of Anthony Eden]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 5. pp. 120–166.
21. Medvedko, L.I. (1980) *K vostoku i zapadu o Suetsa: (Zakat kolonializma i maneuvry neokolonializma na Arabskom Vostoke)* [To the east and west of Suez (Sunset of colonialism and neocolonialism maneuvers in the Arab world)]. Moscow: Politizdat.
22. Stykalin, A.S. (2003) *Vostochnaya Evropa v sisteme otnosheniy Vostok–Zapad (1953 – nachalo 1960-kh gg.)* [Eastern Europe in the system of East-West relations (1953 – early 1960s)]. In: Egorova, N.I. & Chubar'yan, A.O. (eds) *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* [Cold War. 1945–1963. A Historical Retrospective]. Moscow: Olma-Press.
23. Kontler, L. (2002) *Istoriya Vengrii. Tysyacheletie v tsentre Evropy* [History of Hungary. A Millennium in the center of Europe]. Moscow: Ves' mir.
24. Gayduk, I.V. (2012) *V labirintakh kholodnoy voyny: SSSR i SSSA v OON, 1945–1965 gg.* [In the labyrinths of the Cold War: the Soviet Union and the United States in the United Nations, 1945–1965]. Moscow: RAS Institute of World History.
25. Johnson, P. (1957) *The Suez war*. N.Y.: Greenberg.
26. Hathaway, R.M. (1990) *Great Britain and the United States. Special Relations since World War II*. Boston, MA: Twayne.
27. Brown, S. (1968) *The faces of power. Constancy and change in United States foreign policy from Truman to Johnson*. N.Y.: Columbia University Press.
28. Krasil'nikov, A.N. (1968) *Vneshnyaya politika Anglii i leyboristskaya partiya (1951–1964)* [The foreign policy of England and the Labour Party (1951–1964)]. Moscow: Nauka.
29. Smith, S.C. (ed.) (2008) *Reassessing Suez 1956. New Perspectives on the Crisis and its Aftermath*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited.
30. Smith, S. (2012) America in Britain's place?: Anglo-American Relations and the Middle East in the aftermath of the Suez Crisis. *Journal of Transatlantic Relations*. 10:3. pp. 252–270.
31. Ashton, N. (2005) Harold Macmillan and the “Golden Days” of Anglo-American Relations Revisited, 1957–1963. *Diplomatic History*. 29:4. September. pp. 691–723.
32. Ashton, N. (2005) A special relationship sometimes in spite of ourselves: Britain and Jordan, 1957–1973. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 33:2. May. pp. 221–244. DOI: 10.1080/03086530500123812
33. Ashton, N. (1998) Britain and the Kuwaiti Crisis 1961. *Diplomacy and Statecraft*. 9:1. March. pp. 163–181. DOI: 10.1080/09592299808406074
34. The Economist. (2006) The Suez Crisis. An affair to remember. *The Economist*. 27 July 2006.
35. Prime Ministers and Politics Timeline. [Online]. Available from: http://www.bbc.co.uk/history/british/pm_and_pol_tl_01.shtml. (Accessed: 09 November 2015).

Received: 21 December 2015

ПРАВО

УДК 347.957

Т.А. Бондаренко

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОСНОВ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Анализируются вопросы, связанные с выбором концепции нормативного регулирования кассационной инстанции в гражданском процессе. Раскрываются основные идеи, начиная с данного вида судопроизводства на основе исторического анализа. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в действующий порядок производства в суде кассационной инстанции для улучшения принципа диспозитивности и показателя качества процесса.

Ключевые слова: концепция; рассмотрение дела в суде кассационной инстанции; порядок исследования доказательств; принцип диспозитивности, возражения на кассационную жалобу.

Концепция в праве – неотъемлемый элемент любого правового института, правовой отрасли. Представляющая собой систему различных точек зрения, взглядов, идей и закрепленная нормативно законодателем, она дает четкое видение и понимание процессам в рамках конкретного института. Выбор необходимой концепции в праве, отражающей их устройство и регулирование и закрепляющей законные интересы граждан, становится особенно актуальным в эпоху реформ.

В настоящее время вносится большое количество изменений в гражданско-процессуальное законодательство, связанных с объединением Верховного суда РФ (ВС РФ) и Высшего Арбитражного суда РФ (ВАС РФ).

ВС РФ станет единственным высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, а также по разрешению экономических споров. Более того, из Конституции РФ исключено упоминание о ВАС РФ. Кроме того, Верховный суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации будет давать судам разъяснения по вопросам судебной практики.

Изменения вносятся не только касательно действующего судоустройства, но и относительно порядка судопроизводства. С учетом рассмотрения Концепции о создании Единого Гражданского-процессуального кодекса Российской Федерации остро стоит вопрос сохранения действующего нормативного регулирования кассационной инстанции в гражданском процессе и соответствия изначальной концепции создания кассации.

В контексте нашей проблематики обратим внимание на то, что же составляет основные начала кассационного производства? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть историю появления и развития кассационной инстанции в гражданском процессе у нас в стране и в мире.

В качестве самостоятельной стадии процесса кассационное судопроизводство, как известно, появилось в XVII в. во Франции. В соответствии с изданным в 1667 г. указом Людовика XIV Судебный департамент короля (Совет Сторон) получил право кассировать (от лат. *cassatio* – отмена, уничтожение) незаконные реше-

ния судов, которые возвращались для нового обсуждения в парламент. Ордонанс 1667 г. прямо воспрещал Совету Сторон рассматривать подобные дела по существу. Так появился институт кассации, наиболее поздний из видов обжалования судебных решений.

Целью кассационного судопроизводства по исторически сложившейся правовой традиции, кроме проверки судебных актов нижестоящих судов, является и установление единой практики толкования и применения законодательства для нижестоящих судебных инстанций и для участников гражданского оборота. Такая деятельность кассационной инстанции направлена на создание «опоры для законодателя» в виде «образца» правоприменения или «precedента», обеспечивающего единый режим правопорядка в государстве и экономике.

Во Франции кассация относится к исключительным видам обжалования и имеет целью отмену вступившего в законную силу судебного постановления для его повторного рассмотрения по существу – как по вопросам факта, так и по вопросам права (ст. 593 ГПК Франции). В основе данного способа – старая модель так называемого ходатайства гражданина (*requête civile*), удовлетворение которого позволяло вернуться к рассмотрению дела теми же судьями, когда решение принималось по ошибке. По своим основным компонентам французская ревизия в большей мере соответствует стадии пересмотра, по вновь открывшимся обстоятельствам установленной в ГПК РФ.

В Германии формирование самостоятельного вида проверки вступивших в законную силу судебных постановлений – ревизии оформилось после того, как в 1949 г. образовалась Федеративная Республика Германия (ФРГ), в 1950 г. была проведена первая редакция ГПК. Последняя редакция последовала в 2001 г. в результате принятия Закона о реформе гражданского процесса от 27 июля 2001 г., вступившего в действие с 1 января 2002 г. [1. С. 25]. В соответствии с данным законом цель ревизионного производства существенным образом не изменилась. Приоритетным для ревизионного суда стало обеспечение единообразия судебной практики.

Цели реформирования немецкого, как и французского, гражданского процессуального законодатель-

ства заключались, с одной стороны, в необходимости ускорения процесса обеспечения доступности судебной защиты, а с другой – в необходимости разгрузки верховных судов, осуществляющих проверку судебных постановлений в кассационном, ревизионном порядке, более четкого разграничения функций проверочных инстанций [2. С. 37].

Говоря об истории советской системы обжалования как истории советского гражданского судопроизводства, то она начинается с Декрета о суде № 1, опубликованного 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Декрет упразднил формы обжалования, существовавшие в России с 1884 г., и установил, что дело рассматривается по существу одним судом. Апелляция была отменена, и предусмотрена возможность кассационного обжалования решений. Однако характер этой формы обжалования Декретом о суде № 1 не был еще раскрыт.

Гражданский процессуальный кодекс 1923 г. установил следующие поводы к отмене решения в кассационном порядке: а) нарушение или неправильное применение действующих законов; б) явное противоречие решения фактическим обстоятельствам дела, установленным разрешившим дело судом. Суд второй инстанции не был связан доводами к отмене решения, указанными в жалобе. В 1924 г. суду второй инстанции было предоставлено право не только отменять решение, но и изменять судебные решения, не передавая дело на новое рассмотрение.

Закон о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г. сформулировал задачи вышестоящего суда: «При рассмотрении жалоб и протестов вышестоящий суд по имеющимся в деле и представленным сторонами материалам проверяет законность и обоснованность вынесенного нижестоящим судом приговора или решения». Данный закон ввел категорию обоснованности решения, суть которой состоит в требовании истинности установленных судом обстоятельств.

Следующий этап развития института обжалования связан с принятием Основ гражданского судопроизводства (1961 г.) и ГПК союзных республик (1963–1965 г.). Основы и ГПК воспроизвели исторически сложившуюся систему обжалования, развивали ее, детализировали основания к отмене изменения решений, расширяли полномочия суда второй инстанции [3. С. 112].

ГПК РСФСР, принятый в июне 1964 г., соответствовал потребностям общества и отражал уровень науки и практики на момент его разработки. Кассационное производство, закрепленное в ГПК РСФСР, выражалось в проверке законности и обоснованности решений и определений, вынесенных судом по первой инстанции, которые не вступили в законную силу. При всем этом кассационный суд, в качестве второй и высшей инстанции, был вправе проверить не только саму жалобу, в пределах доводов, изложенных в ней, но и выйти за ее рамки, разрешая дело всесторонне. В ГПК РСФСР 1964 г. закреплялась возможность предоставления дополнительных доказательств, которые по тем или иным причинам не могли быть предоставлены в суд первой инстанции. Данные дополнительные

доказательства учитывались при установлении тех или иных обстоятельств по делу и вынесении соответствующего решения.

В связи с этим в кассационные инстанции нередко представлялись различные документы, заявления граждан, которые якобы являлись свидетелями обстоятельств, имеющих значение для дела, и т.п. Суды кассационных инстанций на основе этих «дополнительных материалов» отменяли судебные решения и направляли дела на новые рассмотрения, в ходе которых часто выяснялось, что «дополнительные материалы» либо недостоверны, либо вообще не имеют значения для дела, и выносились такие же решения, как и при первоначальном разбирательстве. В результате страдали добросовестные стороны, а реализация ими своего права на доступ к правосудию значительно затягивалась.

При отмене судебного решения суд кассационной инстанции имел право вынести новое решение только в случае, когда судом первой инстанции была допущена ошибка в применении норм материального права, обстоятельства дела были полно и правильно установлены судом первой инстанции и по делу не требовалось собирания или дополнительной проверки доказательств (ст. 305 ГПК РСФСР 1964 г.), т.е. новое решение могло быть вынесено судом кассационной инстанции только по обстоятельствам, связанным с юридической стороной дела; если отмена решения суда была связана с фактической стороной дела, то суд кассационной инстанции был обязан направить дело на новое рассмотрение.

Однако нельзя говорить только о постоянном несовершенстве системы рассмотрения дел судом кассационной инстанции, предусмотренной ГПК РСФСР 1964 г. Установление истины в судебном заседании способствовало укреплению роли суда как органа, непосредственно реализующего в должной мере и степени право гражданина на справедливое, беспристрастное рассмотрение дела независимым судом. Ведь правосудие с точки зрения правовой и нравственной – основанная на законе справедливость.

Во многом модель кассационного производства СССР являлась одной из лучших в мире, поскольку суд был действительным оплотом законности, открытости правосудия. Рассмотрение дела в суде кассационной инстанции имело своей целью достигнуть цели обеспечения граждан равными правами в судебном разбирательстве и вынести отвечающее данной цели справедливое судебное решение.

С течением времени советская модель кассационного производства ушла в летопись вместе с СССР. Новые экономические реалии заставляли двигаться вперед как государство в целом, так и судебную систему в частности.

Судебная реформа в сфере гражданского судопроизводства закрепляла в качестве идей, основных начал – состязательность и равноправие. В рамках данной правовой позиции законодателя и в обеспечении принципа верховенства Конституции в ст. 291 ГПК РСФСР (ред. от 17.03.1997 г.) закреплялось право на предоставление объяснений на кассационную

жалобу, а также подачу протеста. Важно отметить, что объяснения на кассационную жалобу могли предоставить только лица, участвующие в деле. Теперь суд кассационной инстанции мог лучше воспринимать обоснованность и вескость изложенных в жалобе оснований к отмене решения [4].

В новом ГПК РФ 2002 г. было воплощено положение ч. 2 ст. 36 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», и теперь производство в судах второй инстанции по отношению к мировым судьям (в районных судах) стало апелляционным, сохранив кассационное производство в прежнем качестве по отношению к федеральным судам общей юрисдикции.

Новой вехой стал и процесс исследования доказательств. Если раньше при предоставлении доказательств суд кассационной инстанции отменял решение и отправлял дело на новое рассмотрение, то теперь ГПК РФ содержал ряд ограничений. В соответствии со ст. 347 ГПК РФ (ред от 14.11.2002 г.) при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет законность и обоснованность решения суда первой инстанции в пределах кассационной жалобы. При этом суд кассационной инстанции мог исследовать новые доказательства, устанавливать новые факты. Вновь представленные доказательства суд исследовал, если признает, что они не могли быть представлены в суд кассационной инстанции.

ГПК РФ 2002 г., отразив в себе нормы ГПК РСФСР 1964 г. с изменениями, внесенными за период с 1995 по 2002 г., касающиеся процесса исследования доказательств, установил порядок их исследования. Согласно ст. 358 ГПК РФ суд кассационной инстанции:

– в случае необходимости оглашал все имеющиеся в деле доказательства;

– исследовал новые доказательства, если признавал, что они не могли быть представлены в суд первой инстанции [5].

Однако стоит отметить, что несмотря на положительные течения в гражданско-процессуальном законодательстве, реформа рассмотрения дела в суде кассационной инстанции не достигла задач, которые перед ней стояли. Основная причина неудач, по нашему мнению, это слияние кассации и апелляции в единое апелляционное производство. Суды кассационной инстанции, долгое время являющиеся вышестоящим звеном, просто стали неким передаточным уровнем между рассмотрением дела в суде первой инстанции и судами, рассматривающими дело в порядке надзора. Не осознавая свою новую роль в новых обстоятельствах, они по-прежнему не принимали самостоятельных решений, оставляя это право за судами первой инстанции. Таким образом, снова возникла проблема затягивания процесса. В таком положении кассационная инстанция просуществовала до 2012 г., пока в ГПК РФ не были внесены соответствующие изменения.

С 1 января 2012 г. вступил в силу Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [6]. Согласно данному закону вся деятельность по рассмотрению обращений о проверке

вступивших в законную силу судебных актов судов общей юрисдикции осуществляется в кассационном и надзорном порядке.

Кассация в гражданском процессе осуществляется по правилам ранее действовавшего надзорного производства. Кассационный суд теперь становится полностью судом по вопросам права, поскольку в соответствии со ст. 387 ГПК РФ [7] основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов. Налицо очевидное сужение оснований для пересмотра в кассационном порядке.

Обращает на себя внимание тот факт, что в соответствии со ст. 383, 384 ГПК РФ судья наделяется исключительным правом решения вопроса о передаче кассационной жалобы, представления с делом для рассмотрения в судебном заседании кассационной инстанции либо об отказе в такой передаче [8].

Стоит согласиться с мнением И.Н. Полякова, что «это также показатель отсутствия в теории цивилистического процесса концепции о том, какой должна быть кассация в российских судах общей юрисдикции: классической или ревизионной» [9. С. 37]. Классическая кассация направлена только на проверку того, не нарушил ли суд нижестоящей инстанции своим постановлением публичные интересы граждан и организаций, если нарушил, то решение отменяется и дело возвращается на новое рассмотрение в суд. При ревизионном пересмотре дела судебный акт проверяется с позиции нарушения как публичных, так и частных интересов, а также с точки зрения соответствия единобразию судебной практики и, если такие нарушения выявлены, суд кассационной инстанции может отменить, изменить судебный акт, принять новое решение, направить дело на новое рассмотрение, в суд нижестоящей инстанции.

Таким образом, идея рассмотрения дела в суде кассационной инстанции в настоящее время соответствует основной цели кассации – проверка вышестоящим судом решения, вступившего в законную силу, на наличие существенных нарушений норм процессуального и материального права принятых нижестоящим судом. Однако действующая концепция кассационного производства далека от совершенства. Идя по пути запретов, российский законодатель превратил ее в «непреодолимую стену» для обеспечения прав и свобод граждан, поскольку все действия принадлежат исключительно судье. На наш взгляд, чтобы решить данную проблему, необходимо вернуть в ГПК нормы об относимости, допустимости, порядке исследования доказательств, как это было закреплено с 1995 по 2012 г. в российском процессуальном законодательстве. В рамках принципа диспозитивности необходимо наделить правом лиц, участвующих в деле, на подачу возражений на кассационную жалобу, а также создать институт предварительного судебного заседания. В рамках предлагаемых реформ представляется возможным улучшение качества правосудия в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давтян А.Г. Гражданское процессуальное право Германии. М., 2000. С. 25.
2. Ковтков Д.И. Кассационное производство в России: от прошлого к настоящему // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 37.
3. Юдельсон К.С. Гражданский процесс: учебник / под ред. К.С. Юдельсона. М., 1972. С. 112.
4. Аргунов В.Н., Борисова Е.А., Иванова С.А. [и др.] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР (постатейный) / под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спартак, Городец, 1997. 588 с.
5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. с изм. и доп. (ред. от 31.12.2002 г.) // Свод законов РСФСР. Т. 8, ст. 175. Утратил силу с 1 июля 2003 года в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 № 137-ФЗ.
6. Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ с изм. и доп. (ред. 28.11.2015 г.) // Российская газета. 2002. № 220.
8. Борисова Е.А., Головко Л.В., Ковтун Н.Н. [и др.] Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмыслиения / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрист, 2011. 188 с.
9. Поляков И.Н. О проверке и пересмотре судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 37.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 февраля 2016 г.

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE CONCEPT OF BASES OF APPEAL PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEEDINGS

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 165–168. DOI: 10.17223/15617793/404/26

Bondarenko Taras A. Stolypin Volga Region Institute of Administration (Saratov, Russian Federation). E-mail: bondarenko.taras@yandex.ru

Keywords: concept; proceedings in court of cassation; procedure for examination of evidence; principle of optionality; objections on appeal.

Relevance of the chosen topic is explained by the fact that at present a large number of changes to the civil procedure law are introduced related to the consolidation of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court. Changes are made not only on the current judicial system, but also in relation to the proceedings. Based on Concepts about the establishment of a Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation, there is an urgent need to preserve the existing normative regulation of the cassation instance in civil procedure and its correspondence to the original concept of establishing cassation. On the basis of the historical analysis of the basic ideas and origins of the cassation instance in civil proceedings in our country and in the world, the conclusions are the following: 1. The main drawback of the norms enshrined in the RSFSR Civil Procedure Code of 1964 governing appeal proceedings was the provision of additional evidence by the parties at this stage of the process. This additional evidence was considered in the establishment of certain circumstances in the case and in the making of appropriate decisions, when, in the vast majority of cases, the court sent the case back for revision to a court of the first instance. This greatly delayed the process. Despite this fact, the court of cassation was the guarantor of a valid exercise of the right of citizens to a fair trial, because the main objective was to establish the truth in the court. 2. Despite the positive trends in the civil procedure legislation of the Russian Federation for the period from 1995 to 2012 concerning the extension of the principle of optionality, order and evidence examination process in the context of appeal proceedings, the reform of a case hearing in a court of the cassation instance did not reach its objectives. The main cause of failures is, in the author's view, is the merger of cassation and appeal into a single appeal procedure. Courts of cassation, higher instances for a long time, simply became a transmission level between the proceedings in a court of the first instance and a court considering the case in supervisory proceedings. 3. On 1 January 2012, the Federal law of December 9, 2010 No. 353-FZ “On amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation” came into force. As a result, cassation in civil proceedings is made according to the rules of the previously valid supervisory proceedings. Introducing bans, Russian legislators turned cassation into “an impenetrable wall” to ensure the rights and freedoms of citizens, since all actions belong exclusively to the judge. In the author's opinion, to solve this problem, rules of relevance, admissibility, evidence examination procedure as fixed from 1995 to 2012 in the Russian procedural legislation must be returned to the Civil Procedure Code.

REFERENCES

1. Davtyan, A.G. (2000) *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo Germanii* [Civil Procedural Law of Germany]. Moscow: Gorodets-izdat.
2. Kovtkov, D.I. (2012) *Kassatsionnoe proizvodstvo v Rossii: ot proshloga k nastoyashchemu* [Appeal proceedings in Russia: from past to present]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*. 8.
3. Yudel'son, K.S. (1972) *Grazhdanskii protsess* [Civil process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Argunov, V.N. et al. (1997) *Kommentarii k Grazhdanskemu protsessual'nomu kodeksu RSFSR (postateyny)* [Commentary on the Code of Civil Procedure (itemized)]. 2nd ed. Moscow: Spark, Gorodets.
5. Russian Federation. (2002) *Grazhdanskii protsessual'nyy kodeks RSFSR* utv. VS RSFSR 11 iyunya 1964 g. s izm. i dop. (red. of 31.12.2002 g.) [Code of Civil Procedure of the RSFSR approved by the Supreme Council of the RSFSR on June 11, 1964 as amended and supplemented (of 31.12.2002)]. *Svod zakonov RSFSR*. Vol. 8. Art. 175.
6. Russian Federation. (2010) *Federal'nyy zakon ot 9 dekabrya 2010 g. № 353-FZ “O vnesenii izmeneniy v Grazhdanskii protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Law of December 9, 2010 No. 353-FZ “On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation”]. *Svod zakonov RSFSR*. Vol. 50. Art. 6611.
7. Rossiyskaya gazeta. (2002) *Grazhdanskii protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* ot 14 noyabrya 2002 № 138-FZ s izm. i dop. (red. 28.11.2015 g.) [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ as amended and supplemented (of 28.11.2015)]. *Rossiyskaya gazeta*. 220.
8. Borisova, E.A. et al. (2011) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF i UPK RF. Pervyy opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, surveillance: novellas of the RF Civil Procedure Code and the RF Criminal Procedure Code. The first experience of critical thinking]. Moscow: Yurist.
9. Polyakov, I.N. (2014) *O proverke i peresmotre sudebnykh aktov v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh* [On checking and revision of judicial decisions in civil and arbitration processes]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*. 6.

Received: 01 February 2016

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК КАК ИНСТИТУТ, НЕ ИМЕЮЩИЙ АНАЛОГОВ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Автором рассматривается позиция, согласно которой особый порядок производства по уголовному делу, предусмотренный Главой 40 УПК РФ, считается обусловленным историческим развитием российского уголовного процесса. Подвергая критике данное положение, обосновывается точка зрения о преемственности особого порядка и сделки с правосудием по американскому типу, основанная на единстве их сущностных признаков, таких как ключевая роль формального признания вины и отсутствие судебного следствия.

Ключевые слова: приговор; особый порядок; признание; сделка с правосудием.

Как в публикациях прошлых лет, так и в современных работах, некоторые исследователи, рассматривая институт особого порядка производства по уголовному делу при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (Глава 40 УПК РФ), утверждают, что его корни прослеживаются в истории отечественного уголовного процесса. На наш взгляд, это утверждение является более чем спорным и больше напоминает попытку выдать желаемое за действительное. Однако явных протестов против подобного рода утверждений нами в научной литературе не встречено, в связи с чем следует более подробно рассмотреть этот вопрос.

Так, отдельными учеными попытки «нащупать» корни особого порядка начинаются еще со времен Русской Правды. В частности, И.Ю. Мурашкин, оспаривая новизну института особого порядка, указывает, что упрощенные формы рассмотрения уголовных дел были известны как в дореволюционной России, так и в более поздний советский период [1. С. 32]. В том числе ссылается на то, что по Русской Правде признание лицом своей вины в краже освобождало истца от дальнейшего расследования, и виновный, будучи предъявлен судье, прямо подвергался наказанию [Там же. С. 32]. В качестве другого примера автором дается общая ссылка на Краткое изображение процессов [Там же. С. 32]. На этот же исторический документ указывает Д.В. Глухов, отмечая, что во времена Петра I собственное признание подсудимого являлось безусловным доказательством, таким образом, прямо предусматривалось, что в случае согласия **ответчика** (выделено нами. – И.П.) с предъявленным обвинением дело в суде рассматривалось в сокращенном порядке [2. С. 12].

Наиболее же часто аналогию с современным особым порядком усматривают в ст. 681 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., согласно которой, если признание подсудимого не возбуждало никакого сомнения, то суд, не проводя дальнейшего исследования, мог перейти к заключительным прениям [3. С. 242]. Так, Д.В. Глухов, анализируя указанную норму, говорит «о существовании практически полной аналогии с институтом, регулируемым гл. 40 УПК РФ» [2. С. 12]. Данные положения УУС рассматриваются в контексте особого порядка В.В. Пятиным [4. С. 27], Е. Ганичевой [5. С. 47]; Э.С. Гуртовенко, критикуя попытки сравнения института Главы 40 УПК РФ с Русской Правдой и другими архаичными источ-

никами уголовно-процессуального права, все же усматривает его исторические корни в УУС и также, в первую очередь, в ст. 681 [6. С. 32].

Более того, часть вышеуказанных авторов сравнивает особый порядок со ст. 282 УПК РСФСР 1923 г. [5. С. 47], согласно которой, если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон [7. С. 3].

Анализируя вышеуказанные позиции, заключим следующее.

Действительно, и Русская Правда, и Судебник 1497 г., и Судебник 1550 г., и Соборное Уложение 1649 г., и Краткое изображение процессов, и Свод законов Российской Империи (т. 15 «Законы уголовные), т.е. основные памятники права, регулирующие, в том числе, уголовно-процессуальные отношения, предусматривали собственное признание как основание к разрешению уголовного дела. Наиболее четко это положение закрепилось в отечественном уголовном процессе начиная с Судебника 1550 г. В «Законах уголовных» оно, хотя и сохраняется, но уже выражено в меньшей степени (подробнее см.: [8. С. 50–55]).

Однако, пытаясь провести аналогию между процедурами, предусмотренными вышеуказанными актами, и современным особым порядком, ученыe порой забывают, что на самом деле никаких особых процедур вынесения **приговора** (выделено нами. – И.П.), основанных на признании вины, в истории отечественного уголовного процесса не выделялось. В силу господства теории формальных доказательств признание рассматривалось как абсолютное (совершенное) доказательство, безусловно подтверждающее виновность лица в преступлении, но всё же как доказательство. То есть с точки зрения господствовавшей в тот момент правовой доктрины считалось, что судьи и при разрешении дела только на основании признания осуществляют процесс доказывания.

Сохранение за собственным признанием обвиняемого доказательственной силы присутствует и в УУС 1864 г., и в УПК РСФСР 1923 г., хотя процесс вынесения приговора только на основании такого признания и обставляется особыми условиями, будь то отсутствие возражений сторон, суда, «несомненность» признания и т.д. При этом такое признание не влечет

изменения процедуры судебного разбирательства, а лишь исключало необходимость исследования иных доказательств, опять же в силу совершенного доказательственного значения признания, которое не рассматривалось как формальное согласие с обвинением, а имело содержательное значение. В частности, ст. 680 УУС предусматривала, что подсудимому, признающему вину, в обязательном порядке предлагаются вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления. Этот же порядок следует из ст. 282 УПК РСФСР 1923 г.

В свою очередь УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ построены на совершенно ином отношении к признанию. Статьи 77 в обоих кодексах указывают на то, что показания обвиняемого являются, бесспорно, доказательством, однако признание, как разновидность показаний обвиняемого, может считаться доказательством только тогда, когда оно подтверждается совокупностью иных доказательств. Само по себе признание какого-либо доказательственного значения не имеет и основанием разрешения дела выступить не может.

Это в полной мере относится к согласию обвиняемого с предъявлением обвинением, предусмотренному ст. 314 УПК РФ. Оно имеет не доказательственное, а исключительно процедурное значение, необходимое для перехода к особому порядку судебного разбирательства. Во-первых, это следует из формулировки ст. 314, в которой отражено, что обвиняемый вправе «заявить о согласии с предъявлением ему обвинением», что будет означать переход в особый порядок производства по уголовному делу, обставленный собственными правилами и процедурами. Во-вторых, фактически от обвиняемого не требуется ничего, кроме подтверждения согласия с обвинением, так как его допрос об обстоятельствах дела судом не проводится, в ч. 4 ст. 316 УПК РФ указано только на то, что судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением и поддерживает ли свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, заявлено ли это ходатайство добровольно и после консультации с защитником, осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства.

Таким образом, основой проведения процедуры особого порядка является формальное согласие обвиняемого с предъявлением обвинением, которое не имеет доказательственного значения. Ничего такого отечественно-му законодательству ранее известно не было.

Правы те авторы, которые усматривают корни этого института не в отечественной истории, а в истории иностранных государств, в частности в институте сделки с правосудием (plea bargaining) в США (помимо см.: [9. С. 32; 10. С. 23]), суть которой верно выражена А.А. Петуховским: «Признание обвиняемым своей вины означает признание иска (уголовного. – И.П.), делает излишним дальнейшее исследование доказательств по делу и является достаточным для постановления обвинительного приговора» [11. С. 2001]. Конечно, можно искать отдельные сходства и различия особого порядка и сделок с правосудием в частностях,

однако, как справедливо отметил Ю.К. Орлов, «такими методами дискуссию можно вести до бесконечности, и обе спорящие стороны всегда будут правы» [12. С. 48]. Сравниваться должны именно сущностные признаки явлений, при этом суть и особого порядка и сделок с правосудием заключается в том, что формального согласия с обвинением достаточно для вынесения обвинительного приговора и исследование доказательств судом при этом не требуется.

Поэтому неправ И. Жеребятьев, говоря, что сущность сделок в США заключается в отказе прокурора от одного или нескольких преступных эпизодов (или в предъявлении более «мягкого» обвинения) при одновременном признании обвиняемым вины в совершении других преступлений, в то время как в отечественном судопроизводстве обвиняемый должен признать предъявленное обвинение в полном объеме [13. С. 83].

Согласно пп. (С) п. 1 ч. (с) ст. 11 Федеральных правил уголовного судопроизводства (ФПУС) предметом сделки могут быть и исключительно вопросы наказания [14. С. 17], что соответствует отечественному институту особого порядка. В целом же вопрос вида послаблений, связанных с признанием вины, совершенно не принципиален и может варьироваться, главное, что такие послабления для обвиняемого есть и обязательным условием их применения является согласие с обвинением. Таким образом, не может быть принят и аргумент о том, что «льготы» особого порядка, в отличие от сделки, строго зафиксированы в законе [15. С. 751–752].

Также несостоит аргумент Н. Бирюкова о том, что в отличие от сделки, когда судья фактически утверждает состоявшиеся между сторонами договоренности, при рассмотрении дела в особом порядке судья несет полную ответственность за принимаемое им решение и вправе в любой момент передать дело на рассмотрение в общем порядке [16. С. 18].

Как справедливо отмечает А.В. Пинок, из американского правового порядка совершенно «не вытекает, что законодатели североамериканских штатов считают, что наказывать в уголовном порядке можно кого угодно, за что угодно и что важно лишь соблюсти при этом процедуру» [17. С. 24]. Во-первых, руководствуясь пп. (А) п. 3 ч. (с) ст. 11 ФПУС, суд США может и не утвердить заключенную сторонами сделку либо же приостановить ее заключение до получения характеристики на обвиняемого (presentence report. – И.П.) [14. С. 17]. Во-вторых, исходя из п. 3 ч. (б) ст. 11 ФПУС, перед вынесением решения на основании заключенной сделки, судья также должен удостовериться в наличии оснований для заключения сделки (factual basis. – И.П.) [Там же. С. 16]. Указанная норма, в части наличия factual basis, представляет собой аналог ч. 7 ст. 316 УПК РФ, в соответствии с которой судья может постановить приговор только при условии, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Хотя, безусловно, данный институт в США обладает определенными особенностями. Так, в

ходе судебного заседания, при заключении сделки о признании, наличие *factual basis* устанавливается путем перечисления прокурором положенных в основание обвинения фактов, достоверность которых судья уточняет у подсудимого, при этом здесь не действует стандарт «вне всяких разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt. – И.П.*) [18. С. 7–8]. На практике со стороны судов и обвинения порой наблюдается еще более формальный подход к этому вопросу. Например, по делу *People vs Palmer* Верховный суд Калифорнии констатировал следующее. Несмотря на то что в ходе судебного заседания не было оглашено ни одного документа, подтверждающего виновность подсудимого, требование проверки наличия *factual basis* судом соблюдено, так как адвокат в суде заявил, что *factual basis* имеется. При этом сам институт *factual basis* не предполагает обязательного перечисления фактов, касающихся преступления [19. С. 9].

На первый взгляд может показаться, что подобное отношение суды к подтверждению виновности подсудимого и составляет то принципиальное отличие отечественного института особого порядка от американской сделки с правосудием. Однако не стоит забывать, что в особом порядке судебное следствие также не проводится (за исключением вопросов наказания). Хотя судья и должен убедиться, что обвинение подтверждается совокупностью доказательств, однако проверить соблюдение этого требования не представляется возможным. Приговор, согласно ч. 8 ст. 316 УПК РФ, не мотивируется, не может быть обжалован по причине его необоснованности и (или) немотиви-

рованности (ст. 317 УПК РФ). Спорадические отмены приговоров, вынесенных в особом порядке, в случаях явного отсутствия доказательств виновности, не могут изменить общей картины того, что реальная подтвержденность обвинения доказательствами остается *terra incognita*. Таким образом, и в этом отношении сделка с правосудием и особый порядок едины, так как фактически основанием разрешения дела является лишь признание обвиняемого.

Непринципиален и аргумент о том, что при *plea bargaining* не учитывается согласие потерпевшего и он лишен возможности каким-либо образом влиять на судьбу уголовного дела, в то время как по УПК РФ применение особого порядка запрещено в отсутствие такого согласия [13. С. 84].

Более того, согласно, например, ст. 26.13 Кодекса уголовного судопроизводства штата Техас, суд перед одобрением сделки должен удостовериться в том, что потерпевший осведомлен о ее заключении и основаниях [20. С. 403]. Согласно правилу 17.4 Правил уголовного судопроизводства Аризоны, потерпевший вправе высказывать свое мнение относительно условий сделки [21]. То есть так или иначе потерпевший вовлекается в переговоры.

Исходя из вышеуказанного, следует заключить, что тезис об историчности особого порядка для российского правосудия ошибочен. Аналогов этого института в отечественном законодательстве никогда не существовало. Напротив, особый порядок по современному УПК РФ, – это прямой аналог института сделки с правосудием, в частности сделки по американскому типу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявлением обвинением : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 220 с.
2. Глухов Д.В. Исторические предпосылки возникновения института особого порядка судебного разбирательства в России // История государства и права. 2009. № 11. С. 11–14.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждение на коих они основаны. 2-е изд., доп. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 504 с. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/277.html> (дата обращения: 26.01.2016).
4. Пятин В.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявлением ему обвинением // Военно-юридический журнал. 2007. № 8. С. 27–30.
5. Ганичева Е. Особый порядок судебного разбирательства // Законность. 2006. № 9. С. 47–50.
6. Гуртовенко Э.С. Исторические корни особого порядка судебного разбирательства (Глава 40 УПК РФ) в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2010. № 8. С. 30–34.
7. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 г. Об утверждении уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.). URL: http://www.lawrussia.ru/bigtexts/law_3915/page3.htm (дата обращение: 26.01.2016).
8. Писаревский И.И. Борьба рациональных и иррациональных начал в истории доказывания по уголовным делам и ее корреляция с изменениями в науке // Уголовная юстиция. 2015. № 1. С. 50–55.
9. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового УПК РФ. М., 2002. 160 с.
10. Трофимов И.Э. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства // Уголовное судопроизводство. 2006. № 3. С. 23–26.
11. Петуховский А.А. Предусмотреть непосредственное исследование судом доказательств при осуществлении особого порядка судебного разбирательства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 1998–2003.
12. Орлов Ю.К. Особый порядок судебного разбирательства: упрощенная форма или сделка о признании вины? // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 48–49.
13. Жеребятев И. Вопросы теории, законодательного регулирования и практики применения особого порядка судебного разбирательства // Уголовное право. 2006. № 2. С. 83–86.
14. Federal rules of criminal procedure. December 1, 2015. Washington : U.S. Government publishing office, 2015. 87 p. URL: <http://www.uscourts.gov/file/18073/download> (дата обращения: 26.01.2016).
15. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 1072 с.
16. Бирюков Н. Проблемы практики применения особого порядка принятия судебного решения // Российский судья. 2005. № 4. С. 18–22.
17. Пиюк А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 208 с.
18. Peter J. Messitte. Plea Bargains in Various Criminal Justice Systems // Montevideo, Uruguay. 2010. Р. 1–22. URL: http://www.law.ufl.edu/_pdf/academics/centers/cgr/11th_conference/Peter_Messitte_Plea_Bargaining.pdf (дата обращения: 26.01.2016).

19. The PEOPLE, Plaintiff and Respondent, v. David Edward PALMER, Defendant and Appellant. No. S204409. Dec. 5. 2013. P. 1–17. URL: <http://scocal.stanford.edu/sites/scocal.stanford.edu/files/opinion-pdf/S204409-1386276035.pdf> (дата обращения: 26.01.2016).
20. Code of criminal procedure. P. 1–1338. URL: <http://www.statutes.legis.state.tx.us/Docs/SDocs/CODEOFCRIMINALPROCEDURE.pdf> (дата обращения: 26.01.2016).
21. Arizona Rules of Criminal Procedure. URL: http://www.arizonacrimelaws.com/17_4.htm (дата обращения: 26.01.2016).

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 февраля 2016 г.

SPECIAL PROCEDURE AS AN INSTITUTION WITH NO BACKGROUND IN THE HISTORY OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 169–173. DOI: 10.17223/15617793/404/27

Pisarevskiy Ilya I. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: iliay@mail.ru

Keywords: sentence; special procedure; confession of guilt; plea bargaining.

The article is devoted to an up-to-date problem of special procedure regulated by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The relevance of this problem is caused by the fact that nowadays up to 70 % of criminal cases are settled by means of special procedure, according to court statistics. Moreover, legislators continue to develop new institutions of criminal procedure which lead to the special procedure of hearing regulated by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (simplified inquiry, pre-trial agreement on cooperation). The main aim of this research is to investigate whether the institution of special procedure is adequate to Russian criminal procedure and its historical roots. The author analyses a well-spread opinion that special procedure has deep roots in many historical law documents such as Russkaya pravda, the Statute of Criminal Procedure of 1864, etc. As a result, it is stated that there are no sufficient foundations for such a point of view as, according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, special procedure, regulated by Chapter 40, is based on the formal confession of guilt made by the accused. Nowadays this plea is not regarded as evidence. On the other hand, Russian criminal procedure legislation up to the RSFSR Criminal Procedure Code of 1960 considered confession of guilt made by the accused as perfect evidence. Such an approach was mainly based on the theory of formal evidence. Then the author comes to a conclusion that special procedure is similar to plea bargaining well-spread in the US. This conclusion is based on the same nature of these two institutions where each considers confession of guilt made by the accused as a sufficient foundation for conviction; there is no need for investigation in court; and there are some benefits for the accused who confessed guilt. Thus, the author concludes that special procedure is a new institution in Russian criminal procedure which has no historical background, and that special procedure is similar to plea bargaining. This conclusion can be used in order to reform Russian criminal procedure legislation.

REFERENCES

1. Murashkin, I.Yu. (2014) *Realizatsiya printsipa prezumptsiy nevinovnosti v osobom poryadke prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyenogo s pred'yavlennym obvineniem* [The implementation of the principle of the presumption of innocence in a special procedure for the adoption of the judgment when the defendant agrees with the accusation]. Law Cand. Diss. Omsk.
2. Glukhov, D.V. (2009) *Istoricheskie predposyalki vozniknoveniya instituta osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva v Rossii* [Historical preconditions of the institute of a special procedure of the trial in the history of Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 11. pp. 11–14.
3. Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. (1867) *Sudebnye ustawy 20 noyabrya 1864 g., s izlozheniem rassuzhdenie na koikh oni osnovany* [Judicial statutes of November 20, 1864, with the reasoning they are based on]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. [Online]. Available from: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/277.html>. (Accessed: 26 January 2016).
4. Pyatin, V.V. (2007) Osobyy poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlennym emu obvineniem [The special procedure of the court decision when the defendant agrees with the accusation]. *Voenno-yuridicheskiy zhurnal*. 8. pp. 27–30.
5. Ganicheva, E. (2006) Osobyy poryadok sudebnogo razbiratel'stva [Special procedure of the trial]. *Zakonnost'*. 9. pp. 47–50.
6. Gurtovenko, E.S. (2010) *Istoricheskie korni osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva (Glava 40 UPK RF) v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [The historical roots of the special procedure of the trial (Chapter 40 of the RF Criminal Procedure Code) in the Russian criminal trial]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 8. pp. 30–34.
7. Central Executive Committee. (1923) *Postanovlenie VTsIK ot 15.02.1923 g. Ob utverzhdenii ugolovno-protsessual'nogo kodeksa R.S.F.S.R. (vmeste s Ugolovno-protsessual'nym kodeksom R.S.F.S.R.)* [Resolution of the Central Executive Committee of 15.02.1923 On Approval of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR (Together with the Criminal Procedure Code of the RSFSR)]. [Online]. Available from: http://www.lawrussia.ru/bigtexts/law_3915/page3.htm. (Accessed: 26 January 2016).
8. Pisarevskiy, I.I. (2015) The struggle of rational and irrational principles in the history of proof in criminal cases and its correlation with changes in science. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (5). pp. 50–55. (In Russian).
9. Trubnikova, T.V. (2002) [Simplified proceedings in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Proceedings of the international scientific-practical conference dedicated to the adoption of a new Code of Criminal Procedure*. Moscow. (In Russian).
10. Trofimov, I.E. (2006) Problemy primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva [Problems of application of the special procedure of the trial]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 3. pp. 23–26.
11. Petukhovskiy, A.A. (2014) *Predusmotret' neposredstvennoe issledovanie sudom dokazatel'stv pri osushchestvlenii osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva* [Providing a direct study of evidence by a court in the exercise of the special procedure of the trial]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 9. pp. 1998–2003.
12. Orlov, Yu.K. (2009) Osobyy poryadok sudebnogo razbiratel'stva: uproschennaya forma ili sdelka o priznaniy viny? [Special procedure of the trial: a simplified form or plea bargain?]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 48–49.
13. Zherebyat'ev, I. (2006) *Voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva* [Issues of theory, legislation and practice of the special procedure of the trial]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2. pp. 83–86.
14. U.S. Government Publishing Office. (2015) *Federal rules of criminal procedure. December 1, 2015*. Washington: U.S. Government Publishing Office. [Online]. Available from: <http://www.uscourts.gov/file/18073/download>. (Accessed: 26 January 2016).
15. Lupinskaya, P.A. (ed.) (2009) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [The Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Norma.
16. Biryukov, N. (2005) Problemy praktiki primeneniya osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya [Problems of special procedure application in judicial decision-making]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 4. pp. 18–22.

17. Piyuk, A.V. (2011) *Problemy primeneniya uproshchennykh form razresheniya ugolovnykh del v sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii v svete tipologii sovremennoego ugolovnogo protessa* [Problems of application of simplified forms of resolution of criminal cases in the Russian Federation proceedings in the light of the typology of the modern criminal procedure]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Messitte, P.J. (2010) *Plea Bargains in Various Criminal Justice Systems*. [Online]. Available from: http://www.law.ufl.edu/_pdf/academics/centers/cgr/11th_conference/Peter_Messitte_Plea_Bargaining.pdf. (Accessed: 26 January 2016).
19. The Supreme Court of California. (2013) *The PEOPLE, Plaintiff and Respondent, v. David Edward PALMER, Defendant and Appellant. No. S204409. Dec. 5. 2013.* pp. 1–17. [Online]. Available from: <http://scocal.stanford.edu/sites/scocal.stanford.edu/files/opinion-pdf/S204409-1386276035.pdf>. (Accessed: 26 January 2016).
20. Code of Criminal Procedure. [Online]. Available from: <http://www.statutes.legis.state.tx.us/Docs/SDocs/CODEOFCRIMINALPROCEDURE.pdf>. (Accessed: 26 January 2016).
21. Arizona Rules of Criminal Procedure. [Online]. Available from: http://www.arizonacrimelaws.com/17_4.htm. (Accessed: 26 January 2016).

Received: 01 February 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Татьяна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru

БАБИНА Маргарита Сергеевна – ст. преподаватель кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: Maggi13@yandex.ru

БАРАНЦЕВА Наталья Анатольевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: barantzeva@inbox.ru

БОЙКО Владимир Петрович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vrobojko@yandex.ru

БОНДАРЕНКО Тарас Алексеевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (г. Саратов). E-mail: bondarenko.taras@yandex.ru

ГЛЕБОВ Александр Михайлович – аспирант кафедры истории России Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: gimsra@mail.ru

ГУЗЕЛЬБАЕВА Ирина Александровна – аспирант кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: cherri-91@mail.ru

ДВОРЦОВА Ольга Викторовна – организатор экскурсий Музея истории Томска (г. Томск). E-mail: dvortsovaolia@gmail.com

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ЕЛКИН Максим Евгеньевич – аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: scat-rat@yandex.ru

ЕРМЕКБАЙ Жарас Акишевич – д-р ист. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Астана, Казахстан). E-mail: ermekjaras@mail.ru

ИВАНОВ Василий Николаевич – д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск). E-mail: institute-olonkho@mail.ru

КАН Валерия Сергеевна – канд. ист. наук, зав. сектором прикладной социологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл). E-mail kan-tuva@mail.ru

КЕРН Кристина Евгеньевна – студентка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: k-k-13@mail.ru

КОНСТАНТИНОВ Никита Александрович – канд. ист. наук, зав. Музейным комплексом, ассистент кафедры археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: knikita1988@mail.ru

КРУПЕНКИН Евгений Николаевич – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета, учитель истории. E-mail: kenust-muta@mail.ru

ЛИХАНОВ Максим Владимирович – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкоznания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: maximus.minimus@mail.ru

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – д-р ист. наук, временно исполняющий обязанности директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (г. Москва). E-mail: Lousianin@ifes-ras.ru

ЛУКОВ Евгений Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: lev74@mail2000.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: nikitds33@gmail.com

ПАВЛОВИЧ Кристина Константиновна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: pavlovitch.cristina@yandex.ru

ПИСАРЕВСКИЙ Илья Игоревич – аспирант кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: iliay@mail.ru

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@rambler.ru

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского политехнического университета. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

СБРОДОВ Александр Александрович – ассистент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: tetrus86@rambler.ru

СДЕЛЬНИКОВ Виталий Андреевич – аспирант кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: Dr.Saladinn@yandex.ru

СОЕНОВ Василий Иванович – канд. ист. наук, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: soyonov@mail.gornyy.ru

ТРИФАНОВА Сынару Вениаминовна – канд. ист. наук, руководитель отдела исторических наук Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: trifanovasv@mail.ru

ФЕДОСОВ Егор Андреевич – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ФРОЛЕНКОВ Виталий Сергеевич – канд. экон. наук, главный государственный налоговый инспектор Инспекции ФНС России № 5 (г. Москва). E-mail: hayrumores@yandex.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – д-р ист. наук, зав. кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2016 № 404 Март

Председатель научно-редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561-7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561-7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

<http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)-52-96-67

Подписано к печати 20 марта 2016 г.

Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 250 экз. Заказ № 1718.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректор – Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелоюор

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписанной индекс 46740 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)-52-96-67

Факс 8(382-2)-52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)-52-96-67

Fax: 8(382-2)-52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru